Сказка выбрать

СИНЯЯ БИБЛИОТЕКА

а

“Когда мир объединится в поисках знаний, а не в борьбе благодаря деньгам и власти наше общество может в конечном итоге превратиться в новое уровень.”

Книга

Избранные сказки

Олдос Хаксли

перевод Элиана Сабино Видаль Серрано

обзор перевода Бруно Гамбарото

СИНЯЯ БИБЛИОТЕКА

Оригинальное название: Collected Short Stories

Ответственный редактор: Александр Барбоса де Соуза

Помощник редактора: Джулиана де Араужо Родригес

Цифровой редактор: Эрик Сантос Кардосо

Обзор: Мария Фернанда Альварес

Разбивка На Страницы: Жирный Редакционная Продукция

Обложка: Тьяго Лаказ

Иллюстрация на обложке: Катарина Бессель

Фото автора: Latinstock / ©Condé Nast Archive Corbis

CIP-Бразилия. каталогизация в публикации Национальный Союз издателей книг, rj

H989c

Хаксли, Олдос, 1894-1963 Гг.

Избранные сказки / Олдос Хаксли; перевод Элианы Сабино; обзор перевода

Бруно Гамбарото. - [3. Эд.]- Сан-Паулу: Globo, 2014.

Ил.

Оригинальное название: Collected short stories

isbn 978-250-85-5647-4

1. Английская сказка, И. Сабино, Элиана Валадарес, II.название.

13-06852 cdd: 823

ХДС: 821.111-3

lâ издание, 1984; 2-Издание, 1993; 3-пересмотренное и расширенное издание, 2014

Права на издание на португальском языке для Бразилии приобретено издательством Globo S. A.

AB. Jaguaré, 1485 - 05346-902-Сан-Паулу-SP www.globolivros.com . br

Конспект

Обложка

Титульный лист

Кредит

Предисловие-рассказы о потерянном поколении

Избранные сказки Долго и счастливо

С числами Eupoinpus наделил искусство благородством

Су nthia Книжный магазин Смерть Люлли

Сэр Геркулес Улыбка Джоконды

Банкет Тиллотсона

Зеленые туннели Монахини на обед

Mexic aninho Флубер и Минни

Бремя Портрет

Молодой Архимед

Середина праздника

Монокль Крестная фея

Chawdron Acura для отдыха

Клэкстон

Работы Олдоса Хаксли по голубой библиотеке

Записка

Сказки о потерянном поколении

Молодой Олдос Хаксли видел войну издалека. Считается непригодным для военная служба из-за серьезных проблем со зрением, которые сопровождали его всю свою жизнь он оставался в безопасности в сельской местности Англии, в то время как его коллеги из Итона и Оксфорда столкнулись на континенте с ужасом траншея. Несмотря на это, или по этой же причине, своеобразная диалектика, которая удары Moderna Intelligent заставили Хаксли стать одним из более проницательные наблюдатели разрушительных последствий войны 1914 года-18 (который еще не назывался первым, но оставался великим, для большинства европейцев).

Катастрофа войны поколебала уверенность в прогрессе науки, прокатилась большая часть европейских монархий ослабила идеологические основы и политика сохранения обширных колониальных империй и в то же время что вселило надежду на русскую революцию, разрушило и уверенность целого поколения. Искусство обвинило переворот, и изо всех сил, чтобы изобразить его в новых формах. В районах, где молодой Хаксли проявлял интенсивную активность критика, такая как музыка и изобразительное искусство, а также поэзия и драма, жанры, которым он посвятил свои усилия во время конфликта, влияние войны это подорвало доверие к традиционным формам представительства, которые уже были поставлены под сомнение модернизмом на рубеже веков. Кризисная ситуация освободила место для радикализм Авангарда, термин, не случайно взятый из военного жаргона.

В рамках повествования этот исторический и формальный разрыв закрепился в два основных направления послевоенной европейской литературы. С одной стороны, те которые приближались к авангардным намерениям, выбирая подрывную деятельность еще более радикальный способ, в попытке выразить, приветствуя руины реалистичное повествование, все страдания и абсурд новой ситуации. С другой стороны, те, кто они придерживались консервативной позиции с формальной точки зрения, но современно по тону и материи. Авторы, которые еще писали как мастера-реалисты девятнадцатого века, но проявляли ироническую совесть из-за недостаточности повествовательных средств, которые они использовали для изображения проблемных двадцатый век.

Олдос Хаксли является частью этого второго направления, приближающегося к немецкому Томас Манн. Оба вскоре были признаны критиками великими писателей, но также обвиняли в том, что они отошли от нововведений техники, которые обозначили повествование 1920-х годов. В поисках сброса из реалистических процедур оба разработали новые формы для старого

“повествование идей”, в котором главное - это не действие главных героев, а скорее то, как в длинных диалогах и дискуссиях персонажи размышляют о художественные, политические и социальные проблемы своего времени. Внимательный читатель замечает, через сострадательный и отстраненный взгляд рассказчика, который дилеммы европейской интеллектуальной жизни, разоблаченные на бесконечных обедах и вечеринках, они также являются доказательством того, что их основания уже обречены исторически.

С жесткой строгостью британского юмора, возможно, более доступным, чем немецкая метафизическая ирония, Хаксли изобразил невольную комичность трагедии их персонажей, ошеломленных отчаянной суматохой ревущих двадцатых. В этот период его производство шло в ногу со временем: за десять лет Хаксли он опубликовал пять сборников рассказов и новелл, свои первые четыре романа, а также из нескольких томов очерков, обзоров и рассказов о путешествиях. Три десятилетия и еще один после войны, обменяв старую Англию на Соединенные Штаты и отказался от короткого повествования, чтобы посвятить себя философским экспериментам и романы, он был убежден собрать свои лучшие рассказы в одном томе. О результат выбора породил книгу, которую читатель имеет в руках, опубликованную впервые в 1957 году.

Двадцать одна сказка стоит сама по себе, но мы также признаем в них семя того, что в более поздних романах будет характеризовать типичного рассказчика хакслиано, способный убедить и взволновать искренней эрудицией, в то же время время, когда он ставит под сомнение идею и использование культуры. Его критика аффектации интеллектуал английской элиты с первого момента обретает чувство диагностика времени, и это избавляет от подозрений в еще большей педантичности со стороны автора. В рассказе, открывающем книгу, мы видим последствия расстояние между высоким классическим

образованием, отстаиваемым оксфордскими мастерами, и самая ощутимая реальность войны (а также любви) в жизни ее молодежи ученик. Посещение книжного магазина, который "выжил как роскошь" среди дешевая торговля из бедного района, по-видимому, усиливает обычное презрение по незнанию масс, но вера в интеллектуальное превосходство раскрывается хрупкий, как бесполезная книга, купленная и вскоре выброшенная. В истории Eupompus, похвальный интерес к науке превращается в одержимость неуправляемый, побуждающий рассказчика оправдать самоубийство как единственный выход для "прискорбная абсурдность ситуации". Классическая Оксфордская Вселенная впечатляет, но даже олимпийское сходство некоторых персонажей с греческие боги имеют гнусную сторону, как мы понимаем в "Синтии".

В прозаическом и претенциозном мире царит, помимо снобистской аффектации, скука бессмысленной повседневной жизни, обнаруженная в резкой характеристике некоторых персонажи: "его вкусы были эксцентричными, его привычки-плачевными, а широта их информации, огромная. Поскольку он теперь мертв, больше ничего я расскажу о его характере"" Оценка культуры и интерес к искусству,

искренне культивируемые Хаксли, они появляются в сказках как здоровые безобидные развлечения, как мы читаем в диалоге "зеленых туннелей": "величайшее часть жизни, - продолжил мистер Топес — - это затяжные усилия по предотвращению-если подумать. Мы с твоим отцом собираем картины и читаем о них. мертвый. Другие люди достигают того же результата, выпивая или создавая кролики, или делать любительские столярные работы. Что - нибудь, чтобы не спокойно думать о важных вещах"" В другом рассказе Хаксли описывает легкомыслие "высшего класса" и "довольно культурной " вечеринки лондонской элиты: "Зачем ходить на вечеринки, по какой причине? Всегда одни и те же скучные люди, тот же скучный скандал и те же салонные уловки. Каждый раз""

Персонажи Хаксли находятся в одном шаге от осознания того, что их поведение продиктовано социальной ролью, которую они представляют, но не имеют осознание того, что они представляют эти роли и для себя. Большинство из эрудированных светских разговоров это происходит, когда на самом деле на карту поставлено деньги и социальное положение собеседников.

Портреты, которые Хаксли делает из этого аристократическая элита приближается к полотнам, на которых идет новая объективность рисовать примерно в то же время деформации крупной европейской буржуазии. Один примером этого является острый пир Тиллотсона, на котором скучающие богатыри они устраивают праздничный ужин для последнего живого художника прерафаэлитов, ” декана английское искусство”. Несмотря на усилия молодого искусствоведа, группа аристократы стесняются своего превосходства и легкомыслия, когда художник старейшина говорит о действительно глубоких темах, вместо того, чтобы смотреть в лицо дань как легкомысленное развлечение. В другом рассказе художественный интерес не он очень сильно отличается от внутренней отделки: — - в доме такого стиля и с такой позицией, как моя, нужно иметь несколько кадров. Старые мастера, вы знаете; Рембрандт и эти субъекты”.

Секс-еще одна важная тема. В сказках конфликт между изношенными викторианские ценности и щедрость безумных лет раскрывают еще один ингредиент общее лицемерие. Хотя Фрейда цитируют несколько раз (Хаксли считал его мономаньяк, но восхищался его способностью глубоко читать более банальные метафоры), модель - “скандальная” работа Д. Х. Лоуренса, великий друг автора, который также презирал нездоровый морализм своих земляк. В “улыбке Джоконды” 36-летняя девственница ” заключенная в тюрьму страшная скука ” уступает дешевому соблазнителю, а также его судьбе; в “Долго и счастливо”, молодой человек в военном отпуске отказывается, как слишком плотская любовь, которую предлагает вам молодая девушка. Как всегда, тема это также часть разговоров, в которых всегда хорошо-том принимает секс как “естественная вещь”, в то же время обращая внимание на важность поддержание внешности: “если вы хотите лечь в постель с парнем, идите в постель с ним, - сказал он. - Сама вещь не имеет значения. По крайней мере, нет многое. Это важно только потому, что это делает доверие более секретным, потому что это укрепляет

любовь делает человека более зависимым. Кроме того, это конечно, это естественно. Я полностью поддерживаю природу, если только это касается рисования лица”, - советует опытный персонаж в рассказе ” Юбер и Минни”.

Секс, природа, искусство и культура встретятся в солнечных пейзажах Италия, любимое убежище английской элиты, самого

Хаксли и нескольких его коллеги-писатели (такие как Джеймс Джойс и Д. Х. Лоуренс). В различных повествованиях, экзотическая фигура “путешествующего англичанина” усиливает контраст между нелепым самосознание британцев и предполагаемая средиземноморская спонтанность латинянин. Столкнувшись с вездесущим прошлым великого итальянского искусства, чувство неполноценность компенсируется иллюзией, что вся эта культура будет спасена от руины именно благодаря культовой приверженности англичан, королевских наследников Классическая античность (немцы, начиная с Гете, также культивировали эту идею варвар). Однако проще купить экран, чем сохранить наследие многовековая культура, как мы понимаем в сказке “мексиканец”. В путешествиях, временная утрата строгих норм английской социальной иерархии в то же время время, что привлекает и беспокоит персонажей Хаксли: “одно из удовольствий или опасность поездки за границу заключается в том, что вы теряете классовое сознание. В дом его нельзя забыть даже с величайшей доброй волей в мире”” Этот “забвение” порождает свободу и растерянность, которые автор использует для развития некоторые из его лучших рассказов: “между герцогом и страховым брокером мошенник и сельский дворянин, неопытный глаз и ухо не замечают никаких разница”.

На фоне отдельных историй, как это происходит в значительной части английская литература-это классовый конфликт. Хаксли, который политически был далеко от гуманитарного английский социализм, осознает изнутри элиты то, что существует в отвращение к элитарности. Цена социального различия-это скука и пустота жизни лишенный практического смысла даже в трудные времена: “это не будет ужасно когда больше нет военной работы? - прокомментировал-люди не будут иметь то, что думать или делать, когда приходит мир”” Лондонская знать приветствует он презирает богатых буржуа, которые поддерживают его, как хорошо знает характер “Монокль”, ” ученый, с литературной культурой, он всегда осознавал, что он наследник богатого сапожника”” В далекой Италии Хаксли комментирует симпатия своих соотечественников к фашизму: “Ах, фашисты — - повторила г-жа фассист. Topes в тон одобрения. - Было бы неплохо увидеть что-то подобное в Англии. С все эти удары…”. Истеричные жалобы богатой хозяйки в Париже они бледнеют перед лицом реального несчастья горничной, которая сопровождает ее, в то время как бедняга, который надеется изменить свою жизнь, спасая двух красивых богатых девушек от нападения бульдога унижают жестоким чаевым.

В произведениях, написанных в 1920-х годах, Хаксли излагает дилеммы своей сам класс и поколение, потому что он знает, что те, кто пережил войну, не

высота требований нового времени. Это появляется аллегорически, но с парадоксальный реализм, в двух рассказах этого тома. В ” юном Архимеде”, доброжелательная английская пара, признающая в Италии гениальность бедный ребенок, пытается спасти ее от невежества крестьянской семьи, полагая “что “великие эпохи порождают великих людей”. Следствие так трагический как конец другой сказки, в которой английский дворянин по имени Геракл, он пытается жить с суровой реальностью быть карликом. Интеллектуально и морально превосходя окружающих, заканчивается насмешкой над высоким сыном-идиотом нормальный. Величие Хаксли в этих коротких рассказах заключается в том же осуждении трагическое и ироничное время малости элитарного и вульгарного снобизма его современники, и в твердом убеждении, что культура всегда должна критиковать себя то же самое, если вы не хотите, чтобы вас сводили к простому разговору в салоне.

Хорхе Де Алмейда

Доктор философии и профессор теории литературы и сравнительной литературы в Университет Сан-Паулу. Переводчик и эссеист, автор диалектической критики в Теодоре Адорно (Ate, 2007) и различных исследованиях критической теории,

литература и музыка.

Избранные сказки

Долго и счастливо

I

В лучших обстоятельствах это долгий путь между Чикаго и Блэйбери в Уилтшире, но война установила между двумя городами огромный расстояние. Таким образом, это казалось актом особой преданности со стороны Петра Якобсен приехал со Среднего Запада на четвертый год войны, чтобы навестить своего старика друг Петертон, так как проект подразумевал одиночную борьбу против две великие державы в отношении паспортов и риска, после того как они были полученная, от несчастной гибели на пути, жертва злодеяний.

Ценой большого количества времени и дальнейших осложнений Якобсен наконец прибыл; пропасть между Чикаго и Блейбери была преодолена. В вестибюле Дома Петертон поставил себе приветственную сцену под смутным взглядом шести или семи семейные портреты коричневого цвета, выполненные неизвестными мастерами XVIII века и девятнадцатый.

Старый Альфред Петертон, серое одеяло на плечах-потому что ему нужно было остерегаться даже в июне, при сквозняках и простудах-трясет рука вашего посетителя с бесконечной теплотой.

- Мой мальчик, - повторял он,-мне очень приятно его видеть. Мой мальчик…

Якобсен томно бросил предплечье и терпеливо ждал.

- Я никогда не буду достаточно благодарен, - продолжал Мистер Петертон, - никогда, за то, что у вас была вся эта работа, чтобы прийти навестить дряхлого старика; ибо это все, что я есть сейчас, все, поверь мне.

- Уверяю вас… - сказал Якобсен в смутном протесте. “Le vieux crétin qui pleurniche”, - сказал он себе. Французский был языком удивительно выразительный, конечно.

- Мое пищеварение и сердце сильно ухудшились с тех пор, как я в последний раз я видел, но я думаю, что сказал вам это в своих письмах.

- Я сказал, да, и я был огорчен, узнав об этом.

“Огорченный” - какой любопытный вкус было у этого слова! Как

чай из кто-то, кто привык приносить на память самые вкусные смеси сорок лет назад. Но это был определенно mot juste. У него был некролог очень уместно.

- Да, у меня сейчас очень плохое сердцебиение, — продолжил г-н. Петертон. - Не так ли, Марджори? — он прибегал к своей дочери, стоя рядом с ним.

- У папы очень плохое сердцебиение, - ревностно ответила она.

Как будто они долго и с любовью говорили о каком-то наследстве лелеять.

- И мое пищеварение… Эта физическая болезнь делает так трудно любой умственная деятельность. Тем не менее, я все еще могу создать что-то полезное. Но давайте обсудить это позже. Вы, должно быть, устали и нуждаетесь в ванне после этой поездки. Я отведу вас в вашу комнату. Марджори, ты найдешь кого-нибудь чтобы подняться с багажом?

— Я могу сделать это сам, - сказал Якобсен и поднял небольшую чемодан, который я оставил у двери.

- Это все? - спросил Мистер Петертон.

— Только.

Руководствуясь разумом, Якобсен был против владения вещами. Было очень легко, если стать рабом вещей вместо своего господина. Он любил быть свободным; он обуздал свои собственнические инстинкты и ограничил свои владения строго существенный. В Блейбери он чувствовал себя как дома так же мало, как и в Пекине. Мочь объясните все это, если хотите. Но в данном случае это не стоило работа.

- Это ваша скромная камера, - заявил г-н Петертон, открывая дверь это была на самом деле красивая комната для гостей, с узорчатыми тканями, цветами на серебряных вазах и подсвечниках. - Бедный, но твой.

Благородный деликатес! Дорогой старик! Своевременная цитата .J-U Jacobsen распустил его он тщательно и методично упаковывал то, что приносил, в различные ящики и полки шкафа.

Прошло много лет с тех пор, как Якобсен ушел, в ходе своего великого образовательный тур в Оксфорд. Он жил там несколько лет, потому что ему нравилось это место, и его жители были для него безошибочным источником веселья.

Норвежец, родился в Аргентине, получил образование в США, Франции и в Англии; человек без национальности и без предрассудков, действительно старый что касается опыта, Якобсен открыл для себя что-то очень новое, легкое и веселое в учениках их одноклассники с их комедийными традициями государственной школы и их сказочное невежество мира. Молчаливый ум наблюдал за ними в своих маленьких запои, все время чувствуя, что решетки отделяют их от него, и он должен, каждый особенно забавный трюк, предложите им печенье или горсть арахис. В перерывах между прогулками в этом странном и восхитительном саду Растения он читал мастеров, и именно через Аристотеля он вступил в контакт с Альфред Петертон, прихожанин и профессор своего университета.

Петертон-респектабельное имя в академическом мире. Вы найдете-это на обложке достойных, хотя и не совсем блестящих книг, таких как предшественники Платона, три шотландских метафизика, введение в изучение

этика. Очерки неоидеализма. Некоторые из его работ опубликованы в дешевые издания, такие как учебники.

Одна из этих любопытных и необъяснимых дружеских отношений, которые часто связывают более маловероятные люди возникали между учителем и учеником и оставались нетронутыми более двадцати лет. Петертон чувствовал отцовскую привязанность к мальчику больше молодой человек вместе с гордостью отца, теперь, когда Якобсен наслаждался Всемирная репутация за то, что, как он верил, дал ему духовную колыбель. И теперь Якобсен проехал восемь или десять тысяч километров, пересекая мир в война только для того, чтобы навестить старика. Петертон был глубоко тронут.

- Вы видели на пути какие-нибудь подводные лодки? - спросила Марджори, когда она и Якобсен гулял в саду после завтрака на

следующий день.

- Я ничего не заметил, но я очень невнимателен к этим вещам.

Была пауза. Наконец:

- Я полагаю, что сейчас в Америке много военных усилий — Марджори прокомментировала.

Якобсен полагал, что это так; и его разум был поражен видением марширующие оркестры, ораторы с мегафонами, патриотические рисунки в небе, улицы опасны из-за организованного ограбления тех, кто просил денег на крест Красный. Он был слишком ленив, чтобы описать все это; кроме того, она я бы не понял.

- Хотел бы я приложить какие-то военные усилия — -оправдалось Марджори с некоторым разочарованием. - Но я должен заботиться о папе и заботиться о доме, так что у меня нет времени.

Якобсен думал обнаружить там стандартную речь для незнакомцев. Она очевидно, он хотел выглядеть правильно в глазах других. Комментарий о забота о доме заставила Якобсена подумать о покойной миссис Петертон, ее матери: было была красивой женщиной, стремительно веселой, с горячим желанием сиять. в академическом сообществе в Оксфорде. Вскоре выяснилось, что она была родственницей с епископами и собственническими семьями; церковная охотница на львов и Сноб. Он был рад, что она уже умерла.

- Разве это не будет ужасно, когда больше не будет военных усилий? — комментировать. - Людям будет нечего думать или делать, когда наступит мир.

- Я буду рад. Заботиться о доме будет намного проще.

— Истина. Это всегда утешение.

Марджори смотрела на него с подозрением; ей не нравилось, когда над ней смеялись. Что мягкий маленький человек он был! Невысокий, крепкий, вощеные коричневые усы и тест, что зарождающееся облысение сделало его бесконечно высоким. Это было похоже на тип человек, которому говорят: “Спасибо, я хочу в банкнотах и серебре стоимостью один фунт”. У него были мешки под глазами и мешки под подбородком, и никто никогда не мог угадать по его выражению, о чем он думал. Она была рада быть

выше и иметь возможность смотреть на него сверху.

Мистер Петертон пришел из дома с серым одеялом на плечах и шумные страницы The Times открыть между руками.

- Доброе утро! — воскликнуть.

Столкнувшись с шекспировским энтузиазмом этого исполнения, Марджори он ответил ледяным Moderna своего современного “доброго утра”. Отец он всегда говорил “Доброе утро” вместо “Доброе утро”, и этот факт раздражал ее безошибочная регулярность каждый день вашей жизни.

- Есть очень интересный отчет, - сообщил г-н Петертон, - о молодой пилот о воздушном бою в сегодняшней газете-и пока они шли от одного конца гравийного переулка к другому, он прочитал статью, которая у него была колонна с половиной длины.

Марджори не удосужилась скрыть свою скуку и занялась чтением что-то на другой стороне страницы, изгибая шею, чтобы увидеть. - Очень интересно - сказал Якобсен, когда чтение закончилось.

Мистер Петертон перевернул страницу и теперь читал циркуляр суда.

- Я вижу — - сообщил он, - что есть кто-то по имени Берил Кэмберли-Белчер, который выходит замуж. Вы знаете, есть ли у вас родственники Говарда Кэмберли-Белчер, Марджори?

-Я понятия не имею, кто такой Говард Кэмберли — Белчер, - возразил он Марджори довольно рискованно.

- Я думал, вы знаете. Дай посмотреть. Говард Камберли-Белчер сделал колледж со мной. И у него был брат по имени Джеймс. Или это был Уильям? Е сестра, вышедшая замуж за одного из райдеров или, по крайней мере, за родственника Райдер; я знаю, что у Кэмберли-Белчера и Райдера было что-то общее в где-то. Боже мой, я думаю, что моя память об именах уходит.

Марджори вошла в дом, чтобы обсудить с поваром стратегии и домашние маневры дня. Когда он закончил, он удалился в свою гостиную и он открыл свой собственный письменный стол. Пришлось написать Гаю Нессе утро. Марджори знала Гая

Ламбурна много лет, с давних времен почти незапамятные. Ламбурны были старыми друзьями семьи Петертонов; на самом деле они были, хотя и далекими, родственниками; у них “было что-то общее в где-то”, как сказал бы мистер Петертон — где-то, несколько поколений назад. Марджори была на два года младше Гая; оба были единственными детьми; это было естественно, что обстоятельства во многом сотрудничали, чтобы сблизить их. Так что отец Гая умер, а вскоре и мать, а в семнадцать лет Гая не было жить с Петертонами, так как старик был их наставником. И теперь они были помолвлены; это примерно с первого года войны.

Марджори взяла перо, чернила и бумагу. “Дорогой парень”, начал {“Мы не мы сентиментальны”, - прокомментировала она однажды со смесью презрения и тайная зависть подруге, которая призналась ей, что она и ее жених не

они начинали с чего-то менее дорогого). “Я жажду еще одного письма потеть…“Она читала обычную литанию тоски. “Вчера был день рождения папа; ему исполнилось шестьдесят пять лет. Я не могу думать, что однажды ты и я мы будем такими старыми. Тетя Эллен прислала ей сыр стилтон-подарок полезно в военное время. Как ухаживать за домом скучно! Так много думать о сыры, мой разум быстро превращается в один-Грюйер, где нет сыр, только дырки, заполненные вакуумом…”

На самом деле она не заботилась о домашнем хозяйстве. Я смотрел на это как само собой разумеющееся, и это было сделано только потому, что работа должна была быть выполнена. Парень, по она никогда не считала что-либо естественным; она делала это демонстрации, чтобы удовлетворить вас.

“Я прочитал письма Китса, как вы предложили, и нашел их очень красивыми…”

В конце страницы чистого энтузиазма она остановилась и укусила ручку. О что еще можно сказать? Казалось абсурдным писать письма о книги, которые я читал. Но больше не о чем было писать; ничего случиться. В конце концов, что случилось в вашей жизни? Мать умерла, когда ей было шестнадцать лет; после этого волнение от того, что Гай переехал к ним; потом война, хотя для

нее это не имело большого значения; потом Гай в любви, и их помолвка. На самом деле, это было все. Она хотела бы иметь возможность писать о своих чувствах точно, сложно, как люди в романах; но когда я думал об этом, у меня не было чувств, чтобы быть описывать.

Посмотрел на последнее письмо Гая, присланное из Франции. “Иногда”, он написал: “меня мучает сильное физическое желание к тебе. Я не могу думать ни о чем, кроме своей красоты, своего молодого и сильного тела. Ненавидеть это; я должен бороться, чтобы подавить это. Ты меня простишь? Ее возбуждал тот факт, что он так себя чувствовал: он всегда был таким холодным, таким сдержанным, таким противоположность сентиментальности — поцелуям и объятиям, которые она, возможно, тайно если бы вы оценили это. Но он выглядел так правильно, когда сказал: “Мы должны любить себя как разумных существ, своим умом, а не руками и губами”. Все равно…

Она окунула перо в чернила и начала писать. “Я знаю чувства, о которых вы говорили в своем последнем письме. Иногда я скучаю по тебе. точно так же. На днях мне приснилось, что ты у меня на руках, и я проснулся обнимаю подушку.“Вы прочитали то, что написали. Это было слишком ужасно, вульгарно слишком много! Мне нужно было стереть это. Но нет, я бы оставил, несмотря ни на что, просто посмотреть что бы он подумал. Он быстро закончил письмо, запечатал его, запечатал и позвал горничная отвезла ее на почту. После того, как горничная ушла, она закрыла письменный стол с силой. Бах! Акарта ушла безвозвратно.

Он взял объемную книгу, которая лежала на столе, и начал читать. Это был

первый том снижения и падения. Гай сказал, что ей нужно прочитать Гиббона, который не был бы культурным, пока не прочитал Гиббона. Так что накануне она искала отца в библиотека, чтобы забрать книгу.

- Гиббон — - сказал отец. - Конечно, мое лицо. Как это вкусно взгляните на эти великие книги еще раз. Всегда найдется что-то новое, каждый раз.

Марджори дала ему понять, что никогда его не читала. Я испытывал определенную гордость за его невежество.

Мистер Петертон передал вам первый из одиннадцати томов.

- Большая книга, - пробормотал он. - Важная книга. Заполняет пробел между его классической историей и его средневековыми знаниями.

“Ее” классическая история, повторила Марджори про себя, ” ее ” история классика, конечно! У отца была раздражающая мания думать, что она знает все, что она знает. классическая история была как ее, так и его. День или два, прежде чем он повернулся к она за обедом с ” Ты помнишь, моя дорогая дочь, ушла Помпонацци кто отрицал личное бессмертие души, или если это был тот парень странно, Лаврентий Валиа?Я не могу вспомнить сейчас”” Марджори он потерял хладнокровие перед вопросом-к невинному изумлению своего бедного отца.

Он начал работать с энергией на Гиббоне; его закладка он записал тот факт, что она пролистала сто двадцать три страницы в канун. Марджори начала читать. Он остановился через две страницы. Проверил количество страниц для чтения-и это был только первый том. Он чувствовал себя как оса, готовящаяся к лучшему из овощей. О объем Гиббона не заметно уменьшился с его первым укусом. Быть слишком большой. Она закрыла книгу и вышла на прогулку. Проходя мимо дом белых, видел свою подругу Беатрис Уайт, сидящую в саду с ними обоими пить. Беатрис поприветствовала ее, и она вошла.

- Давай торт, давай торт, - сказал он. К десяти месяцам малыш Джон уже узнал искусство дарить пирожные. Он хлопнул протянутой рукой, предложенной ему, и его маленькое лицо, круглое, мягкое и розовое, как огромный персик, сияло от удовольствия.

- Разве это не красиво? - воскликнула Марджори. - Вы знаете, я уверен, что он он вырос с тех пор, как я видел его в последний раз, во вторник.

— На прошлой неделе он прибавил в весе триста граммов, - объявила Беатрис.

- Как здорово! И волосы рождаются красивыми…

На следующий день было воскресенье. Якобсен появился на завтрак с черный костюм, очень аккуратный. Марджори, казалось,

больше, чем когда-либо счетчик. Я бы умер от желания сказать вам поторопиться, иначе я бы пропустил 8: 53 утра второй раз за неделю, и менеджер собирался рассердиться. Сама Марджори я не был, и у меня была смутная совесть, одетая в свои лучшие воскресная одежда.

- Как зовут викария? - спросил Якобсен, когда он служил бекон.

- Трубшоу. Люк Трубшоу, я думаю.

- Он проповедует, хорошо?

- Он не проповедовал, когда я его слушал. Но я не часто хожу в церковь теперь, так что я не знаю, как он сейчас ходит.

- Почему бы тебе не пойти в церковь?- спросил Якобсен с мягкостью тон, который скрывал грубый фон вопроса.

Марджори почувствовала боль, зная, как покраснеть. Наполненный гневом против Якобсен.

- Потому что, - твердо заявил он — - я не думаю, что это необходимо выразить свои религиозные чувства, делая много… - колебался один момент-куча бессмысленных жестов вместе с толпой люди.

- Раньше ты уходил, - сказал Якобсен.

- Когда я был ребенком, я не думал об этом.

Якобсен замолчал и спрятал улыбку в чашке кофе. На самом деле, сказал он себе, должны быть религиозные обязательства для женщины и для большинства мужчин тоже. Это было гротескно, как эти люди думали, что могут справиться сами-идиоты, хотя был бесконечный авторитет организованной религии, чтобы поддержать ее нелепости слабость.

- Лэмбурн ходит в церковь? - спросил он злонамеренно и с идеальный воздух наивности и добросовестности.

Марджори снова покраснела, и внутри выросла новая волна гнева ее. В тот момент, когда она произнесла фразу, она задалась вопросом, Был ли Якобсен способен понять, что слова “бессмысленные жесты” не звучат собственно, как ваше творение.

“Жесты” - это было одно из слов Гая, например “ “невероятный”, “обостряющий”, “навязывающий”, “зловещий”. Конечно, все ваши текущие взгляды на религию исходили от Гая. Якобсен твердо смотрел и ответить:

- Да, я думаю, он ходит в церковь довольно регулярно. Но в правда не знаю; его религия не имеет ко мне никакого отношения.

Якобсен был поглощен удовольствием и восхищением.

Вовремя в 10: 40 он вышел в церковь. С того места, где она сидела, в беседка, Марджори наблюдала, как он проходит через сад, невероятно абсурдно и неуместно в своей черной одежде между яркими цветами и изумрудным свежим из деревьев. Теперь он был спрятан за забором из кустов, все, кроме твердая черная дыня из котелка прыгает между более высокими ветвями.

Она продолжила письмо Гаю. “… Какой странный человек мистер Якобсен! Я думаю, что он очень умный, но я не могу получить от него много. Сегодня,

за завтраком у нас была дискуссия о религии; я думаю, что я вышел победителем. Теперь он пошел в церковь один; мне было невыносимо идти с ним — надеюсь, вам понравится проповедь старого Мистера Трубшоу!”

Якобсену очень понравилась проповедь Мистера Трубшоу. Всегда делал вопрос, будь то в любой части христианского мира, о посещении службы религиозный. Он восхищался церквями как учреждениями. В вашем солидность и неизменность он видел одну из немногих надежд на человечество. Более того, он с большим удовольствием сравнивал Церковь как учреждение — великолепная, могущественная, вечная-с детской глупостью своих представитель. Как восхитительно было сидеть между собравшимися и слушая искренний поток интеллекта, лишь немного менее ограниченный как у австралийского аборигена! Как успокаивающе было чувствовать себя членом стадо, ведомое добрым пастухом-сам баран! И там было также научный интерес (он ходил в церковь как студент-антрополог, как фрейдистский психолог) и философское удовольствие от подсчета терминов нераспределенные средние значения и исторически табличные софизмы уже разоблачены в речи приходского священника.

Сегодня Мистер Трубшоу произнес проповедь, намекающую на ситуацию в Ирландии. Ваш Евангелие было Евангелием Morning Post, слегка приправленным христианством. Быть наш долг, сказал он, молиться прежде всего за ирландцев, а если бы этого не было влияние на вербовку, так что мы должны заставить их, с таким же рвением с что мы молились раньше.

Якобсен откинулся на скамейку со вздохом удовлетворения. Один коннессер, он понимал, что это здорово.

- Ну — - сказал мистер Петертон о своем воскресном стейке за обедом. - Вам понравился наш уважаемый викарий?

- Он был великолепен, - с серьезным энтузиазмом заявил Якобсен. — Одна из лучших проповедей, которые я когда-либо слышал.

- Правда? Мне придется снова его послушать. Должно быть, прошло почти десять лет с тех пор что я слушал его.

- Он неподражаем.

Марджори очень внимательно посмотрела на Якобсена. Он выглядел совершенно серьезно. Как никогда она была сбита с толку этим мужчиной.

Дни скользили, теплые, голубые дни, которые проходили, как вспышка, почти незаметно, холодные серые дни выглядят бесчисленными и без в конце концов, и о которых говорили с видом праведного негодования, ибо в конце концов было лето. Во Франции происходили бои-страшные бои, судя по заголовки в The Times; но в конце концов, однодневная газета была очень похожа на другого. Марджори читала их очень внимательно, но, честно говоря, не училась многое; по крайней мере, он сразу забыл о вещах. Не мог удержать подсчет битв Ипра, и когда кто-то сказал ей, что она должна пойти посмотреть,

фотографии Vindictive, смутно улыбнулся и сказал Да, не помня именно из этого был Vindictive-корабль, подумал я.

Гай был во Франции, естественно, но теперь он был офицером информация, так что она почти не беспокоилась о нем. Духовное лицо раньше говорили, что война возвращает нас всех в чувство. из фундаментальных реалий жизни. Она чувствовала, что это правда; вынужденное отсутствие Гая было для нее страданием, а

трудности поддерживать дом они постоянно росли и размножались.

Г-н Петертон проявил к войне более квалифицированный интерес, чем что дочь. Он гордился тем, что мог видеть вещь в целом, видеть все это с историческим и божественным взглядом. Говорил об этом во время еды, настаивая на том, что мир должен быть безопасным для демократии. Среди питание он сидел в библиотеке, работая над своей монументальной историей морали. Ее диссертации во время обеда были услышаны Марджори с некоторое внимание и Якобсен с непогрешимой, блестящей, умной вежливостью. Сам Якобсен редко комментировал войну; предполагалось, что их взгляды точно такие же, как у всех, кто стоит послушать. Между приемами пищи он работал в своей комнате или обсуждал мораль итальянского Возрождения с его хозяином. Марджори вполне могла написать Гаю, что ничего не произошло, и что если бы не его отсутствие и время так сильно мешало теннису, что она была бы совершенно счастлива.

Посреди этой безмятежности упал, чудесный луч, исходящий из ниоткуда, новости о что Гай получит лицензию в конце июля. “Дорогая”, - написала Марджори, “я так рад слышать, что ты будешь со мной так мало… так долго, долго время.“На самом деле, она была так взволнована и счастлива, что заметила, по сравнению и не без намека на раскаяние, как мало я думал о нем, когда казалось, не было возможности увидеть его, каким расплывчатым он был в отсутствие. Один через неделю она узнала, что Джордж Уайт получил лицензию в то же время, чтобы увидеть Гая. Он был доволен; Джордж был мальчиком очаровательный, и Гай очень ценил его. Белые были самыми соседями рядом, и с тех пор, как он приехал жить в Блейбери, Гай видел его довольно частота.

- Это будет очень праздничная группа, - прокомментировал Мистер Петертон. - Роджер придет примерно в то же время, что и Гай.

- Я забыла дядю Роджера, - сказала Марджори. - Конечно, его отпуск они начнут, не так ли?

Преподобный Роджер был братом Альфреда Петертона и учителем в одном из наши самые славные государственные школы. Марджори не согласилась с отцом в что его присутствие повысит” праздничность ” группы. Было жаль, что он именно в

это время. Однако у всех нас есть свой маленький крест для зарядки.

Мистер Петертон радовался.

- Давайте спустим лучший фалерно по случаю, разлитый в бутылки в nos в котором Гладстон был консулом, - сказал он. - Нам нужно подготовить короны и мази и нанять флейтиста и несколько танцоров…

Остаток трапезы он провел, цитируя Горация, Катулла, греческую антологию, Петроний и Сидоний Аполинарис. Знание Марджори языков мертвые были решительно ограничены. Его мысли были в другом месте, и только смутно, как будто сквозь туман, она слушала своего отца бормотание просто на себя или в надежде извлечь ответ от кого-то, она не знала:

- Позвольте мне посмотреть: как выглядит эта эпиграмма? Тот, что о разных виды рыб и гирлянда из роз, из Мелеагра, или был бы Посеидипп…?

II

Гай и Якобсен болтались в голландском саду, несоответствующий дуэт. В Гай военное рабство не оставило видимого следа; без формы он выглядел высокий, неопрятный первокурсник; продолжал сутулиться, как всегда; волосы они все еще были растрепаны и, судя по мрачному выражению их лица, все еще он не научился мыслить суверенно. Ее униформа цвета хаки всегда выглядела как маскировка, как самая абсурдная из фантазий. Якобсен бежал рядом с ним, низко, пухлый, очень глянцевый и правильный. Они беседовали на разные темы неважный. Парень, жаждущий некоторых интеллектуальных упражнений после столько месяцев дисциплины я пытался заманить своего спутника в спор философский. Якобсен быстро убежал от своих усилий; это было слишком лениво говорить серьезно; он не мог понять, какую пользу он получит от мнения этого мальчика, и у него не было ни малейшего желания найти ученика. Поэтому он предпочитал обсуждать войну и время. Он глубоко раздражал его, что люди хотели вторгнуться в область мысли-люди, у которых не было право жить в другом месте за пределами вегетативного плана простого существования. Я бы хотел, чтобы они просто довольствовались тем, чтобы быть или делать, а не пытаться, так бесполезно думать, в то время как только один из миллиона способен думать с минимум пользы для себя или кого-либо еще.

Из уголков глаз он наблюдал за чувствительным и мрачным лицом своего приятель: я должен был заняться бизнесом в восемнадцать лет. Это был вердикт Якобсен. Думать было плохо; он не был достаточно сильным умом.

Громкий звук лая нарушил спокойствие сада. Глядя вверх, двое видели Джорджа Уайта, Бегущего по зеленой лужайке площадки для крикета с огромной коричневой собакой, прыгающей рядом с ним.

- Доброе утро, - крикнул он. Он шел без шляпы и задыхался. — Находиться я взял Беллу на пробежку, и я решил пройти и посмотреть, как идут дела

здесь.

- Какая красивая собака, - воскликнул Якобсен.

- Старый Английский мастиф, наша единственная собака-абориген. Родословная от нее идет прямо к Эдуарду Исповеднику.

Якобсен начал оживленную беседу с Джорджем о добродетелях и недостатки собак. Ве 11А понюхал ее голени, а затем поднял ее нежные глаза темные, чтобы увидеть это. Она выглядела довольной.

Гай наблюдал за ними в течение некоторого времени; они были слишком поглощены их собачий разговор, чтобы обратить на него внимание. Сделал жест, как будто внезапно если бы он что-то вспомнил, он издал хрюканье и с очень выраженным выражением лица обеспокоенная в лицо, она повернулась, чтобы идти в сторону дома. Его маленький, все еще какая сложная постановка осталась незамеченной для предполагаемых зрителей; Гай он осознал это и почувствовал себя более несчастным, злым и ревнивым, чем когда-либо. Он они думали, что он ушел, сдержанный и застенчивый, потому что он не был желанным

— что было совершенно верно — вместо того, чтобы верить, что у меня есть что-то очень важно сделать, это то, что я хотел, чтобы они верили.

Над ним нависло облако неуверенности. Был ли его разум, в конце концов, ничего не стоит и мелочи, которые он написал, а не работа гения потенциал, как я и ожидал, но ерунда? Якобсен был прав, предпочитая компания Джорджа. Джордж был физически совершенен, существо что он мог себе позволить?

” Я второсортный, - подумал он, - второсортный, физически, морально, морально. Якобсен прав.”

Лучшее, на что я мог надеяться, было прозаическим литератором с скромные вкусы.

Нет, нет, нет! Сжал руки в кулак и как бы зафиксировал его разрешение перед Вселенной, сказал громко:

- Я сделаю это; я буду первоклассным, я буду.

Он был покрыт смущением, когда увидел, как садовник с удивлением вышел из-за комок диких роз. Говоря сам с собой-человек, должно быть, думал, что он был сумасшедшим!

Поспешно пересек лужайку, вошел в дом и побежал наверх в вашу комнату. Не было ни секунды, чтобы проиграть; это должно было

начаться немедленно. Я бы написал что-то-что-то, что будет длиться, твердое, жесткое, блестящее…

- К черту всех! Я получу Это, я могу…

В его комнате были письменные принадлежности и письменный стол. Выбрал перо

- с жалостью Relief он мог продолжать в течение нескольких часов, не уставая — и большой квадратный лист бумаги для письма.

Hatch House, Блейбери,

Уилтс.

Станция: Cogham, 5 км; Nobes Монакорум, 7 км.

Люди были глупы, чтобы печатать свои канцелярские товары на красный, когда в черном или синем было так красивее! Нанесенные чернила на буква.

Он поднял бумагу против света; там был водяной знак “Пимлико Бонд”. Что замечательное имя для героя романа! Пимлико Бонд…

В кладовой есть car-ne

И мы плывем по озеру.;

Кричать ла, ла, ла, ла…

Откусил кончик пера. “То, что я хочу получить, - сказал он себе, “это что-то слишком жесткий, слишком внешний. Сильные эмоции, но как-то у кого-то из нее.“Сделал движение руками, руками и плечами, сжимая мышцы в попытке выразить себя, физически, твердость, сокращение и стойкость стиля, за который он боролся.

Начал рисовать на своей девственной бумаге. Обнаженная

женщина, рука поднятый над головой, чтобы поднять грудь этим чудесным изогнутая мышца, спускающаяся с плеча. Помните, что внутренняя поверхность бедер слегка вогнутая. Ноги, если смотреть спереди, всегда трудны.

Я никогда не мог оставить это там. Что подумают сотрудники? Превратил соски в глаза, нарисовал толстые линии для носа, рта и подбородок, используя много краски; теперь он сформировал сносное лицо-хотя внимательный наблюдатель мог обнаружить первоначальную наготу. Разорвал рисунок на маленькие кусочки.

Растущий грохот заполнил дом. Это был гонг. Посмотрел на часы. Время обеда, и он ничего не сделал. О Боже!…

III

Это было время обеда в последнюю ночь отпуска Гая. Стол из красного дерева без скатерть была как тихая лужа коричневой воды, в глубине которой цветы и блеск хрустальных и серебряных форм висели, смутно отражаясь. Мистер. Петертон сидел во главе стола в окружении брата Роджера и Якобсена. Молодежь, представленная Марджори, Гаем и Джорджем Уайтом, собралась в еще один конец. Они дошли до стадии десерта.

— Эта гавань великолепна, - заявил Роджер таким же блестящим и блестящим, как

сытый ирландский початокˆl под шелковым канцелярским жилетом. Это был крепкий коренастый мужчина лет пятидесяти с такой красной шеей толстый, как голова. Волосы были подстрижены до военной черты; он любил подавать хороший пример мальчикам, некоторые из которых щеголяли тенденциями ” эстетики ” страдали и носили длинные волосы.

- Я рад, что тебе это нравится. Я сам не могу пить, конечно. Взять еще один Кубок. - На лице Альфреда Петертона было выражение меланхолии диспептика. Жаль, что я не съел столько утки.

- Спасибо, я согласен. - Роджер взял флягу с удовлетворенной улыбкой. - Утомленный школьный учитель заслуживает своего второго Кубка. Белый, ты выглядишь как один так бледно; я думаю, что он должен взять еще один. - У Роджера были веселые манеры, и он чисте, рассчитанный доказать своим ученикам, что он не был священником сморщенный.

На молодом конце стола все были довольно развлекали в оживленном разговор. Глубоко раздраженный тем, что его прервали среди него, Уайт повернулся и слегка улыбнулся Роджеру.

- Спасибо, Господи, - сказал он и толкнул чашу свою вперед, чтобы быть наполнять. “Господин” сбежал непреднамеренно; в конце концов, было мало времени с тех пор, как он был студентом под властью Роджера.

- Нужна удача, - серьезно продолжил Роджер, — чтобы добиться успеха портвейн сегодня и сегодня. Я благодарен за то, что купил

десять десятков своих старый университет несколько лет назад, чтобы хранить в моем погребе, иначе, я не знаю, что бы я сделал. Мой продавец вина говорит, что не сможет меня достать одну бутылку. На самом деле, он хотел купить некоторые из моих, на случай, если я продам их. Но я не хотел. В наши дни бутылка в погребе стоит десять шиллинги в кармане. Я всегда говорю, что порт стал необходимостью, теперь, когда можно получить так мало мяса. Лэмбурн! Ты другой из наших храбрых защитники; заслуживает второго Кубка.

- Нет, спасибо, - ответил Гай, едва подняв глаза. - Я уже выпил достаточный. - Продолжал говорить с Марджори о разных мнениях русских и французов о жизни.

Роджер налил себе вишни.

— Вы должны тщательно выбирать их, - прокомментировал для пользы и инструкции от Джорджа, который неохотно слушал. - Ничто не дает такой боли в животе, как зеленые вишни.

- Я думаю, вы счастливы, мистер Петертон, с началом отпуска, — сказал он. Якобсен.

- Счастлив? Конечно, да! Конец летних курсов делает нас такими истощенными. Не так ли, Уайт?

Уайт воспользовался возможностью, чтобы снова повернуться и послушать разговор Гая; при вызове, как собака внезапно осознает

запретный аромат, он послушно кивнул, что если он слишком устал в конец летнего квартала.

- Я полагаю, ты все еще учишь тому же, что и всегда, - сказал он Якобсен. - Цезарь, латинские стихи, греческая грамматика и все остальное? Мы, американцы, мы не можем поверить, что это все еще сделано.

- Слава Богу, - сделал Роджер, - мы все еще прививаем вещи хорошо основывались на них. В последнее время много тратится на новые резюме и тому подобное. Сейчас преподается много науки и тому подобного вид, но я не думаю, что дети чему-то научатся. Это чистая потеря время.

- Но разве это не проблема образования в целом? — ответить

Якобсен в легком тоне.

- Нет, если вы учите их дисциплине. Это необходимо, дисциплина. А большинству этих маленьких мальчиков нужна красивая панатория, а в наши дни нет они получают достаточно. Кроме того, если вы не можете втиснуть знания внутри их головы можно хотя бы нанести красивую порку на его задницы.

- Какая ярость, Роджер — - с улыбкой сказал мистер Петертон. Чувствовал себя лучше; утка была лучше переварена.

- Нет, это самое главное. Лучшее, что принесла нам война, - это дисциплина. Страна становилась слабой и нуждалась в сжатии. - Лицо Роджер сиял энтузиазмом.

С другого конца стола раздался голос Гая, говорящий:

- Вы знакомы с “avance à travers la Lande” Дье Сезара Франка? Это один из лучшие религиозные произведения, которые я знаю.

Лицо Мистера Петертона загорелось; он наклонился вперед.

- Нет-ответил, бросая неожиданный ум свой ответ в середине разговор молодежи. - Я не знаю. Но знаете ли вы это? Ожидайте один минута. - Нахмурился, и губы его двигались, как будто пытаюсь вспомнить формулу. - О, да. Скажите? Какое имя знаменитая религиозная пьеса я произносю, когда приказываю старому плотнику, когда-то либерал, а теперь ренегат, придерживавшийся консерватизма, что забить скот?

Гай сдался; его наставник с радостью улыбнулся.

- Тори, о! Иуда! Отметьте ḃoisíˆl-высказал. - Понимаете? Оратория Иуда Маккавеев!

Гай хотел, чтобы этот обломок патуской молодежи Мистера Петертона не он пришел с волнами у его ног. Я чувствовал, что я неприлично шпионит “темная, ретроспективная бездна времени”.1ˆ1

- Это хорошо — - замахнулся мистер Петертон. - Я посмотрю, смогу ли я вспомнить другой.

Роджер, которого нелегко было отвлечь от своего любимого

предмета, подождал, пока пусть эта неуместная Искра неудобства истечет, чтобы сказать:

- Примечательно, что никогда не удается объединить дисциплину с преподаванием естественных наук или Moderna languages. Кто слышал об учителе естественных наук с хороший класс? Классы ученых всегда плохие.

- Как странно! - прокомментировал Якобсен.

- Странно, но верно. Мне кажется большой ошибкой давать им классы, если они не могут поддерживать дисциплину. И есть вопрос религии. Некоторые из этих людей никогда не ходят в часовню, кроме как во время службы. Я спрашиваю их, что происходит, когда они готовят мальчиков к миропомазанию? Теперь ко мне пришли дети, которых подготовил один из них мужчины, и с несколькими вопросами я обнаружил, что они ничего не знают немного о самых фундаментальных аспектах Евхаристии. - Ты хочешь пройти мимо меня. больше этих замечательных вишен, пожалуйста, Уайт? - Конечно, в таких случаях я делаю можно сказать мальчикам, что я лично чувствую о важности и глубина этих вещей. Но обычно нет времени; жизнь людей такая паводок… и они идут в мир с смутным представлением о том, о чем идет речь. Увидеть как абсурдно позволять человеку, который не является традиционным педагогом, заботиться о жизнь мальчиков.

- Сильно встряхни, мое лицо — - наставлял свою дочь Мистер Петертон, который он пришел с лекарством.

- Что это? - спросил Роджер.

- О, это просто мой пептон. Я не могу сделать пищеварение без него.

- У вас есть вся моя моральная поддержка. Мой бедный коллега Флекснер страдает от хронический колит. Я не могу представить, как он продолжает работать.

— Так. Я вижу, что не могу сделать ничего, что требует усилий.

Роджер повернулся и снова обратился к несчастному Джорджу.

- Уайт, пусть это будет для тебя уроком. Позаботьтесь о своем интерьере; это секрет счастливой старости.

Гай быстро поднял глаза.

- Не волнуйся о его старости — - заговорил он странным и резким голосом, совершенно отличается от нежного и тщательно модулированного тона, в котором в целом говорить. - Он не стареет. Ваши шансы выжить три против четырнадцать, если война продлится еще год.

- Да не будь пессимистом, - сделал Роджер.

- Но я не являюсь. Уверяю вас, я высказываю свое мнение очень оптимистично оценивает шансы Джорджа дожить до старости.

Было ощущение, что комментарии Гая были безвкусными. Был один тишина; взгляды плыли бесцельно и неловко, пытаясь не найти друг с другом. Роджер громко открыл орех. После наслаждения довольно много ситуации, Якобсен сменил тему, комментируя:

- Сегодня утром наши эсминцы проделали прекрасную работу, не так ли?

- Чтение этого принесло мне пользу — - заявил мистер Петертон.
- Было прикосновение Нельсон.

Роджер поднял чашу.

- Нельсон! - воскликнул он и вылил ее из глотка. - Какой человек! Слушать пытаюсь убедить режиссера превратить Трафальгарский день в праздник. Это лучший способ напомнить мальчикам о таких вещах.

- Странно нетипичный англичанин, чтобы быть национальным героем, не так ли? — прокомментировал Якобсен. - Так эмоционально, без британской мокроты.

Преподобный Роджер принял серьезный вид.

- Есть одна вещь, которую я никогда не мог понять о Нельсоне: как это человек, который был символом чести и патриотизма, мог быть… гм… аморально с Леди Гамильтон. Я знаю людей, которые говорят, что это было принято в время, что эти вещи ничего не значат и т. д.; но даже тогда я повторяю, вы не можете понять, как человек, который был англичанином так сильно Патриот мог

сделать что-то подобное.

- Я не могу понять, какое отношение к этому имеет патриотизм — - заявил он

Гай.

Роджер сосредоточил на нем свой самый педагогический взгляд и медленно и серьезно заявил:

- Тогда мне жаль тебя. Я не думал, что нужно говорить одному английский, что нравственная чистота является национальной традицией; в основном к вам, мужчина окончил Государственную школу.

- Давай поиграем в бильярд — - пригласил мистер Петертон. — Ты пойдем, Роджер?А ты, Джордж и Гай?

— Я отстой, - настаивал Гай, - и действительно предпочел бы не идти.

- Я тоже — - заявил Якобсен.

- Итак, Мардж ори, тебе придется завершить квартет.

Игроки в бильярд ушли; Гай и Якобсен остались одни, размышляя обеденная катастрофа. Было долгое молчание. Оба мужчины курили. Гай, сидя в хорошо расслабленной позе, растянувшись на стуле, как мешок, половина, и Якобсен довольно прямостоячий и безмятежный.

- Вы легко переносите дураков? - резко спросил Гай.

- С удовольствием.

- Я бы с этим справился. Преподобный Роджер имеет тенденцию делать мой кровь кипит.

- Но это хорошая душа, - настаивал Якобсен.

- Может быть, но он не перестает быть монстром.

- Ты должен быть с ним спокойнее. Я стараюсь никогда не покидать себя беспокоить несущественными вещами. Я сосредотачиваюсь на своих сочинениях и своих мысль. Истина прекрасна, красота истинна и так далее; в конце концов, это единственные вещи с твердой ценностью. - Якобсен смотрел на

улыбнись, произнося эти слова. “Нет никаких сомнений, - сказал он себе, - из что этот мальчик должен был пойти в бизнес; что это за большая ошибка изысканное образование, Боже мой.”

- Конечно, это просто вещи, - страстно воскликнул Гай. — Вы можете сказать это, потому что ему повезло, что он родился на двадцать лет раньше, чем я, и с четырьмя тысяча километров глубокой воды между вами и Европой. И вот я, призван посвятить свою жизнь, совсем не так, как ты посвящает свою истину и красоту; посвятить свою жизнь… Ну, что? Не я уверен, но я сохраняю душераздирающую веру в то, что это к чему-то хорошему. А ты он говорит мне игнорировать обстоятельства. Приезжайте немного жить во Фландрию, и пытаться… — И бросился в речь о агонии, смерти, крови и гниении. - Что можно сделать? - закончил с отчаянием. - Что, черт возьми, правильно? Я намеревался потратить свою жизнь на то, чтобы писать и думать, пытаясь создать что-то прекрасное или узнать что-то правдивое. Но это не должно, в конце концов, когда кто-то выживает, отказаться от всего остального и попытаться превратить это логово, которое является миром, во что-то более пригодный для жизни?

- Я думаю, вы можете убедить себя, что мир, который оставил себя втягивание в это Преступное безумие-безнадежный мир. Следуйте своим наклонности; или, что еще лучше, зайдите в банк и заработайте много денег.

Гай разразился смехом, слишком громким. — Невероятный, потрясающе! — воскликнуть. - Возвращаясь к нашей старой теме дураков: откровенно говоря, Якобсен, я не могу представить, почему ты решил проводить время с моим старый и дорогой репетитор. Вы очаровательный джентльмен, но давайте посмотрим правде в глаза… — Он сделал широкий жест руками.

- Мы должны где — то жить, - сказал Якобсен. - Я думаю, ваш наставник очень интересная компания. Эй, посмотри на эту собаку!

На ковре перед камином маленький пекинес Марджори Конфуций, готовился лечь и спать. Со всем рвением он приступил к осмотрительности фарс от царапин на полу, как будто готовишь

удобное гнездо лечь. Он крутился и крутился, царапая с усердием и методом. После лежал-если он свернулся калачиком и заснул в мгновение ока.

- Разве это не удивительно по-человечески?- восторженно воскликнул Якобсен. Гай подумал, что теперь он может понять, почему Якобсену нравится жить с мистером Гаем. Петертон. Старик был таким чудесным человеком…

Позже в тот же вечер, он закончил бильярдный матч и с мистером Петертоном. правильное нападение на анахронизм обучения игре Антония и Клеопатры, Гай и Марджори вышли на прогулку в сад. Алуа поднялась над деревья и освещали фасад дома своим ярким бледным светом, неспособным пробуждение спящих цветов мира.

- Лунный свет-правильный архитектурный свет, - заявил Гай, в то время как

они смотрели на дом. Белый свет и тяжелые черные тени выделялись вся элегантность его грузинской симметрии.^

- Видите, вот призрак розы. - Марджори коснулась большого цветка и холод, который догадывался, больше, чем видел, быть красным, лунным кармином. бледный и обманчивый. - И почувствуй запах цветов табака. Разве это не вкусно?

- Я всегда думал, что есть что-то очень загадочное в ароматах, которые витают в темный таким образом. Кажется, они происходят из совершенно разнообразного нематериального мира, населенный бестелесными ощущениями, призрачными страстями. Подумайте об эффекте духовный ладан в темной церкви. Не удивительно, что люди верили в существование души.

Они продолжали ходить в тишине. Иногда случайно его рука он натыкался на нее во время прогулки. Парень чувствовал себя невыносимым чувство ожидания, близкое к страху. Это оставило его почти физически больная.

- Ты помнишь, - резко спросил, - тех летних каникул что наши семьи провели вместе в Уэльсе? Должно быть, это было в 1904 или 1905 году. Мне было десять, а тебе восемь.

- Конечно, помню, - воскликнула Марджори. - Всего. Была та забавная игрушечная железная дорога, малышка, которая шла из сланцевых карьеров.

- А вы помните наш золотой рудник? Все эти тонны желтый железный металл, который мы собираем вместе и прячем в пещере, веря, очень жаль, что они были самородками. Как это выглядит невероятно далеко!

- И у вас был замечательный процесс, чтобы проверить, действительно ли это золото или нет. И все камни триумфально прошли испытание как настоящие, я я помню.

- Думаю, именно этот секрет сделал нас первыми друзьями.

- Я тоже думаю — - согласилась Марджори. - Четырнадцать лет назад, сколько время! И вы начали там меня воспитывать: все, о чем вы мне говорили добыча золота, например.

- Четырнадцать, - задумчиво повторил Гай. - И завтра я уйду из новый…

- Не говори об этом. Я так несчастен, когда ты далеко. - Она действительно он забыл о том чудесном лете, которое у него было, кроме как из-за отсутствия кроссовок.

- Мы должны сделать это самым счастливым часом в нашей жизни. Может быть, это последнее, что у нас будет вместе. - Гай посмотрел на Луну и понял, с испугом внезапно, что она была сферой, искривленной червячной ночью, а не диском план приклеен к стене не так далеко. Это наполнило его меланхолией бесконечный; он чувствовал себя слишком незначительным, чтобы жить.

- Гай, ты не должен так говорить, - спросила Марджори.

- У нас двенадцать часов, - задумчивым голосом продолжил Гай. - Но это только время часов. Можно дать часу качество длиться вечно, и

тратить годы, как будто их никогда не было. Мы достигаем нашего бессмертие здесь и сейчас; это вопрос качества, а не количества. Не я с нетерпением жду золотых АРФ или чего-то подобного. Я знаю, что когда я умру,, я буду мертв; после этого

нет. Если они убьют меня, мое бессмертие будет на память. Может быть, кто-то тоже прочитает то, что я написал, и в твой разум я выживу, слабо и частично. Но в его памяти я буду выжить в целости и сохранности.

- Я уверен, что мы продолжим жить после смерти. Она не это может быть конец. - Марджори знала, что слышала эти слова раньше. Где, Ах, да, это была суровая Эванджелина, которая сказала их в дискуссионном обществе школа.

— Я бы на это не рассчитывал, — с хихиканьем возразил Гай. — Ты у вас может быть разочарование, когда вы умрете. - Тогда в измененном голосе: - не хочу умереть. Я ненавижу и боюсь смерти. Но, наверное, меня все-таки не убьют. Все равно… - Твой голос умер. Они вошли в туннель тьмы, непроницаемый, между двумя высокими изгородями карпа. Он сводился к одному голосу, и это это также прекратилось; он исчез. Голос возобновился, низкий, быстрый, однообразная, немного затаившая дыхание. - Я помню, как читал стихотворение о старых провансальских трубадурах, говорящих, что однажды Бог дал ему высшее счастье; ибо в ночь перед тем, как отправиться в крестовый поход, он ушел учитывая, что его леди на руках… всю короткую вечную ночь. Айнси que j'aille outre-mer: когда я выходил за море. - Голос сделал прекращаться. Они стояли прямо в устье карпового мола., глядя изнутри этой узкой реки тени на океан бледного лунного света.

- Как тихо. - Они не разговаривали; они едва дышали. Насытились тишины.

Марджори нарушила молчание.

- Ты так сильно меня хочешь, Гай? - На протяжении всего этого долгого и немого минута она пыталась сказать эти слова, повторяя их про себя, тоскуя по сказать их вслух, но парализовано, не в состоянии. И, наконец, сказал их, безлично, как будто устами другого человека. Она много их слышала отчетливо и поразил своим невозмутимым тоном.

Ответ Гая принял форму вопроса.

- Ну, представьте, если бы меня убили сейчас, - сказал он, - я мог бы сказать, что я действительно жил?

Они вышли из глубины тропы в Лунный свет. Теперь она могла видеть его ясно, и в нем было что-то такое плачущее, грустное и

жалкое, он так выглядел суперзревший ребенок, которого охватила волна страстного благочестия., усиление других, менее материнских эмоций. Она жаждала взять его в руки, ласкать его волосы, лелеять его, как ребенка, чтобы он спал на его груди. А Гай, в свою очередь, хотел только отдать свою усталость и

чувствительность к ее материнской заботе, пусть она быстро поцелует ее в глаза,, и он так спал под ее объятиями. В его отношениях с женщинами — хотя его опыт в этой области был прискорбно небольшим — он сначала неосознанно, но позже с осознанием того, что он играл роль ребенка. В моменты самоанализ смейтесь над собой за то, что он “дал ребенку”, как он это называл. И там я тогда — еще не осознавал этого-делал то же самое, плакал, грустный, совершенно жалкий, хрупкий…

Марджори была охвачена эмоциями. Бы предаться своему любовнику, овладеть своим беспомощным и достойным жалости ребенком. Окружил его шею руками подняла лицо к его поцелуям, прошептала что-то нежное и неслышный.

Гай притянул ее к себе и начал целовать ее мягкий теплый рот. Прикоснуться на раздетой руке, которая окружала его шею; плоть была твердой под его пальцами; ему хотелось ущипнуть ее и порвать.

Так было с этой маленькой шлюхой Минни. Именно так — просто ужасная непристойность. Он вспомнил любопытный факт физиологическое чтение в Хэвлоке Эллисе. Он вздрогнул, как будто коснулся отвратительная вещь, и толкнул ее.

- Нет, нет, нет. Это ужасно; ненавистно. Пьяный в лунном свете, отдавая себя сентиментальности о смерти… Почему бы не сказать, с библейской откровенностью, ложись со мной, ложись со мной?

Это наполнило его ужасом, что эта любовь, которая должна была быть такой замечательной, новый и красивый, заканчивающийся сластолюбивым и чудовищным, как в случае, никогда вспоминается без дрожи стыда, с Минни (с ее пошлостью!).

Марджори разорвалась в слезах и убежала, раненная и дрожащая, к одиночество тени карпа. “Уходи, уходи”, - рыдал он с таким интенсивность команды, которую Гай, движимый немедленным раскаянием и видение слез обнимая ее и прося прощения,

пришлось отпустить ее.

Холодное, безличное спокойствие сразу же последовало за его взрывом. Он критически посмотрел на то, что он сделал, и нашел, не без определенного удовлетворения, что это была самая большая “хромота” в его жизни. Но, по крайней мере, дело было сделано, и ее нельзя было отменить. Он чувствовал счастье человека без силы духа перед лицом безотзывности акта. Бродил по лужайкам с одной стороны к другой, куря сигарету и думая ясно и спокойно-вспоминая прошлое, ставя под сомнение будущее. Когда сигарета закончилась, она вошла в дом.

Пришел в курительный зал, чтобы услышать, как Роджер сказал: “… это бедные, которые теперь они в порядке. Много еды, много денег, без уплаты налогов. Никаких налогов, вот что вызывает отвращение. Например, садовник Альфреда. Он он зарабатывает двадцать пять или тридцать шиллингов в неделю и имеет хороший дом. Женат, но у него только один ребенок. Такой человек, как он, необычайно Здоров.

Он должен платить подоходный налог; у него есть условия для этого”. Мистер Петертон слушал сонно, Якобсен с его обычной внимательной и умной вежливостью; Джордж играл с меланхоличным персидским котенком.

Было решено, что Джордж будет спать там, потому что было неприятно иметь от прогулки более километра в темноте до дома. Парень сопровождал его до номер и сел на кровать за последнюю сигарету, в то время как Джордж раздевать. Это был час доверия — тот опасный момент, когда усталость расслабляет волокна ума, делая его готовым и полезным для чувств.

— Я так подавлен, - сказал Гай, - думая, что тебе всего двадцать лет, а мне уже двадцать четыре. Вы все еще будете молоды и доброжелательны когда война закончится; я буду законченным стариком.

- Не такой уж и старый, - ответил Джордж, срывая рубашку. Потеть кожа была очень белой, и по сравнению лицо, шея и руки выглядели темно-коричневого цвета; на нем была хорошо разграниченная линия загара горло и запястья.

- Я с ужасом думаю о времени, которое потеряно в этой проклятой войне, становясь с каждым днем все глупее и грубее,

ничего не добиваясь. Это будет пять, шесть, Бог знает, сколько лет из нашей жизни. Вы получите МИР впереди, когда все закончится, но я потрачу все возможное возраст.

- Конечно, для меня это не имеет большого значения, - сказал Джордж через пена зубной пасты. - Я не могу сделать ничего, что могло бы помочь. На самом деле это дает то же самое, если я живу безупречной жизнью в качестве брокера действия или тратить свою жизнь быть убитым. Но для вас, согласитесь, это жестоко слишком…

Гай продолжал курить в тишине, его разум был полон обиды. томный против обстоятельств. Джордж надел пижаму и подкрался к внутри простыней; пришлось свернуться калачиком, потому что Гай лежал на траве в постели, и он не мог размять ноги.

— Представить… - наконец-то задумчивым тоном сказал Гай. - Я представляю, что единственные утешения-это, в конце концов, женщины и вино. Мне действительно придется прибегнуть к ним. За исключением того, что женщины в основном так глубоко скучны, а вино в наши дни это так дорого…

- Но не все женщины! - Джордж, это было очевидно, я ждал чтобы открыть свое сердце в доверии.

- Я полагаю, вы столкнулись с исключениями.

Джордж рассказал. Только что провел шесть месяцев в Челси-шесть ужасные месяцы в жилье; но были блестящие перерывы между упражнения и специальные курсы, которые он заполнил с большим количеством поездок известные открытия среди неизвестных миров. И в основном, Колумб для своей души он открыл все эти возможности и

те детали, которые выявляют только страсти. Nosce te ipsum, IQ был порядок; и разумное культивирование страстей - один из самых верных путей к самопознание. Для Джорджа, которому едва исполнилось двадцать, это было все удивительно новый и захватывающий, и Гай слушал историю своих приключения с трепетом и кончиком зависти. Он оплакивал целомудрие постыдная и замкнутая-сломана только один раз, и с какой скупостью! Не я бы узнал гораздо больше, задавался вопросом — разве это не был бы человек лучше и правдивее, если бы у вас был опыт Джорджа? Иметь воспользовался ими гораздо больше, чем

Джордж мог. Был риск, что Джордж был вовлечен в глупую трату духа, в пустую трату стыд. Он не мог быть достаточно сильным человеком, чтобы оставаться им. даже несмотря на окружающую среду; его рука испачкалась бы чернилами, которыми он работать. Гай был уверен, что сам бы не рискнул; он пришел, увидел и победил, и вернулся неповрежденным и все еще сам, но обогащенный добычей новых знаний. Неужели он все-таки ошибся? Была ли жизнь в монастыре его собственной философии полностью непригоден?

Посмотрел на Джорджа. Славный efebo, что это было, не удивительно, что женщины одобряли его.

“С лицом и телом, как у меня, - подумал он, - я не мог жить его жизнь, даже если бы он хотел.“И смеялся над собой.

— Тебе нужно с ней познакомиться, - с энтузиазмом говорил Джордж.

Гай улыбнулся.

- Нет, не надо. Позвольте мне дать вам прекрасный совет. Никогда не пытайтесь поделиться своими радостями. Люди поддерживают боль, но не удовольствие. Спокойной ночи, Джордж.

Он наклонился над подушкой и поцеловал улыбающееся лицо, которое было мягким как у ребенка под губами.

Парень долго не спал, а глаза были сухими и болезненными когда, наконец, сон настиг его. Прошли те темные часы и бесконечное мышление-мышление очень, интенсивно, болезненно. Так что он вышел из комнаты Джорджа, чувство сильного несчастья овладело им. “Деформированный от страданий”, так он описывал себя; он любил ковать таким образом, он чувствовал потребность художника в самовыражении, а также в чувстве и думать. Искаженный страданием он лег спать; искаженный страданием он он лежал и думал и думал. У него было, безусловно, чувство деформации физика: его кишечник был искривлен, у него была согнутая спина, ноги истощенные…

Я имел право быть несчастным. На следующий день он вернется во Францию, раня яростно влюбился в свою возлюбленную и начал сомневаться в себе, интересно, не была бы вся его жизнь нелепым безумием.

Он провел свою жизнь в журнале, как человек, который вот-вот умрет. Представить что если бы он родился в другое время, он был бы религиозным. Рано избавился от религия, как от кори-в девять лет в нижней церкви, в двенадцать как либерал, а в четырнадцать-агностик — но все еще сохранял темперамент религиозный человек. Интеллектуально приблизился к Вольтеру, эмоционально придерживался Буньона. Придя к этой формуле, он чувствовал, неоспоримый прогресс в направлении самопознания. И как глупо было с Марджори! Ее поза нарушена-заставляя ее читать Вордсворта, когда она этого не делает хотеть. Интеллектуальная любовь - его фразы не всегда были благословением; как обманул себя словами! И теперь, в эту ночь, самый завершенный мерзость, ведя себя с ней как истеричный отшельник, имеющий дело с искушение. От этого воспоминания его тело дрожало от стыда.

Ему пришла в голову идея; он видел ее, спускался по лестнице на цыпочках к ее комната, она бы опустилась на колени у кровати, попросила бы ее прощения. Лежал неподвижно, представляя всю сцену. Он даже встал с кровати, открыл дверь, которая издала шум, похожий на крик павлина, и подкралась к краю лестница. Он стоял там долго, ноги становились все холоднее и холоднее, а потом решил то, что приключение было на самом деле слишком похоже на эпизод в начале Воскресения Толстого. Дверь снова кричала, когда вернулся; лег на кровать, пытаясь убедить себя, что его самоконтроль быть достойным восхищения и в то же время проклинать ее отсутствие мужества в нет выполнить то, что вы хотели.

Он вспомнил речь, которую однажды произнес Марджори о любви Священное и нечестивое. Бедная девочка, как она терпеливо слушала! Был способен видишь ее, и на лице у нее было такое серьезное выражение, что она выглядела довольно некрасиво. Она она выглядела так красиво, когда смеялась или была счастлива; в доме белых, например, трое ночи назад, когда Джордж и она танцевали после обеда, и он сидел, тайно завистливый, читающий книгу в углу комнаты и спортивный вид верхний. Я бы не научился танцевать, но я всегда хотел знать. Это было занятие он говорил, что Барбара и афродизиак предпочитают тратить время и силы на чтение. Снова Спаситель! Джордж оказался гораздо более мудрым человеком! У него не было ни предубеждений, ни теоретических мнений о поведении жизни; только он прекрасно жил, естественно, так, как повелел ему дух

или плоть. Если бы только он мог жить своей жизнью, если бы только он мог отменить чудовищная глупость этой ночи…

Марджори тоже не спала. Она также чувствовала себя деформированной от страдание. Как он был жесток, и как она жаждала простить его! Возможно он пришел в темноте, когда весь дом спал, входя в на цыпочках, в тишине, чтобы встать на колени у своей кровати и попросить быть прощенный. Она задавалась вопросом: придет ли он? Пристально смотрел в темноту. над ней и вокруг нее, желая, чтобы он пришел, приказывая ему-злой и несчастный

потому что он так долго приходил, потому что он не приходил. До двух часов, оба спали.

Семь часов сна делают удивительную разницу в состоянии дух. Гай, который думал, что он деформирован на всю жизнь, проснулся и он оказался здоровым. Гнев и отчаяние Марджори имели пропавший. Время, которое они провели вместе, между завтраком и отъездом Гая, он был наполнен почти тривиальными разговорами. Гай был полон решимости сказать кое-что об инциденте накануне. Но это было только в последний момент, когда карета уже стояла на пороге, что ему удалось заикаться с сожалением за то, что произошло накануне.

- Не думай об этом,-сказала Марджори. Так они поцеловались и они расстались, и их отношения остались точно такими же, как и у них это было до того, как Гай ушел в отпуск.

Джордж был списан через неделю или две, а через месяц стало известно в Блейбери он потерял ногу-к счастью, ниже колена.

- Бедный мальчик! - воскликнул Мистер Петертон. - Мне действительно нужно написать для его матери без промедления.

Якобсен не сделал никаких комментариев, но это было для него сюрпризом выясните, как он был обеспокоен этой новостью. Джордж Уайт проиграл одна нога; я не мог выбросить эту мысль из головы. Но только ниже от колена; его можно было бы назвать счастливчиком. “Счастливчик - вещи прискорбно относительные”, - размышлял он. Благодарю Бога за то, что он нашел уместно лишить одного из своих существ конечности.

“И он тоже не наслаждается ногами любого мужчины”, а? Nous avons changê tout cela.

Джордж потерял ногу. Больше не было бы этой скорости, силы и олимпийская красота. Якобсен вспомнил видение молодого человека бег с большой коричневой собакой через большие зеленые просторы грамм. Как он выглядел сияющим, тонкие каштановые волосы летят, как огонь, на ветру собственной скорости, красные лица, светящиеся глаза. Е как легко он бежал, длинными упругими шагами, опуская глаза на собака, которая прыгала и лаяла рядом с тобой!

От него было совершенство, и теперь оно было испорчено. Вместо ноги у него был пень. Мойньон, говорили французы; в мойньоне был тон отталкивающий, которого не хватало в “пне”. Soignons le moignon en Voignant d’oignons.

Часто ночью, перед сном, он не мог не думать о Джордже, о войне и обо всех миллионах муаньонов, которые он должен был быть в мире. Однажды ночью мне снились липкие красные комочки, вещи которые выглядели как полипы, которые росли, когда он смотрел на них, набухая между их руки-moignons, на самом деле.

К концу осени Джорджу было достаточно ума, чтобы вернуться домой. Он научился ходить на костылях очень умело, и его абсурдная инвалидная коляска, вытащенная из задницы, вскоре стала знакомым объектом по окрестным тропам. Это была невероятная сцена, когда Джордж проходил дедовщину, наклоняясь вперед, как молодой Феб в своей карете, и торопить ленивое животное голосом и костылем. Он собирался в Блейбери почти каждый день; Марджори и он бесконечно говорили о жизни и любовь, парень и другие интересные темы. С Якобсеном он играл в пике и он обсуждал тысячу вопросов. Это всегда было весело и счастливо — и это было особенно что из жалости перерезало сердце Якобсена.

IV

Начались рождественские каникулы, и преподобный Роджер вернулся в Блейбери. Я сидел за столом в гостиной, занятый тогда в прикусить кончик пера и почесать голову. На его лице было выражение недоумение; можно сказать, что это было в пароксизме литературной композиции. Е это действительно было. “Любимый подопечный Альфреда Петертона…“сказал Альто. “Возлюбленный подопечный”… Покачал головой, в сомнении.

Дверь открылась, и Якобсен вошел в комнату. Роджер повернулся немедленно.

- Вы слышали печальные новости?— спросить.

— Не. Что это?

Бедный парень мертв. Мы получили телеграмму полчаса назад.

- Боже Мой! - сказал Якобсен болезненным голосом, который, казалось, показал, что он был отвлечен от спокойствия, которым обладает тот, кто ведет жизнь причина. После увечья Джорджа он осознавал, что его защита они были слабее; внешние обстоятельства шли решительно о нем. Теперь они вторглись в него, и в тот момент он был в их власти. Гай мертв… Контролировал себя достаточно, чтобы сказать, после паузы:

- Ну, я думаю, рано или поздно этого следовало ожидать. Бедный юноша.

- Да, это ужасно, не так ли? - сказал Роджер, качая головой. — Слушать написание объявления для отправки в The Times. Нельзя сказать ” возлюбленный подопечный Альфреда Петертона”, не так ли? Звучит не очень хорошо; однако это было бы хорошо дать публичное выражение, каким-то образом, глубокой привязанности, которую испытывал Альфред ради него. “Любимый подопечный”… Нет, это явно не подходит.

- Тебе придется разобраться, - сказал Якобсен. Присутствие Роджера де в некотором смысле это облегчало возвращение к жизни разума.

- Бедный Альфред, - продолжил другой. — Ты понятия не имеешь, как он вы плохо восприняли эту новость. Как будто я потерял ребенка.

- Какая трата! - воскликнул Якобсен. Его эмоции были глубокими слишком.

Я сделал все возможное, чтобы утешить Альфреда. Всегда следует иметь в виду, почему какая причина он умер.

- Вся эта потенциальность уничтожена! Он был способным парнем, Гаем. - Якобсен говорил больше с самим собой, чем с другим, но Роджер принял внушение.

- Так и было. Альфред думал, что он много обещал. Это в основном для из-за него я сожалею. Я никогда не ладила с мальчиком. Это было эксцентрично слишком много на мой вкус. Можно быть слишком умным, не так ли? Это несколько бесчеловечный. В детстве он делал самых замечательных греческих ямбо. Я думаю, что он был очень хорошим парнем, под всем этим умом и странность. Это все очень грустно, очень прискорбно.

- Как он умер?

- Он умер от ран вчера утром. Думает, что было бы неплохо поставить какую-нибудь цитату в конце объявления в газете? Что-то как Dulce et Decorum, или Sed Miles, Sed Pro Patria, или Per Ardua ad Astra?

- Мне это не кажется важным, - сказал Якобсен.

- Может и нет. - Губы Роджера тихо двигались; он я считал. - Сорок два слова. Я предполагаю, что это дает восемь строк. Бедная Марджори! Надеюсь, она не станет слишком озлобленной. Альфред сказал мне что они были помолвлены неофициально.

- Я так понимаю.

- Думаю, мне придется сообщить ей эту новость. Альфред слишком обеспокоен чтобы сделать что-нибудь. Это будет очень болезненная задача. Бедная леди! Я полагаю, что на самом деле они не смогут пожениться в ближайшее время, поскольку Гай у меня почти не было денег. Эти поспешные браки опасны. Позвольте мне см.: восемь раз три шиллинга дают фунт и четыре шиллинга, не так ли? Я полагаю, что они принимайте чеки без проблем.

- Сколько ему было лет? - Спросил Якобсен.

- Двадцать четыре и несколько месяцев.

Якобсен беспокойно ходил из стороны в сторону комнаты.

- Едва достигая зрелости! В наши дни мы должны быть благодарны за то, что наша собственная работа и наши мысли, чтобы отвлечь нас от этих ужасов.

- Это ужасно, правда? Ужасный. Так много моих учеников погибли, что уже я потерял счет.

Кто-то постучал во французское окно, выходящее в сад; это была Марджори просить войти. Она вырезала плющ и падуб для рождественского украшения и он нес корзину, полную темных блестящих листьев.

Якобсен открыл окно, и Марджори вошла, улыбаясь и краснея от холодный. Якобсен никогда не видел ее такой красивой: она была великолепна, сияла,

как Ифигения, входящая в свадебное платье для жертвоприношения.

— В этом году очень мало Падуба, - прокомментировала она. - Думаю, наш рождественский декор не будет выглядеть так красиво на этот раз.

Якобсен воспользовался возможностью, чтобы проникнуть во французское окно в сторону сада. Хотя было неприятно холодно, он шел от одного конца до другого мощеных дорожек голландского сада, без шляпа и без пальто, долгое время.

Марджори передвигалась по комнате, обматывая ветки Падуба из рамок рамок. Не решаясь говорить, дядя наблюдал за ней; он чувствовал совершенно неудобно.

- К сожалению, - все-таки сказал он, - твой отец сегодня очень расстроен. — В голос был хриплым; он сделал взрывной шум, чтобы прочистить горло.

- Это сердцебиение? - Холодно спросила Марджори; болезни отец не вызывал у него особого беспокойства.

- Нет, нет. - Роджер понял, что его первая игра была ошибкой. — Не. Быть… гм… еще одна душевная боль, и я боюсь, что это расстроит тебя также. Марджори, ты должна быть сильной и смелой; мы только что узнали, что Гай мертв.

- Гай мертв? - Она не могла в это поверить; она едва могла представить себе возможность; кроме того, он выполнял служебные обязанности. - О, дядя Роджер, не так ли истина.

- К сожалению, нет никаких сомнений. Пришла телеграмма Военного министерства как только вы вышли за падубом.

Марджори села на диван и спрятала лицо в руках. Мертвый парень; никогда я увижу его снова, я никогда не увижу его снова, я никогда не увижу его; он начал плакать.

Роджер подошел и остановился, положив руку ей на плечо, отправив себя как читатель мыслей. Для тех, кто охвачен страданиями, прикосновение рука помощи часто успокаивает. Они упали в пропасть, и прикосновение руки служит, чтобы напомнить им, что жизнь, Бог и солидарность человек все еще существует, какой бы глубокой ни казалась пропасть боли. Узел плечо Марджори рука ее дяди отдыхала от сильного влажного тепла это было странно неприятно для него.

- Дорогой ребенок, это очень грустно, я знаю; но ты должен стараться быть сильным и держись. У всех нас есть наш крест, чтобы нести. В течение двух дней мы будем праздновать рождение Христа; помни, как терпеливо Он получил чашу агонии. А также помните, почему Гай дал жизнь. Он имел смерть героя, смерть мученика, свидетельствуя о Небеса против сил зла-не осознавая этого Роджер обращался к словам своего последняя проповедь в школьной часовне. - Вы должны гордиться его смертью, помимо боли. Итак, готово, дорогой ребенок. - Похлопал его по плечо. Может, лучше оставить ее сейчас.

Некоторое время после ухода дяди Марджори сидела неподвижно, тело согнуто вперед, лицо между руками. Не переставая повторять слова “никогда больше”, и их звук наполнил ее отчаянием и заставил плакать. Он казалось, что они распутывают мрачный, серый, бесконечный пейзаж: “никогда больше”. Это было заклинание, вызывающее слезы.

Наконец встал и начал бесцельно ходить по комнате. Остановить

перед маленьким антикварным зеркалом в черной рамке, висящим j unto à окно, и созерцал свое отражение. В каком-то смысле он надеялся быть с внешностью другой, преобразованный. Он был удивлен, увидев, что его лицо полностью не изменилось: серьезный, меланхоличный, возможно, но все же то же лицо, которое она видела когда утром расчесывался. Любопытная идея пришла ей в голову; она он спросил, сможет ли он улыбнуться сейчас, в этот ужасный момент. Перемещал мышцы лица и был полон стыда перед видом улыбки без радость, которая высмеивала ее в зеркале. Как она была глупа и бесчувственна! Взорваться в слезах и снова бросилась на диван, уткнувшись лицом в подушку. А дверь открылась, и по шуму Марджори узнала приближение Джорджа Уайт на костылях. Она не подняла глаза. Перед фигурой в руинах на диване Джордж остановился, не зная, что делать. Должен уйти молча или стоять и пытаться сказать что-то утешительное? Вид девушки там лежа, это причиняло ему почти физическую боль. Решил остаться.

Подошел к дивану и остановился над ней, балансируя на костылях. Она он не поднял голову, но еще больше сжал лицо против удушающей тьмы пусковая площадка, как бы для того чтобы закрыть ваше сознание к всему внешнему миру. Джордж он молча смотрел на нее. Нежные кудри, которые появлялись на затылке молодые были чудесно красивы.

- Я уже знал, - наконец сказал он. - Прямо сейчас, когда я приехал. Быть слишком ужасно. Думаю, мне нравился Гай больше, чем кто-либо другой в мире. Мы оба, не так ли?

Она снова начала рыдать. Джордж был охвачен раскаянием, чувствуя, что как-то это ранило ее, как-то усилило ее боль с то, что я сказал.

“Бедный ребенок, бедный ребенок”, - сказал он почти громко. Она была на год больше он был старше его, но выглядел беспомощным и пафосно молодым, теперь, когда он был плакать.

Слишком долгое стояние утомляло его, и он медленно опустил свое тело и мучительно сидеть на диване рядом с ней. Наконец она подняла лицо и начал вытирать глаза.

- Я так несчастен, Джордж, в основном потому, что чувствую, что поступил неправильно с дорогим Гаем. Знаете, были случаи, когда я задавался вопросом, не так ли все это большая ошибка-быть помолвленным. Иногда я чувствовал, что почти ненавидел

его. Последние несколько недель я так злилась на него. И теперь это приходит, и это заставляет меня

осознать, как ужасно я был с ним. - Ей было легче сказать и признаться; Джордж был так благосклонен, он понял бы. - Я вел себя как животное.

Его голос умер, и это было похоже на то, что что-то сломалось в голове Джордж. Он был охвачен благочестием; он не мог вынести, чтобы она страдала.

— Ты не должен слишком беспокоиться, дорогая Марджори, - он умолял, поглаживая тыльную сторону ее руки своей огромной грубой ладонью. — Не делай этого.

Марджори продолжала безжалостно.

- Когда дядя Роджер только что сказал мне, вы знаете, что я сделал? Я я спросил: действительно ли мне все равно? Я не мог знать. Я посмотрел в зеркало, чтобы увидеть, ответило ли мне мое лицо. Затем я внезапно решил посмотреть, смогу ли я смеяться, и я сделал это. И это заставило меня почувствовать себя отвратительным, и я начал плакать от новый. О, я животное, Джордж, не так ли?

Она разразилась страстными слезами и снова спрятала лицо в приятная подушка. Джордж не мог этого вынести. Положил руку на ее плечо и наклонился вперед, близко к ней, пока ее лицо почти не коснулось ее волос.

- Нет, - воскликнул он. - Нет, Марджори. Вы не можете мучить себя так. Я знаю, что ты любил Гая; мы оба любили его. Он хотел бы, чтобы мы были счастливы и смелы, и чтобы наша жизнь продолжалась, а не то, чтобы мы это делали от его смерти источник отчаяния. - Была тишина, нарушенная только за отчаянный звук ее рыданий. - Марджори, Дорогая, ты не должен плакать.

- Ладно, я не плачу, - сквозь слезы сказала Марджори. — Я постараюсь остановиться. Гай не хотел, чтобы мы плакали по нему. Вы правы; он хотел бы, чтобы мы жили для него достойно, по-своему великолепно.

- Мы, кто знает и любит его, должны сделать свою жизнь

празднование его памяти. - В обычных обстоятельствах Джордж предпочитал умереть, делая такой комментарий. Но, говоря о мертвых, люди они забывают о себе и склоняются к своеобразной некрологической конвенции мысль и язык. Спонтанно, неосознанно, Джордж амолдара.

Мардж ори вытерла глаза.

- Спасибо, Джордж. Вы так хорошо знаете, чего хотел бы дорогой парень. Ты заставляешь меня чувствовать себя сильнее, чтобы я мог с этим справиться. Но все же я чувствую ненавистна за то, что я думала о нем иногда. Я не любил его достаточно. И теперь это слишком поздно. Я больше никогда его не увижу. - Заклинание этого"никогда" это снова заработало: Марджори отчаянно рыдала.

Печали Джорджа не было предела. Окружил плечи Марджори с рука и поцеловал ее волосы.

- Не плачь, Марджори. Каждый чувствует себя так иногда даже с

люди, которые любят больше всего. Вы не должны делать себя несчастным.

Она снова подняла лицо и посмотрела на него с грустной улыбкой, вырезать сердце.

- Ты был так добр ко мне, Джордж. Я не знаю, что бы я сделал без ты.

- Бедная дорогая! - воскликнул Джордж. - Я терпеть не могу видеть тебя несчастным. — Их лица были близко друг к другу, и было естественно, что их губы встретились в долгом поцелуе о.- давайте вспомним только хорошие и славные вещи Гая — он так и сделал. - Каким он был замечательным человеком и как мы его любили. — Снова поцеловал ее.

- Может быть, наш дорогой парень сейчас с нами, - сказал он Марджори с экстатическим выражением лица.

- Может, так и есть, - повторил Джордж.

В этот момент раздался тяжелый шаг, и рука потрясла дверь. Марджори и Джордж отошли друг от друга. Злоумышленником

был Роджер, который вошел поспешно, потирая руки с видом вынужденной радости, притворяясь при этом ничего неудобного не произошло. Это наша традиция английский, что мы скрываем свои эмоции.

- Ну, хорошо, - сделал он. - Думаю, нам лучше пойти пообедать. Колокольчик уже прикоснуться.

С числами Евпомп придавал искусству благородство

- Я сделал открытие, - сказал Эмберлин, когда я заходил в его комнату.

- О чем? — спросить.

- Открытие, - ответил он, - о открытиях. - Он излучал удовлетворенность без всяких стыдов; не было никаких сомнений в том, что разговор продолжился именно так, как он задумал. Он произнес свою фразу и повторил ее с любовью: - открытие о открытиях — - снисходительно улыбнулся я наслаждаясь моим озадаченным видом, выражением, которое, признаюсь, я преувеличил цель, чтобы доставить вам удовольствие. Ибо Эмберлин, во многих отношениях такой детский, особенно любил оглушать и интриговать своих знакомых; и эти маленькие триумфы, эти маленькие “победы” над людьми дали ему некоторые из его большие удовольствия. Я всегда снисходительно относился к его слабости, когда мог, потому что это стоило того, чтобы быть в милости Эмберлина. Возможность слушать ваш разговор после ужин был действительно привилегией. Мало того, что он был отличным собеседником так как у него также была сила побуждать других хорошо разговаривать. Это было похоже на тонкое вино, пьянство только до точки meredithianoIˆJ легкого пьянство. В его компании человек находился в сфере концепций и вдруг понял, что произошло какое-то чудо, что она больше не жила в скучном мире беспорядочных вещей, но в где-то над беспорядком, в стеклянной и совершенной Вселенной идей, где все было информированным, последовательным, симметричным. И это был Эмберлин, который, как Бог,, у него была сила создать этот новый и реальный мир. Он строил его из слов, это Хрустальный Эдем, где нет ползучей змеи, пожирающей повседневный мусор., он мог войти и нарушить их гармонию. С

тех пор, как я знаю Эмберлина, я перешел к очень выраженное уважение к магии и всем формулам ее литургия. Если словами Эмберлин может создать для меня новый мир, не так ли заставить мой дух полностью оторваться от прежнего господства, почему не мог он, или я, или кто-либо другой, найдя соответствующие фразы, оказывая через них более чудесное влияние на мир простых объектов? Действительно, когда я сравниваю Эмберлина с волшебником обычный коммерческий, мне кажется, что Эмберлин-великий тауматург. Но оставим это в стороне; я убегаю со своей целью, которая должна была дать описание от человека, который так уверенно прошептал мне, что сделал открытие о Обнаружить.

В лучшем смысле этого слова Эмберлин был академиком. Для нас, кто

мы знали его, его покои были оазисом надменного забвения, посаженного тайно в самом сердце лондонской пустыни. Он источал атмосферу, которая он сочетал в себе фантастические спекуляции первокурсника с самой странностью умеренный от невероятно мудрых соборов прошлого. Это было безмерно эрудированный, но в некотором роде не энциклопедический-кладезь информации не имеет значения, как говорили о нем его враги. Писал немного, но как Малларме избегал публикации, считая ее похожей на ” грех эксгибиционизм”. Однако в юношеском Фуроре есть более одного десятилетие он опубликовал сборник стихов. После этого он потратил много времени на сбор усердно экземпляры его книги, чтобы сжечь их. Там должно быть много сейчас в мире мало. Моему другу Коупу посчастливилось найти его на днях - маленькая синяя книга, которую он показал мне очень тайно. Я не могу понять, почему Эмберлин хочет стереть все его следы. Нет ничего что стыдно в книге; некоторые из стихов, на самом деле, в их полном пути молодости и экстаза, хорошие. Но они, безусловно, разработаны в другом стиле из его нынешних стихов. Может быть, это то, что делает вас непреклонным перед ними. Что он пишет Теперь, для очень частного рукописного тиража, это вещи любопытный. Признаюсь, я предпочитаю предыдущую работу; мне не нравится качество камня, dura, такого рода вещи — единственное, что я могу вспомнить из его производства последний. Это сонет для фигуры фарфоровой женщины, раскопаны в Кноссе:

Его глаза от яркой и неподвижной люстры

Все невозмутимо ни

Даже притворяется, что смотрит

Заметное отсутствие ее корсета

Где много сирийских боев sI2J

Возбуждают желание с брызгами nardo.Liˆ J

Край abistradasJ-í-U над Руж

С красными лицами, как мандарин

Они свидетельствуют о том, что не стыдно откладывать

Это предотвратит достижение и не замедлит

Полная оплата распущенной похвалы

До последней буквы, полной раскаяния.

Приветствую, жрица, мы не знаем, что Странный культ микенских дней!“J-l - =]

К сожалению, я не помню ни одного из французских стихов Эмберлина. Его своеобразная муза лучше выражается, я думаю, на этом языке, чем на

ваш родной язык.

Так и есть Эмберлин; так, я должен сказать, это был он, потому что, как я намерен продемонстрировать, что он теперь не тот человек, которым был, когда он так прошептал мне конфиденциально, когда я вошел в его комнату, мы сделали открытие о открытиях.

Я терпеливо ждал, пока он закончит свою маленькую игру в слова и, когда время показалось подходящим, я попросил его объяснить себя. Эмберлин он был готов открыться.

- Ну, вот эти факты — - начал он. - Скучное введение, боюсь, но это необходимо. Несколько лет назад, когда я прочитал выводы Бена Джонсон впервые, эта странная аннотация: “с числами, Eupompus это придало искусству благородство”, - пошутило мое любопытство. Вы сами должны будучи пораженным этой фразой, все, должно быть, поняли ее, и все, должно быть, также поняли, что ни один комментатор не сказал ни одного слово на эту тему. Так обстоит дело с критиками-очевидные моменты подробно объяснены и обсуждены, а также сложные отрывки, о которых человек может хотеть знать что-то, завещанное молчание чистого невежества. “С числа, Евпомп наделил искусство благородством” ; эта абсурдная фраза осталась у меня голова. Однажды она действительно преследовала меня. Я пел ее в ванне., музыка как гимн. Это было так, насколько я помню — и он начал петь—: “Eupompus, я-U-pompus даровал благородный-и-za…— - и так далее перед, через все повторения, взлеты и падения, тянущиеся из гимна, пародировать. - Я пою вам это, чтобы показать, как может быть эта ужасная фраза это было над моим разумом, - сказал он, когда закончил. - Восемь лет, раз когда его бессмысленность загнала меня в угол. Я консультировался с Eupompus по всем очевидные справочники, конечно. Он прямо там: Александрийский художник, увековечен каким-то несчастным маленьким автором в каком-то еще более несчастном анекдоте, что на данный момент я полностью забыл; в любом случае, у меня ничего не было. смотрите с украшением искусства по номерам. Обескураженный, давным-давно я отказался от поиска; Евпомп остался для меня фигурой, окутанной тайна, автор любого возмущения, ответственный за какую-то пользу забытый для искусства, которое он практиковал. Его история казалась погруженной в непроницаемой темноте. А потом вчера я узнал все о нем и его искусстве и ваши номера. Случайное открытие, и несколько вещей доставили мне больше удовольствия. Как я уже сказал, я обнаружил это вчера, когда пролистывал том Zuylerius. Естественно, не тот Зуйлериус, которого мы знаем, - быстро добавил он. — В противном случае секрет Евпомпа был бы открыт много лет назад.

- Естественно, — повторил я, - не Зуйлериус, к которому у вас есть доступ.

- Точно, - сказал Эмберлин, серьезно относясь к моей шутке. - Не известный Джон Зуйлерий младший, но старший, Хенрик Зуйлерий, а гораздо менее известная фигура, хотя, возможно, не заслуживала такой участи, чем

сыновья. Но сейчас не время обсуждать их достоинства. Любой путь, который я нашел в книге критических диалогов старшего Зуйлериуса а ссылка, на которую, несомненно, ссылается Джонсон в своей аннотации. (Это было естественно просто аннотация, которая не должна была быть напечатана, но что исполнители литературоведы Джонсона поместили его в книгу вместе со всем остальным посмертным материалом свободный.) “Числами Евпомп наделил искусство благородством”; Зуйлерий делает довольно косвенный отчет о процессе. Наверное, он нашел источники в каком-то писателе теперь потеряны для нас.

Эмберлин сделал небольшую паузу, чтобы подумать. Потеря работы любого древний писатель причинял ему острую печаль. Я пришел к выводу, что он написал версия невосстановленных книг Петрония. Когда-нибудь я надеюсь получить возможность увидеть, что концепция Emberlin делает Satyricon в целом. Он бы, в этом я не сомневаюсь, справедливо относился к Петронию; возможно, почти слишком много.

- Какова была история Евпомпа? — спросить. - Я полон любопытство знать.

Эмберлин вздохнул и продолжил.

- Повествование Зуйлериуса, — сказал он, - довольно сухое, но в целом ясное; и я думаю, что она дает нам основные моменты истории. Я расскажу вам в моих собственные слова; это лучше, чем читать с него голландскую латынь. Eupompus, то, он был одним из самых известных портретистов Александрии. Его клиентура была большой, его чрезвычайно прибыльный бизнес. Для полупортрета в масле великие придворные платили ему месячную зарплату. Он писал портреты князей и купцов в обмен на их самые дорогие и редкие сокровища. Черные властители как уголь они прошли полторы тысячи километров из Эфиопии, чтобы чтобы ваши миниатюры были нарисованы на специально подобранном куске слоновая кость; и в качестве оплаты были верблюды, нагруженные золотом и специями. А слава, богатство и честь принадлежали ему, когда он был еще молод; перед ним казалось, была карьера без пары. А потом внезапно он все бросил: он отказался писать еще один портрет. Двери его студии были закрыты. Быть напрасно, что клиенты, какими бы богатыми, какими бы знаменитыми они ни были, просили войти; у рабов были приказы: Евпомп принимал только своих близких.

Эмберлин сделал перерыв в повествовании.

- Что делал Евпомп?— спросить.

- Естественно, он был занят, - ответил Эмберлин, - давая благородство к искусству с числами. И это, насколько я мог понять из Zuylerius, было как все это произошло. Внезапно он влюбился в цифры — безнадежно чистый счет стал его жизнью. Номер показался ему единственная реальность, единственная вещь, в которой разум человека мог быть уверен. Счет был единственным, что стоило того, потому что это было единственное, что можно было убедитесь, что вы делаете это правильно. Таким образом, искусство, чтобы оно могло иметь некоторую ценность, он должен объединяться с реальностью; то есть он должен иметь числовую основу. Он

воплотил идею в жизнь, нарисовав первую картину в этом новом стиле. Это был гигантский экран, покрывающий несколько сотен квадратных метров; я не сомневаюсь о котором Евпомп мог сказать точную площадь до сантиметра; и о нем был представлен безграничный океан, покрытый, насколько мог видеть вид достичь в любом направлении, толпой черных лебедей. Было тридцать и три тысячи этих лебедей, каждый, даже если это было просто пятно на горизонт, отчетливо нарисованный. Посреди океана был остров, над это была более или менее человеческая фигура с тремя глазами, тремя руками и три ноги, три груди и три пупка. В плюмбовом небе истекли три солнца бледно. В кадре ничего не осталось, описывает его Зуйлерий точно. Eupompus потратил девять месяцев тяжелой работы, рисуя его. немногие привилегированные, которые могли его увидеть, определили его, когда он был закончен, как шедевр. Они собрались вокруг Евпомпа в небольшой школа, называя себя Филаритмическими. Они сидели часами, перед его великой работой, созерцая лебедей и считая их; согласно Филарритмики, рассказывать и созерцать - это одно и то же. Следующая картина Eupompus, представляющий фруктовый сад из одинаковых деревьев, расположенных в quine connciosj-L^] был менее оценен connaisseurs. Его исследования толпы, однако, ценились больше; в них он изображал их расположенными в группы, которые точно имитировали количество и положение звезд, которые они составили несколько самых известных созвездий. И был также его знаменитый картина амфитеатра, вызвавшая фурор среди Филарритмиков. Zuylerius опять дает подробное описание. Видны ряды и ряды сидений, все

заняты странными циклопическими фигурами. Каждая строка приспосабливает больше люди, чем ряд ниже, и число увеличивается в прогрессии сложный, но регулярный. Все фигуры, сидящие в амфитеатре, имеют один глаз, огромный и светлый, посаженный посреди лба; и все эти тысячи уникальные глаза устремлены в жуткий и угрожающий взгляд на карликовое существо с треском съеживается на арене… В вся толпа, только у него было два глаза. Я бы отдал все, чтобы увидеть эту картину — добавил Эмберлин после паузы. - Цветной, понимаешь? Zuylerius нет это упоминает, но почему - то я уверен, что доминирующий тон должен был живой кирпично-красный: амфитеатр из красного гранита, полный зрители, одетые в красное, четко очерченные на фоне голубого неба неумолимый.

- Глаза были бы зелеными, - предложил я.

Эмберлин закрыл глаза, чтобы визуализировать сцену, а затем кивнул несколько неторопливая и сдержанная.

— До сих пор повествование Зуйлериуса довольно ясно, - продолжил Эмберлин наконец. - Но его описания более позднего филаритмического искусства становятся крайне неясны; я сомневаюсь, что он понял, о чем идет речь. Пойти

дать ему смысл, который я смог извлечь из хаоса. Похоже, что Eupompus se надоело рисовать только номера объектов. Теперь он хотел представлять собственный номер. И тогда он задумал план сделать идеи видимыми основополагающие условия жизни через те чисто числовые термины, в которых, по его словам, в конце концов они должны уладиться. Зуйлериус смутно говорит о портрет Эроса, который, кажется, состоял из серии переплетенных планов. Похоже, что фантазия Евпомпа затем обратилась к нескольким из сократовские Диалоги о природе общих идей, и он сделал ряд иллюстрации к ним в том же арифмогеометрическом стиле. Наконец-то есть сумасшедшая описание, которое Зуйлерий делает из последней картины, которую нарисовал Евпомп. Ее, я очень мало понял. Тема работы, по крайней мере, четко выражена заявлено: это было представление чистого числа, или Бога и Вселенной, или как бы вы ни хотели назвать эту приятно пустую и глупую концепцию тотальность. Это был портрет космоса, видимый, насколько я понимаю, через несколько неоплатоническая камера-обскура-очень четкая и маленькая. Zuylerius он предлагает чертеж

плоскостей, излучающих одну точку света. Осмелюсь сказать это должно было быть что-то вроде этого. На самом деле, я не сомневаюсь, что работа была очень подходящее выражение в видимой форме концепции одного и многих, со всеми промежуточными состояниями освещения между материей и фонами Дейтатис.ЛПВП однако нет смысла размышлять о том, какой будет картина. Нищий Евпомп сошел с ума, прежде чем полностью закончил, и после того, как отправленный двумя филарритмическими поклонниками с молотком, он бросился через окно и сломал шею. Это был его конец, и именно так он дал благородство, к сожалению, эфемерное искусство с числами.

Эмберлин перестал говорить. Мы курили наши трубы в задумчивой тишине,; бедный Евпомп!

Это было четыре месяца назад. Сегодня Эмберлин является заявленным филаритмическим и казалось бы, окончательный, ярый евпомпианец.

Для Эмберлина всегда было характерно брать идеи, которые он находит в книгах, и применять их на практике. Однажды, например, он стал активным алхимиком, и он приобрел значительные способности в великом искусстве. Он изучал мнемонику с Бруно и Раймонд Люлли, и построил для себя копию машины силлогизмы последнего в надежде получить всеобщее знание, которое Просветленный доктор заверил всех, кто его использует. На этот раз это был евпомпианство, и вещь захватила его. Я представил ему все ужасные предупреждения, которые мог найти в истории. Но это не помогло.

Есть прискорбное зрелище доктора Джонсона под тиранией ритуала евпомпиан считает столбы и булыжники Флит-стрит. Сам я хорошо знал, насколько я близок к безумию.

И я также считаю эвпомпианцами всех игроков, всех расчетников, все толкователи пророчеств Даниила и откровения, а также эльберфельдские лошади, самые полные из евпомпийцев.

И вот Эмберлин присоединился к этой секте, деградировав до уровня животные, которые имеют значение, и иррациональные дети и люди, более или менее безумный. Доктор Джонсон родился как минимум с оттенком эвпомпианской аберрации;

Эмберлин приобретает ее усердно и осознанно. Мои против-аргументы, контраргументы всех его друзей, еще не сделали эффект. Напрасно я говорю Эмберлину, что считать-это самая легкая вещь в мире, что, когда я полностью истощен мой мозг, из-за отсутствия способности делать любую другую работу, просто считает и вычисляет, как машина, как лошадь Эльберфельда. Мой голос не слышен; Эмберлин просто улыбается и он показывает мне какой-то новый числовой анекдот, который он обнаружил. Эмберлин никогда больше может войти в кафельную ванную комнату, не считая, сколько рядов плитки там от пола до потолка. Он считает интересным факт, что их двадцать шесть ряды плитки в его ванной и тридцать два в моей, в то время как все общественные туалеты Холборна имеют такое же количество. Теперь он знает, сколько их шаги из одной точки Лондона в другую. Я перестала гулять с ним. А осознание того, что ты видишь его обеспокоенный взгляд, действительно раздражает меня, потому что я знаю, что ты подсчет ваших шагов.

Их ночи тоже стали глубоко меланхоличными; разговор, как бы хорошо это ни начиналось, оно всегда доходит до одной и той же тошнотворной темы. Не нам удалось убежать от чисел; Евпомп преследует нас. Не то чтобы мы математиков, и мы можем обсуждать проблемы, представляющие интерес или ценность. Не, никто из нас не математик, тем более Эмберлин. Эмберлин любит разговор на такие темы, как числовое значение Троицы, то огромное значение имеет тот факт, что она одна из трех. И, кажется, у него нет совести. от того, насколько это изменилось к худшему. Он доволен интересом, который поглощает его полный. Как будто какая-то психическая проказа напала на его интеллект.

Через год или около того, я говорю Эмберлину, он почти сможет соревноваться с расчетными лошадьми на собственной местности. Потеряет все следы. из разума, но удастся предать прежние кубические корни головой. Мне приходит в голову, что причина, по которой Евпомп покончил с собой, заключалась не в том, что он был сумасшедшим; скорее, это было потому что он был временно в здравом уме. Он был сумасшедшим в течение многих лет, а затем внезапно самоуспокоенность идиота загорелась вспышкой здоровье. В своем мгновенном свете он увидел бездны глупости в который нырнул. Он видел и понимал, и весь ужас, жалкий абсурд ситуация привела его в отчаяние. Он отомстил Евпомпу против евпомпианства, человечество против Филарритмиков. Я рад думать, что он он уничтожил двоих из этой ужасной группы перед смертью.

Синтия

Через пятьдесят лет, когда мои внуки спросят меня, что я делал это, когда был в Оксфорде в первые дни нашего чудовищного века, я брошу взгляд назад на растущую бездну времени и скажу им со всей добросовестностью, что я никогда не работал меньше восьми часов в день, что у меня был я живу интересом к социальной работе и какой кофе был самым сильным стимулятором, чем я пить. И они подтвердят это очень справедливо… но я надеюсь, что не услышу. Вот почему что я предлагаю написать свои мемуары без промедления, прежде чем у меня будет время забыть их, чтобы, имея правду передо мной, я не мог в будущем, сознательный или бессознательный ум, ложь на мой собственный уважение.

На данный момент у меня нет времени писать полный отчет об этом решающий период моей истории. Таким образом, я должен довольствоваться описанием один несчастный случай из моих студенческих дней. Я выбрал это, потому что это любопытно и то же время, совершенно характерное для довоенной жизни в Оксфорде.

Мой друг Лайкхэм был стипендиатом в колледже Swellfoot. Он соответствовал кровь (он очень гордился своим англосаксонским происхождением и его название происходит от английского arcai со lycam, труп) с умом. Ваши вкусы были эксцентричными, их привычки, прискорбные, набор знаний, которые господствовал, огромный. Поскольку он теперь мертв, я больше ничего не скажу о его характере.

Продолжая мой случай: однажды ночью я ушел, как обычно, посетите его в его покоях в Swellfoot. Было чуть больше девяти часов, когда я поднялся по лестнице, и колокол — наш великий TomJ-l^J — все еще стучал.

In Thomae laude

Resono bim bam sine мошенничество, l^l

как сказал Этот милый маленький глупый стих, и в ту ночь он оправдывал себя в стихах, бимбалинг в постоянном Бассо профондо, который сформировал потрясающий диссонирующий фон для неистового гитарного звука, который исходил из комнаты Лайкхэма. По ярости ее аппликатуры я понял, что у меня есть произошло нечто большее, чем обычно катастрофическое, потому что, к счастью, это было просто в моменты огромного напряжения Lykeham играл на гитаре.

Я вошел в комнату с руками в ушах.

- Ради бога… — умолять. Через открытое окно колокол отпустил глубокая ми-бемоль с модуляциями ниже и выше тона, в то время как а гитара matraqueava резко и истерически в естественном ре. Lykeham смеялся, играл гитара на диване с таким насилием, что все струны звучали в храпе. дрожа, и побежала ко мне. Ударил меня по плечу с болезненным энтузиазмом; его лицо излучало радость и волнение.

Я могу быть единомышленником в страданиях других, но не в их удовольствии. В чужом счастье есть что-то странно скучное.

- Ты потеешь, - холодно проговорил я.

Лайкхем вытерся, но продолжал улыбаться.

- Что теперь?— спросить. - Ты снова помолвлен?

Lykeham взорвался с триумфальным удовольствием того, кто наконец-то найдена возможность избавиться от гнетущей тайны:

- Намного лучше, чем это! — воскликнуть.

Я ворчал.

- Какая-то любовь, более неприятная, чем обычно, я полагаю. — Я я знал, что он был в Лондоне накануне, принимая назначение важно с дантистом как предлог, чтобы остаться там на ночь.

- Не будь грубым — - сказал Лайкхем с нервным смехом, что это показало, что мои подозрения в конце концов имеют основания.

- Ну, тогда поговорим о восхитительной Флосси, или Эффи, или как там ее зовут о ней, - сказал он с отставкой.

- Я говорю вам, что она была богиней.

- Да, я думаю.

- Богиня, - продолжил Лайкхем. - Самое замечательное существо, которое я видел. и самое необычное, что кажется, что я тоже своего рода Бог, - добавил он конфиденциально и с удивительной гордостью.

- Бог садов; I13 но давайте перейдем к фактам.

- Я расскажу вам всю историю. Это было так: прошлой ночью я был в город, вы знаете, и я пошел посмотреть эту замечательную пьесу, которая играет в Prince Consort. Быть одна из таких умных комбинаций мелодрамы и дипломной работы, которая нас он наполняется напряжением и в то же время дает добродетельное ощущение, что мы пошли посмотреть серьезный кусок. Ну, я вошел немного поздно, получив место восхитительно в первом ряду у стойки. Я наткнулся на людей, и случайно я заметил, что рядом со мной сидела девушка, которой я извинился за наступив на ноги. Я больше не думал о ней во время первого акта. Узел интервал, когда снова загорелся свет, я повернулся, чтобы посмотреть на вещи. в общем, я обнаружил, что рядом со мной сидит богиня. Достаточно было посмотреть на видеть, что она была богиней. Она была невероятно красивой, бледной и девственной, худой и в то же время очень внушительный. Я не могу описать ее; она была просто идеально-нет другого способа описать это.

- Отлично, - повторил я. - Но остальные тоже были.

- Глупо! - нетерпеливо ответил Лайкхем. - Остальные были просто чертовы женщины. Я говорю вам, что это была богиня. Не перебивай меня более. Я с удивлением смотрел на ее профиль, когда она повернула голову и он смотрел на меня. Я никогда не видел ничего такого прекрасного; я чуть не потерял сознание. Наши глаза, если найти…

- Какое ужасное выражение романиста! — комментировать.

- Ничего не могу с собой поделать; другого слова нет, наши глаза встретились то же самое, и мы влюбились одновременно.

- Говори только за себя.

- Я видел это в ее глазах. Ну, продолжая: мы смотрим друг на друга несколько раз во время первого перерыва, а затем начался второй акт. Во время второй акт, ну случайно я уронил свою программу на землю и, опустив себя чтобы поднять его, я прикоснулся к ее руке. Ну, очевидно, что делать было нечего, кроме как держи ее.

- Что она сделала?

— Ничего. Мы сидели так на протяжении всего остального акта, блаженно счастливы и…

- И тихо потеет ладонью к ладони. Точно знаю, от так что мы можем пройти через это. Продолжить.

- Конечно, ты понятия не имеешь; ты никогда не держал руку богини. Когда снова загорелся свет, я неохотно отпустил ее руку, не нравится идея, что нас видит неудобная толпа, и в отсутствие что-нибудь лучше сказать, я спросил ее, действительно ли она богиня. Она сказала это был любопытный вопрос, потому что он задавался вопросом, кем я был Бог. Тогда мы сказали: как удивительно, и я сказал, конечно, что она богиня, и она сказала, что я был уверен, что я Бог, и я купил шоколад, и начал третий акт. Хотя, будучи мелодрамой, в третьем акте, естественно, была сцена убийства и ограбления, в которой все огни были выключены. На данный момент захватывающий из полной темноты я вдруг почувствовал, что она поцеловала меня в лицо.

- Я думал, ты сказал, что она девственница.

- Она действительно была. Абсолютная и ледяная девственность; но она была сделана из вид горящего льда, если вы понимаете, о чем я. Это было девственно влюбленный: именно та комбинация, которую можно найти в богине. Признаюсь, я испугался, когда она поцеловала меня, но с бесконечным присутствием дух я поцеловал ее в рот. Так что убийство закончилось, и свет стал зажечь. Больше ничего не происходило до конца спектакля, когда я помог надеть пальто, и мы вышли вместе, как будто это была самая очевидная вещь в мир, и мы садимся в такси. Я попросил

водителя найти место, где мы могли бы поужинать, и он так и сделал.

- С несколькими объятиями по дороге?

- Да, с несколькими объятиями по дороге.

- Всегда страстно девственница?

- Всегда девственно влюблены.

— Продолжить.

- Ну, мы ужинали, событие без тени олимпийского сомнения, нектар и амброзия и украденные рукопожатия. Она становилась более замечательной, чем каждую минуту. Боже мой, ты должен был видеть ее глаза! Вся душа казалась гореть в его глубинах, как огонь под морем…

- Для повествования гораздо более уместен эпический или героический стиль, чем что лирический-прервал.

- Ну, как я уже говорил, мы ужинали, а после этого мои память становится своего рода огненным туманом.

- Давайте поторопимся и поднимем неизбежную завесу. Как ее звали?

Лайкхем признался, что не знал; поскольку она была богиней, похоже, у нее не было важно ваше земное название. Как он намеревался встретиться с ней снова? Он я не думал об этом, но знал, что она каким-то образом появится. Я тебе сказал, что он дурак, и спросил, какая именно богиня, по его мнению, она это было и что Бог, в частности, сам был.

- Мы это обсуждали, - сказал он. - Сначала мы думаем об Аресе и Афродита; но она не была моим представлением об Афродите, и я не знаю, слишком ли я похож на Ареса.

Задумчиво посоветовался со старым венецианским зеркалом, висящим над камин. Это был самодовольный взгляд, поскольку Лайкхем был тщеславен в своей внешний вид, который был на самом деле отталкивающим на первый взгляд, но когда она снова смотрелась, имела некую некрасивую, странную и

завораживающую красоту. Бородатый, он это был бы сносный Сократ. Но Арес… нет, конечно, он не был Аресом.

- Может, ты Гефест, - предложил я; но идея была встречена холодно.

Был ли он уверен, что она богиня? Не может быть просто одним нимфа? Европа, например. Lykeham отверг подразумеваемое предположение, что он это был бык, он даже не соглашался быть лебедем или золотым дождем. Это было возможно, в тем не менее, он думал, что он был поддержкой, и она, Дафна, перевоплотилась из своего государства растительный. И хотя я смеялся до смеха при мысли, что он Феб Поддержка, Lykeham цеплялся за эту теорию с возрастающей упрямством. Чем больше думал об этом, тем более ему казалось вероятным, что его нимфа с его пылкой страстью, в то время как ему не приходило в голову сомневаться, что он даже это была поддержка.

Это было примерно через две недели, в июне, в конце занятий, что мы узнаем олимпийскую идентичность Лайкхэма. Мы ушли, Лайкхэм и я, прогуляться после ужина. Мы выходим в бледное спокойствие луско-Фуско и, следуя по тропинке вверх по течению к Годстоу, мы остановились в гостевом доме, чтобы

бокал портвейна и беседа со славным женским Фальстафом из черный шелк, который был владельцем. Нас величественно развлекали сплетни и старое вино, и после того, как Лайкхэм спел комическую песню, которая превратил старушку в дрожащее желе истерического смеха, мы пошли дальше однажды, намереваясь пойти немного дальше вверх по течению, прежде чем мы вернемся. А в это время наступила тьма; звезды освещали небо; это была ночь с лета Марлоу сравнил Helenay Троянскую. В Кампинасе, павончинос невидимые кружились и издавали свой меланхоличный крик; далекий гром плотины это был постоянный, регулярный вес над каждым другим шумом ночи. Мы с лайкхэмом шли в тишине. Мы покрыли около четырехсот метры, когда вдруг мой спутник остановился и начал пристально смотреть на запад, в направлении горы Уитхэм. Я тоже остановился и увидел, что он глядя на тонкий полумесяц Луны, который готовился умереть в лесу темные, которые венчали возвышение.

- На что ты смотришь? - я хотел знать.

Но Лайкхем не обратил внимания, просто что-то пробормотал про себя. Вдруг воскликнул: “А она!“и вышел полным галопом по полям в направление горы. Воображая, что он внезапно сошел с ума, я его следовать. Мы пересекли первый забор на расстоянии десяти метров друг от друга. Затем прибыла запруженная вода; Лайкхем прыгнул, приземлился, прежде чем пересечь полностью преграда и поползла пропитанная к берегу. Мой прыжок был лучше, и я упал среди грязи на другом берегу. Еще два живых забора и один Вспаханное поле, другая живая изгородь, дорога, ворота, другое поле, а затем мы были на самой горе Уитхэм. Под деревьями чернота была полной, и Lykeham был вынужден ослабить шаг. Я следовал за ним через шум, который он издавал. пробираясь сквозь растительность и ругаясь, когда ему больно. Этот лес это был кошмар, но каким-то образом мы пересекли его до поляны в вершина горы. Сквозь деревья на другой стороне поляны сияла луна., выглядит невероятно близко. Затем внезапно по пути в лунном свете появилась фигура женщины, идущей среди деревьев к поляна. Lykeham побежал к ней и бросился к ее ногам, и обнял ее колени; она наклонилась и погладила его растрепанные волосы. Я повернулся и ушел.; не просто смертному дано засвидетельствовать объятия богов.

Когда я шел назад, я задавался вопросом, кем может быть Лайкхем. Ибо не было никаких сомнений, это была целомудренная Синтия, предавшаяся ему. Будет ли это может ли он быть Эндимионом?Джей!£l нет, идея была слишком абсурдной, чтобы ее можно было довести до серьезно даже на мгновение. Но я не мог думать о другом любимом за девственную Луну. Тем не менее, я, конечно, смутно вспоминал, что был Бог благоволил; но как бы я ни старался, я не мог вспомнить, о чем это было. Весь путь назад вдоль реки я перепутал в памяти его имя, которое не переставало убегать от меня.

Но по возвращении я посоветовался с Лемприером и чуть не умер от смеха, когда обнаружил истина. Я думал о Венецианском зеркале Lykeham и его самодовольных взглядах и его вера в то, что он был опорой; и смеется многое. И когда спустя много времени после полуночи Лайкхем вернулся в колледж, я нашел его в портике и тихо схватил за рукав и в ухо я прошептал “козья нога”, üü, а затем снова рассмеялся.

Книжный магазин

Это действительно казалось странным местом для поиска книжного магазина. Все другие торговые предприятия на улице были предназначены для удовлетворения потребностей минимумы шумной мрази района. На этой улице Главная улица циркуляция, были особенные блеск и жизнь, произведенные быстрым прохождение движения. Это было почти воздушно, почти весело. Но все вокруг большие участки трущоб роились в их влажной застройке. Житель они делали все свои покупки на главной улице; они проходили мимо, держа кусочки мясо, которое выглядело слизистым даже через бумажную упаковку; торговали линолеумом на дверях обивщиков; женщины, в шляпе и шали ниггеры, они шли, волоча ноги к рынку с сумками, изношенные плетеные соломы. Как эти люди могли, я задавался вопросом, купить книги? И все же там была она, крошечный магазин; и витрины у них были полки, и были коричневые корешки книг. Справа большой торговый центр наводнил улицу своей сказочно дешевой мебелью; слева заниженные, драпированные витрины ресторана рекламировались в очищенные белые буквы достоинства блюд из шести центов. Посреди, такой узкий, что едва мешал соединению еды с мебелью, был маленький магазин. Дверь в пять футов темной витрины, это была вся протяженность фасад. Здесь было видно, что литература-это роскошь; здесь она заняла свое место пропорционально, в этом месте необходимости. Тем не менее, утешением было то, что она выжил, определенно выжил.

Владелец магазина стоял у двери, маленький человек, седая борода и с очень живыми глазами за очками, которые закрывали его нос длинный и острый.

- Дела идут хорошо? — спросить.

- Они были лучше во времена моего деда — - ответил он мне, встряхивая голова с грустью.

- Мы становимся все более филистимлянами, - предложил я.

- Это наша дешевая пресса. Эфемерный перекрывает постоянный, классический.

- Эта журналистика или, можно сказать, этот тривиальный повседневность-проклятие с нашей эпохи — - согласился я.

- Только для… — Он жестикулировал руками, словно ища схватить слово.

- В огонь.

Старик был решителен, говоря триумфальным тоном:

- Нет; в канализацию.

Улыбается, сочувствуя его страстности.

— Мы приятно согласились на наше мнение, - заговорил я. - Я могу дать один взгляд на его сокровища?

Внутри магазина был темно-коричневый луско-Фуско, переделанный в старую кожу и запах этой тонкой, тонкой пыли, которая цепляется за страницы забытых книг, как будто сохраняя свои секреты - как сухой песок азиатских пустынь под которым, все еще невероятно нетронутые, лежат сокровища и тысячелетний мусор назад. Я открыл первый том, который попал мне в руки. Это была книга принтов мода, подробно расписанная вручную пурпурным и фиолетовым, коричневым, алый и коричневый и все эти разбавленные оттенки зеленого, которые поколение еще раньше он называл страдания Вертера. Красотки в юбке-воздушный шар скользил по страницам с находчивостью кораблей флаги. Были представлены худые, плоские, черные ноги, такие как чайные листья торчат под вашими нижними юбками. Их лица были овальными, окруженными по волосам блестящего негра и выражали непорочную чистоту. Думать на наших Moderna манекенах, с их высокими пятками и свод их ног, их плоские лица и скучная улыбка. Трудно было не предпочесть прошлое. Я легко знакомлюсь с символами; в моем есть что-то от Quarlesí^J природа. Не обладая философским умом, я предпочитаю видеть свои абстракции конкретно изображены. И тогда мне пришло в голову, что если я хочу символ для святость брака и влияние дома, не мог выбрать лучше, чем что две маленькие ножки темные, как чайные листья, прилично выглядывают под подол огромных юбок. В то время как высокие каблуки и изогнутые ступни должны символизировать-ну, наоборот.

Цепь моих мыслей была сбита с толку голосом старика.

- Представляю, ты меломан, - сказал он.

О да, я был немного; и он предложил мне громоздкий Фолио.

- Вы когда-нибудь слышали это?- он спросил.

Роберт Демон; нет, я не слышал. Я не сомневался, что это был пробел в моем музыкальном образовании.

Старик взял книгу и вытащил стул из мрачных уголков магазина. Именно тогда я осознал удивительный факт: то, что я вообразил, одним взглядом небрежно, быть обычным прилавком, теперь я понял, что это странное пианино. квадратный. Старик сел перед ним.

— Вы должны простить любой дефект в настройке — - сказал он, поворачиваясь для меня. - Старый Бродвуд, грузин, знает, и видел много работы в сто лет.

Открыл крышку, и желтые клавиши улыбнулись мне в темноте, как зубы древней лошади.

Старик пролистывал страницы,пока не нашел нужный фрагмент.

- Тема балета, - сказал он. - Это прекрасно. Слушать.

Его костлявые и несколько дрожащие руки внезапно начали передвигаться с невероятной ловкостью, и слабый и звенящий против Рева движение, поднялась веселая, бодрая мелодия. Инструмент дергался значительно, и громкость звука была fmo, как водяная нить регаты пораженный засухой; но он был настроен, и мелодия была тонкой, воздушной.

— А теперь песня пьяниц, - воскликнул старик с энтузиазмом с его исполнением. Он сыграл серию аккордов, которые модулировали крещендо., до кульминации; настолько в высшей степени оперный, что, несомненно, был пародия на этот момент напряженности и напряженности, когда певцы готовятся для взрыва страсти. А потом пришел хор пьяниц. Представьте себе- если люди, завернутые в мантии, грубо веселые, с пустотой бутыли картонное вино.

Versiam ‘ a Tazza piena II щедрый умор.

Голос старика был резким и треснувшим, но его энтузиазм окупился любые проблемы с исполнением. Я никогда не видел, чтобы кто-то был погружен в такое абсолютный восторг.

Он прошел еще несколько страниц.

- А, вальс Инфернале, - сказал он. - Это хорошо. - Был маленький и меланхоличная прелюдия, а затем мелодия, возможно, не такая адская, как если бы его заставляли ждать, но все же довольно приятно. Я посмотрел на я пел под его аккомпанемент.

Демони Фатали Fantasmi d’orror, Dei regni infernali Плаудит Аль синьор

Большой грузовик с пивом, приводимый в движение паром, пронесся мимо, ревя со своим гром уничтожил и заставил полностью исчезнуть последнюю строку. Руки старик все еще двигался по желтым клавишам, я открывал и закрывал рот; но не было звука слов или музыки. Как будто демоны смертельные, призраки ужаса, внезапно ворвались в это место. тихий и потерянный.

Я выглянул через узкую дверь. Движение бежало без остановки; мужчины и женщины спешно проходили мимо, с напряженными лицами. Призраки

ужас, все они: населяли адские царства. Снаружи люди жили под тирания вещей. Все его действия определялись приказами простой материей, деньгами, орудиями своего дела и бездумными законами привычки и условности. Но здесь я казался в безопасности от вещей, живя в шаг от реальности; здесь, где бородатый лорд, вряд ли выживший из какая-то другая эпоха смело играла музыку романтики, несмотря на тот факт, что призраки ужаса могут снова и снова заглушать ее звук ваша

толпа.

- А что, вы заберете? - Мужской голос вторгся в мои мысли. — Я могу оставить его за пять шиллингов.

Он держал толстый изношенный объем ко мне. Его лицо отражалось напряженное беспокойство. Я видел, как он с нетерпением ждал моих пяти шиллингов, как они были-бедняга! — необходимый. Он играл, я думал с необоснованная горечь, он просто коснулся меня, как собака натренированный. Его надменность, его культура — все это уловка дилера. Я чувствовал себя обиженный. Он был всего лишь одним из призраков ужасов, замаскированных под ангел в этом несколько комический рай созерцания. Я дал ему две монеты, и он начал заворачиваю объем в бумагу.

- Знаешь, мне грустно расставаться с ним, - прокомментировал он. - Я очень привязан к мои книги, но они всегда должны идти.

Вздохнул с такими явно искренними эмоциями, что пожалел о мнение, которое вы сделали о нем. Он был покорным обитателем адских владений., точно так же, как я.

Снаружи начали рекламировать дневные газеты: затонувший корабль, захваченные окопы, чья-то новая захватывающая речь. Мы смотрим на другому-старому продавцу книг и мне-молча. Мы мы понимали без слов. Вот мы были наедине, и вот это было все человечество в целом, все сталкиваются с ужасным триумфом вещей. В этой продолжающейся резне людей, в насильственной жертве этого старика, материя восторжествовала одинаково. И идя домой через Риджент-парк., я также обнаружил, что материя восторжествует над мной. Моя книга была неожиданно тяжело, и мне было интересно, что я могу сделать с партитура Роберта демона, когда он вернется домой. Было бы просто больше одна вещь, чтобы взвесить и запутать меня; и в тот момент она была тяжелой, ах, отвратительно тяжело. Я наклонился над перилами, которые окружают озеро. орнаментальный и, как только мог, я уронил книгу среди кустарник.

Я часто думаю, что было бы лучше не пытаться решить проблему житейский. Жить достаточно сложно, не усложняя процесс, думая о нем. А возможно, более мудрым является принятие ” скучного состояния человечества, рожденные по одному закону, все привязаны друг к другу ” I^J и останавливаться на достигнутом, не пытаясь

примирить несовместимые. Ах, абсурдная сложность всего этого! И в дополнение к плюс, я потратил пять шиллингов, что серьезно, знаете ли, в эти трудные времена.

Смерть Люлли

Море было спокойным, и галера, укрывшаяся в своей прозрачной воде, двигалась-если сострадательно к медленному пульсированию вашей спящей жизни. Внизу, несколько саженей глубиной кристально прозрачного Средиземноморья, тень корабля лениво качалась, длинное темное пятно перемещение вперед и назад по белому песку морского дна - очень медленно, зеленая тьма движется вперед и отступает почти незаметный. Иногда проходила рыба, иногда неподвижная, с плавниками дрожащие и заводные, иногда бросающиеся вперед, без усилий и с невероятная скорость; и всегда, судя по всему, совершенно бесцельно, они стояли или двигались; как жизнь ангелов, их жизнь это казалось загадочным и непознаваемым.

На борту лодки все было тихо. В своей вонючей клетке под палубой гребцы спали сидя, скованные цепями на своих узких скамьях. Узел палуба, моряки спали или сидели небольшими группами, играя данные. Aproa, казалось, был зарезервирован для выдающихся пассажиров. Две фигуры, мужчина и женщина, лежали на шезлонгах, лица и полуспинные конечности покраснели от красочной тени великого над ними растянулся красный тент.

Они были дворянином, моряки слышали, и его любовница, что они были на борту. Эти двое купили билет в Скандерун и они возвращались домой в Испанию. Гордые, как грех, испанцы; человек относился к ним как к рабам или собакам. Что касается женщины, она была разумной, но в ее родной Генуе они могли найти лица и бюсты, которые можно сравнить с ее. Если бы кто-то просто посмотрел на нее, даже на расстоянии половины корабля между ними их владелец стоял в ярости. Он она ударила мужчину за то, что он ей улыбнулся. Проклятый каталонец, ревнивый, как олень; ты дал маруджаде желать ему рогов и нрава.

Была сильная жара даже под навесом. Человек проснулся от сна

трудно и протянул руку к маленькому столику рядом с ней, где был слинг Кубок серебряное вино, смешанное с водой. Выпил глоток; было жарко, как кровь и не освежила горло. Повернулся и, опираясь на локоть, посмотрел для своей спутницы-она лежит на спине, тихо дышит сквозь приоткрытые губы, все еще спящая. Наклонился и зажал ее на грудь, так что она проснулась от прыжка и с криком боли.

- Почему вы меня разбудили? — спросить.

Он засмеялся и пожал плечами. На самом деле у него не было причин для этого, но дело в том, что я не хотел, чтобы она спала комфортно, пока он был проснулся и так осознает неприятную жару.

— Жарче, чем когда-либо, - прокомментировал он с какой-то мрачностью удовлетворение от мысли, что теперь ей придется страдать от того же дискомфорта, что и он.

- Вино горит, а не освежает; кажется, что солнце не двигалось по небу.

Жена показалась скучной:

- Ты меня злобно ущипнул, - сказал он. - И я до сих пор не знаю, почему я хотел Разбуди меня.

Он снова улыбнулся, на этот раз с добродушной похотью.

- Хотел тебя поцеловать, - сказал он. Притяжательный, провел рукой по ее телу, как человек, который гладил собаку.

Внезапно послеобеденное спокойствие было нарушено. Поднялся большой шум, грубый и неровный. Пронзительные крики пронзили глухой грохот низких голосов, они проникали сквозь звук перкуссионных барабанов и молотковых металлов.

- Что вы делаете в городе?- с нетерпением спросила женщина любовнику.

- Одному Богу известно, - ответил он. - Возможно, языческие собаки разводят проблемы с нашими людьми.

Встал и подошел к стене корабля. В трехстах метрах от вдалеке,

за спокойными водами залива, находился небольшой африканский городок, который они остановились, чтобы посетить. Солнечный свет отображал все вещи с грубая и беспощадная резкость. Небо, пальмы, белые дома, купола и башни они выглядели так, как будто они были сделаны из какого-то жесткого эмалированного металла. Ряд невысоких холмов и красные тянулись вправо и влево. Сияние солнца давало все вещи в сценарии такая же четкость деталей, так что для глаза зрителя не было никакого впечатления от расстояния. Все казалось нарисованным в тот же план.

Мальчик вернулся в свой шезлонг под навесом и лег. Было больше жарко, что когда-либо, или так казалось, по крайней мере, так как он сделал усилие встать. Он думал о прохладных пастбищах в горах, с приятным звуком очень глубокие и скрытые водопады в его глубоких каналах. Думал о ветрах которые были свежими и ароматными-ветры, которые были не просто пылью и огонь. Он думал о тени кипарисов, узкой и тусклой полосе темноты; и он также подумал о зеленой прохладе, более рассеянной, жидкой и прозрачной, из каштаны. И думал о людях, которых помнил, сидящих под деревьями.

- молодые, веселые, одетые в яркие цвета люди, чья жизнь была одна веселье и восторг. Были песни, которые они пели; он вспомнил голоса и струнный танец. И были духи, и когда он подошел ближе, пьянящий аромат женского тела. Он думал об историях, которые они рассказывали.; одна из них, в частности, пришла ему в голову, замечательная история о колдуне, который

предложил превратить жену крестьянина в кобылу, и как он обманул крестьянина и повеселился с женщиной перед ним, и оправдания вкуснятина, которую он изобрел за то, что не преобразил женщину. Улыбнулся тебе даже при мысли об этом, и протягивая руку коснулся своей любовницы. Ее грудь он был таким мягким под его пальцами и влажным от пота; у него была неприятная идея что она тает в жару.

- Почему ты меня трогаешь?- спросила она.

Он не ответил и отвернулся от нее. Задавались вопросом, как будет выглядеть тело люди при воскрешении. Казалось любопытным, учитывая явную активность от червей. Что, если человек воскреснет с телом, которое у него было в старости? Он

он вздрогнул, задаваясь вопросом, какой будет эта женщина в шестьдесят, семьдесят лет. Она это было бы отвратительно за пределами слов. Старики тоже были ужасны. Он они воняли, и их глаза были жалкими и слизистыми, как глаза лани. Он решил, что убьет себя, прежде чем состарится. Ему было двадцать восемь лет. Я бы дал вам еще двенадцать лет. Тогда я все закончу. Его мысли сделали-если более расплывчато и исчезло во сне.

Женщина смотрела на него, пока он спал. Он был хорошим человеком, подумал он., хотя иногда жестоко. Он отличался от всех других мужчин, которых она знать. Раньше, когда мне было шестнадцать, и я мало знал, что такое любовь, он думал, что все мужчины всегда были пьяны, когда занимались любовью. Все они были грязными и похожими на животных; она чувствовала себя выше их. Но этот человек он был дворянином. Она не могла его понять; ее мысли были всегда неясны. Она чувствовала себя бесконечно неполноценной перед ним. Я боялся его и его случайная жестокость; но все же он был хорошим человеком, и он мог сделать все, что вы хотели от нее.

Издалека доносился звук весел, их ритмичное ныряние и визг. Кто-то крикнул, и поразительный ум рядом один из моряков ответил на так называемый.

Мальчик проснулся от испуга.

- Что это было? - спросил он, повернувшись взглядом к девушке разъяренный, как будто он считал ее ответственной за это прерывание его сна.

- Думаю, лодка, - сказала она. - Должно быть, он возвращается с пляжа.

Экипаж шлюпки поднялся в борт, и вся застойная жизнь галеры потекла возбужденно вокруг новичков. Они были центром вихря куда всех тянуло. Даже молодой каталонец, несмотря на все его ненависть к этим вонючим генуэзским морякам, была втянута в водоворот. Все говорили одновременно, и в общем беспорядке вопросов и ответов ничего связного не могло быть понято. Остро резкий над всем шум доносился голос маленького камергера, который вышел на берег с экипаж лодки. Он бежал к каждому, повторяя:

- Я ударил одного из них. Знаешь, я ударил одного. С кайфом в лоб. Как

он истек кровью, ах, как истек кровью! - И танцевала в неуправляемой суете.

Капитан поднял руку и закричал от молчания.

— По одному, - заказал, и, когда заказ был немного восстановленный, добавил ворчание: - как стая собак с кость. Говори, боцман.

— Я ударил одного из них, - начал мальчик. Кто-то ударил его по голова, и он замолчал.

Когда история боцмана сумела преодолеть лабиринты отступления, многочисленные препятствия перерывов и поправок, пока не дойдут до конца, испанец вернулся к своей спутнице под навесом. Взял еще один вместо его обычного безразличия.

- Почти убитые, - вяло сказала она в ответ на тревожные ее вопросы. - Они — - сделал жест рукой, указывая на город — они побивали камнями старика, который пришел проповедовать веру. Они оставили его мертвым в пляж. Нашим людям нужно было бежать.

Она больше ничего не могла оторвать; он повернулся и сделал вид, что засыпает.

К вечеру их посетил капитан. Он был высоким и красивым человеком, с золотые кольца сверкают в ушах среди черных волос.

- Божественное провидение, - сурово приговорил его после любезностей обычно-он призвал нас выполнить замечательную работу.

- Правда? - спросил мальчик.

- Не меньше, - продолжал капитан, - чем спасать из лап язычники и неверные драгоценные трофеи святого мученика.

Капитан отказался от своей претенциозной манеры. Было очевидно, что он подготовил эти блаженные предложения, они легко выходили из его уст. Но теперь это было стремясь продолжить свою историю, и в более простом тоне она продолжалась:

- Если бы вы знали эти моря так же хорошо, как и я, и это уже почти двадцать лет, которые я плыву в них, они знали бы об этом самом святом человеке пусть эти проклятые арабы, Пусть Бог гниет их души, убили здесь. Слышать говорить о нем не раз, и не всегда хорошо; по правде говоря, он сделал больше вреда добрым христианским купцам своими благами, чем пользы неверные собаки с черным сердцем. Оставь пчел в покое, это то, что я всегда говорю, и если вы можете получить немного меда из них спокойно, тем лучше; но он подходил к ульям с палкой, создавая путаницу для себя и для других тоже. Оставь их в покое со своим проклятием, вот что я говорю, и получите от них все, что сможете, со стороны Ада. Но даже тогда у него было смерть святого мученика. Пусть Бог приветствует вашу душу! Мученик-это вещь замечательно, понимаете, и нам не надлежит понимать, что они делают.

“Говорят также, что он умел делать золото. И для меня это было бы одно лучше для Бога и человека, если он останется дома, зарабатывая деньги на бедные и жертвуя его, чтобы больше не было необходимости работать и

убить себя за кусок хлеба. Да, он был очень хорош в изготовлении золота, и с книги тоже. Говорят, его звали просветленным доктором. Но я я до сих пор знаю его только как Люлли. Раньше я слышал, как мой отец говорил о нем, просто Люлли, и он никогда не был чем-то большим.”

“В то время мой отец был судостроителем на Менорке”, - продолжил он. “Как давно? Пятьдесят, может быть, шестьдесят лет. Он встретил его тогда; многие раз рассказывал мне историю. И он был довольно невозмутимым парнем. Пить, ходить с проститутками или бросая кости, он был лучшим из всех, и в перерыве между говорят, запои писал стихи, а это было больше, чем могли сделать другие. Но он внезапно все бросил. Пожертвовал свои земли, бросил старых товарищей и превратился в отшельника в горах, живущего в одиночестве, как лиса в своей норе., высоко над кустами. И все из-за женщины и ее собственного чувствительный желудок.”

Капитан сделал паузу и налил себе немного вина.

- И что эта женщина сделала? - с любопытством спросила молодая женщина.

- О, это было не то, что она сделала, а то, что она не сделала, - ответил капитан с гримасой и подмигиванием. - Она держала его на расстоянии, за исключением один раз; только один раз. И это то, что поставило его на путь мученичества. Хорошо, но я слишком тороплюсь. Я должен идти медленнее. Был на острове один женщина какого-то значения. Кастелло, я думаю, это было; имя это ускользнуло от моей памяти. Анастасия или что-то в этом роде. Люлли берет на себя страсть к ней, и вздыхает и настойчиво ищет ее в течение Я не знаю, сколько месяцев и годы. История побежала после того, как все закончилось, когда он уже перевернулся отшельник в горах. То, что произошло, как я уже сказал, было этим. Она наконец говорит ему, что он может пойти к ней, отмечая темное место и час, сам ее комната с наступлением ночи. Вы можете себе представить, как он моется, расчесывается и если он пахнет, он бреется, он жует мяту; он маскирует все, что может в нем вернуть козла. Там он идет, мечтая об экстазах, предвкушая сладости немыслимый. По прибытии он находит девушку немного меланхоличной; она была в любом случае, но мужчина ожидает улыбки в таком случае. Тем не менее, совсем не обескураженный, он бросается к ее ногам и льется его отчаянный роман, рассказывающий ей, как он вздыхал семь лет, и он не закрывает глаза более ста ночей, и он худой, как тень, и, одним словом, он умрет, если она не проявит жалости. Она, все еще меланхоличная (ее обычное настроение, помните), она отвечает, что готова уступить, и что ваше тело полностью принадлежит ему. С этим она позволяет себе владеть как он хотел, но всегда с грустью. “Ты весь мой, - говорит он, - весь мой”, и развяжи ее лиф, чтобы доказать это. Но он был неправ, другой любовник он часто посещал ее грудь, и ее поцелуи были страстными-ах, страстно влюблены, потому что он пожрал половину ее левой груди. От соска вниз он был болен раком.

“Человек может видеть худшее на улице или в дверях церкви, где нищие присоединяются”, - продолжил капитан. “Уверяю вас, это видение противный; мясо, съеденное червями, но, тем не менее, это не достаточно, согласитесь, превратить кого-то в отшельника. Но я я уже говорил, что у него слабый живот. Без сомнения, все это было частью Божьи планы сделать его святым мучеником. Если бы не эта слабость, он он все еще жил бы там, старый развратник; иначе он бы умер вонючий, вместо того, чтобы войти через врата рая в запахе святости. Не я знаю, что с ним произошло между временем отшельника и мученичеством. Первый раз я видел его двенадцать лет назад в Тунисе. Его всегда

бросали в тюрьму, или же ему вырывали бороду из-за его проповедей. На этот раз кажется которые сделали его святым мучеником, совершили службу правильно, без ошибок. Ну, что он может молиться за наши души у Престола Божьего. Сегодня я иду тайно на пляж, чтобы украсть ее тело. Он там, на пляже, за пристанью. Пойти быть замечательной работой, говорю вам, вернуть в христианский мир тело так дорого. Замечательная работа…”

Капитан потер руки.

Было уже полночь, но на борту галеры все еще слышно волнение. Ожидать в любое время прибытие шлюпки с телом мученика. Кровать тщательно выложенный черным, с парами горящих свечей на концах, его поместили на квартердек, чтобы принять тело. Капитан назвал молодой испанец и его любовница, чтобы увидеть Скиф.

- Вот это хорошая работа, - сказал он с гордостью j ustified. — Вызов любой, кто сделает лучшее место, чем это для мученика, чтобы отдохнуть. Не это было бы лучше на суше, со всеми ресурсами под рукой. Но мы, моряки, мы творим чудеса. Кровать из колес, кусок гудронированного холста и четыре сало свечи из фонарей кабин и вуаля, ATT для короля.

Он отошел, поспешно, и вскоре после этого мальчик и девушка услышали его крик приказы и проклятия где-то внизу. Пламя свечей горело, почти неподвижно в безветренном воздухе, а отражения звезд были огненными следами длинные и тонкие над полностью неподвижной водой.

- Если бы были ароматные цветы и звук лютни, ночь я бы вздрогнул от страсти, - сказал молодой испанец. - Любовь должна возникать без быть разыскиваемым в такую ночь, среди этих темных вод и звезд, которые они так спокойно спят на ее груди.

Он обнял молодую женщину и склонил голову, чтобы поцеловать ее. Но она отвела лицо. Он чувствовал, что по ее телу пробегает дрожь.

- Не сегодня, - прошептала она. - Я думаю о бедном убитом. Я предпочитаю молиться.

- Нет, нет, - воскликнул он. -Забудь о нем. просто помните, что

мы живы, и у нас мало времени, нечего терять.

Вытащил ее в тень под перила и, сев на рулон веревка, прижал ее тело к своему и начал с яростью целовать ее.

Сначала она была инертна и тверда в его руках, но постепенно его страсть взбудоражила ее.

Шум весел объявил о приближении лодки. Капитан крикнул темнота:

- Вы его нашли?

- Да, он здесь, - пришел ответ.

— Отличный. Остановитесь, и мы поднимем его. У нас есть готовый феретро. Он сегодня вечером он останется на всеобщее обозрение.

- Но он не умер, - крикнул в ответ голос в ночь.

- Он не мертв? - повторил обезумевший капитан. - Но тогда, как насчет атавист?

Ответил тонкий слабый голос.

- Ваша работа не будет потеряна, мой друг. Через короткое время я он нужен.

Капитан в замешательстве ответил более мягким тоном:

- Мы думали, святой отец, что неверные сделали худшее и что Всевышний уже даровал Ему венец мучеников.

К этому времени лодка вышла из темноты. На носовых простынях лежал старик, его белые волосы и борода окровавлены, привычка порванный и грязный от пыли доминиканец. Увидев его, капитан сорвал шляпу и упал на колени.

- Дай нам Свое благословение, святой отец, - попросил он.

Старик поднял руку и пожелал ему покоя.

Они подняли его на борт и по собственному желанию положили на Скиф который был подготовлен для его трупа.

- Было бы пустой тратой ставить себя в другое место, так как я скоро буду там то же самое, — сказал он.

И вот он лежал там, неподвижно под четырьмя парусами. Можно было представить что он уже мертв, но его глаза, когда он открыл их, сияли сильный ум.

Он попросил всех покинуть нос, кроме молодого испанца.

- Мы земляки, и оба благородной крови. Я бы предпочел, чтобы ты был моим на стороне кого-либо еще.

Моряки преклонили колени для благословения и исчезли; вскоре их можно было услышать, подняв якорь; было безопаснее уйти до рассвет. Исцеленные, испанец и его любовница разместились по обе стороны от горящий Скиф, как два скорбящих. Тело старика, все еще живое, лежало тихо под парусами. Мученик некоторое время молчал, но наконец

он открыл глаза и посмотрел на мальчика и женщину.

- Я тоже однажды влюбился, - сказал он. - В этом году юбилей моя последняя земная страсть; прошло пятьдесят лет с момента последней я пожелал плоти; пятьдесят лет с тех пор, как Бог открыл мне глаза на ужас коррупции, которую человек обрушил на себя. Вы молоды и ваши тела чистые и прямостоячие, без пятен, язв или проказы, чтобы макулировать их желательная красота; но из-за их внешней гордости может быть, что их души будьте взяты из пустул и стервятников внутри. Однако Бог создал нас все совершенны; только несчастные случаи и зло воли несут ответственность за коррупция. Все металлы должны быть золотом, если бы не их элементы у них есть arroubo infesto в их желании объединиться. То же самое и с мужчины: горящая сера страсти, соль мудрости, подвижная ртутная душа они должны объединиться, чтобы сформировать золотое, неподкупное, нержавеющее существо. Но элементы сталкиваются и, дрожа, объединяются, а не в чистой гармонии любви, и золото редко, в то время как свинец, железо и бронза ядовиты, со вкусом что листья, как и раскаяния, распространены повсюду.

“Бог открыл мне глаза на это еще до того, как моя юность была полностью впустую в гниль ” ” - продолжил старик. “Это было наполовину век, но я все еще вижу ее, мою амброзию, с ее бледным и грустным лицом и ее обнаженное тело и эта

чудовищная болезнь, пожирающая ее грудь. С тех пор я жил пытаясь исправить зло, пытаясь восстановить столько, сколько мои бедные силы они позволили мне, часть первоначального совершенства в этом испорченном мире. Я боролся за дать всем металлам их истинную природу, сделать настоящее золото из металлов ложные, нереальные, случайные, свинец и медь, олово и железо. И я попробовал это самая сложная алхимия, трансформация людей. Теперь я умираю в своем попытка очистить грязный мусор от ереси душ этих неверных. Удаться что-нибудь?Не знаю."

Галера теперь двигалась лицом к морю. Паруса вздрогнули на ветру, его скорости, отбрасывая неуверенные и меняющиеся тени на его лицо. Быть долгая тишина на квартердеке. Весла трескались и стучали по воде. Разом когда раздался крик снизу, приказ, отданный надзирателем рабов, Прага, звук удара. Старик снова заговорил, теперь слабее, как будто про себя.

- Мне уже восемьдесят лет, - сказал он. - Восемьдесят лет посреди этого моря разъедающая ненависть и борьба. Человек должен поддерживать чистоту своего сердца золото, Этот маленький центр совершенства, с которым мы все, даже в нашем упадок времени, мы родились. Все остальные металлы, даже если они твердые, как сталь, блестящая, как бронза, растает перед ненасытной горечью жизни. Ненависть, похоть — гнев-мерзкие страсти разрушат вашу железную волю, а величие воина ее бронзового щита. Требуется золотое совершенство чистая любовь и чистое знание, чтобы выдержать их. Бог пожелал, чтобы я был

камень-слабый, правда, в силу-чтобы он коснулся и преобразился минус немного самого мерзкого металла в золоте, которое выше распада. Но это тяжелая и неблагодарная работа. Человек превратил свой мир в ад и поднял боги страданий, чтобы править им. Боги коз, которые наслаждаются и празднуют агонию всего, наблюдая за замученным миром, как эти ужасные любовники, чья похоть превращается в черную жестокость.

"Лихорадка ведет нас по жизни в безумном бреду", - продолжил он. "Жаждущий злых болот, откуда пришла лихорадка, жаждущий миражей своего сам Бред, человек рушится головой, не зная куда. И все время пожирающий рак кусает его внутренности. Убьет его в конце, когда даже даже ужасного вдохновения от лихорадки будет недостаточно, чтобы заставить вас передняя часть. Он

упадет, помеха на землю, грязь гнили и боли, пока приходите, наконец, очищающий огонь, чтобы смести ужас. Лихорадка и рак; кислоты которые горят и разъедают… Мне было восемьдесят лет. Слава Богу, пришел конец."

Был уже рассвет; свечи едва были видны на свету, исчезая даже исчезать, как восходящие души. Вскоре старик спал.

Капитан подошел на цыпочках и позвал молодого испанца конфиденциальный разговор.

Думаешь, он умрет сегодня? — спросить.

Мальчик кивнул.

- Да будет Бог, - горячо сказал капитан. - Но вы думаете нам лучше отвезти его тело на Менорку или в Геную? На Менорке они бы многое отдали, чтобы иметь собственного мученика-покровителя. Одновременно это увеличило бы славу Генуи, если бы она обладала такой святой реликвией, хотя у него нет никакой связи с городом. В этом и заключается моя трудность. Давайте представим, что мои люди в Генуе не хотят, чтобы тело было из Менорка, а не один из них. Я бы тогда выглядел как дурак, взяв его со всеми почести. Ах, это тяжело, это тяжело. Есть о чем подумать… Не уверен, что нет лучше сначала остановиться на Менорке. Как вы думаете?

Испанец пожал плечами.

- У меня нет советов.

- Боже мой, - говорил капитан, поспешно уходя, - жизнь-это узел трудно развязать.

Сэр Геркулес

Мальчик, которому суждено стать четвертым баронетом клана Лапитов, родился в 1740 год. Это был довольно маленький ребенок весом не более полутора килограммов, но с самого начала он был сильным и здоровым. В честь деда по материнской линии сэр Геркулес Оккам-фамилия Оккам, как и у биспоя^J - он был крещен Геркулесом. У ее матери, как и у многих других

матерей, была записная книжка где он записывал свой прогресс каждый месяц. Он ходил в десять месяцев, и до на втором курсе он уже научился говорить несколько слов. В три года он весил всего десять килограммов восемьсот, а в шесть, хотя умел читать и писать отлично и проявил замечательный талант к музыке, он не был ни больше, ни больше. тяжелее, чем хорошо развитый двухлетний ребенок. Его мать была еще двое детей, мальчик и девочка, один из которых умер от крупа все еще довольно новый, в то время как у другого была жизнь, скошенная оспой, прежде чем до пяти лет. Геракл был единственным выжившим сыном.

Во второй день рождения Гераклу было всего девяносто лет. пять сантиметров в высоту. Голова, красивая и благородной формы, была большой слишком много для тела; тем не менее, он был чудесно пропорционален и, видел его размер, наделенный большой силой и ловкостью. Родители в надежде чтобы заставить его расти, они консультировались со всеми самыми известными врачами того времени. As его различные рецепты следовали букве, но тщетно. Один из них приказал сытная диета; другой, гимнастика; третий построил небольшой бар, скопировано с тех, что использовались Святой Инквизицией, на которых был растянут молодой Геракл, среди мучительных мучений, в течение получаса, каждое утро и все ночь. В течение следующих трех лет Геракл набрал, возможно, пять сантиметров. После этого его рост полностью прекратился, и на всю оставшуюся жизнь он остался метровый пигмей. Отец, который лелеял надежды больше всего экстравагантные по отношению к сыну, планирующие для него, в его воображении, военная карьера, равная карьере Мальборо, он стал разочарованным человеком. “Принес в мир аборт”, - гласил он, и создал такой ужас своему сыну, что мальчик он едва осмелился представиться ему. Его темперамент, до сих пор безмятежный, это превратилось в угрюмость и дикость из-за разочарования. Избегал компаний (стыдясь показать себя, он говорил, будучи отцом lusus naíuraeliál среди нормальные, здоровые люди) и начал пить сам, что быстро он привел его в могилу; за год до совершеннолетия Геракла отец был взят из-за апоплексии. Мать, чья любовь к нему росла с ростом

жестокость отца, он не выжил долго и уступил чуть больше года после смерти мужа, от приступа брюшного тифа, после еды двух десятки устриц.

Таким образом, Геракл оказался в возрасте двадцати одного года

один в мире, обладатель значительного состояния, включая поместье и особняк Кром. Красота и ум его детства сохранились во взрослой жизни, и если бы не карликовый рост, он занял бы свое место среди самых красивых и одаренных молодежь своего времени. Он хорошо знал греческих и латинских авторов, так же, как Moderna некоторые заслуги, которые пишут на английском, французском или итальянский. У него был хороший слух к песне, и он не был посредственным исполнителем на скрипке, на которой я играл, как на виолончели, сидя на стуле с инструмент между ног. Он очень любил музыку клавесина и клавикорда, но небольшой размер его рук не позволял ему играть эти инструменты. Он сделал небольшую флейту из слоновой кости, в которой, всякий раз, когда я был меланхоличен, я играл арию или простую Гигу, утверждая, что эта деревенская музыка обладает большей силой, чтобы осветить и поднять дух, чем самые сложные и искусные произведения мастеров. Со ребенок практиковал поэтическое сочинение, но, хотя и осознавал своих великих полномочия в этом искусстве он даже не публиковал образцы своих сочинений. “Мой рост отражен в моих стихах”, - говорил он. “Если бы публика их прочитала, это было бы не потому, что я поэт, а потому, что я карлик.“Несколько рукописных книг сохранились стихи сэра Геркулеса. Одного образца будет достаточно для проиллюстрировать его качества как поэта.

В древние времена, когда мир был еще молод,

Прежде чем Авраам накормил свои стада или Гомер пел; Когда кузнец Тубал приручил творческий огонь,

И жил Джабал в шатрах, и Джубал играл на лире;

Испорченный Акаме создал чудовищное рождение И непристойные гиганты ходили по сжимающейся земле,,

Пока Бог, нетерпеливый со своим потомством,

Он выпустил их гнев и утопил их в потопе.

Размножаясь снова, вновь заселенная Земля рождается Деревенский герой и Воин;

Высокие башни мышц, увенчанные пустым черепом, Тупо смелые, героически глупые.

Прошли долгие века, и человек очистился.,

Слабый в музыке и более широкий ум,

Улыбнулся мечу своих предков, луку и алебарде.,

И научилась обращаться с карандашом и пером.

Блестящий атеист и письменная страница

Они увековечили свое имя на протяжении многих эпох,

Его имя украшено на стене храма Славы;

Ибо искусство росло так же, как человечество уменьшалось.

Таким образом, шаг за шагом мы рисуем долгий прогресс человека Умирает великан, герой занимает его место;

Мерзкий великан, глупый глупый герой:

Один нас пугает, а другой мы издеваемся.

Человек появляется в конце концов. В нем чистое пламя души Он горит ярче в не экстравагантной оправе. В старые времена, когда герои сражались, а гиганты роились, Мужчины были огромными кучами плохо информированной материи; Надоело брожение такого огромного теста,

Дух спал, и весь разум был грубым.

Меньший корпус этих последних дней Вскоре формируется; отдохнувшая душа играет И как маяк отбрасывает свои ментальные лучи.

Но мы можем думать, что Провидение поддержит Шаги человека здесь на восходящем пути?

Человечество в понимании и благодати Продвинулись ли они так далеко за пределы расы гигантов?

Прочь, безбожная мысль! Все еще руководствуясь собственной рукой Бога, Ачеловечество идет к Земле Обетованной.

Придет время (пророческое, я вижу Самые отдаленные рассветы

вдоль мрачного неба),

Когда счастливые смертные Золотого Века Они снова перевернут темную страницу истории.,

И в нашей хвастливой расе людей созерцать Такая простоватая форма, такой мертвый и холодный ум, Как те, что мы видим в великанах, воинах прошлого. Придет время, когда душа будет Из всей лишней материи, освобожденной:

Когда тело легкое, проворное, как у оленя,

Он будет играть с изяществом вдоль бархатистых газонов. Восхитительное и окончательное потомство природы,

Совершенное человечество будет владеть землей.

Однако, о, пока нет! Ибо все еще раса гигантов,

Огромный, хотя и уменьшенный, топчет по прекрасному лицу земли;

Глупые и отвратительные, но злобно гордые,

Мужчины громко хвастаются своими недостатками.

Тщеславные о своей полноте, обо всем, чем они все еще обладают. От гигантского уродства абсурдно тщеславные;

Ко всему, что мало, они возвращают свою глупую насмешку. И, монстры, они считают себя божественно рожденными.

Печальная судьба этих, ах, действительно грустная,

Редкие предшественники благороднейшей породы!

Которые прибывают, чтобы предсказать золотую славу человека.,

Но которые, указывая на небеса, сами живут в аду. Я^J

Как только он завладел своим состоянием, сэр Геракл поставил себя на место создание. Ибо, хотя и совсем не стыдно за его уродство — действительно, если судить по переписанному выше

стихотворению, он считал себя во многих отношениях превосходя обычную расу мужчин, - мне было неловко присутствие взрослых мужчин и женщин. Осознавая также, что он должен отказавшись от всех амбиций в большом мире, он решил полностью уйти создать, так сказать, особый мир В Кроме, в котором все было бы пропорционально ему. Таким образом, он уволил всех бывших сотрудников дома и он постепенно заменял их, когда мог найти подходящих преемников, для других карликового роста. За несколько лет он собрал вокруг себя многочисленное племя, ни одного члена которого не было больше метра двадцати и самый маленький из них едва достигал семидесяти сантиметров. Собаки его отец-сеттеры, мастифы, борзые и стая гончих-он продал их или он дал, потому что они были слишком большими и дерзкими для своего дома, заменив их маленькие мопсы, спаниели и любые другие породы миниатюрного размера. Конюшня отца тоже продали. Для вашего собственного использования, будь то езда или вождение в колеснице у него было шесть черных Шетландских пони и четыре пятнистых животных из отобранной породы НьюФорест.

Таким образом, настроив свою домашнюю обстановку по своему вкусу, ему оставалось только найти подходящую компанию, с которой можно разделить этот рай. Сэр У Геракла было чувствительное сердце, и не раз, между шестнадцатью и двадцать лет я чувствовал, что значит быть влюбленным. Но там его уродство вне источника но, смея признаться в том, что молодую женщину сделали правильно. по его выбору это было встречено смехом. Он настоял на том, чтобы она подняла его и трясется, как противный ребенок, посылающий его уйти, и это не беспокоит.- Ла больше. История вскоре распространилась-на самом деле, сама молодая женщина привыкла рассказать ее как очень забавный анекдот — и издеваться над ней и издеваться над ней причины стали источником острой печали для Геракла. Из стихов сочинения в это время мы пришли к выводу, что ему пришло в голову покончить с собой. С однако со временем он преодолел свое унижение; но больше никогда, хотя он часто влюблялся и очень страстно, он осмелился ухаживать те, которыми он интересовался. После того, как он завладел наследством и обнаружил что он был в состоянии создать свой собственный мир, как он хотел, он понял

что, чтобы иметь жену — то, что он очень хотел, будучи темпераментом ласковый и на самом деле любящий — ему нужно

будет выбрать ее, как он сделал это с слуги-среди расы гномов. Но найти подходящую жену он обнаружил, что это был довольно сложный вопрос; потому что он не женился бы на том, кто этого не сделал отличался красотой и благородной колыбелью. Карлик лорда Бемборо он он отказался, потому что, кроме карлика, он был Горбун; тогда как другая молодая женщина, сирота который принадлежал к очень хорошей семье в Хэмпшире, он был отвергнут потому что его лицо, как и у многих гномов, было хмурым и отталкивающим. Наконец, когда у него не оставалось надежды на успех, он услышал это из надежного источника что у графа Титимало, венецианского дворянина, была дочь особой красоты и отличные качества, но это было всего девяносто сантиметров в высоту. Отправившись в Венецию в тот же час, он, по прибытии, отдал свои уважение к графу, которого он нашел живущим с женой и пятью детьми в очень плохая квартира в одном из самых бедных районов города. Действительно, граф был настолько беден, что даже вступил в переговоры (говорили) с труппа клоунов и акробатов, которым не повезло потерять своего гнома, продажа дочери Филомены. Сэр Геракл прибыл вовремя, чтобы спасти ее от этого жестокая судьба, потому что он был так очарован грацией и красотой Филомены, что в конце трех дней суда он сделал ей официальное предложение руки и сердца, это принимается за нее не менее радостно, чем за отца, который воспринимал зятя английский богатый и надежный источник дохода. После свадьбы без хвастовство, в котором английский посол был одним из свидетелей, сэр Геркулес и его жена вернулась морем в Англию, где поселилась, как и осталась доказано, жизнь рутинного счастья.

Кром и его создание гномов порадовали Филомену, которая впервые вместо этого она чувствовала себя свободной женщиной, живущей среди своих сверстников в дружественном мире. У нее было много общих вкусов с мужем, особенно музыка. Одаренный от прекрасного голоса, от удивительной силы для такого маленького, я мог бы достичь острого ля без усилий. В сопровождении мужа в ее красивой скрипка Кремоны, на которой он играл, как мы уже отмечали, как играет виолончель, она пела самые яркие и нежные арии опер и кантат ваша родная страна. Сидя вместе за клавесином, они обнаружили, что своими четырьмя руками они могли играть все песни, написанные для двух рук общего размера., деталь, которая доставляла огромное удовольствие сэру Гераклу.

Когда они не исполняли музыку или не читали вместе, как они это делали с часто, как на английском, так и на итальянском, они

проводили время в здоровом упражнения на свежем воздухе, иногда Гребля на лодке по озеру, но больше часто ездит верхом или ездит в карете, занятия, в которых будучи совершенно новой, Филомена испытывала особое удовольствие. Когда она стала умелой амазонкой, Филомена и ее муж охотились в парке, в то время гораздо более обширное, чем сейчас. Они не охотились на лис или

зайцы, но кролики, в стае из тридцати черно-коричневых мопсов — порода собак, которая, если ее не перекармливать, может преследовать кролик так же хорошо, как и любой другой крупнее размера. Четыре карликовых конюха, одетые в алые ливреи и верхом на белых пони Эксмур, они охотились со стаей, в то время как босс и хозяйка в зеленой одежде следовали за нами черные шетландские пони или в ньюфорестских пятнистых пони. Портрет всей охотничья компания-собаки, лошади, конюхи и боссы-была написана Уильям Стаббс, работой которого сэр Геракл так восхищался, что пригласил его, несмотря на побалуйте себя человеком нормального роста, чтобы остаться в замке, пока выполнял картину. Стаббс также написал портрет сэра Геркулеса и его жена за рулем эмалированной зеленой калеки, запряженной четырьмя Шетландскими пони черный. Сэр Геркулес носит бархатное пальто персикового цвета и белые брюки-кюлоты; Филомена носит цветущий муслин и большую шляпу с розовыми перьями. As две фигуры в его веселой колеснице ярко выделяются на фоне темные деревья, но слева от кадра деревья отдаляются друг от друга и исчезают, так что четыре черных пони видны на фоне неба бледный и странно зловещий, который имеет золотисто-коричневый цвет облаков буря освещена солнцем.

Так весело прошло четыре года. В конце этого времени Филомена забеременеть. Сэр Геркулес был счастлив. “Если Бог добр”, - написал он в своем дневник: “имя Лапита будет увековечено, и наша самая редкая и деликатная раса передается из поколения в поколение, пока мир не признает превосходство этих существ, над которыми они теперь часто издеваются.“Когда жена родила сына, он написал стихотворение на эту тему. Ребенок был крещен Фердинандо в память об основателе дома.

С течением месяцев определенное беспокойство начало вторгаться в разум Сэр Геркулес и его жена. Ведь ребенок быстро рос экстраординарный. В год она весила столько же, сколько Геракл весил в три. “Фердинандо продолжает расти”, - написала

Филомена в своем дневнике. “Не это кажется естественным.“В восемнадцать месяцев ребенок был почти таким же высоким, как жокей несовершеннолетний, мужчина тридцати шести лет. Неужели Фердинанду суждено было стать человеком нормальных, гигантских размеров? Это была мысль что их родители не осмелились сформулировать это вслух, но в близости их соответствующие дневники оба размышляли об этом с ужасом и ужасом.

В свой третий день рождения Фердинандо был выше своей матери и не более что на несколько сантиметров меньше отца. “Сегодня в первый разf”, - писал сэр Геракл, ” мы обсудили ситуацию. Отвратительная правда больше не может быть Эскондидо: Фердинандо не один из нас. Сегодня его третий день рождения, один день в котором мы должны праздновать здоровье, силу и красоту нашего сына, мы плачем вместе за гибель нашего счастья. Дай Бог нам сил нести этот крест.”

В восемь лет Фердинандо был таким большим и таким обильно здоровым

что родители решили, хотя и неохотно, отправить его в школу. Он был отправлен в Итон в начале следующего семестра. Дом был взят из мира глубокий. Фердинандо вернулся на летние каникулы, больше и сильнее, чем когда-либо. Однажды он сбил дворецкого и сломал ему руку. “Он груб, невежлив,, нечувствителен к убеждениям”, - написал отец. “Единственное, что учит вас хорошим манеры-это телесные наказания.“Фердинандо, которому в этом возрасте было уже тридцать пять лет сантиметров больше, чем отец, не получил такого наказания.

Примерно через три года на летних каникулах Фердинандо вернулся в Кром в сопровождении огромной собаки мастифа. Он купил его у старика в Виндзор, который считал животное слишком дорогим для кормления. Это была собака дикарь, которому нельзя было доверять; едва вошел в дом и напал на одного из любимые мопсы сэра Геркулеса, хватающие существо в рот и встряхивающие его до почти убить ее. Не мало обеспокоенный этим событием, сэр Геракл приказал пусть животное будет приковано цепью в конюшнях. Фердинандо плохо ответил юмор, что собака была его, и он будет держать его там, где ему заблагорассудится. Отец, все более разгневанный, он

приказал ему вытащить собаку из дома сразу же, рискуя большим раздражением. Фердинандо отказался. Ее мать в этот момент вошла в комнату, и собака прыгнула на нее, сбила ее с ног и в мгновение ока он серьезно повредил плечо и руку; и тогда, напал на его горло, если бы сэр Геракл не вытащил меч и не запастись животное в сердце. Повернувшись к сыну, он приказал ему покинуть комнату сразу за то, что недостойно оставаться на том же месте, что и мать, которую он чуть не убил. Таким ужасным было зрелище сэра Геркулеса, опубликованное с одна нога на туше гигантской собаки, меч все еще в руках. окровавленный, И так авторитетны были его голос, его жесты и выражение его лицо, которое Фердинандо сбежал из комнаты в ужасе и вел себя, для остальных отпуск, образцовый. Мать вскоре оправилась от укусов мастифа, но влияние этого приключения на его разум было окончательным; с этого момента она всегда жила среди воображаемых ужасов.

Два года, которые Фердинандо провел на континенте, делая Великий Путешествие, это был период счастливого отдыха для его родителей. Даже тогда, однако, их беспокоила мысль о будущем; они не могли найти утешения в своих развлечения прежних времен. Леди Филомена потеряла голос, а сэр Геркулес он слишком страдал от ревматизма, чтобы играть на скрипке. Он, правда, все еще охотился со своими мопсами, но жена чувствовала себя слишком старой, и с тех пор эпизод с мастиф, слишком нервный для таких видов спорта. В лучшем случае, чтобы угодить муж, она следила за охотой вдалеке, в маленькой калечке тянулась самая старый и безопасный от Шетландских пони.

Наступил день, назначенный для возвращения Фердинандо. Филомена, больная смутные страхи и предчувствия, он удалился в свою комнату и свою кровать. Сэр Геракл принял сына наедине. Вошел гигант в коричневом дорожном костюме

в комнате.

- Добро пожаловать в дом, сын мой — - сказал Сэр Геркулес, голос немного развеваться.

- Надеюсь, я вас хорошо увижу, сэр. - Фердинандо наклонился, чтобы сжать его рука, затем снова выпрямилась. Макушка головы отца доходила до него. бедро.

Фердинандо пришел не один. Его сопровождали два друга его возраста, и каждый из ребят привозил слугу. В течение тридцати лет кром не выходил запятнано присутствием стольких представителей общей расы мужчин. Сэр Геракл был ошеломлен и возмущен, но законы гостеприимства должны были быть повиноваться. Он принял обоих мальчиков с суровой вежливостью и послал слуг на кухню, с приказом, чтобы с ними хорошо обращались.

Старый семейный обеденный стол был вытащен и запылен (сэр Геракл и его жена привыкли обедать за пятидесятилетним столиком сантиметров в высоту). Саймон, пожилой дворецкий, который едва мог видеть столешница, была помощь трех слуг, привезенных Фердинандо и его друг.

Сэр Геркулес председательствовал на трапезе и своей обычной элегантностью поддерживал разговор об удовольствиях путешествий за границу, красотах искусства и природа, которую можно увидеть снаружи, опера в Венеции, хор сирот в церквях из того же города и других тем схожего характера. Молодые люди не были уделяя особое внимание его речам; они были заняты наблюдением за усилия дворецкого по смене тарелок и наполнению мисок. Они замаскировали смех с сильными и повторяющимися приступами кашля или рвоты. Сэр Геркулес он сделал вид, что не замечает, но переключил тему разговора на спорт. Вот один из мальчики спросил, правда ли это, как он слышал, что он использовал охотьтесь на кроликов со стаей крошечных мопсов. Сэр Геракл возразил, что это было, и он подробно описал охоту. Мальчики катились из смеяться.

После обеда сэр Геракл спустился со стула и, извинившись что нужно было посмотреть, как поживает жена, пожелал им спокойной ночи. Звук смех последовал за ним по лестнице. Филомена не спала; она лежала на кровать, слушая звук смеха и шаг странно тяжелых ног по лестнице и по коридорам. Сэр Геркулес вытащил стул для край кровати и сидел, молча в течение длительного времени, держа руку от жены и иногда слегка сжимая ее. Примерно в десять часов они испугались сильного шума. Было разбитое стекло, стучали ноги и взрыв криков и смеха. Когда бунт продолжался несколько минут, сэр Геракл встал на ноги и, несмотря на просьбы жены, приготовился пойти посмотреть что происходило. На лестнице не было света, и Сэр Геракл нащупал ее путь осторожно, спускаясь шаг за шагом и останавливаясь на мгновение

в каждом, прежде чем рискнуть на новый шаг. Шум там был выше; крики выражались в узнаваемых словах и фразах. Скромность Света была видно под дверью столовой. Сэр Геракл тихо пересек вестибюль к ней. Когда он подошел к двери, был еще один ужасный грохот разбитого стекла и разбитого металла. Что они могли делать? Na на цыпочках ему удалось заглянуть в замок. В середине опустошенного стола старый дворецкий Саймон, настолько полный выпивки, что едва мог удержать равновесие, танцевала гига. Ноги раскрошили разбитое стекло, и обувь была мокрые от пролитого вина. Трое парней сидели вокруг, избивая стол руками или пустыми бутылками вина, смеясь и выкрикивая фразы ободрения. Трое слуг, прислонившись к стене, смеялись также. Фердинандо внезапно бросил горсть каштанов в голову танцовщица, которая так удивила и напугала маленького человечка, что он пошатнулся и он упал на спину, опрокинув хрустальную банку и несколько бокалов. Они подняли его, дали ему коньяк выпить, ударили по спине. Старик улыбнулся и рыдать.

- Завтра мы сделаем балет со всем творением — - заявил он Фердинандо.

- С папой Гераклом в Дубине и одежде из львиной шкуры — добавил один из своих товарищей, и все трое рассмеялись.

Сэр Геракл больше не хотел ни видеть, ни слышать. Он пересек вестибюль и он начал подниматься по лестнице, болезненно поднимая колени с каждой ступенькой. Это был конец; теперь ему не было места в мире, ему не было места и Фердинандо J untos.

Жена еще не спала; на его Следственный взгляд он ответил:

- Они издеваются над Старым Саймоном. Завтра будет наша очередь.

Некоторое время они молчали. Наконец Филомена заговорила:

- Я не хочу видеть завтра.

- Лучше не надо, - сказал Сэр Геркулес.

Войдя в свой кабинет, он написал в своем дневнике полный отчет и подробно о событиях вечера. Все еще занят в этой задаче, назвал воспитан и приказал приготовить ему горячую воду и

ванну для одиннадцати час. Закончив писать, он пошел в комнату жены и, приготовив дозу опиум в двадцать раз сильнее, чем тот, который она привыкла принимать когда он не мог спать, он дал ее ей, сказав:

- Вот ваше снотворное.

Филомена взяла стакан и некоторое время держала его, но не пила немедленно. Слезы доносились до его глаз.

- Ты помнишь песни, которые мы пели, сидя снаружи Сулла террацца летом?- Начал тихо петь остальным голосом испорченные несколько тактов любви, любви, не спать piú, от Stradella. — Быть

вы играете на скрипке. Кажется, это было так недавно, но это так далеко, далеко, далеко. Аддио, Аморе. Риведерчи.

Выпил зелье и, лежа на подушке, закрыл глаза. Сэр Геракл поцеловал ее руку и вышел, стоя перед ногой, как будто боялся пробудиться.- шерсть. Вернулся в свой кабинет и, записав последние слова жены он налил в ванну воду, принесенную ему в соответствии с его порядок. Как вода была слишком горячей, чтобы он мог войти. сразу же он снял с полки свой экземпляр Светония. Хотел прочитать как Сенека умер. Открыл книгу наугад. “Но гномы, - читал он, - были ненавидели его за то, что они lusus naturae и плохое предзнаменование.“Съежился как будто его ударили. Тот же август, как он помнил, имел выставлен в амфитеатре мальчик по имени Люциус, из хорошей семьи, которого не было он был шестидесяти сантиметров в высоту и весил семь с половиной килограммов, но у него был голос стентореа. Перевернул страницу. Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон: это была история нарастающий ужас. “Сенека, его наставник, заставил его покончить жизнь самоубийством.“И там было Петроний, который в последние минуты своей жизни позвал друзей, попросив их они говорили ему не о утешениях философии, а о любви и галантности, в то время как жизнь бежала от него через открытые вены. Еще раз окунув перо в чернила он написал на последней странице дневника:”у него была Римская смерть”. Тогда, положив пальцы ног в воду и обнаружив, что она уже не горячая слишком много, он снял халат и, взяв лезвие, сел в ванну. С одним глубокий мясник перерезал артерию на левом запястье, затем откинулся на спинку кресла и

успокоил ум медитировать. Кровь текла, плавая в воде кругами и спиралями пусть растворятся. Вскоре вода была розовой краской. Цвет потемнело; сэр Геракл обнаружил, что его одолевает непобедимая тупица; он тонет от расплывчатого сна к расплывчатому сну. Вскоре он глубоко заснул. В его маленьком теле не было много крови.

Улыбка Джоконды

I

- Мисс Спенс уже спустится, сэр.

- Спасибо, - сказал мистер Хаттон, не повернувшись.

Горничная Джанет Спенс была такой уродливой-уродливой нарочно, всегда ей это выглядело злобно, преступно уродливо — что он не мог смотреть для нее больше, чем нужно. Дверь закрылась. Оставленный наедине, Мистер Хаттон он встал и начал ходить по комнате, созерцая глазами медитативные знакомые предметы, которые она содержала.

Фотографии греческих скульптур, фотографии Римского Форума, гравюры красочные итальянские шедевры, все довольно верные и известные. Бедняга, дорогая Джанет, какой педант-какой интеллектуальный Сноб! Его истинный вкус был проиллюстрировано на той акварели, сделанной художником по тротуару, за которую он заплатил половина короны (и тридцать пять шиллингов на раму). Как часто он слышал, как рассказывал историю, как часто рассказывал о красотах этого грамотная имитация олеографии! “Настоящий художник на улицах”, и когда она говорила, можно было услышать большую букву А В артистке. Она делала людей чувствовать, что часть его славы вошла в Джанет Спенс, когда она его я отдал эту половину короны за копию олеографии. Он намекнул на комплимент своему собственный вкус и проницательность. Подлинный старый Мастер за полкроны. Бедная, дорогая Джанет!

Мистер Хаттон стоял перед маленьким продолговатым зеркалом. Опираясь немного, чтобы увидеть лицо целиком, провел белым пальцем и хорошо лечится усами. Это было так кудряво и так ярко красновато-коричнево сколько было двадцать лет назад. Волосы все еще сохраняли свой цвет, и не было признак облысения - только определенное поднятие лба, “шекспировское”, - подумал г-н. Хаттон с улыбкой осматривает гладкое, отполированное расширение ее лба.

Другие сталкиваются с нашим вопросом, Ты свободен… Шаги в море… Государь… Шекспир, ты должен быть жив к этому времени. Нет, это был Милтон, нет был? Милтон, госпожа Христа. В нем не было ничего женского. Это был что женщины назвали бы мужественным мужчиной. Вот почему им это нравилось от него-за кудрявые, красновато-коричневые усы и сдержанный запах табак.

Мистер Хаттон снова улыбнулся, он любил подшучивать над собой. Леди Христа? Нет, нет. Он был Христом дам. Очень красиво, очень красиво. О Христос дам. Мистер Хаттон хотел, чтобы был кто-то, кого он

не могли бы вы рассказать о шутке. Бедная дорогая Джанет не собиралась ценить ее, что жаль!

Он выпрямился, поправил волосы и повторил паломничество. К черту Римский форум; Я ненавидел эти ужасные фотографии.

Внезапно стало известно, что Джанет Спенс была в комнате, стоя на месте, у двери. Мистер Хаттон испугался, как будто он был пойман в акте преступник. Эти безмолвные, призрачные видения были одним из талантов причуды Джанет Спенс. Может быть, она все время была в комнате, может быть, если бы он смотрел в зеркало. Невозможно! Но даже тогда это было тревожный.

- О, ты напугал меня, - сказал мистер Хаттон, возвращая улыбку и двигаясь вперед с протянутой рукой навстречу ей.

Мисс. Спенс тоже улыбался: его улыбка Джоконды, он однажды он назвал его в момент иронической лести. Мисс. Спенс он серьезно относился к комплименту и всегда старался соответствовать стандартам Леонардо. Он продолжал молча улыбаться, когда мистер Хаттон пожал ему руку; это он был частью Джоконды.

- Надеюсь, все в порядке, — сказал мистер Хаттон. - У тебя хорошая внешность.

Какое странное лицо у нее было! Этот маленький морщинистый рот вперед по выражению Джоконды в маленькой морде с отверстием посередине, как будто свистеть-это было похоже на держатель ручки, если смотреть спереди. Над рот хорошо сделанный, тонко орлиный нос. Глаза большие, яркие и темные, с величием, сиянием и тьмой, которые, кажется, приглашают ячменя и возможная инфильтрация крови. Это были красивые глаза, но неизменно строгий. Держатель ручки мог иметь эффект Джоконды, но глаза никогда не были они изменили свою серьезность. Над ними пара черных бровей, смело изогнутые и очень раскрашенные, они создавали удивительный вид силы, как у римской матроны, в верхней части лица. Волосы были темные и одинаково римские; Агриппина с поднятыми бровями.

- Я решил зайти по дороге домой — - продолжил мистер Хаттон. — Ах, приятно вернуться, - указал кивком цветы в вазах, свет от солнце и зелень за окнами-хорошо вернуться в поле после душный деловой день в городе.

Мисс. Спенс, который сидел, указал на стул рядом с ним.

- Нет, вообще — то я не могу сидеть, - возразил Мистер Хаттон. — Нужный вернуться, чтобы посмотреть, как Бедная Эмили. Она была немного нездорова сегодня от утро. - Но он сел. - Это чертовы печеночные судороги. Она всегда с этим. Женщина… - Прервался и прочистил горло, чтобы спрятать то, что я говорил. Я собирался сказать, что женщины со слабым пищеварением они не должны вступать в брак; но комментарий был слишком жестоким, и он действительно не я так думала. Более того, Джанет Спенс верила в вечное пламя и

духовные связи. - Она надеется, что будет хорошо приветствовать тебя на обед завтра-продолжил. - Вы можете прийти? Давай! - Убедительно улыбнулся. — О знаете, приглашение тоже мое.

Она опустила глаза, и Мистер Хаттон почти подумал, что заметит приливы в ее лица. Это было приветствие; он погладил усы.

- Я бы хотел, если бы вы думали, что Эмили действительно хороша, чтобы получить посетить…

— Ясный. Вы будете делать это хорошо. Это пойдет нам обоим на пользу. В жизни в браке трое часто лучше двух.

- Ах, ты циник.

Мистер Хаттон всегда хотел сказать “Au au au”, когда слышал это слово. Это раздражало его больше, чем любое другое слово на языке. Но вместо лаять он поспешил протестовать.

- Нет, нет. Я просто говорю меланхоличную правду. Реальность не вы всегда достигаете идеала, знаете ли. Но это не заставляет меня меньше верить в идеал. Na правда, я верю в него со страстью-идеал брака между двумя люди в полном согласии. Думаю, это возможно. Я уверен, что это так.

Он сделал значительную паузу и посмотрел на нее со злым выражением лица. Один девственница тридцати шести лет, но

еще не увядает; у нее были свои прелести. Е в ней было что-то действительно загадочное. Мисс. Спенс не ответил, но продолжал улыбаться. Были случаи, когда мистеру Хаттону было немного скучно с Джокондой. Встал.

- Мне пора. Прощай, таинственная Джоконда.

Улыбка стала более интенсивной, как будто сосредоточенная на более морде. острый. Мистер Хаттон сделал жест, достойный Чинкеченто, и поцеловал его руку простирать. Это был первый раз, когда я сделал такое; акт, похоже, не был не одобрять.

- Я не могу дождаться завтрашнего дня.

- Правда?

В ответ Мистер Хаттон еще раз поцеловал его руку, а затем повернулся чтобы выйти. Мисс. Спенс сопровождал его к портику.

- Где твоя машина? - спросила она.

- Я оставил его у ворот.

- Я пойду с тобой туда.

- Нет, нет. Мистер Хаттон был игривым, но решительным. - Не делай этого это. Я просто запрещаю это.

- Но я бы хотела поехать — - возразила Мисс. Спенс, бросая ему улыбку Джоконды.

Мистер Хаттон поднял руку.

— Нет — - повторил он, а потом жестом, который был почти поцелуем, начал бегая по аллее с изяществом, на цыпочках, длинными шагами и

упругие, как у мальчика. Гордился своей гонкой; это было чудесно юношеский. Кроме того, он был рад, что Аламеда не была такой длинный. На последнем повороте, прежде чем покинуть поле зрения дома, он сделал ставку и повернулся. Асрта. Спенс все еще стоял на ступеньках, улыбаясь своей улыбкой. Он махнул рукой, и на этот раз широко раскрыл и определенно послал поцелуй в твою сторону. После этого, повторяя свою великолепную гонку, он окружил последний

темный мыс деревьев. Однажды вне поля зрения дома он позволил своим высоким шагам сводиться к рыси, и в конечном итоге к нормальная ходьба. Взял платок и начал вытирать шею внутри воротничок. Какие дураки, какие дураки! Была ли такая же задница, как бедняжка, детка? Джанет Спенс? Никогда, если только он сам. Не было никаких сомнений в том, что он был великим злым дураком, так как, по крайней мере, он знал о его и все еще упорствовал в ней. Почему это сохранялось? Ах, проблема, которую он сам это была проблема других людей…

Он добрался до ворот. Большой и красивый автомобиль был стою на улице.

- Домой, Ивфнаб. - Водитель дотронулся до кепки. - И остановись на перекресток пути, как всегда, - добавил Г-Н Хаттон, обращаясь к мрак, который скрывался внутри.

- Ах, медвежонок, как ты задержался! - Это был свежий, детский голос, который он говорил эти слова. В звуке было очень легкое прикосновение нечистоты кокни^l из гласных.

Мистер Хаттон согнул свое длинное тело и с ловкостью сел в машину животное, прибывшее в нору.

- Правда? - сказал он, закрывая дверь. Машина начала ехать. — Вы, должно быть, испытывали сильную тоску, если находили это время таким долгим. — Он откинулся на низкое сиденье; уютное тепло окутало его.

— Медвежонок… - и со вздохом довольства очаровательная маленькая голова откинулась на плечо Мистера Хаттона. Затуманенный, он опустил глаза в сторону, к круглому, детскому лицу.

- Знаешь, Дорис, ты похож на портреты Луизы де Керуаль. - Прошел пальцы по массе вьющихся волос.

- Кто такая Луиза де Кера? - спросил Дорис, уходя.

- К сожалению, она была! Фуит. Мы все будем “эпохой” на днях. Пока это…

Мистер Хаттон поцеловал свое детское лицо. Машина ехала плавно. As спины Мтмаба, через пограничное окно, были впечатляюще впечатляющими, спина статуи:

- Твои руки, - пробормотал Дорис. - О, ты не должен меня трогать. Они поражают меня электрическим током.

Мистер Хаттон обожал ее за девственную глупость этих слов. Как

люди обнаруживают тело в конце жизни!

- Электричество не во мне, оно в тебе. - Снова поцеловал ее., шепчет его имя несколько раз: Дорис, Дорис! Дори! Научное наименование о морской крысе он думал, когда целовал горло, которое она ему предлагала, белый и протянутый, как горло жертвы, ожидающей ножа жертва. Морская крыса была колбасой с переливающейся кожей; очень любопытно. Или Дори будет морским огурцом, который в моменты опасности выворачивается наизнанку? Мне действительно нужно вернуться в Неаполь, чтобы увидеть аквариум. Морские существа они были потрясающими, невероятно фантастическими.

- О, Медвежонок! (Больше зоологии; но он был всего лишь наземным животным. Бедные шутки!)- Мишка, я так счастлива!

- Я тоже — - сказал мистер Хаттон. Это правда?

- Но мне было интересно, правильно ли это. Скажи, медвежонок, это правильно или неправильно?

- О, моя дорогая, это именно то, о чем я спрашивал последние несколько лет тридцать лет.

- Серьезно, медвежонок. Я хочу знать, правильно ли это; правильно ли это, что я здесь с тобой, и пусть мы любим друг друга, и пусть я чувствую поражение электрическим током, когда ты прикасаешься ко мне.

- Верно? Ну, конечно, хорошо, что вы чувствуете поражение электрическим током вместо сексуальные репрессии. Прочитайте Фрейда; репрессии-дьявол.

- Ах, ты мне не помогаешь. Почему ты никогда не говоришь серьезно? Если бы я знал, как я остаюсь. несчастный иногда, думая, что это неправильно. Может быть, вы знаете, может быть, есть черт, и все такое. Я не знаю, что делать. Иногда мне кажется, что я должен перестать любить. ты.

- Но ты бы справился? - спросил Мистер Хаттон, уверенный в силе его соблазнение и его усы.

- Нет, Плюшевый Мишка, ты же знаешь, что я не смогу. Но это может убежать., я мог бы спрятаться от тебя, я мог бы запереться и заставить меня не искать ты.

- Глупышка! - Он обнял ее крепче.

- О, Боже, надеюсь, я не ошибаюсь. И иногда мне все равно. если да.

Мистер Хаттон был в восторге. У меня была определенная защитная привязанность к этому существо. Прислонился лицом к ее волосам и, обнявшись, остался в тишина, в то время как машина, немного покачиваясь из-за скорости, казалась жадно глотать белую дорогу и пыльные заборы.

- Увидимся, увидимся.

Машина последовала, увеличила скорость, исчезла за поворотом, и Дорис стояла у шеста на перекрестке, все еще легкомысленная и слабая от вялость, вызванная этими поцелуями и электрическим током этих нежных рук. Пришлось сделать глубокий вдох, неторопливо выпрямиться, прежде чем почувствовать

достаточно сильный ум, чтобы начать свой путь домой. Было почти половина километр, чтобы выдумать необходимую ложь.

В одиночестве Мистер Хаттон внезапно обнаружил, что является добычей скуки устрашающий.

II

Асра. Хаттон лежала на диване в своей гардеробной, играя в пасьянс. Несмотря на жару июльской ночи, в очаге горел огонь. Лулу да Черный померанский шпиц, истощенный жарой и усталостью пищеварения, спал перед огонь.

- Фу! Здесь не слишком жарко? - спросил Мистер Хаттон, входя в комната.

- Ты знаешь, что мне нужно согреться, милый. - Голос казался на грани от слез. - У меня столько мурашек…

- Я надеюсь, что ты лучший сегодня.

- Не очень, к сожалению.

Разговор застопорился. Мистер Хаттон прислонился к полке над камином. Опустил глаза на спящую Лулу у ног, и кончиком правого ботинка покатил собачку и потер ей испачканную белою грудь и животик. О животное продолжало лежать, в инертном экстазе. Миссис Хаттон продолжала играть терпение. Придя в тупик, она изменила положение карты, поймала еще один вернулся и продолжил играть. Его терпение всегда проявлялось.

Доктор Либбард считает, что я должен поехать в Лландриндрод Уэллс летом.

- Ну, тогда иди, моя дорогая. Иди, конечно.

Мистер Хаттон думал о событиях дня: как он и Дори они ехали на машине в лес, оставили машину припаркованной под тень деревьев и прогулка вместе к безветренному солнцу chapada de греда.

- Мне нужно пить воду из-за моей печени, и он думает, что я следует также сделать массаж и электрическую процедуру.

Шляпа в руке, Дорис преследовал четырех синих бабочек, которые танцевали вместе вокруг цветка тоски с движением, которое было похоже на мигает от синего огня. Синий огонь взорвался и распространился на искры, которые они кружились; она преследовала их, смеясь и крича, как ребенок.

- Я уверен, что это пойдет вам на пользу, моя дорогая.

- Мне было интересно, пойдешь ли ты со мной, мой дорогой.

- Но вы знаете, что я поеду в Шотландию в конце месяца.

Асра. Хаттон поднял умоляющие глаза.

- Это путешествие, - сказал он. - Это кошмар. Я не знаю, смогу ли я это сделать. И вы знаете, что я не могу спать в отелях. И есть багаж и все эти

хлопоты. Я не могу идти одна.

- Но ты не будешь одна. Ваша служанка будет с вами.

Он говорил с нетерпением. Больная женщина узурпировала место здоровая женщина. Его уводили от воспоминания о Стоунере освещенный солнцем и живой улыбающейся девушкой, вернулся в комнату. нездоровый, перегретый, и его жалующийся обитатель.

- Я не думаю, что смогу уйти.

- Но ты должен идти, мое лицо, если доктор скажет. Кроме того, изменения принесут вам пользу.

- Я так не думаю.

- Но Либбард так думает, и он знает, о чем говорит.

- Нет, я не выдержу. Я слишком слаба. Я не могу идти одна. — В миссис Хаттон достала из черной шелковой сумки шарф и поднесла его к глазам.

- Ерунда, мое лицо, тебе нужно приложить усилия.

- Я бы предпочел, чтобы меня оставили в покое, чтобы умереть здесь. - Теперь она плакала от истина.

- О, Боже! Будьте разумны. А теперь послушайте, пожалуйста. - Миссис Хаттон просто рыдал с большей жестокостью. - Что можно сделать? - Он дал на плечах и вышел из комнаты.

Мистер Хаттон знал, что он не проявил терпения. необходимо; но ничего не мог сделать. Очень рано в своей жизни я обнаружил, что нет он просто не жалел бедных, слабых, больных или деформированных; на самом деле, ненавидел их. Однажды,

будучи первокурсником, он провел три дня в миссии на востоке Конец. Он вернулся с глубоким и неизгладимым отвращением. Вместо того, чтобы жалеть себя, он он ненавидел несчастных. Я знал, что это не очень красивая эмоция, и принцип стыдился ее. Наконец решил, что это его темперамент, неизбежный, и отказался от угрызений совести. Эмили была здоровой и красивой когда он женился на ней. Тогда он любил ее. Но теперь — это была его вина она такая?

Мистер Хаттон обедал один. Еда и питье оставили его больше доброжелательно, чем до обеда. Чтобы извиниться за свою демонстрацию нетерпение зашло в комнату жены и предложило почитать ей. Она осталась тронутая, она приняла предложение, полное благодарности, и Мистер Хаттон, у которого было личное гордясь своим произношением, он предложил небольшое чтение по-французски.

- Французский? Я так ценю французский. Миссис Хаттон говорила на языке Расин как бы говорил о блюде из гороха.

Мистер Хаттон побежал в библиотеку и вернулся с желтым Томом. Начать читаю. Усилие произнести идеально поглотило все его внимание. Но как хорошо был твой акцент! Его совершенство, казалось, улучшило качество роман, который читал.

В конце пятнадцати страниц его внимание привлек безошибочный звук.

Она подняла глаза: миссис Хаттон заснула. Некоторое время он оставался неподвижным, глядя с бескорыстным любопытством на спящее лицо. Он уже это было красиво, раньше; Раньше было много времени, вид этого лица, его память, они вызывали глубокие эмоции, возможно, больше, чем вы когда-либо испытывали до или после. Теперь он был согнут и труп. Кожа растянулась на яблоках лицо, над острым носом, как клюв птицы. Закрытые глаза они были потеряны на глубоких орбитах. Свет лампы, нажав на лицо сбоку подчеркивало светом и тенью свои впадины и выступы. Это был лицо мертвого Христа, нарисованное Моралесом.

Le squelette était invisible

Он вздрогнул и вышел из комнаты пешком.

На следующий день миссис Хаттон спустилась на обед. Было несколько неприятное сердцебиение ночью, но теперь ему стало лучше. Сверх от этого я хотел быть добрым к своей гостье. Мисс. Спенс выслушал ее жалобы о Лландриндрод Уэллс и была щедрой в солидарности, щедрой в советах. Все, что я говорил, всегда было сказано с интенсивностью. Наклонился к вперед, направленный, так сказать, как пистолет и стреляющий своими словами. Бах! Порох в его душе был зажжен, и слова шипели по трубе. узкий рот. Она была пулеметчиком, пронизанным ее хозяйкой солидарность. Мистер Хаттон подвергся подобным бомбардировкам, большинство из которых литературный или философский характер-бомбардировки Метерлинка, миссис Безант, из Бергсон, Уильям Джеймс. Сегодня снаряды были лечебными. Она говорила о бессонница, распространяется на достоинства безвредных препаратов и специалистов щедрый. Под обстрелом Миссис Хаттон раскрылась, как цветок на солнце.

Мистер Хаттон молча наблюдал. Шоу Джанет Спенс это вызывало в нем непогрешимое любопытство. Он не был достаточно ума романтично представить, что все лица скрывают внутреннюю грань красота или странность, что светская беседа всех женщин была похожа на туман над таинственными пропастями. Жена, например, и Дори; они ничего их было больше, чем казалось. Но с Джанет Спенс это было, в некотором смысле, различный. Там можно было убедиться, что есть какое-то лицо странно под улыбкой Джоконды и римскими бровями. Единственный вопрос это было: что именно там было? Мистер Хаттон не мог понять.

— Но, может быть, вам не нужно ехать в Лландриндрод, — говорила Мисс лландриндрод. Спенс. - Если она скоро поправится, доктор Либбард ее отпустит.

- Я на это надеюсь. Reahnente, я чувствую себя намного лучше сегодня.

Мистеру Хаттону стало стыдно. В какой степени это было отсутствие

его солидарность, которая мешала ей чувствовать себя хорошо каждый день? Но утешил себя размышляя, что это был просто случай чувствовать себя, а не быть лучше. А солидарность не исправляет больную печень или слабое сердце.

- Мое лицо, я бы не стал есть эту смородину на твоем месте — - сказал он, внезапно опасается. - Вы знаете, что Либбард запретил все, что имеет кору и косточка.

- Но они мне так нравятся — - возразила Миссис Хаттон. - И я чувствую так хорошо сегодня.

- Не будь тираном — - сказала мисс. Спенс сначала смотрит на него и потом к жене. - Пусть бедная больная ест, что хочет; иди к ней делать хорошо. Он положил руку на руку Миссис Хаттон и дал ей два или три. ласковые похлопывания.

- Спасибо, моя дорогая. Миссис Хаттон налила себе вареную смородину.

- Ну, не вините Меня, если они причинят вам вред.

- Я когда-нибудь винил тебя, мой добрый?

- Вам не в чем меня винить — - ответил Г-Н Хаттон Томом. шутливый. - Я идеальный муж.

После обеда они сидели в саду. С острова тени под стариком Кипарис видел обширную лужайку, на которой клумбы искрились металлический блеск.

Мистер Хаттон глубоко вдохнул теплый ароматный воздух.

- Хорошо быть живым, - прокомментировал он.

- Просто быть живым, - повторила жена, протягивая к Солнцу бледную руку и толстые суставы.

Служанка принесла кофе; серебряные чайники и синие чашки были размещенные на складном столе рядом с группой стульев.

- О, мое лекарство! - воскликнула Миссис Хаттон. - Иди за ним, да., Клара? Белая бутылка на буфете.

- Я пойду — - сказал мистер Хаттон. — В любом случае, я должен пойти и забрать. сигара.

Побежал в сторону дома. На пороге он повернулся на мгновение. Горничная он шел обратно по лужайке. Жена сидела в его шезлонг, занятый открытием своего белого зонтика. Мисс. Спенс был наклонившись над столом, подающим кофе. Он вошел в свежую безвестность комната.

- Вам нравится сахар в вашем кофе? - спросила Мисс. Спенс.

- Да, пожалуйста. Положите достаточно. Я выпью после лекарства, чтобы снять вкус.

Миссис Хаттон откинулась на спинку стула, опустив зонтик на глаза чтобы скрыть от его взгляда горящее небо.

Позади нее Мисс. Спенс издавал нежные звуки из кофейных чашек.

- Я положил три полных ложки. Это должно убрать вкус. И вот приходит лекарство.

Мистер Хаттон вновь появился, принес чашку, наполненную наполовину прозрачная жидкость.

- Запах восхитительный, - прокомментировал он, отдавая его жене.

- Это просто ароматизатор, который они добавляют. - Выпил все одним глотком, он вздрогнул и поморщился. - Уи, это так плохо. Дай мне кофе.

Асрта. Спенс передал ей чашку; она сделала глоток.

- Ты проглотил его из сиропа. Но это очень хорошо, после этого ужасное лекарство.

В половине третьего Миссис Хаттон жаловалась, что чувствует себя не так хорошо, как раньше и лег спать. Муж хотел бы сказать что-то о крыжовник, но сдержался; триумф ” разве я не сказал вам?’ быть слишком легко. Вместо этого он поддержал ее и протянул ей руку к дому.

- Отдых принесет вам пользу, - сказал он. - Кстати, я не буду вернись раньше Джей Антара.

- Но почему? Куда ты идешь?

- Я обещал прийти к Джонсону сегодня днем. Мы должны обсудить мемориал войны, понимаете.

- О, я бы предпочел, чтобы ты не был. Миссис Хаттон была почти в слеза. - Вы не можете остаться?Я не люблю быть дома одна.

- Но, мое лицо, я обещал несколько недель назад. - Это было смягчение, чтобы иметь от такой лжи. - И теперь мне нужно вернуться и позаботиться о мисс. Спенс.

Поцеловал ее в лоб и снова вышел в сад. Мисс. Спенс получил его объективно и яростно.

- Его жена ужасно больна, - выстрелил в него.

- Я думал, что она стала намного лучше, когда ты пришел.

- Это было чисто нервно, чисто нервно. Я наблюдал за ней вплотную. С сердцем в таких условиях и разрушенным пищеварением-да, уничтожено - все может случиться.

- Либбард не имеет такого пессимистического мнения о здоровье бедняги Эмили. Мистер Хаттон открыл ворота, ведущие из сада в торговый центр. Мисс. Спенс ждал возле входной двери.

Либбард-просто сельский врач. Вам следует обратиться к специалисту.

Он не сдерживал смех.

— У вас жуткая страсть к специалистам.

Асрта. Спенс поднял руку в знак протеста.

- Я серьезно. Я думаю, что бедная Эмили в ужасе состояние. Все может случиться… в любое время.

Он помог ей сесть в машину и закрыл дверь. Водитель завел двигатель и он устроился на скамейке, готовый уйти.

- Могу я следовать? — У него не было никакого желания продолжать

разговор.

Мисс. Спенс наклонился вперед и улыбнулся Джоконде в его сторону.

- Помните, я надеюсь, что вы скоро придете ко мне.

Он механически улыбнулся, издал вежливый шум, и когда машина остановилась,- если в движении, махнул рукой. Я был счастлив остаться один.

Через несколько минут сам мистер Хаттон уехал на машине. Дорис был жду на перекрестке. Они обедали вместе в тридцати километрах от дома, в придорожный отель. Это было одно из тех плохих, дорогих блюд, которые только что приготовили в загородных отелях, часто посещаемых водителями. Это возмутило Мистера Хаттона., но Дорис понравилось. Ей всегда нравились вещи. Мистер Хаттон попросил бренд не очень хорошее шампанское. Хотел бы я провести ночь в своей библиотеке.

По возвращении домой Дорис была слегка пьяна и довольно ласковый. В машине было очень темно, но, глядя вперед, за из неподвижной фигуры Мциаба можно было увидеть яркую и узкую вселенную формы и цвета, спасенные от темноты маяками.

Прошло больше одиннадцати часов, когда мистер Хаттон вернулся домой. Доктор Либбард ждал в вестибюле. Это был маленький человек с нежными руками и чертами лица хорошо сформированные, почти женственные. Его карие глаза были большими и меланхоличный. Раньше я проводил много времени, сидя у постели больного. пациенты, грустно смотрящие этими глазами и говорящие печальным голосом и низко ни о чем конкретном. Его человек источал приятный запах, без сомнение антисептическое, но в то же время нежное и ненавязчиво вкусное.

Либбард? - удивленно сказал мистер Хаттон. - Вы здесь? Моя жена не хорошо?

- Мы постарались найти его пораньше — - ответил мягкий голос и меланхоличный. -Считалось, что вы были в доме мистера Джонсона, но они этого не сделали. они слышали от вас.

- Нет, я не смог добраться. Машина сломалась — - ответил мистер Хаттон. раздраженный. Было неприятно быть пойманным во лжи.

- Его жена хотела срочно его увидеть.

- Ну, я вижу ее сейчас. Мистер Хаттон направился к лестнице.

Доктор Либбард положил руку ему на руку.

- К сожалению, уже слишком поздно.

- Слишком поздно?- Начал пытаться снять часы, которые не хотел покидать карман.

- Асра. Хаттон скончался полчаса назад.

Голос остался ровным в своей мягкости, меланхолия глаз не стала углубить. Доктор Либбард говорил о смерти так же, как о местном отъезде из крикет. Все было одинаково напрасно и прискорбно.

Мистер Хаттон удивился, подумав о словах Джанет Спенс. А

в любое время, в любое время. Она была необычайно права.

- Что случилось? — спросить. - В чем причина?

Доктор Либбард объяснил. Это была остановка сердца, вызванная сильный приступ тошноты, вызванный, в свою очередь, проглатыванием чего-то природного неудобоваримый. Крыжовник?- предложил мистер Хаттон. Очень вероятно. Слишком много для сердце. Была хроническая болезнь клапанов: что-то уступило место под усилие. Все было кончено; она, должно быть, не сильно пострадала.

III

- Жаль, что они выбрали игровой день между Итоном и Харроу для похороны, - сказал старый греческий генерал, стоя с цилиндром в руке, под тенью ворота, вытирая лицо платком.

Мистер Хаттон выслушал комментарий и с трудом сдержал желание причинение тяжкого телесного наказания генералу. Было желание ударить старика звери посреди его большого красного лица. Чудовищный гигантский ежевика, забрызгана едой! А как насчет уважения к мертвым? Никто не заботился? Na теория ему было все равно; пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Но там, на краю могилы он обнаружил, что действительно рыдает. Бедная Эмили, у них было были очень счастливые времена раньше. Теперь она лежала на дне дырки из двух метр. И вот Грек жаловался, что не может пойти на матч между Итоном и Хэрроу.

Мистер Хаттон огляделся на группы черных фигур, которые выходили медленно от погоста к группе вагонов и автомобилей припаркованы на дороге. На яркой предпосылке травы, цветков и июльская листва имела ужасно странный вид и мало естественный. Ему было приятно думать, что все эти люди скоро умрут также.

В ту ночь Мистер Хаттон задержался в своей библиотеке, читая жизнь Милтон. Не было особой причины выбрать его; это была книга, которая сначала он попал ему в руки, вот и все. Было больше полуночи, когда все закончилось. Встал с кресла, отпер двери-окна и вышел к малышу мощеная терраса. Ночь была ясной и тихой. Мистер Хаттон посмотрел на звезды и к дырам между ними, опустил глаза на тенистые лужайки, и тусклые цветы сада, и пусть они бродят по далекому ландшафту,, черный и серый под луной.

Он начал думать с своего рода беспорядочным насилием. Были звезды, был Милтон. Может ли человек каким-то образом иметь величие звезды и ночь. Великолепие, благородство. Но есть, правда, разница между благородный и неблагородный? Милтон, звезды, смерть и он сам-он сам. А душа, тело; высшая и низшая природа. Может быть, было что-то

в этом, в конце концов. Милтон был бог на его стороне, и

добродетель. А он, что у него было? Ничего, ничего. Были только маленькие сиськи Дори. Что было смысл всего этого? Милтон, звезды, смерть и Эмили в ее могиле, Дорис и он сам-всегда сам…

Ах, он был бесполезным и отвратительным существом. Все убеждает его в этом. Это был торжественный момент. Он громко сказал: “Я сделаю это, я сделаю это”. Звук его собственный голос во тьме был пугающим; ему казалось, что он дал клятву ад, которому подчинялись даже боги: “я сделаю это, я сделаю это”. В прошлом были дни Нового года и торжественные дни рождения, когда он чувствовал то же раскаяние и запись аналогичных резолюций. Все они были рассеянный, эти резолюции, как дым, в ничто. Но это был один самый большой момент, и он произнес более страшное суждение. В будущем все было бы иначе. Да, он будет жить по разуму, он будет старательным, он будет сдерживать свои аппетиты, он посвятил бы свою жизнь любой доброй цели. Это было решено, и так оно и будет.

На практике он обнаружил, что проводит утро в сельскохозяйственных предприятиях, ехал с бригадиром, устраивая, чтобы земля была возделана лучший Moderna метод — силосы, искусственный навоз и непрерывный сбор урожая, все это. О остальная часть дня должна была быть посвящена серьезному изучению. Была та книга, что так много время намеревалось написать-влияние болезней на цивилизацию.

Мистер Хаттон лег спать скромным и сокрушенным, но с чувством, что благодать проникла в него. Он спал семь с половиной часов и проснулся, чтобы найти солнце сиять. Эмоции прошлой ночи были преобразованы на одну ночь. сон в своей обычной радости. Только через много секунд после его возвращения на совесть он вспомнил свою решимость, свою стигиальную клятву. Милтон и смерть выглядели как-то иначе в солнечном свете. Что касается звезд там не было. Но резолюции были хорошими; даже при дневном свете он я это понимала. Он приказал оседлать лошадь после завтрака и поехал через ферму с бригадиром. После обеда прочитал Фукидида о чуме в Афины. Вечером он сделал несколько заметок о малярии на юге Италии. Пока если раздеться вспомнил, что в книге шуток Скелтона был хороший анекдот о потовой болезни. Я бы записал этот факт, если бы нашел карандаш.

В шестое утро своей новой жизни Г-Н Хаттон нашел в своей переписка конверт, адресованный в этом своеобразном почерке вульгарно, что он знал, что это Дори. Открыл и начал читать. Она

не знала, что сказать; слова были такими неуместными. Его жена умирает вот так, и так внезапно - это было слишком ужасно. Мистер Хаттон вздохнул, но его интерес возродился немного при продолжении чтения:

Смерть так ужасна, я никогда не думаю о ней. Но когда случается что-то в этом роде, или когда я чувствую себя больным или подавленным, я не могу этого сделать перестать думать, что она так близко, и я думаю обо всех плохих вещах, которые

я сделал и о тебе и обо мне, и мне интересно, что произойдет, и я получаю много напугать. Я так одинок, Медвежонок, и так несчастен, я не знаю, что делать. Не я могу избавиться от мысли умереть, я так несчастен и беспомощен без ты. Я не хотел писать тебе; я хотел подождать, пока ты не избавишься от горя и чтобы снова прийти ко мне, но я был так одинок и несчастен, плюшевый мишка, у меня было что писать. Я ничего не мог с собой поделать. Прости меня, я очень хочу тебя; у меня нет никто в мире, кроме тебя. Ты такой хороший, добрый и понимающий; нет никого похожего на тебя. Я никогда не забуду, как ты был хорош и щедрый для меня, и ты такой умный и знаешь так много вещей, я не могу понять, как ты пришел, чтобы обратить на меня внимание, потому что ты любишь меня немного, не так ли, медвежонок?

Мистер Хаттон испытывал стыд и раскаяние. Пусть благодарят Вас так, быть почитается за то, что соблазнил девушку — это было слишком много. Это был просто акт глупая безответственность. Идиот, идиот: не было другого способа описать-Ло. Да, в конце концов, он получил от этого очень мало удовольствия. Принимая все в вдумчиво, ему, вероятно, было скучно больше, чем весело. Прежде он считал себя гедонистом. Но быть гедонистом подразумевает определенный процесс рассуждение, осознанный выбор известных удовольствий, отказ от известные страдания. Это было сделано без причины, против нее самой. Ибо он знал заранее - так хорошо, так хорошо - что не было никакого интереса или удовольствие от этих неудачных случаев. Однако каждый раз, когда зуд блуждает он поддавался, снова вовлекаясь в старую глупость. Быть Мэгги, служанка жены,

и Эдит, девушка на ферме, и миссис Прингол, и официантка в Лондоне и другие-их, казалось, было десятки. Это было все застойный и слишком утомительный. Он знал, что будет; всегда знал. И все же в тем временем… Опыт не учит.

Бедный Дори! Я бы написал ей с любовью, утешительно, но я больше ее не увижу. Сотрудник пришел, чтобы предупредить, что лошадь была запечатана и ожидать. Он сел и уехал. В то утро старый бригадир был более раздражает, что обычно.

Пять дней спустя Дорис и Мистер Хаттон сидели вместе на пристани в Саутенд; Дорис, из белого муслина с розовыми украшениями, излучал счастье; Мистер Хаттон, вытянув ноги и наклонив стул, толкал Панама отошла от лба и попыталась почувствовать себя путешественницей. Той ночью, когда Дорис спал, тихо дыша рядом с ним, он отбил, в том момент тьмы и физической усталости, несколько космическая эмоция, которая он доминировал в тот день, менее чем за две недели до этого, когда он взял свой большой разрешение. И его торжественная клятва уже пошла по пути многих других

разрешение. Отсутствие разума восторжествовало; при первом зуде желания он уступил. У него не было j eito, у него не было j eito.

Долгое время он лежал с закрытыми глазами, размышляя о своем унижение. Молодая женщина двигалась во сне. Мистер Хаттон повернулся и посмотрел на нее. Между полузакрытыми занавесками было достаточно света, чтобы показать обнаженное плечо и рука, шея и темная масса волос на подушке. Была прекрасна, желательный. Почему он продолжал размышлять о своих грехах? Насколько это важно? Если у него не было пути, то он готов; он сделает все возможное из своей неуклюжести. Славное чувство безответственности внезапно наполнило его. Был свободен, великолепно бесплатно. В своего рода возвышении он притянул молодую женщину к себе. Она проснулась, удивленная, почти испуганная под его резкими поцелуями.

Буря его желания утихла до своего рода безмятежной радости. Вся атмосфера, казалось, дрожала от огромного смеха бесшумный.

- Может ли кто-нибудь любить тебя так же сильно, как я, плюшевый мишка? — В вопрос пришел слабо из далеких от любви миров.

- Думаю, я знаю кого — то, кого люблю, - ответил мистер Хаттон. А подводный смех раздувался, рос, собирался прорваться через поверхность тишины и резонанса.

- Кто? Сказать. Что ты имеешь в виду? - Голос пришел очень близко; заряженный подозрение, тоска, возмущение принадлежали этому непосредственному миру.

- Ах!

- Кто?

- Вы никогда не догадаетесь. - Мистер Хаттон продолжал шутить до тех пор, пока начать надоедать, а потом произнес имя: - Джанет Спенс.

Дорис не поверил.

- Асрита. Спенс из особняка? Та старуха? - Это было смешно. Мистер Хаттон засмеялся также.

- Но это правда, - сказал он. - Она меня обожает. - Ах, какая большая шутка! Я бы увидел ее, как только вернусь: увидеть и победить. - Я думаю, она хочет выйти замуж со мной, - добавил он.

- Но ты бы не стал… вы не намерены…

Воздух потрескивал от настроения. Мистер Хаттон громко рассмеялся.

- Я планирую жениться на тебе, — сказал он. Это показалось ему лучшей шуткой, когда-либо сделал это в жизни.

Когда мистер Хаттон уехал из Саутенда, он снова был женатым мужчиной. Было решено, что на данный момент факт будет храниться в секрете. Осенью они будут вместе путешествовать за границу, и мир будет проинформирован. Пока он он вернется в свой дом, а Дори-в свой.

На следующий день после того, как он вернулся, он вышел днем, чтобы навестить Мисс Дж. Спенс. Она он принял его со старой

улыбкой Джоконды.

- Я ждал вашего приезда.

- Я не мог остаться в стороне — - галантно ответил мистер Хаттон.

Они сидели в летнем павильоне. Это было приятное место-маленькое лепной храм спрятан среди густых зарослей вечнозеленых растений. Асрта. Спенс он оставил там свой след, повесив на стул синюю декоративную табличку и белая Делия Роббиа.

- Я подумываю поехать осенью в Италию, - заявил г-н Хаттон. Он чувствовал себя как бутылка имбирного пива, вот-вот взорвется. игривое и радостное волнение.

— Италия… - Мисс. Спенс в восторге закрыл глаза. - Я чувствую ее тоже тянет туда.

- Почему бы тебе не уйти?

- Не знаю. Почему-то у меня нет энергии и инициативы, чтобы идти в одиночку.

— Наедине… - Ах, звук гитар и хриплых песен! - Да, путешествия в одиночку это не очень весело.

Мисс. Спенс откинулся на спинку стула, не говоря ни слова. Глаза все еще были закрыть. Мистер Хаттон погладил усы. Тишина затянулась тем, что казалось, долгое время.

Столкнувшись с просьбой остаться на ужин, Мистер Хаттон не отказался. Веселье только началось. Стол был поставлен на балконе. Через свои арки они видели сад вниз по склону, вплоть до долины внизу и холмов дальше далекий. Свет падал; жара и тишина были угнетающими. Огромное облако он поднялся в небо, и раздался далекий шепот грозы. Гроза прибыла больше рядом начал дуть ветер, и упали первые капли дождя. А стол был снят. Мисс. Спенс и Мистер Хаттон сидели среди растущая тьма.

Асрта. Спенс нарушил долгое молчание, задумчиво сказав:

- Я думаю, что каждый имеет право на определенную дозу

счастья, вы не так ли?

— Несомненно.

Но куда она хотела попасть? Никто не делает обобщений о жизни не хочу говорить о себе. Счастье: он вспомнил свою собственную жизнь и увидел радостное и спокойное существование, никогда не нарушенное великими печали, дискомфорт или страхи. У него всегда были деньги и свобода; он мог делать то, что хотел. Да, он думал, что был счастлив, счастливее, чем большинство мужчин. И теперь он был не просто счастлив; он обнаружил в безответственность секрет радости. Я собирался сказать что-то о его счастье, когда мисс. Спенс продолжил:

- Такие люди, как вы и я, имеют право быть счастливыми когда-либо в своей жизни.

- Я? - удивленно сказал мистер Хаттон.

Бедный Генри! Жизнь относилась к нам не очень хорошо.

- Ну, я мог бы поступить со мной хуже.

- Вы настроены оптимистично. Это очень смело с вашей стороны. Но не думай что я не могу видеть за маской.

Мисс. Спенс говорил все громче и громче, когда дождь падал каждый и сильнее. Периодически гром прерывал его слова. Она продолжила говорит, кричит на тонитроара.

- Я так хорошо тебя понимаю, и так давно.

Молния показала ее, упрямую и решительную, наклоняющуюся в сторону его. Глаза были двумя пистолетными стволами, глубокими и угрожающими. Темнота он снова проглотил ее.

- Вы были одинокой душой, ищущей душу-компаньона. Я он сочувствовал вам в вашем одиночестве. Ваш брак…

Гром прервал фразу. Голос мисс. Спенс снова стал слышно со словами:

— … он не мог предложить товарищество человеку своего класса. Ты мне нужна была сестринская душа.

Сестринская душа-он, сестринская душа! Это было просто потрясающе. “Жоржетт Леблан, бывшая сестра Мориса Мэй-терлинка.“Он видел это было в газете несколькими днями ранее. Так вот как Джанет Спенс нарисовала его на воображение-душа ищет свою пару. И для Дори он был олицетворение добра и самого умного человека в мире. Е действительно, кем он был? Кто знает?

- Мое сердце тронулось. Я мог понять; я тоже был одинокий. - Мисс. Спенс положил руку ему на колено. - Вы были так терпеливы.

Еще одна молния. Она все еще была решительно настроена, опасно. - Ты никогда не жаловался. Но я мог догадаться, я мог догадаться.

- Как замечательно! - Значит, он был некомпрессивным. - Только на самом деле женская интуиция…

Гром взорвался и эхом разразился, утих, и остался только шум дождя. О Гром был его смехом, усиленным, экстериоризованным. Молния и гром там они снова были прямо на них.

- Разве вы не чувствуете, что внутри вас есть что-то похожее на эту бурю?

— Он мог представить, как она наклоняется вперед во время разговора. — Страсть делает человека равным элементам.

Каким был его ход сейчас? Очевидно, я должен был сказать ” да ” и рискнул любой недвусмысленный жест. Но мистер Хаттон испугался внезапно. Имбирное пиво внутри него шокировало. Женщина была серьезно, ужасно серьезно. Он был в ужасе. Страсть?

- Нет, - отчаянно ответил он. - Нет страсти.

Но его комментарий либо не был услышан, либо не был принят во внимание, так как Мисс Марвел не была услышана. Спенс продолжал в растущем восхищении, говоря так быстро, и в

тем не менее, шепотом, настолько пламенным и интимным, что мистеру Хаттону было очень трудно различить то, что она говорила. Она считала из того, что он мог понять, история его

жизни. Молнии теперь были менее частыми, и были длинные интервалы темноты. Но с каждой вспышкой он видел, как она все еще указывала на его рулевое управление, все еще наклоненное вперед с ужасающей интенсивностью. А тьма, дождь, а затем молния, и вот ее лицо было близко. Бледная маска зеленовато-белого цвета; большие глаза, узкий ствол изо рта тяжелые брови. Агриппина, или ее больше не было-да, не было до Джорджа Роби

Он начал строить абсурдные планы, чтобы сбежать. Может внезапно сбежать с прыжка, притворяясь, что видел вора-ловит вора! Поймай вора! Е стрелять ночью в погоню. Или я должен сказать, что чувствовал себя слабым, сердечный приступ? Или что я видел призрака, призрака Эмили, в сад? Поглощенный детскими планами, он перестал обращать внимание на слова Мисс. Спенс. Резкое сжатие ее руки привлекло ее внимание.

- Я почитала его за это, Генри, — говорила она.

Почему вы его почитали?

- Брак-это священная связь, и ваше уважение к ней, даже если это брак, как и в вашем случае, несчастный, заставил меня уважать и восхищаться вы, И… осмелюсь ли я сказать это слово…?

Ах, вор, Призрак в jardün! Но было слишком поздно. — … да, люби тебя, Генри, еще больше. Но теперь мы свободны, Генри.

Свободны? В темноте было движение, и она стояла на коленях на земле. рядом с его стулом.

- О, Генри, Генри, я тоже был несчастен.

Его руки обвили его, и по дрожанию ее тела он почувствовал, что она рыдала. Я мог бы быть просителем, умоляющим о пощаде.

- Не делай этого, Джанет, — возразил он. Эти слезы были ужасны, ужасный. - Не сейчас, не сейчас! Вы должны сохранять спокойствие; вы должны пойти в кровать. - Похлопал ее по плечу и встал, распутываясь от объятие. Он оставил ее все еще лежащей на полу рядом со стулом, на котором он сидел.

Нащупывая путь к вестибюлю, и не останавливаясь, чтобы искать шляпа, он вышел из дома, принимая бесконечную заботу, чтобы закрыть дверь фронт без шума позади вас. Облака были унесены, а Луна он сиял в ясном небе. По всей дороге были лужи воды, и шум из канав и желобов поступала проточная вода. Мистер

Хаттон ходил, не заботясь от промокания.

Как трогательно были его рыдания! Вместе с эмоциями жалости и раскаяние в том, что это воспоминание вызвало у него некую обиду: за что она не могла играть в игру, в которую он играл-в холодную игру и весело? Да, но все это время он знал, что она не будет играть, не сможет играть.

эта игра; он знал, но упорствовал.

Что она сказала о страсти и стихиях? Что-то абсурдно древняя, но истинная, истинная. Там она была, облако черный и заряженный громом интерьер, и он, как бред Бенджамина Франклин, он послал воздушного змея в самое сердце опасности. Теперь жаловался пусть ваша игрушка привлечет молнию.

Она наверняка все еще стояла на коленях у своего стула на крыльце, плакать.

Но почему он не смог сохранить игру? Почему его безответственность дезертировала, оставив его внезапно трезвым в холодном мире? Не было ответа ни на один из его вопросов. Идея горела сильно и светящийся в вашем уме: идея побега. Мне нужно было немедленно уйти.

IV

- О чем ты думаешь, Мишка?

- Ни за что.

Молчание. Мистер Хаттон продолжал стоять неподвижно, локти на парапете террасы, подбородок в руках, созерцая Флоренцию. Арендовал дом в с холмов к югу от города. С небольшой приподнятой террасы в конце сада до города была видна обширная плодородная долина, а за ней-темная масса горы Морелло и на востоке холм Фьезоле, усеянный белыми домами. Все на сентябрьском солнце было светло и ярко.

- Вас что-то беспокоит?

- Нет, ничего.

- Расскажи мне, медвежонок.

- Но, мое лицо, мне нечего сказать. - Мистер Хаттон повернулся, он улыбнулся и похлопал девушку по руке. - Я думаю, тебе лучше войти для сна. Здесь слишком жарко для тебя.

- Хорошо, медвежонок. Ты тоже приедешь?

- Когда я закончу с сигарой.

— Правильный. Но иди быстрее, медвежонок. - Медленно, неохотно, она спустился по ступеням террасы и направился к дому.

Мистер Хаттон продолжил свое созерцание Флоренции. Была потребность в побыть одному. Иногда было хорошо убежать от Дори и неутомимых и чрезмерных забота о вашей страсти. Он никогда не знал страданий любви без надежда, но теперь испытывала страдания от любви. Этот последние несколько недель были периодом растущего дискомфорта. Дорис был всегда с ним, как навязчивая идея, как осознание вины. Да, это было хорошо быть одному.

Достал из кармана конверт и открыл его, не без неохоты. Ненавидел карты;

они всегда содержали что-то неприятное — в наши дни, с вашего второго свадьба. Это была его сестра. Он начал читать вслух истины оскорбительные, которые составляли ее. Выражения “неприличная спешка”, ” самоубийство социальный”, “едва остыл в могиле”” ” человек низших сословий — ” все они были запрошены. Теперь они были неизбежны в любом сообщении родственник добрых намерений и правильных идей. Нетерпеливый, он собирался разорвите в клочья глупое письмо, когда ваш взгляд упал на предложение в конце с третьей страницы. Ее сердце билось с ноющим насилием, когда она читала его. Быть слишком чудовищно! Джанет Спенс говорила всем, что у него есть отравил жену, чтобы она могла выйти замуж за Дорис. Какое отвратительное зло! Обычно человек с мягким характером, Мистер Хаттон оказался дрожит от гнева. Он искал детского утешения в ругательствах-и ругал женщину.

Затем он внезапно увидел нелепую сторону ситуации. Идея, что он убить кого-нибудь, чтобы жениться на Дорисе! Если бы они только знали, как он мне было скучно. Бедная, дорогая Джанет! Она пыталась быть злой; она могла только быть глупой.

Звук шагов разбудил его; он оглянулся. В саду под маленьким терраса горничная дома собирала фрукты. Неаполитанский что из некоторых Модо бродила во Флоренцию, она делала классический тип — немного вульгарный. Профиль это могло быть взято из сицилийской монеты плохого периода. Черты лица, отчеканенные в изысканной манере Великой местной традиции, они выражали почти идеальная глупость. Рот был самым прекрасным; рука каллиграфический характер был богато согнут в плохом выражении глупый юмор… Под ужасной черной одеждой Мистер Хаттон угадал тело мощный, твердый и массивный. Он смотрел на нее раньше с неопределенным интересом и любопытство. Сегодня любопытство определилось и сосредоточилось на желании. Идиллия Феокрита. Там была женщина; он, бедняга, не был точно пастухом козел на вулканических холмах. Позвал ее.

- Армида!

Улыбка, с которой она ответила, была такой провокационной, она была свидетелем добродетель настолько легка, что мистер Хаттон испугался. Еще раз был на грани мне нужно было отступить, о, быстро, быстро, пока не стало поздно. слишком. Амоса

продолжал смотреть на него.

- Ха чиаматол, - спросила она наконец.

Глупость или разум? Ах, теперь выбора не было. Это была глупость.

- Scendo — - крикнул он ей. Двенадцать ступеней вели из сада на террасу. О мистер Хаттон рассказал. Вниз, вниз, вниз, вниз… Было видение сам спускается из одного круга ада в другой, из тьмы полный ветра и града в пропасть зыбучих песков.

V

В течение многих дней дело Хаттона занимало первые полосы всех газет. Не с тех пор, как Джордж Смит затмил, было более популярное суждение временно европейская война тонет в горячей ванне его седьмой невеста. Общественное воображение было возбуждено этой принесенной историей убийства в свете месяцев после даты преступления. Там, как он чувствовал, был один из таких инцидентов в человеческой жизни они настолько замечательны, потому что они настолько редки, что определенно, они оправдывают пути Бога для человека. Плохой человек был взят за незаконное увлечение убийством жены. В течение нескольких месяцев он жил во грехе и представлял себе безопасность-только, чтобы играть, наконец, так больше ужасный, в ловушке, которую он приготовил для себя. Преступление не окупилось, и в этом было доказательство этого. Читатели газет были в состоянии следовать все движения руки Бога. Были расплывчатые слухи, хотя постоянно, в окрестностях; полиция наконец-то приняла меры. Затем пришел приказ эксгумация, вскрытие, расследование, показания экспертов, вердикт присяжных инструктажа, суд, осуждение. Хотя бы раз в Провидение выполняло свой долг, очевидно, тупо, дидактически, как в мелодрама. Газеты были правы, чтобы сделать этот случай основным продуктом питания интеллектуал целой станции.

Первое волнение Мистера Хаттона, когда его вызвали из Италии для дачи показаний в расследование было возмущением. Это была чудовищная, скандальная вещь, которую полиция серьезно относиться к такой глупой и озорной сплетне. Когда запрос будет найден, он подал иск против окружного делегата за преследование; я бы подал в суд на Спенса за клевету.

Было начато расследование; удивительное доказательство было обнаружено. Специалист они исследовали тело и обнаружили следы мышьяка; они придерживались мнения что причиной смерти покойной миссис Хаттон было отравление мышьяком.

Отравление мышьяком… Эмили умерла от отравления мышьяк? После этого Мистер Хаттон с удивлением узнал, что существует гербицид мышьяк в своих теплицах в достаточном количестве, чтобы отравить армия.

Именно тогда он внезапно понял: против него было дело. Очарованный, он видел, как он растет, растет, как тропическое чудовище. Она он окружал его, окружал; он был потерян в закрытом лесу.

Когда мне давали яд? Эксперты согласились что его, должно быть, проглотили за восемь или девять часов до смерти. Вроде в обеденное время? Да, примерно в обеденное время. Клара, горничная, была вызов. Миссис Хаттон, как она помнила, просила вас забрать ее лекарство. Мистер Хаттон предложил уйти; он ушел один. Асрта. Спенс… ах, а воспоминание о шторме, белое лицо вооружено! Ужас всего этого! А

Мисс. Спенс подтвердил заявление Клары и добавил, что г-н Хаттон он вернулся с лекарством уже в чашке, а не во флаконе.

Возмущение Мистера Хаттона испарилось. Он был в ужасе, в ужасе. Все это было слишком фантастично, чтобы воспринимать всерьез, и все же этот кошмар это был факт, это действительно происходило.

Мтджаб много раз видел, как они целуются. Он взял их на прогулку в день смерти миссис Хаттон. Иногда он мог видеть их отраженными на лобовом стекле краем глаза.

Расследование было отложено. В ту ночь Дорис лег спать с головной болью. Когда вы пришли в ее комнату после обеда, Мистер Хаттон обнаружил, что она плачет.

- Что? — Он сел на край кровати и начал ее ласкать волос. Долго она не отвечала, а он продолжал ласкать-его волосы механически, почти без сознания; иногда даже если наклонился и поцеловал ее голое плечо. Однако у него были свои дела, чтобы думать. Что случилось? Как эта глупая сплетня стала правда? Эмили умерла от отравления мышьяком: это было абсурдно, невозможный. Порядок вещей был нарушен, и он был во власти безответственность. Что случилось, что должно было случиться? Был остановлен в середина ваших мыслей.

- Это моя вина, это моя вина! - вдруг рыдал Дорис. — Я я не должен был любить тебя; я не должен был позволять тебе любить меня. Почему я родился?

Мистер Хаттон ничего не сказал, но молча опустил глаза на

жалкий образ страданий, лежащих в постели.

- Если они что-то сделают с тобой, я убью себя.

Она села, на мгновение держала его на расстоянии и смотрела на него своего рода насилие, как будто я больше никогда его не увижу.

- Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя. - Потянул его, инертный и пассивный, к себе, схватил-если в нем. - Я не знал, что ты так сильно меня любишь, плюшевый мишка. Но почему вы сделали это, зачем вы это сделали?

Мистер Хаттон отодвинул руки, удерживающие его, и встал. Его лицо осталось много красного.

- Вы, кажется, согласны с тем, что я убил свою жену, — сказал он. — Быть действительно слишком гротескно. За кого вы все меня принимаете? Герой кино? - Он начинал терять пациентку. Все раздражение, все страх и трепет дня превратились в яростную ярость против нее. - Это все чертова глупость. У вас нет ни малейшего представления о менталитете цивилизованный человек? Я похож на человека, который убивает других? Я думаю, ты представлял, что я был так безумно влюблен в тебя, что я совершу любое безумие. Когда вы, женщины, поймете, что никто не безумно влюблен? Все, что нужно, - это тихая жизнь.,

то, что вы не позволяете себе иметь. Я не знаю, что, черт возьми, заставило меня выйти замуж с тобой. Все это была глупая шутка. А теперь ты говоришь, что я убийца. Я не позволю.

Мистер Хаттон подошел к двери. Я говорил ужасные вещи, я знал это; вещи одиозные, которые должны быстро развеять. Но не хотел. Закрыл дверь за о вас.

- Медвежонок!

Он повернул ручку; язычок вошел на место с щелчком.

- Медвежонок!

Голос, дошедший до него через закрытую дверь, был отчаянным. Надлежать вернуться? Я должен был вернуться. Прикоснулся к ручке, затем убрал пальцы и отошел быстро. Когда он стоял

посреди лестницы, он остановился. Она могла бы попробовать глупость-выбросить себя из окна или бог знает что! Слушал внимательно, нет был какой-то звук. Но он очень ясно представлял ее, проходя через спальню нога перед ногой, поднимая остекление как можно больше, наклоняясь к холодному воздух вечерний. Немного шел дождь. Под окном была мощеная терраса. К которому расстояние? Семь или десять метров? Однажды, когда я шел по Пикадилли, собака выпрыгнула из окна третьего этажа Ритца. Он видел, как он упал; слышен стук на тротуаре. Должен ли я вернуться? От j eito нет; он ненавидел ее.

Долго сидел в библиотеке. Что случилось? Что это происходило? Он возвращал вопрос бесчисленное количество раз в уме и не удалось найти ответ. А если бы кошмар приснился самому себе до конца, даже его ужасный вывод? Смерть ждала его. Его глаза наполнились слезы; страстно хотел жить. “Просто быть живым.“Бедная Эмили он тоже этого хотел, вспомнил он. “Просто быть живым.“Было так много места в этом потрясающем мире еще не посещены, так много странных людей и чудесные еще неизвестные, так много красивых женщин еще даже не интервью. Огромные белые волы все еще будут тянуть свои машины на вдоль тосканских дорог кипарисы все еще будут расти, прямостоячие, как колонны, в голубое небо; но он не был бы там, чтобы увидеть их. И сладкие южные вина — Слеза Христа и кровь Иуды-пили бы их другие, а не он. Другой они будут ходить по темным узким коридорам между книжными полками в Лондонская библиотека, пылесосить пыльный аромат хорошей литературы, читать странные названия, открытие неизвестных имен, изучение границ обширные области знаний. Он был бы в дыре в земле. И почему, почему? Смущенно он чувствовал, что какой-то необыкновенный вид справедливости это было сделано. В прошлом он был легкомысленным, глупым и безответственным. Теперь судьба играла с ним, тоже легкомысленно и безответственно. Это было око за око, и Бог все-таки существовал.

Он чувствовал, что хотел бы помолиться. Сорок лет назад он часто становился на колени. у кровати каждую ночь. Ночная формула его детства пришла к нему почти

автоматически из какой-то камеры его памяти, которой давно не было открытый. “Да благословит Бог папу и маму, Тома и Сисси и Нене, Мадемуазель и няня и весь мир, который я люблю, и сделай меня хорошим мальчиком. Аминь.” Теперь все были мертвы —

все, кроме Сисси.

Его разум, казалось, смягчился и растворился; спустилось великое спокойствие о его духе. Он поднялся на второй этаж, чтобы попросить прощения у Дориса. Нашел ее лежащей на диване у изножья кровати. На полу рядом с ней была синяя бутылка мази с надписью “Не следует глотать”; казалось, что она выпил половину.

- Ты меня не любила — - это все, что она сказала, открыв глаза и вы нашли его, сгорбившись над ней.

Доктор Либбард прибыл вовремя, чтобы предотвратить серьезные последствия.

- Вы не должны делать это снова — - сказал он, когда Мистера Хаттона не было. в спальне.

- Кто меня остановит? - спросила она с вызовом.

Доктор Либбард посмотрел на нее своими большими грустными глазами.

- Ничто ее не остановит, - ответил он. - Только вы и ваш ребенок. Разве не повезло, что ребенок не может прийти в мир, потому что ты хочешь выбраться из него?

Дорис некоторое время молчал.

- Хорошо — - прошептал он. - Я больше так не буду.

Мистер Хаттон сидел у ее постели до конца ночи. Теперь он чувствовал даже преступник. Некоторое время он убеждал себя, что любит это бедный ребенок. Вздремнув в своем кресле, он проснулся, скованный и холодный, чтобы найти себя вытертым, так сказать, от всех эмоций. Он стал ничем, если не быть усталой и страдающей тушей. В шесть часов он разделся и пошел в кровать, чтобы немного поспать. В тот же день инструкторское жюри представило вердикт “умышленное убийство” и Мистер Хаттон был арестован, чтобы предстать перед судом.

УВИДЕТЬ

Мисс. Спенс был совсем не в порядке. Он нашел свои публичные

выступления на скамейке запасных свидетелей очень утомительно, и когда все закончилось, у нее было что-то, что было почти крах. Плохо спал и страдал от нервного расстройства желудка. Доктор Либбард я навещал ее раз в два дня. Она много с ним разговаривала; обычно по делу Хаттона… Его моральное возмущение всегда было кишеть. Не было ужасно думать, что она получила убийцу в своем собственный дом?Не было ничего необычного в том, что она могла так долго обманывать себя что касается характера человека? (Но с самого начала у нее было подозрение.) И девушка, с которой он сбежал: такой низкий класс, только немного лучше, чем проститутка. Новости о том, что вторая Миссис Хаттон ждет ребенка - Посмертный Сын осужденного и казненного преступника-возмутил ее;

это было шокирующим, непристойным. Доктор Либбард ответил любезно и смутно, и прописал ему бромид.

Однажды утром он прервал ее в середине своей обычной речи.

- Кстати — - сказал он своим мягким, меланхоличным голосом, - я представляю, что в вы отравили Миссис Хаттон.

Мисс. Спенс смотрел на него две или три секунды огромными глазами, затем тихо сказал:

— Да. - После этого начал плакать.

- В кафе, представляю.

Ей показалось, что она склонила голову, соглашаясь. Доктор Либбард взял пером и своим точным и кропотливым почерком написал рецепт снотворное.

Банкет Тиллотсона

I

Молодой СПОД не был снобом; он был слишком умен для этого, слишком много и принципиально правильно. Он не был снобом, но в то же время время, я не мог не чувствовать себя очень довольным, думая, что я буду обедать наедине и тесно, с лордом Бэджери. Это было необычное событие в его жизнь, шаг вперед, он чувствовал, к окончательному, социальному успеху, материальный и литературный, который, когда он приехал в Лондон, имел твердую цель удаться. Завоевание и захват Бэджери были стратегическими шагами для успех кампании.

Эдмунд, сорок седьмой барон Бэджери, был прямым потомком от Эдмунда по фамилии Ле Блейро, который прибыл на английскую землю в след Вильгельма Завоевателя. Возведенные в дворянство Уильямом Руфусом, Бэджери были одной из немногих семей баронов, переживших войну Розы и все другие изменения и события в английской истории. Были расой податливый и плодовитый. Ни один бардак никогда не сражался ни в одной войне, ни один бардак никогда не участвовал в какой-либо политике. Они довольствовались тем, что жили и спокойно размножали свой вид в огромном норманнский замок с балетрорами, окруженный тройной стеной, выезжая оттуда только для того, чтобы возделывать свою собственность и собирать договоры аренды. В восемнадцатом веке, когда жизнь стала относительно безопасной, Badgery они начали углубляться в цивилизованное общество. От деревенских джентльменов, они процветали в Великих сеньоров, меценатов искусств, виртуозов. Ваша собственность он был велик, они были богаты; и с ростом индустриализма их богатство он тоже вырос. Поселки на его территории превратились в города промышленники, уголь был обнаружен под поверхностью его неплодородных равнин. В середине девятнадцатого века Бэджери были одними из самых богатых семей английские дворяне. Сорок седьмой барон имел доход от меха минус двести тысяч фунтов в год. Следуя великой традиции Badgery, он он отказался участвовать в политике или войне. Он занимался коллекционированием картины; интересовался театральными постановками; был другом и покровителем мужчин литераторов, художников и музыкантов. Характер, короче говоря, значительный важность в этом конкретном мире, который выбрал молодой СПОД успех.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как СПОД покинул университет. Саймон Голлами,

редактор журнала Worlds Review (“лучший из всех возможных миров”” он знал (всегда был внимателен к молодым талантам), он видел возможности в мальчике и он назначил его искусствоведом в своей газете. Голлами любил иметь вокруг себя молодые люди, способные учиться. Наличие учеников вокруг него льстило его тщеславие, и ему было легче, более того, вести свою газету с послушные сотрудники, чем с людьми, которые стали упрямыми и бесчувственными возраст. СПОД не плохо справился со своей новой работой. В любом случае, ваши статьи были достаточно умными, чтобы вызвать интерес лорд Бэджери. В конечном счете, именно им была оказана честь сидеть на этом ночь в столовой Badgery House.

Поощряется несколькими сортами вина и бокалом бренди в возрасте СПОД чувствовал себя более уверенно и непринужденно, чем чувствовал себя ночью весь. Бэджери был несколько тревожным хозяином. Имел тревожную привычку изменить тему любого разговора, который длился более двух минут. СПОД посчитал его достойным оскорбления, например, когда его хозяин прервал он хвастался, что это была особенно изощренная и поучительная речь об искусстве барокко он прогуливал потерянный взгляд по комнате и спрашивал его внезапно он полюбил попугаев. Он краснеет и смотрит друг на друга с подозрением, воображая, что я пытался унизить его. Но нет; белое лицо, мясистый, Ганноверский из Badgery хвастался выражением совершенной добросовестности. В его маленьких зеленых глазах не было никакого обмана. Он явно хотел знать, СПОД любил попугаев. Мальчик проглотил свое раздражение и ответил, что нравиться. Затем бэджери рассказал хорошую историю о попугаях. СПОД был собираясь отскочить с лучшей историей, когда ведущий начал говорить о Бетховене. И так продолжалась игра. СПОД вырезал свой разговор, чтобы адаптируйте его к желаниям вашего хозяина. В течение десяти минут он делал эпиграмму более или менее умный о Беневенуто Челлини, королеве Виктории, спорте, Бог, Стивен Филлипс и мавританская архитектура. Лорд Бэджери нашел его мальчиком очаровательный и очень умный.

- Если вы допили свой кофе, давайте посмотрим на картины, - сказал он, вставая пока говорил.

СПОД с энтузиазмом встал и только тогда понял, что выпил один слишком мало. Он должен был быть осторожен, говорить

сознательно и сажать ноги на земле сознательно, один за другим.

- В этом доме полно картин — - пожаловался лорд Бэджери. - На на прошлой неделе я отправил полный вагон в поле; но их все еще слишком много. У моих предков были свои портреты, написанные Ромни. Такой художник обидно, не правда ли? Почему они не могли выбрать Гейнсборо или даже даже Рейнольдс? Теперь я повешу всех Ромни в зале сотрудник. Это большое утешение, зная, что никто больше не увидит их снова. Я полагаю, вы знаете все о древних хеттах.

— Хорошо… - ответил парень с соответствующей скромностью.

- Тогда посмотри на это. - Указал на большую каменную голову на книжной полке возле двери столовой. - Не грек, не египтянин, ни персидский, ни что - то еще; таким образом, если это не древний хеттин, я не знаю, что это такое. И это это напоминает мне историю о лорде Джордже Сэнгере, короле цирка… — быть, не дав споду времени осмотреть хеттскую реликвию, он направился к длинная лестница, прерывающаяся каждый момент, чтобы показать что-то новое. зрелище любопытства или красоты.

- Я полагаю, вы знаете пантомимы Дебюро, — предложил СПОД так что история закончилась. Был готов передать свою информацию о Дебюро. Бэджери дал ему идеальное открытие с его нелепым Сэнгером. — Какой идеальный мужчина, не так ли? Он привык…

— Это главная галерея, - сказал лорд Бэджери, открывая лист высокая складная дверь. - Я должен извиниться за нее. Похоже на каток. - Возился с выключателями, и вдруг появился свет, свет, который показал огромный галерея, должным образом исчезающая на расстоянии по всем законам перспектива. - Смею сказать, вы слышали о моем бедном отце — продолжил лорд Бэджери. - Немного безумный, понимаешь? Своего рода гений механик с ослабленным винтом. Раньше у него была игрушечная железная дорога на этом комната. Очень повеселился с ней, ползая по полу за ее поездами. Е все картины были сложены в подвале. Я не могу сказать вам, как они были, когда я их нашел, грибы росли на Боттичелли. Теперь у меня есть право гордость этого Пуссена; он нарисовал его для Скаррона.

- Замечательно! - воскликнул СПОД, делая рукой жест, как будто

он моделировал чистую форму в воздухе. - Как великолепно движение этих деревьев и этих наклонных фигур! И то, как они были пойманы, так сказать, и обездвижены этой уникальной божественной фигурой, противостоящей им его противоположное движение! И драпированные…

Но лорд Бэджери вышел вперед и стоял перед маленькой Богородица XV века из резного дерева.

- Школа Реймса, - объяснил он.

” Сделали ” галерею на высокой скорости. Badgery не позволил его гость останавливался более чем на сорок секунд перед любым произведением искусство. СПОД хотел бы провести несколько минут воспоминаний и спокойствие перед некоторыми из этих прекрасных вещей. Но ему не разрешили.

Сделав галерею, они переместились в небольшую комнату. Видя, что огни они раскрывались, СПОД задохнулся.

- Это как что-то из Бальзака, - воскликнул он-Un de ces salons dorês où se dèploie un Luxe insolent. Вы знаете.

- Моя палата XIX века, - объяснил Бэджери. - Лучший из его пол, - с гордостью сказал он, - за пределами королевских покоев в Виндзоре.

СПОД ходил по камере на цыпочках, изумленно созерцая все стеклянная посуда, позолоченная бронза, фарфор, перья, вышитый и окрашенный шелк, бусы, воск, предметы самых фантастических форм и цветов, все странные продукты декадентской традиции, которые заполняли комнату. Были кадры в стены-Мартин, Уилки, Ландсир ранних лет, несколько Этти, большой Хейдон, легкая акварель молодой девушки, написанная Уэйнрайтом, подопечный Блейка и мастер отравления мышьяком, и многие другие. Но рамка, которая привлекла внимание спода, была экраном среднего размера изображая Троя, входящего в Трою верхом на лошади среди цветов и аплодисментов от множества почитателей и не обращая внимания на все, кроме глаза Крессиды, которая смотрела на него из окна, а Пандар улыбался через плечо.

- Какая абсурдная и очаровательная картина! - воскликнул СПОД.

- Ах, ты открыл мой Троил. Лорд Бэджери был рад.

- Какие яркие цвета! Как у Этти, только сильнее, не так очевидно, красивые. И есть энергия, которая напоминает мне картину Хейдона. Только что Хейдон никогда не сможет сделать что-то с таким безупречным вкусом. Кто это сделал? — СПОД вопросительно обратился к своему хозяину.

- Вы правильно поняли, опознав Хейдона, - ответил лорд Бэджери. - Это от его подопечный, Тиллотсон. Я хотел получить от него другие работы. Но кажется, что никто ничего о нем не знает. И кажется, что он сделал так мало кадров.

На этот раз его прервал мальчик.

- Тиллотсон, Тиллотсон… - Поднесла руку ко лбу. Несоответствующая морщина он исказил ее круглое и пышное лицо. — Не… Да, я знаю. — Возвести глаза в триумфе, брови безмятежные и детские. - Тиллотсон, Уолтер Тиллотсон. Парень еще жив.

Бэджери улыбнулся.

- Помните, что эта картина была написана в 1846 году.

- Ну, это верно. Допустим, он родился в 1820 году, нарисовал свою шедевр в двадцать шесть лет, и мы в 1913 году; это значит, что у него есть только девяносто три года. Не такой старый, как Тициан.

- Но никто не слышал о нем с 1860 года, - возразил лорд Бэджери.

— Точно. Упоминание его имени напомнило мне об открытии, которое я сделал еще один день, когда я читал некрологи в архивах World s Review. (Нам нужно обновлять информацию каждый год, чтобы нас не поймали дремлет, если один из этих стариков решит внезапно стереть.) Ну, я помню, из моего удивления в то время: среди них я нашел биографию Уолтера Тиллотсона. Довольно полная до 1860 года, а затем дыра, за исключением карандашной аннотации в начале века говорят, что он вернулся с Востока. Некролог никогда не был был использован или расширен. Я сделал очевидный вывод: старик еще не умер. Только кто как-то забыл о нем.

- Но это фантастика! - воскликнул лорд Бэджери. - Вам нужно найди его, СПОД, найди его. Я наняю вас, чтобы нарисовать фрески на возвращайся из этой комнаты. Это именно то, чего я всегда хотел и безуспешно: настоящий художник девятнадцатого века, чтобы украсить это место для меня. Ах, мы должны найти его немедленно.

Лорд Бэджери ходил взад и вперед в состоянии великого возбуждение.

- Я вижу, как эта комната может быть идеальной, - продолжил он. — Мы вытащим все эти книжные полки и наполним эту стену фреской героический Гектор и Андромаха, или “конфискация арендного долга”!^, или Фанни Кембл в роли Бельвидеры в ” сохраненной Венеции — - что угодно жанр, если он внушителен, как в 1830-х или 1840-х годах. И здесь я это поставило бы пейзаж с прекрасными перспективами, отступающими, или что-то еще архитектурный и внушительный, в стиле Бальтасарского банкета. Затем мы снимаем это камин Адам и мы заменили его чем-то готико-мавританским. И в этих стенах у нас будет зеркала или нет… Дай посмотреть…

Погрузился в задумчивую тишину, от которой наконец проснулся воскликнуть:

- Старик, старик! СПОД, нам нужно найти это удивительное существо. Е никому не говори ни слова. Тиллотсон! Это будет наш секрет. Ах, это прекрасно, потрясающе! Подумайте о фресках!

Лицо лорда Бэджери определенно выглядело довольным. Он говорил на одну тему в течение почти пятнадцати минут.

II

Три недели спустя лорд Бэджери был пробужден от своего обычного сонливость после обеда по прибытии телеграммы. Послание это было коротко. “Найти. - СПОД.“Воздух удовольствия и интеллекта сделал его человеком сероватое лицо лорда Бэджери от раскошелений.

- Нет ответа, - сказал он. Слуга удалился тихими шагами.

Лорд Бэджери закрыл глаза и начал воображать. Найдено! Что комната у него была бы! В мире не было бы такой вещи, как она. Фрески, камин, зеркала, потолок… И маленький морщинистый старичок, взбирающийся на леса,, ловкий и быстрый, как одна из тех маленьких волосатых обезьян в зоопарке, рисующих, окрасить… Фанни Кембл в роли Бельвидеры, Гектора и Андромахи, или почему бы и нет герцог Кларенс в Батте, герцог Мальмси, Батт Кларенса… Лорд Бэджери спал.

СПОД прибыл вскоре после своей телеграммы. В шесть часов был в Бэджери Хаус. Его Превосходительство было в комнате девятнадцатого века, занятой в

выньте предметы из комнаты самостоятельно. СПОД нашел его задыхающимся и красный.

- О, вот и ты, - сказал лорд Бэджери. - Смотрите, я уже готовлюсь вещи для прибытия великого человека. Теперь ты должен рассказать мне все о он.

— Он даже старше, чем я думал, - сообщил СПОД. — Сделать девяносто семь лет в этом году. Родился в 1816 году. Удивительно, не правда ли? Но так я начиная с конца.

- Начинай, где хочешь, - эйфорически сказал Бэджери.

- Я не буду рассказывать вам обо всех инцидентах с охотой. Вы понятия не имеете о работа, которую я должен был найти. Это было похоже на историю Шерлокхолмеса, очень сложно, слишком сложно. В любой день я напишу книга об этом. В любом случае, я наконец нашел его.

- Где?

- В какой-то респектабельной трущобе в Холлоуэе, старше, больше бедный и более одинокий, чем можно было бы подумать. Я узнал, как это произошло быть забытым и как тогда удалился из жизни. Он засунул его в голову, волосы обряды 1860 года, чтобы поехать в Палестину, чтобы получить местный колорит для своих религиозные картины-козлы отпущения и тому подобное.1^2] Ну, он пошел в Иерусалим, а затем на гору Ливан и всегда вперед, а затем в какой-то где-то в середине Малой Азии, он испугался-и там пробыл там около сорока лета.

- Что он делал все это время?

- О, он рисовал, и основал миссию, и обратил трех турок, и учил местным Пашам зачатки английского, латыни, перспективы и Бог знает что еще. Затем, примерно в 1904 году, кажется, ему пришло в голову, что он становится наполовину старик и был вне дома довольно долго. Таким образом, он вернулся в Англию, чтобы узнать, что все, кого я знал, были мертвы, что торговцы они никогда не слышали о нем и не хотели покупать его картины, которые это был просто нелепый старик. Таким образом, он получил работу преподавателя я рисую в женской средней школе в Холлоуэе и с тех пор был там каждый раз старше, и слабее, слепой и глухой и в целом более Гага, пока, наконец, школа уволила его. У него было всего около десяти фунтов, когда я нашел его. Жить в какой-то темной дыре в подвале, полном тараканов. Когда у вас есть потратив свои десять фунтов, я думаю, что он умрет ах с миром.

Бэджери поднял бледную руку.

- Хватит, хватит. Я уже нахожу литературу достаточно удручающей. Настаивать пусть хотя бы жизнь будет немного веселее. Вы сказали ему, что я хочу, чтобы покрасить мою гостиную?

- Но он не умеет рисовать. Он слишком слеп и дрожит.

- Ты не можешь рисовать? - с ужасом воскликнул Бэджери. - Так что же такое

преимущество старика?

- Ну, положив вещи вот так… - СПОД начал.

- У меня больше не будет фресок. Позвоните в звонок; да?

СПОД играл.

- Какое право имеет Тиллотсон продолжать существовать, если он не может рисовать? — лорд Бэджери продолжал с раздражением.
- В конце концов, это было его единственное оправдание занять место на солнце.

- У него не так много солнца в подвале.

Слуга появился у двери.

- Заставь кого-нибудь вернуть эти вещи на место, - приказал он лорд Бэджери указывает рукой на разграбленные книжные полки, стеклянный беспорядок и фарфор, которым он забивал пол, зависел от картин. - Пойдем в библиотека, СПОД; там более удобно.

Он провел его через длинную галерею и вниз по лестнице.

- Мне жаль, что старый Тиллотсон был таким большим разочарованием — сказал СПОД сочувственно.

- Давайте поговорим о другом; он перестал меня интересовать.

- Но ты не думаешь, что мы должны что-то сделать для него? Всего десять фунтов отделяют от приюта. Что, если бы я видел Жуков в том подвале!

- Хватит, хватит. Я делаю все, что вы считаете нужным.

- Я подумал, что мы можем сделать коллекцию среди любителей искусства.

- Их нет, - сказал Бэджери.

- Нет; но многие люди будут способствовать снобизму.

- Только если вы дадите им что-то в обмен на деньги.

— Правда. Я не думал об этом. - СПОД молчал для одного момент. - Мы могли бы устроить ему ужин. Великий Банкет Тиллотсона. Декан английского искусства. Связь с прошлым. Не вы видите газеты? Я бы сделал большой шаг в World s Review. Это будет привлечь снобов.

- И мы пригласим многих художников и критиков; всех, кто терпеть не может. Будет забавно наблюдать, как они спорят. - Бэджери засмеялся. После того, как его лицо стало отпусти себя. — Тем не менее, — добавил он, - это будет очень бедное утешение для моих фресок. Конечно, ты останешься на ужин.

- Ну, раз уж вы пригласили. Большое спасибо.

III

Банкет Тиллотсона был назначен примерно на три недели позже. СПОД, отвечая за организацию, он показал себя отличным организатором. Арендовал огромный банкетный зал кафе насос и между комплиментами и хулиганами, ему удалось убедить менеджера устроить ужин На пятьдесят человек до двенадцати

шиллинги на голову, включая вино. Он рассылал приглашения и собирал взносы. Написал статью о Тиллотсоне в World s Review — одну из таких статей очаровательные и умные, просочившиеся в приятную смесь снисходительности и критики о великих людях 1840 года. Он также не пренебрегал сам Тиллотсон. Я ходил почти каждый день в Холлоуэй, чтобы послушать бесконечные рассказы старика о Малой Азии и Великой выставке 1851 года и Бенджамин Роберт Хейдон. Я искренне жалел эту реликвию из другой эпохи.

Комната мистера Тиллотсона находилась примерно на три метра ниже уровня земли в Южный Холлоуэй. Слабый серый свет проникал сквозь решетку области, он с трудом проходил сквозь тусклые и грязные оконные стекла и рассеивался, как капля молока, которая падает в чернильницу, сквозь густые тени подвала. О место было пропитано едким запахом влажной штукатурки и дерева, чья ядро начинало тайно распылять себя. Несколько неоднородная мебель, включая кровать, умывальник и комод, стол и одну или две стулья, спрятались в тенистых углах подвала или рискнули подкрадываться. Али СПОД ходил почти каждый день, что привело к старому новости о ходе планов банкета. Каждый день я встречался с мистером. Тиллотсон сидит на том же месте под окном, купаясь, так сказать, в его крошечная лужа света. “Старейшина, у которого всегда были седые волосы”, размышлял СПОД, глядя на него. Только на этой лысой и тусклой голове остались немного волос. Под стук посетителя мистер Тиллотсон поворачивался к стул и фиксировал в направлении двери свои маленькие твердые и моргающие глаза. Я всегда был полон оправданий за то, что так долго узнавал, кто прибывать.

— Это не недостаток вежливости,-говорил он, приглашая его войти. - Это не так. что я забыл о тебе. Только так темно, и мой взгляд больше не что это было.

После этого он никогда не переставал издавать хихиканье и, указывая сквозь от окна до баров области, он сказал:

- Это место для кого-то с хорошим видом. Это место, чтобы посмотреть на лодыжка. Это мыльница.

Это был канун большого события. СПОД пришел, как всегда, и Мистер Тиллотсон он пунктуально отпустил свою шутку о лодыжках, и СПОД тоже засмеялся пунктуально.

- Ну, мистер Тиллотсон — - заговорил он после реверберации шутки исчезать. - Завтра Господь снова войдет в мир искусства и мода. Он найдет некоторые изменения.

- Мне всегда везло необычайно, - сказал мистер Тиллотсон и СПОД я мог видеть в его искреннем выражении, что он действительно верил в это, что он забыл темную дыру, Жуков и десять фунтов, почти все израсходованные, что они отделялись от приюта. - Какая удивительная удача, например, ты иметь меня

обнаружен именно в этом случае. Теперь этот ужин вернет меня обратно за мое место в мире. У меня будут деньги, и в скором времени, кто знает, я смогу видеть достаточно, чтобы снова рисовать. Я верю, что мои глаза вы знаете, они поправляются. Ах, будущее золотое.

Мистер Тиллотсон поднял глаза, его лицо сморщилось в улыбке, и сделал жест согласия на его слова.

Вы верите в будущую жизнь?- спросил СПОД, и тут же покраснел- если стыдно за жестокость слов.

Но мистер Тиллотсон был слишком весел, чтобы осознать его значение.

- Будущая жизнь, - повторил он. - Нет, я не верил в это с 1859 года. Происхождение видов изменило мое мнение, понимаете? Нет будущей жизни для меня, спасибо! Вы не помните путаницу, естественно. Это слишком молодо, мистер СПОД.

- Ну, я не такой старый, как был, — возразил СПОД. - Знает, как человек чувствует себя в среднем возрасте как студент и первокурсник? Теперь я достаточно взрослый, чтобы знать, что я молод.

СПОД был на грани дальнейшего развития этого маленького парадокс, но вы поняли, что мистер Тиллотсон не слушает. Записали игра для использования в компаниях, которые больше ценят тонкости.

- Вы говорили о происхождении видов, - сказал он.

- Был? - спросил Мистер Тиллотсон, просыпаясь от задумчивости.

- О влиянии книги на вашу веру, мистер Тиллотсон.

- Да, конечно. Это потрясло мою веру. Но я помню одну прекрасную вещь из Поэт-лауреат, что-то о том ,что есть больше веры в Честное сомнение, ojj верит-меня, чем вообще… во всем… я забыл, в чем именно; но ты понял рассуждения. Ах, это было плохое время для религии. Я рад пусть мой хозяин Хейдон не дожил до этого. Был человеком много веры. Я помню, как он шел из стороны в сторону от своего студия в Лиссон-Гроув, поющая, кричащая и молящаяся одновременно. Почти это пугает меня. Ах, но он был замечательным человеком, великим человеком. Узел каждый, мы не найдем другого, как он. Как всегда, бард прав. Но все это было давно, до вашего времени, мистер СПОД.

- Ну, я не такой старый, как был, - сказал СПОД, надеясь, что на этот раз его парадокс был оценен по достоинству. Но мистер Тиллотсон остался без воспринимать прерывание.

- Давным - давно. Однако, когда я оглядываюсь назад, кажется, что это было день или два назад. Странно, что каждый день кажется таким длинным, и что много дней вместе меньше часа. Как я ясно вижу старого Хейдона ходить из стороны в сторону! На самом деле гораздо яснее, чем увидимся, мистер СПОД. Глаза памяти не ослабевают. Но мой взгляд это улучшается, уверяю вас; это улучшается ежедневно. Скоро я смогу

увидеть эти лодыжки. - Засмеялся, как треснувший колокол, один из тех маленьких. древние колокола, вообразил СПОД, звенят в далеких кварталах служащие в старых домах. - И скоро, - продолжил мистер Тиллотсон, - я буду картина снова. О, мистер СПОД; моя удача необыкновенная. Я верю в нее, я ей доверяю. И в конце концов, что такое удача? Просто другое имя Провидения, несмотря на Происхождение видов и все остальное. Как был прав лауреат когда я сказал, что в честном сомнении больше веры, верьте мне, чем во все… гм, все… гм… ну, вы знаете. Я считаю

вас, мистер СПОД, эмиссаром Провидение. Его пришествие ознаменовало решающий момент в моей жизни и начало, для меня, счастливых дней. Знаешь, одна из первых вещей, которые я сделаю, когда мое состояние будет восстановлено, чтобы купить дикобраза.

- Дикобраз, мистер Тиллотсон?

- Для тараканов. Нет ничего лучше дикобраза для тараканов. Он ест тараканов, пока не заболеет, пока не умрет от несварения желудка. Это напоминает мне об одном однажды я сказал своему бедному великому мастеру Хейдону, шутя, конечно, что он должен был прислать рисунок короля Иоанна, умирающего от избытка миног для фресок нового здания парламента. Как я сказал ему, это знаменательное событие в анналах английской свободы: удаление провидческий и образцовый тиран.

Мистер Тиллотсон снова засмеялся-колокольчик в заброшенном доме; одна рука призрачный дергая веревку в гостиной и разводят призраков отвечая на слабый, сломанный звук.

- Я помню, как он смеялся, как бык, в своей внушительной манере. Но ах, это был ужасный удар, когда они отказались от своих рисунков, удар ужасный. Это была первая и основная причина его самоубийства.

Мистер Тиллотсон прервался. Было долгое молчание. СПОД чувствовал себя странно тронутый, мало ли я знал, почему в присутствии этого человека так хрупкий, такой старый, в теле три четверти мертвый и с таким полным духом жизнь и обнадеживающее терпение. Ему было стыдно. Какая польза от ваша собственная молодость и интеллект? Увидел себя внезапно, как мальчик с погремушкой отпугивает птиц; гремит его шумно интеллект, размахивая руками в бесполезной и бесконечной деятельности, никогда отдыхая в своих усилиях, чтобы отпугнуть птиц, которые всегда были попытка приземлиться в его уме. А какие птицы! Красивые, с длинными крыльями, все эти тихие мысли, убеждения и эмоции, которые посещают только умы, которые они стали скромными и безмятежными. Это были милостивые посетители против который он всегда использовал всю свою энергию. Но разум этого старика, как его дикобраз, его честные сомнения и все такое, это было похоже на поле, украшенное свободой приходить и уходить, высадками без страха толпа белых существ с блестящими крыльями. Ему было стыдно. Но можно ли изменить жизнь? Это не было немного абсурдно

рисковать

преобразование? СПОД пожал плечами.

- Я немедленно достану вам дикобраза, - сказал он. — У них наверняка будет несколько в Whiteley'SJ - ^J

Перед отъездом той ночью СПОД сделал тревожное открытие. Мистер. У тиллотсона не было фрака. Можно было подумать о том, чтобы сделать один в такой короткий срок, и, кроме того, какие лишние расходы!

- Нам придется одолжить фрак, мистер Тиллотсон. Я должен был думал об этом раньше.

- Так, так. Мистер Тиллотсон был опечален этим открытием. азиага. - Одолжить фрак?

СПОД выбежал за советом в Badgery House. Лорд Бэджери это удивительно соответствовало случаю. - Отправить Boreham прийти ко мне — он приказал сотруднику, который ответил на звонок.

Boreham был одним из тех незапамятных дворецких, которые остались, поколение после поколения, в домах великих. Ему было больше восьмидесяти, он наклонился., иссушенный, уменьшающийся с возрастом.

- Все старики примерно одинакового размера — - заявил лорд Бэджери. Это была обнадеживающая теория. - О, вот он. У вас есть дополнительный фрак, Борем?

- У меня есть старый фрак, милорд, который я перестал носить… позвольте мне увидеть… это был 1907 или 1908 год?

— Точно. Я был бы очень благодарен, Boreham, если бы вы могли одолжить его мистеру споду здесь на день.

Старец удалился и вскоре снова появился с черным фраком на руке очень старый. Он поднял пиджак и брюки для осмотра. В дневное время были плачевный.

- Вы понятия не имеете — - умоляющим тоном сказал Борехам споду —, понятия не имею, как легко все пачкается, от жира, от

замачивания и так далее. Как бы вы ни были осторожны, сэр. Как бы осторожно это ни было возьми себя.

- Думаю, да. - Тон спода был сочувственным.

Как бы вы ни были осторожны, сэр.

- Но при искусственном освещении все будет хорошо.

- Отлично, - повторил лорд Бэджери.

- Спасибо, Boreham; он вернется в четверг.

- Пожалуйста, милорд, пожалуйста. - А старик поклонился и исчез.

Во второй половине дня большого дня СПОД взял в Холлоуэй пакет, содержащий отставной фрак Boreham и все необходимые дополнения, такие как рубашка и воротник. Из-за темноты и слабого зрения мистер Тиллотсон остался блаженно не подозревая о дефектах фрака. Был в состоянии экстремальное нервное возбуждение. С некоторым трудом СПОД справился

остановите его, Хотя это было всего три часа, чтобы начать свой туалет немедленно.

- Полегче, мистер Тиллотсон, полегче. Нам не нужно уходить до половины седьмого.

СПОД уехал через час, и как только он убедился в своем уходе из квартира мистер Тиллотсон начал готовиться к банкету. Зажег газ и несколько свечей и, мигая со всей своей близорукостью к изображению, которое смотрело на него в крошечном зеркале, которое стояло над комодом, он начал работать со всем энтузиазм молодой девушки готовится к своему первому балу. В шесть часов, после последних штрихов он был доволен.

Он шел взад и вперед в своем подвале, напевая вместе с ним даже веселая песня, которая была так популярна в юности:

О, о, Атина Мария Джонсл

Королева бубна, тарелок и костей!

СПОД прибыл через час на втором Роллс-Ройсе лорда Бэджери. Открыв дверь приданого старца, остановился на мгновение, глаза в изумлении, на пороге. Мистер Тиллотсон стоял у ящика пустой, локоть покоится на полке над камином, нога крест-накрест на другую в янской и рыцарской позе. Эффект свечей сияние на ее лице было от углубления каждой морщины с интенсивными тенями черные; казалось бесконечно старым. Это была благородная и жалкая голова. С другой стороны в стороне, довольно изношенный фрак Boreham был просто комичным. Пиджак у него были слишком длинные рукава и хвост; брюки образовывали мешочки в слоновьи морщины на лодыжках. Были видны некоторые жирные пятна даже при свечах. Белый галстук, с которым у мистера Тиллотсона была работа бесконечный и который верил в свою почти слепоту, чтобы быть совершенным, был фантастически пирог в одну сторону. Он застегнул жилет таким образом что кнопка была лишена своего дома, а дом-своей кнопки. Пересечь на передней части рубашки была широкая зеленая лента неизвестного порядка.

- Королева бубна, тарелок и костей — - заключил г-н Тиллотсон с голосом комара, прежде чем приветствовать посетителя. - Ну, СПОД, там это ты. Я уже готов, видишь? Я польщен тем, что могу сказать, что фрак служит мне очень хорошо, как будто это было сделано для меня. Я весь благодарность джентльмену, который был достаточно любезен, чтобы одолжить его; я возьму будьте осторожны с ним. Брать одежду опасно. Часто теряется одолженная вещь и друг. Бард всегда прав.

- Только одно, - сказал СПОД. - Одно касание вашего жилета.

Расстегнул состаренную одежду и снова застегнул ее, так что более симметричный.

Мистер Тиллотсон был несколько обижен тем, что попал в такую ошибку абсурдный.

- Спасибо, спасибо, - сказал он протестным тоном, пытаясь отойти от твой камердинер. - Хорошо, знаешь, я могу сделать это сам. Глупое забвение. Мне нравится, что костюм мне так хорошо подходит.

- И, может быть, галстук может… - СПОД начал с попытки. Но

старику было наплевать на это.

- Нет, нет. Галстук правильный. Я знаю, как завязать галстук, мистер СПОД. А галстук в порядке. Оставь ее такой, я прошу тебя.

- Мне нравится ваш заказ.

Мистер Тиллотсон самодовольно опустил глаза на грудь рубашки.

- Вы заметили мой приказ. Я давно этим не пользуюсь. Это был Большой размер, который вы мне дали, знаете ли, за заслуги в Русско-турецкой войне. Быть Орден целомудрия второй степени. Они дают только первый класс головам вы знаете, коронованные; коронованные головы и послы. И только Паши самого высокого уровня они получают вторую. Моя вторая. Они дают только первый класс для коронованные головы…

- Естественно, естественно, - сказал СПОД.

- Вы думаете, я в порядке, мистер СПОД? - немного спросил Мистер Тиллотсон. тревожный.

- Великолепно, мистер Тиллотсон, великолепно. Порядок великолепный.

Лицо старика стало сиять.

- Я польщен, - сказал он, - потому что этот заимствованный фрак мне подходит очень хорошо. Но я не люблю одалживать одежду. Потому что часто ты теряешь одолженную вещь и друга, понимаешь? И бард всегда прав.

- Уи, один из этих ужасных тараканов! - воскликнул СПОД.

Мистер Тиллотсон наклонился и устремил взгляд на землю.

- Я вижу, - заявил он и сильно наступил на маленький кусочек угля, который превратился в пыль под его ногой. - Я обязательно куплю дикобраза.

Пора было уходить. Толпа мальчиков и девочек присоединилась к вокруг огромной машины лорда Бэджери. Водитель, чувствуя, что честь и они рисковали достоинством, делали вид, что не замечают детей, и созерцали, как статуя, вечность. Вид спода и мистера Тиллотсона, выходящих из дома это вызвало крик

восхищения и насмешки, который утих до изумленной тишины когда они садились в машину.

- На бомбу, - приказал СПОД. Rolls-Royce вздохнул смутно задыхаясь и начал двигаться. Дети снова кричали и они побежали рядом с машиной, размахивая руками в безумном волнении. Именно тогда мистер Тиллотсон несравненно благородным жестом наклонился вперед и бросил в суетливую толпу детей его последние три валюта.

IV

В Большом зале бомбы собрались гости. Длинные зеркала обрамленные золотом, отражали уникальную коллекцию людей. Ученые среднего возраста бросали подозрительные взгляды на молодых людей, чьи они вполне справедливо подозревали себя в иконоборчестве, организаторах постимпрессионистские выставки. Соперничающие искусствоведы внезапно столкнулись с фронт, они вздрогнули от неисчерпаемой ненависти. Миссис Нобес, Миссис Кайман и миссис Нобес. Мандрагор, эти неутомимые преследователи тяжелой художественной охоты, они оказались без предупреждения в этой толпе, где каждый думал о охоте одна, и они наполнились гневом. Сквозь эту толпу тщеславия, взаимно отталкивающие лорд Бэджери двигался с мягкостью, которая это казалось бессознательным для всех ссор и ненависти. Было очень весело. За тяжелой лазурной маской его лица, засада за носом Ганноверский, маленькие свиные глаза, толстые бледные губы, был один маленький демон веселой злобы, который катился от смеха.

- Очень любезно, что вы пришли, миссис мандрагор, почитать прошлое художественный из Англии. И я рад видеть, что вы привезли дорогую миссис Кайман. Е миссис Нобес тоже? Это правда! Я не видел ее раньше. Какое чудо! Знать кто мог доверять своей любви к искусству.

И он поспешно ушел, чтобы воспользоваться возможностью представить это известный скульптор, сэр Герберт Херн, блестящему и молодому критику, который назвал его, в прессе монументального каменщика.

Через мгновение метрдотель прибыл к двери Золотого зала и объявил, громко и живо:

- Мистер Уолтер Тиллотсон.

Под руководством молодого спода мистер Тиллотсон вошел в зал медленно и нерешительно. В сиянии огней его тяжелые веки хлопали болезненно, как крылья пойманной в ловушку Осы, над влажными глазами. Оказавшись внутри двери, он сделал ставку и выпрямился с помощью розетки сознавая достоинство. Лорд Бэджери быстро подошел и сжал его рука.

Добро пожаловать, мистер Тиллотсон. Добро пожаловать во имя английского искусства!

Мистер Тиллотсон молча склонил голову. Был слишком взволнован чтобы иметь возможность ответить.

- Я хотел бы познакомить вас с некоторыми из ваших младших коллег, которые они собрались здесь, чтобы почтить его память.

Лорд Бэджери представил всех в комнате старому художнику, который наклонился, он пожимал руки, издавал звуки горлом, но все еще не мог говорить. Миссис Нобес, Миссис Кайман и миссис мандрагор сказали что-то очаровательный.

Ужин был подан; люди заняли свои места. Лорд Бэджери он сидел во главе стола, с мистером Тиллотсоном справа от него и Сэром Гербертом Херн слева от вас. Поставленный перед сочной кухней бомбы и вин из бомба, мистер Тиллотсон много ел и пил. У него был аппетит того, кто десять лет он жил на овощах и картофеле среди тараканов. После второго бокал для вина он начал говорить, резко и проливно, как будто шлюз был открыт.

— В Малой Азии, - начал-принято, когда едешь на ужин, отрыжка как знак удовлетворения. Emctavit цвет мой.^l как сказал псалмопевец; сам он был восточным.

СПОД нашел способ сесть рядом с миссис Кайман; имел цели которые вовлекли ее. Это была невозможная женщина, естественно, но богатая и полезная; он я хотел соблазнить ее, чтобы она купила несколько картин у своего нового друга.

- В подвале? - говорила миссис Кайман. - А с тараканами? Ах, что ужас! Бедняга! А ему девяносто семь лет, вы сказали? Это не шокирует?Надеюсь, коллекция будет большой. Конечно, я хотел бы дать больше. Но, вы знаете, так много расходов, и все идет так тяжело.

- Я знаю — я знаю, - с чувством сказал СПОД.

- Все из-за лейбористов, - объяснила г-жа Кайман. - Конечно, я я просто хотел бы иногда приглашать вас на ужин. Но я чувствую, что на самом деле он слишком стар, фаруш и Гате слишком велики; не был бы добр к нему, не так ли? Итак, вы сейчас работаете с мистером Голлами? Какой мужчина очаровательный,

такой талантливый, такой разговор…

- Эмктавит кор меум — - сказал мистер Тиллотсон в третий раз. Лорд Бэджери пытался отвлечь его от темы турецкого этикета, но тщетно.

К половине девятого более щедрая этильная атмосфера уснула ненависть и подозрения перед ужином. Сэр Герберт Херн обнаружил, что молодой кубист, сидящий рядом с ним, не был сумасшедшим и на самом деле знал довольно много Старые мастера. Со своей стороны, эти ребята поняли, что большинство старики вовсе не были злыми; они были просто очень глупы и патетический. Только на груди миссис Нобес, миссис Кайман и миссис мандрагор ненависть все еще царила. Будучи дамами и старомодными, они почти не пили вино.

Настал момент выступлений. Лорд Бэджери встал на ноги, сказал, что от него ждали и позвали сэра Герберта, чтобы тот поднял Вечерний тост. Сэр Герберт кашлял, улыбался и начинал. Во время выступления, которое длилось двадцать минут, он рассказал анекдоты мистера Гладстона, лорда Лейтона, сэра Альмы Тадемы и покойного епископа из Бомбея; сделал три каламбура, процитировал Шекспира и Уиттиера, был шутником, красноречиво, серьезно… В конце своей речи сэр Герберт передал его мистеру Тиллотсону. Шелковый мешок, содержащий пятьдесят восемь фунтов и десять шиллингов, общая сумма сбора. Здоровье старика было под аплодисменты.

Мистер Тиллотсон с трудом встал на ноги. Апеллируйте от Вашего лица, высушите как змея покраснела; галстук был кривее, чем когда-либо; зеленая лента ордена целомудрия второй класс был как-то масштабируется смятая и испачканная грудь рубашки.

- Милорд, дамы и господа, - начал он задыхающимся голосом, и затем он полностью развалился. Это было болезненное и жалкое зрелище. Один чувство сильного дискомфорта поразило умы всех, кто созерцал эта дрожащая человеческая гибель, стоящая там и плачущая и заикающаяся. Как будто ветерок от ветра смерти внезапно пронесся по комнате, неся пары вина и табачный дым, гасящие смех и пламя свечей. Глаза блуждали не по желанию, не зная, куда смотреть. Лорд Бэджери, с большим присутствием духа он предложил старцу бокал вина. Мистер. Тиллотсон начал выздоравливать. Гости услышали его бормотание несколько

разрозненных слов.

- Это большая честь… преобладает щедрость… этот праздник великолепный… не привык… в Малой Азии… eructavit Cor meum.

В этот момент Лорд Бэджери с силой потянул за один конец пиджака старый. Мистер Тиллотсон замолчал, сделал еще один глоток вина, а затем продолжил с вновь обретенной последовательностью и энергией.

- Жизнь художника тяжелая. Ваша работа отличается от работы других мужчины, которые можно сделать механически, наизусть и, можно сказать, спать. Это требует от него постоянных затрат духа. Он постоянно дает лучшее из его жизнь, а взамен получает много радости, правда; много славы, может быть; но, материальных благословений очень мало. Прошло восемьдесят лет с тех пор, как я освятил свой жизнь на службе искусства; восемьдесят лет, и почти все эти годы принесли мне новые и болезненные доказательства того, что я только что сказал: жизнь художника сурова.

Это неожиданное отклонение от речи, которая имела смысл, усилило общее чувство дискомфорта. Надо было серьезно отнестись к старцу, видите ли-это как человек. До тех пор он был просто объектом любопытства, мумия в абсурдном костюме с зеленой полосой на груди. As люди не могли не думать, что они могли бы внести свой вклад немного больше. Пятьдесят восемь фунтов и десять шиллингов-это было немного. Но, к счастью для душевного спокойствия аудитории мистер Тиллотсон прервал себя, согласно с его истинной личностью говорить абсурдно.

- Когда я думаю о жизни этого великого человека, Бенджамин Роберт Хейдон, один из величайших людей, которых когда-либо производила Англия…

Помощь вздохнула с облегчением; так и должно было быть. Быть взрыв ура и ладоней. Мистер Тиллотсон провел своими мрачными глазами по зал и улыбнулся с благодарностью туманным фигурам, которые он видел.

- Этот великий человек, Бенджамин Роберт Хейдон, - продолжил он, - которого я горжусь тем, что называю своего учителя, и что мое сердце радуется, когда я вижу,

все еще живет в его памяти и уважении, этот великий человек, один из величайших, кто Англия уже произвела, у нее была такая плачевная жизнь, что я не могу думать о ней без слез.

И с бесконечными повторениями и отступлениями мистер Тиллотсон рассказал историю Б. Р. Хейдон, его аресты за долги, его битва с Академией, его триумфы, его неудачи, его отчаяние, его самоубийство. Они разбили половину десятого. Мистер Тиллотсон это выражало глупых и предвзятых судей, которые отказались от рисунков от Хейдона до украшения новой палаты парламента в пользу незначительные немецкие каракули.

- Этот великий человек, один из величайших, которых когда-либо производила Англия, Этот великий Бенджамин Роберт Хейдон, которого я горжусь тем, что называю своим хозяином и который, как я рад видеть, все еще живет в его памяти и уважении-до такого оскорбление его большое сердце взорвалось; это было величайшее из всех разочарований. Он, который всю свою жизнь он работал над признанием художника государством, которое обратился ко всем премьер-министрам, включая герцога Веллингтона, в течение тридцати лет, умоляя их нанять художников, чтобы украсить общественные здания, которому он, несомненно, был обязан схема для украшение здания парламента… - Мистер Тиллотсон потерял контроль над синтаксис и начал новое предложение. - Это было величайшее из всех разочарований, это было капля воды. Жизнь художника тяжелая.

В одиннадцать часов г-н Тиллотсон говорил о прерафаэлитах. В одиннадцать и пятнадцать снова начал рассказывать всю историю Б. Р. Хейдона. В двадцать пять минут до полуночи он рухнул, не говоря ни слова, на стул. А большинство гостей уже ушли; те немногие, кто остался они поспешили уйти. Лорд Бэджери привел старейшину к двери и поместил его в по словам Роллс-Ройса. Банкет Тиллотсона закончился; однажды ночью приятно, но слишком долго.

СПОД пошел пешком в свои апартаменты в Блумсбери, свистя, пока ходить. Лампы на Оксфорд-стрит отражались от полированной поверхности улица: темные бронзовые каналы. Он должен был когда-нибудь изложить это в статье. А Кайлановы острова прошли очень успешно. VoiChe Sapete, он свистел-один так расстроен, но я этого не понимал.

Когда на следующее утро к нему пришла хозяйка мистера

Тиллотсона., он нашел старца, лежащего на кровати полностью одетым. Он выглядел очень больным и очень старый; фрак Борхэма был в ужасном состоянии, а зеленая полоса Орден целомудрия, испорченный. Мистер Тиллотсон был неподвижен, но не спать. Услышав звук шагов, он немного открыл глаза и застонал от легкий. Хозяйка угрожающе посмотрела на него.

- Отвратительно! — сказать. - Я считаю это отвратительным. В твоем возрасте.

Мистер Тиллотсон снова стонет. Приложив большие усилия, достал из кармана надевает Большой шелковый мешочек, открывает его и добывает монету в один фунт.

- Жизнь художника тяжелая, миссис Грин — - сказала она, протягивая монету. — Быть вы не против послать к врачу? Я не очень хорошо себя чувствую. И это что мы будем делать с этой одеждой? Что я скажу джентльмену, у которого была щедрость одолжить их мне? Теряется кредит и друг. О Бард всегда прав.

Зеленые туннели

- В итальянских садах XIII века… - Мистер Баззакот прервался, чтобы снова налейте себе ризотто, которое вам предлагали. - Отличное ризотто, это — наблюдать. - Никто, кто не родился в Милане, не знает, как это сделать правильно. Это что они говорят.

- Так говорят — - повторил мистер Топес своим грустным и сокрушенным голосом, и служил в свою очередь.

- Лично, - твердо сказала миссис Топес, - я нахожу всю кухню отвратительная итальянка. Мне не нравится оливковое масло, особенно горячее. Нет, спасибо.

- Отошел от предложенной тарелки.

После первого глотка Мистер Баззакотт опустил столовую посуду.

- В итальянских садах XIII века, - начал заново, делая вручную

длинный и бледный изогнутый и витиеватый жест, который закончился лаской на борода - частое и очень счастливое использование зеленых туннелей.

- Зеленые туннели? - Барбара внезапно проснулась от своего молчания. — Зеленые туннели?

- Да, мое лицо, - сказал отец. - Зеленые туннели, да. Торговые центры в арка покрыта виноградными лозами или другими виноградными лозами. Его протяженность была значительной.

Но Барбара в очередной раз перестала обращать внимание на то, что он сказать. Зеленые туннели-слова плыли к ней через огромные глубины мечты, сквозь большие пространства абстракций, пугающие ее. как звук колокола странной настройки. Зеленые туннели: какая идея чудесный. Она не услышит, как ее отец объясняет фразу, пока она не станет скучной. Он это сделало все скучным: алхимик перевернулся наизнанку, превратив золото в свинец. Она представляла себе пещеры в большом аквариуме, длинные пейзажи между камни и растения, которые едва рябили, и кораллы бледные и обесцвеченные; бесконечные зеленые и теневые бегуны с огромными ленивыми рыбками, бродящими без курс между ними. Монстры с зелеными лицами и выпученными глазами и ртами, которые они медленно открывались и закрывались. Зеленые туннели…

- Я видел их иллюстрированными в рукописях с иллюминацией этого периода — г-н Баззакотт продолжил; он снова поднес руку к коричневой заостренной бороде; погладил ее и расчесал длинными пальцами.

Мистер Топес поднял глаза. Линзы ваших круглых очков совы они вспыхивали, когда он двигал головой.

- Я понимаю, что вы имеете в виду, - заявил он.

— Мне очень хочется посадить его здесь в своем саду.

- Это займет много времени, чтобы вырасти, - сказал мистер Топес. - Несса песок, так близко к морю, вы сможете только посадить парнишку. И они растут очень медленно, очень медленно. - Покачал головой и световыми точками они танцевали с ума в своих очках. Голос, подавленный, потускнел, угасли серые усы, угасла вся его персона. Затем, внезапно, он восстанавливать.

На его лице появилась застенчивая и сокрушенная улыбка. Ерзал. это очень неудобно. Затем, с последним быстрым встряхиванием головы, произнес цитата:

Но за моей спиной я всегда слышу, Крылатая колесница времени быстро приближается.i^l

Он говорил неторопливо, и его голос немного дрожал. Всегда находил мучительно трудно сказать что-то изысканное и необычное; однако, что сокровищница запомненных фраз, что источник новых идей всегда был всплывает в вашем взволнованном уме!

- Они растут не так медленно, - уверенно сказал г-н Баззакотт. Ему было чуть больше пятидесяти, и он выглядел как красивый мужчина тридцати пяти лет. Он дал себе по крайней мере еще сорок лет; на самом деле у него еще не было начал думать о возможности того, что день закончится.

- Мисс. Барбара оценит это, возможно: ваш зеленый туннель. - Мистер Топес вздохнул и посмотрел через стол на дочь хозяина.

Барбара сидела, положив локти на стол, подбородок в руках, глаза устремлены вперед. Звук ее имени смутно догнал ее. Повернул голову в направлении Мистера Топеса, и она столкнулась с блеском круглых очков и выпуклый. В конце зеленого туннеля (она смотрела на светящиеся круги) были выпученные глаза рыбы. Они приближались, плыли, все больше и больше рядом, по мрачному подводному коридору.

Столкнувшись с этим пристальным взглядом, Мистер Топес отвернулся. Какие глаза задумчивы! Он не помнил, чтобы видел глаза, наполненные такой мыслью. Он размышлял, что были определенные Мадонны Монтаньи, очень похожие на нее: нежные блондинки Мадонны со слегка вздернутыми носами и очень, очень молодежь. Но он был стар; потребовалось бы много лет, несмотря на Баззакотта, чтобы Паррейры росли и образовывали зеленый туннель. Выпил глоток вина; затем он механически высосал седые усы, которые висели у него во рту.

- Артур!

При звуке голоса жены мистер Топес испугался, поднес салфетку ко рту. Асра. Топес не позволял усам сосать друг друга. Это было только в моменты отвлечение, которое он когда-либо ошибался, как сейчас.

- Маркиз Прамполини приходит за кофе — - сказал г-н Буз-закотт из

внезапно. - Я почти забыл их предупредить.

- Думаю, один из этих итальянских маркизов, - прокомментировала г-жа Топес, которая он не был снобом, кроме Англии. Поднял подбородок с маленьким содрогание.

Г-н Баззакотт выполнил восходящий поворот рукой в ее направлении.

Уверяю вас, миссис Топес, что он принадлежит к очень старой семье. и отличительный. Они генуэзского происхождения. Помнишь их дворец, Барбара? Построен Алесси.

Барбара подняла глаза.

- О да — - расплывчато сказал он. - Алесси. Знать. - Алесси: Алеппо, место злой турок в тюрбане. - £в тюрбане; они всегда казались ему очень смешно.

- Некоторые из его предков, - продолжал г-н Баззакотт — - отличились как наместники Корсики. Они проделали большую работу по подавлению восстаний. Странно, не правда ли? - Он повернулся к мистеру Топесу, как будто сделал скобки. — Как симпатия всегда идет на сторону повстанцев? Какая путаница люди сделали это из-за Корсики! Эта книга Грегоровия, для пример. И ирландцы, и поляки, и все остальные. Это всегда меня это казалось излишним и абсурдным.

- Разве это не естественно? - начал мистер Топес, застенчивый и осторожно, но его хозяин продолжал, не слушая.

- Нынешний маркиз стоит во главе местных фашистов. Они сделали большое благо в этом районе, в смысле сохранения правопорядка и поддержания классов ниже на своем месте.

- Ах, фашисты — - одобрительно повторила Миссис Топес.

- Было бы неплохо увидеть что-то подобное в Англии. Со всеми этими ударами…

- Он попросил у меня взнос в фонды организации. Я буду дать, конечно.

— Конечно, - кивнула миссис Топес. - Мой племянник, тот, кто был майором во время войны он был добровольцем на последней забастовке шахтеров. Он сожалел, вы знаете, что они не попали в бой. “Тетя Энни”, - сказал он мне, когда я увидел его в прошлый раз: “если бы была борьба, мы бы полностью покончили с он. Вполне.”

В Алеппо злые фашисты в тюрбанах сражались под пальма. Разве пальмы не были такими перьями с зелеными пучками?

- Что, никакого мороженого сегодня? Niente gelatol-спросил Г-Н Buzzacott когда горничная положила на стол компот из персиков.

Кончетта извинился. Машина для производства мороженого в деревне сломалась. Мороженого не будет до следующего дня.

- Очень плохо, - сказал мистер Баззакотт. - Троппо Мале, Кончетта.

Под пальмами их увидела Варвара; они саракотировали, сражаясь. Находиться

верхом на больших собаках, а на деревьях стояли огромные разноцветные птицы.

- Боже, эта девушка спит. Миссис Топес предлагала блюдо персик. - Как долго мне придется держать это блюдо под твоим нос, Барбара?

Барбара почувствовала, как краснеет.

- Простите, - пробормотал он и вскакивал в руки блюдо десадж.

- Мечтать. Это плохая привычка.

— Мы все потворствуем этому, иногда — - заметил мистер Топес тоном снисходительность, с легким нервным дрожанием головы.

- Ты, может быть, мой дорогой, - сказала жена. - Не я.

Мистер Топес опустил глаза на тарелку и продолжил есть.

- Марчезе должен прибыть в любое время, — сказал г-н Баззакотт. обращаясь к часам. Надеюсь, вы не опоздаете. Я обнаружил, что это делает меня много едва отложить мою сиесту. Это итальянское тепло, - добавил он жалобным тоном. — Вся забота-это мало.

- О, но когда я был в Индии с отцом… - начала миссис. Топики в тон превосходства. Знаете, он был индийским гражданским…

Алеппо, Индия-всегда пальмы. Езда огромных собак и также тигров.

Кончетта ввел маркиза. Очарованный. Приятно познакомиться. Говорить английский? Да, да. Поккино. Миссис Топес, и Мистер Топес, знаменитый торговец антиквариатом. О, это конечно; я хорошо знаю его имя. Моя дочь. Очарованный. Я часто видел синьорина на пляже. Я восхищаюсь тем, как он ныряет. Красиворука сделала длинный и ласковый жест. Эти спортивные английские Синьорины. Зубы блестели, поразительно белые на обожженном лице, темные глаза искрились. Она он снова почувствовал, как краснеет, отвел глаза, глупо улыбнулся. Маркиз уже он снова обратился к мистеру Баззакотту.

- Тогда он решил поселиться в нашей Карраре.

Ну, не совсем успокоиться; г-н Buzzacott не пошел бы так далеко, чтобы точка сказать утвердиться. Виллино на летние месяцы. Зима в Рим. Нужно было жить за границей. Налоги в Англии… Вскоре все говорили. Барбара наблюдала за ними. Рядом с маркизом казались все умирающий. Лицо сияло, когда он говорил; казалось, он кишел жизнь. Отец был мягким и бледным, как что-то, что оставалось надолго. похоронен вдали от света; мистер Топес был весь сухой и морщинистый; и миссис Топес больше чем когда-либо казалось чем-то, что работало на веревке. Говорили о социализме и фашистах, и тому подобное. Барбара не слушала, что они говорили.; но она наблюдала за ними, поглощенная.

Пока, пока. Лицо, оживленное вспышкой улыбки, повернулось, сделанное. фонарик от одного к другому. Теперь он смотрел на нее. Может быть, однажды ночью она приедет с отцом и синьорой Топес. Он и его сестра устраивали небольшие танцы в

раз. Просто проигрыватель, естественно. Но это было лучше, чем ничего, и синьорина он был уверен, что должен танцевать божественно-еще одна вспышка. Сделал это, чтобы затянуть-его руку. Прощание.

Пришло время сиесты.

- Не забудьте опустить москитную сетку, мое лицо, — увещевал г-н. Баззакотт. - Всегда есть опасность анофилинов.

- Хорошо, папа. — Она направилась к двери, не повернувшись к ответить. Он всегда был таким скучным в отношении противомоскитных сеток. Раз они пересекли Кампанью на арендованном автомобиле, полностью вовлеченные импровизированной противомоскитной сеткой. Памятники вдоль Аппиевой дороги поднимались туманные, как будто сквозь свадебную фату. И как все смеялись! Но отец, естественно, я даже не заметил. Он никогда ничего не понимал.

- В Берлине та очаровательная Мадонна Монтанья? — внезапно спросил Мистер Топес. - Тот, с донором, стоящим на коленях в углу. слева, как будто он собирается поцеловать ноги младенца. - Ваши очки вспыхнули в руководство г-на Баззакотта.

- Почему ты спрашиваешь?

- Не знаю. Я думал об этом.

- Я думаю, вы говорите о коллекции Mond.

- Да, конечно. В Монд…

Барбара открыла дверь и вошла в темноту своей закрытой комнаты. До там было жарко; следующие три часа было бы невозможно двигаться. И это старая идиотка, миссис Топес, всегда создавала случай, если кто-то придет на обед на голых ногах и с выходом в ванну. “В Индии мы всегда делали вопрос о том, чтобы быть надлежащим образом одеты. Англичанка должна сохранить свою позицию с туземцами, и для всех намерений и целей итальянцы-туземцы.“И поэтому она всегда нужно было надеть туфли, носки и обычное платье точно в самое жаркое время суток. Какой мудак была эта женщина! Сняла одежду о быстрее, чем мог. Так было немного лучше.

Стоя перед длинным зеркалом в дверце шкафа, она добралась до унизительный вывод, что это было похоже на плохо поджаренный

кусок хлеба. Лицо коричневые, коричневые шея и плечи, коричневые руки, коричневые ноги колена вниз; но все остальное было белым, глупым, лишенным энергии, белым городом. Если я мог ходить без одежды, пока не стал похож на тех медных детей, которые катались и падали на горячий песок! Теперь она была недоварена, наполовину испечена и совершенно нелепо. Долго созерцал его бледный образ. Дорога-если он бежит по песку, все тело загорело; или через поле цветы, нарциссы и дикие тюльпаны; или на мягкой траве под грисовым оттенком оливковых деревьев. Обернулся с внезапным испугом. Там, в тени позади вас… Нет, конечно, ничего не было. Это была та ужасная фотография, которую он видел в журнале, многие лет назад, когда я был ребенком. За туалетным столиком сидела женщина,

расчесывая волосы перед зеркалом; и огромная волосатая обезьяна и черный приближается сзади. Она всегда боялась, когда смотрела на зеркало. Очень глупо. Все же. Повернулся спиной к зеркалу, прошел через комнату и, не опустив москитную сетку, он лег на кровать. Мухи жужжали вокруг него., непрекращающийся ум на вашем лице. Она покачала головой и в гневе, он поразил их руками. Был бы мир, если бы она опустила москитную сетку. Но подумал на Виа Аппиа видели под этой фатой невесты и предпочитали терпеть мух. В конце концов ей пришлось сдаться: вредителей для нее было слишком много. Но из любого способ, это был не страх анофилинов, который заставил ее опустить москитную сетку.

Теперь в мире и неподвижности она лежала вытянутой, теплой, под прозрачным шатер филло. Образец под колпаком. Фантазия взяла на себя ее ум. Он увидел огромный музей с тысячами куполов, полный окаменелостей и бабочки и чучела птиц, ложки, средневековые доспехи и украшения флорентийцы и мумии, резная слоновая кость и рукописи с иллюминацией. Однако один из куполов содержал человека, заключенного в тюрьму живым.

Внезапно она почувствовала себя ужасно несчастной.

- Скучно, скучно, скучно, - прошептал он, формулируя слова вслух. Неужели это никогда не перестанет быть скучным? Слезы доносились до его глаз. Как все было ужасно! И, возможно, это должно было оставаться таким плохим на всю жизнь. Семнадцать до семидесяти было пятьдесят три. Пятьдесят три года этого. Вдруг прожив бы сто лет, их было бы больше восьмидесяти.

От этой мысли она впала в депрессию всю ночь. Даже купание в море после чая ничего не вышло. Уплывая далеко, далеко, она плавала на теплая вода. Иногда я смотрел в небо, иногда я поворачивал голову к побережье. Обрамленные сосновыми рощами, виллы казались маленькими и уютно, как в рекламе бани. Но за ними, за пределами равнины, были горы. Голые и острые известняковые вершины, зеленые склоны серо-зеленые леса и просторы оливковых плато-выглядели как удивительно близко и четко в этом вечернем свете. И красивее, красивее из того, что можно выразить. Но это как-то только усугубляло ситуацию. Е Шелли жил в нескольких километрах от берега, там, за мысом, который защищал залив специи. Шелли утонула в этом теплом, как молоко море. Это это также ухудшало положение.

Солнце было довольно низким и красным над морем. Она медленно плавала от возвращение. На пляже Миссис Топес ждала ее своей репрезентативной позой. Она он встретил человека, сильного человека, у которого были судороги из-за того, что он так долго оставался в воде. Он затонул, как камень. Как камень. Сколько людей Странная миссис Топес встретила! И какие забавные вещи они делали, что с ними случались странные вещи!

Ужин в тот вечер был скучнее, чем когда-либо. Барбара рано ушла в кровать. Всю ночь одна и та же надоедливая цикада пела без остановки между

сосны, однообразные и регулярные, как часы. Глоток, глоток, глоток, глоток, глоток. Надоедливый, надоедливый. Неужели зверю никогда не надоедал собственный шум? Казаться странно, что нет. Но, если подумать, никому не было скучно с самим собой шум. Асра. Топес, например: казалось, ей никогда не было скучно. Глоток, глоток, глоток, глоток, глоток. Цикада продолжала петь без перерыва.

Кончетта постучала в дверь в половине седьмого. Утро было сияющим и без облака, как каждое утро. Барбара вскочила с кровати, посмотрела на одну из окна в горы, через другое в море; все, казалось, было хорошо с он. В то утро с ней тоже все было хорошо. Сидя в зеркале, ни он подумал о огромной обезьяне в дальнем темном углу комнаты. Одежда ванна и халат, сандалии, платок, и она была готова. Сон не он оставил воспоминания о смертельной скуке накануне. Побежал на первый этаж.

- Доброе утро, мистер Топес.

Мистер Топес гулял в саду среди приусадебных участков. Он повернулся, снял шляпа, улыбнулась в исполнении.

- Доброе утро, Мисс. Варвар. - Он сделал паузу. Затем с дрожью смущенный от открытия, он продолжил; голос принял небольшое заикание странный. - Действительно чосеровское утро, Мисс. Варвар. Утро достойный май, однако, в середине сентября. Природа радует и излучает, и в этом саду мечты есть хотя бы один экземпляр-стал рыться больше неприятностей, чем когда-либо прежде, и на линзах было дрожащее свечение круглые очки-от" приятной молодости " поэтов. - Сделал благоговение в ее сторону, строго улыбнулся и замолчал. Комментарий, теперь ему казалось, что он закончил говорить, это было не так хорошо как он думал, что это будет.

Барбара засмеялась.

- Чосер! Они заставляли нас Читать Кентерберийские сказки в школе. Но мне всегда было скучно. Вы идете на пляж?

- Не раньше обеда. - Мистер Топес покачал головой. - Остается один так стар для этого.

- Останешься? - Почему глупый старик всегда говорил "останься"," останься", когда вы хотели сказать"я остаюсь, я остаюсь"? Он не мог удержаться от смеха над ним. - Ну, у меня есть что я спешу, иначе я снова опоздаю на кофе, и ты знаешь, что мне случиться.

Выбежал через ворота в стене, через пляж в полосатую каюту красно-белый, который стоял перед домом. В пятидесяти метрах от вдалеке увидел маркиза Прамполини, все еще мокрого от моря, бегущего к нему кабина. Заметив ее, он улыбнулся в ее сторону и дал военное приветствие. Барбара помахала рукой, а потом подумала, что этот жест слишком знаком (но это утреннее время было трудно не быть радостно невежливым) и добавил жесткий корректирующий поклон. В конце концов, она встретила его только накануне. Вскоре плавал

Море внутри и, увы, огромное количество водорослей.

Мистер Топес медленно следовал за ней через ворота и через

песок. Наблюдал за ней беги из кабины, стройная, как мальчик, шаги длинные и упругие. Наблюдать-подпрыгивая и ныряя, поднимая пену через все более глубокую воду., затем броситься вперед и начать плавать. Наблюдал за ней, пока она не стала просто темная точка на расстоянии.

Выйдя из каюты, маркиз обнаружил, что он медленно идет вдоль пляжа, голова опущена, а губы легкими движениями, как будто повторяйте что-то, молитву или стихотворение, с собой.

- Доброе утро, синьор. - Маркиз пожал ему руку сердечность больше, чем английская.

— Доброе утро, - возразил Мистер Топес, позволив ему встряхнуть руку. Его раздражало такое прерывание его мыслей.

- Она очень хорошо плавает, Мисс. Баззакотт.

- Много, - кивнул Мистер Топес и улыбнулся себе при мысли о красивые, поэтические вещи, которые я мог бы сказать, если бы захотел.

- Ну вот и все — - сделал маркиз, слишком разговорный. Затянулись руки снова, и двое мужчин пошли своим путем.

Барбара была еще в ста метрах от пляжа, когда услышала, как растет и приглушить звук гонга, плывя к ней, идущей с виллы. Черт! Я бы опоздал с новый. Он увеличил скорость гребков и бежал по мелководью, краснеет и задыхается. Я опоздал бы на десять минут, подсчитал он. Бы по минус это для укладки волос и одевания. Миссис Топес в очередной раз он воспринял бы это враждебно, хотя только Бог знал, какое право имеет старуха он проповедовал ему, как он это делал. Ей всегда удавалось делать себя ужасно обидно и неприятно.

Пляж был безлюден, когда она пересекла его, задыхаясь и шагая быстро, пусто направо и налево, насколько я мог видеть. Если по меньше иметь лошадь, чтобы скакать по краю воды, мили и километр. Я бы пошел к Бокка д'Арно, плавал в реке — я мог видеть, как она сгорбилась. на спине лошади, когда он плавал, его ноги сжимались в седло, стараясь не намочить ноги-и бы скакать, только Бог знал, как далеко.

Он внезапно встал перед кабиной. АУ, на волнистом песке, у нее было видел что-то написанное. Большие, смутно разборчивые буквы, разбросанные по ваш путь.

О, Клара д'Эллебеусетмж

Переделал почти стертые буквы. Их там не было, когда она выходила на улицу. плавать. Кто?… Оглянулся. Пляж был безлюден. И в чем смысл?

"О, Клара д'Эллебез."Взял халат в кабине, надел сандалии и побежал вернулся домой так быстро, как только смог. Он чувствовал себя ужасно напугать.

Это было тяжелое, гнетущее утро, с горячим Сирокко, которое встряхивало флаги на мачтах. В полдень грозовые тучи прикрыли половина неба. Солнце все еще светило в море, но над горами было все черный и темно-синий. Буря громко разразилась, когда они пили кофе после обеда.

- Артур, - сказала миссис Топес, досадно спокойная. - Закройте окна, пожалуйста.

Она не боялась. Но я бы предпочел не видеть молний. Когда комната потемнела она начала говорить, мягко и непрерывно.

Откинувшись на спинку кресла, Барбара подумала о Кларе д'Эллебез. Что это значит, и кем была Клара д'Эллебез? И почему он написал это для нее, чтобы увидеть? Он - ибо не было сомнений, кто написал. Вспышка от зубов и глаз, от военного исполнения, я знал, что не должен был махать для него. Я написал это, пока она плавала. Написал, а потом убежать. Она даже наслаждалась этим: просто сказочные слова на песке, как след Робинзона Крузо.

- Лично, - говорила Миссис Топес, - я предпочитаю Харродк

Гром взорвался и гремел. Это было довольно захватывающе, подумала Барбара; было ощущение, что что-то происходит, для разнообразия. Вспомнил о маленькая комната на полпути вниз по лестнице в доме Леди Тингими, с книжными полками книги, зеленые шторы и оранжевый купол лампы; и этот мальчик ужасно, как белый слизень, который пытался поцеловать ее там, на балу года прошедший. Но это было иначе-совсем не серьезно; и, кроме того, мальчик это было очень некрасиво. Она увидела маркиза, Бегущего по пляжу, быстрого и бдительного. Весь цвет

медные, черные волосы. Это было, несомненно, очень красиво. Но как быть в любви, ну… что именно это означает? Может быть, когда я встретил его лучше. Даже сейчас она представляла, что что-то понимает. О, Клара д'Элебез. Какая невероятная вещь!

Своими длинными пальцами Мистер Баззакотт расчесывал бороду. Этой зимой, он думал, что обменяет еще тысячу фунтов в итальянской валюте, когда обмен была благосклонна. Весной он всегда, казалось, снова падал. Можно получить прибыль от капитала на триста фунтов, если обмен снизится до семидесяти. Доход из трехсот фунтов было пятнадцать фунтов в год, а пятнадцать фунтов теперь были тысячей и пятьсот лир. И полторы тысячи лир, если подумать, были на самом деле шестьдесят фунтов. Это означало, что можно было добавить больше фунта в неделю к доходу, с этой простой спекуляцией. Вы поняли, что миссис. Топес задал ему вопрос.

- Да, да, отлично, - ответил он.

Асра. Топес продолжал говорить;она поддерживала свой моральный дух. Бы она причина в том, чтобы избавиться от напряжения и поверить, что гром звучит немного меньше высокий и близкий?

Мистер Топес сидел, полируя свои очки шелковым шарфом. седой волос. Расплывчатые и близорукие между нахмуренными веками его глаза казались потерянные, бездомные, несчастные. Он думал о красоте. Были определенные отношения между веками и висками, между бюстом и плечом; были определенные последовательности звуков. А как насчет них? Ах, это была проблема, это было проблема. И была молодость, была невинность. Но все это было очень непонятно, и было так много фраз, так много картин и так много запоминающихся мелодий; он казался быть пойманным в ловушку своего клубка. И как он был стар и бесполезен.

Он снова надел очки, и определение появилось в туманном мире перед из его глаз. В закрытой комнате было очень темно. Он мог различить профиль Ренессанс Мистера Баззакотта, борода, изящные черты лица. В своем кресле слинг, Барбара казалась слегка белой, в расслабленном и задумчивом отношении. И миссис Топес была не чем иным, как голосом во тьме. Пришел на свадьбу принц Уэльский. Кого бы они нашли для него?

Клара д'Эллебез, Клара д'Эллебез. Он уже видел себя отчетливо, как марчеса. У них будет дом в Риме, дворец. Он был в Палаццо спада — был красивый сводчатый коридор, ведущий из двора к j ardins сзади. "MARCHESA PRAMPOLINI, палаццо спада, Рим" - большой красиво выгравированная визитная карточка. И она будет ездить каждый день на Пинчо. "Mi porta il mio cavallo", - сказал бы лакей, отвечающий на звонок. Портал Будет правильно? Абсолютно. Ей понадобятся хорошие уроки итальянского, чтобы поговорить с слугами. Не надо быть смешным перед слугами. "Voglio il mio Кавалло."Это было сказано надменным тоном, сидя за столом, в костюме езда, не поворачиваясь. Это был бы зеленый костюм с черной шляпой-треугольником, украшен серебром.

"Арестуйте la mia collazione al letto так заказывали кофе из утро в постели? Потому что она всегда будет пить кофе в постели. И когда поднимитесь, там будут чудесные зеркала с тремя листьями, где человек может видеть себя в стороне. Она представляла себя наклоненной вперед, напылявшей нос забота и наука. С обезьяной, приближающейся сзади? О! Ужасно! Хо паура Ди questa scimmia, questo scimmione.

Я вернусь на обед после поездки. Возможно, Прамполини был в дом; к тому времени она его не учла. "Дов' è il MarcheseT '" Nella sala di пранза, синьора."Я начал без тебя, я был так голоден. Паста ашутта. Где ты был, Любовь моя? Катаюсь, мой неразлучник. Я думал, что у них была бы привычка говорить такие вещи. Кажется, все говорили. А ты? Я ушел с фашистами.

Ах, эти fascistil будет ли это стоит жить, если он всегда уходил

с пистолетами, бомбами и прочим? Однажды его привезут на носилках. Она его видела. Бледный, бледный, с кровью. IIsignore è ferito. Нелпетто. Серьезно. Мертв.

Как бы она это вынесла? Это было слишком ужасно;слишком ужасно. Ваше дыхание это вышло как своего рода рыдание; она вздрогнула, как будто ее ранили. Быть мертвый. Мертв. Слезы поднялись к его глазам.

Ее внезапно разбудил ослепляющий свет. Буря отошла достаточно, чтобы позволить миссис Топес открыть окна.

- Дождь прекратился.

Быть обеспокоенным интимной болью и оставлением на смертном одре вторжение незнакомца, странный голос… Барбара отвела лицо от свет и замаскированно вытер глаза. Они могли бы увидеть ее и спросить, почему она я плакал. Она ненавидела миссис Топес за то, что она открыла окна; у входа в свет что-то прекрасное убежало, эмоции исчезли безвозвратно. Это был кощунство.

Мистер Баззакотт проверил часы.

- Слишком поздно для сиесты, - прокомментировал он. - Что, если мы закажем чай? раньше?

- Бесконечная череда приемов пищи, - заговорил Г-н Топес голосом дрожь и вздох. - Это то, чем кажется жизнь, настоящая жизнь.

- Я рассчитывал… - Мистер Баззакотт повернул глаза зелеными, как кристаллы. для вашего гостя. - Может, я смогу купить эту красавицу? Чинкве кассоне, в конце концов. Это было бы немного тесно. - Он играл с бородой. — Но все же…

После чая Барбара и Мистер Топес отправились на прогулку по пляж. У нее не было особого желания идти, но миссис Топес подумала, что это будет хорошо для нее; таким образом, она должна была идти. Буря прошла, и небо было ясно над море. Но волны все еще ломались в беспрепятственном реве, и вода покрывала песок около двадцати или тридцати метров за линией, где в спокойные дни пена рассеялась. Блестящие водные просторы продвигались и отступали, как стальные поверхности перемещаются огромной машиной. Через воздух омытые дождем горы предстали с невероятной ясностью. Выше из них висели огромные массы облаков.

- Облака над Каррарой — - сказал мистер Топес, извиняясь за комментарий с легким встряхиванием головы и движением плеч. - В иногда мне кажется, что духи великих скульпторов живут среди эти мраморные холмы, и это их невидимые руки, которые моделируют облака в этих огромных и великолепных формах. Я представляю их призраков-их голос вздрогнул-изучение сверхчеловеческих концепций, планирование огромных группы, фризы и монументальные фигуры с развевающимися панегирями; планирование, зачатие, но никогда не достигая этого. Видите, есть что-то Микеланджело в этом белом облаке с темными тенями внизу. - Мистер.

Топес указал, и Барбара кивнула и сказала: “Да, да”, хотя это было не очень хорошо уверен, какое облако он показал. - Это как ночь на могиле Медичи; вся сила и страсть там, в ловушке, скрыты. И там, в этом куске пар, который поднимается и жестикулирует, видит, что это? Это Бернини. Все страсть на поверхности, выраженная; жест был схвачен в его величайшем насилие. А эта стройная белая - восхитительно абсурдная Канова. — Мистер Топес хихикнул.

- Почему вы всегда говорите об искусстве? - спросила Барбара. — О Господь приводит этих мертвых людей ко всему. Что я знаю о Канове, то есть кто это?

Никто из них не был жив. Она думала об этом темном лице, в котором жизнь он светился, как лампа. По крайней мере, он не был мертв. Задавался вопросом, буквы все еще будут на песке перед кабиной. Нет, конечно, нет; дождь и ветер потушил бы их.

Мистер Топес молчал; он шел, слегка согнув колени сгорбившись, глаза устремились к Земле; на нем была черно-белая соломенная шляпа. Я всегда думал об искусстве; это то, что было не так с ним. Это было похоже на старое дерево; сделано из мертвой древесины, с несколькими волокнами жизни чтобы предотвратить его гниение. Он долго шел в тишине.

- Вот река, - наконец сказал мистер Топес.

Еще несколько шагов, и они стояли на берегу широкого ручья, спускающегося вниз. медленно через равнину к морю. Пока он не добрался до пляжа, он был окаймленный соснами; за деревьями можно было увидеть равнину и за ее пределами. равнина были горы. В этом спокойном свете после бури все казалось странный. Цвета казались более глубокими и интенсивными, чем в некоторых случаях общий. И хотя все было так ясно, был таинственный вид дистанцирование по всей сцене. Не было звука, кроме непрерывного дыхания море. Они немного стояли и смотрели, а потом вернулись.

Вдалеке вдоль пляжа медленно приближались две фигуры. Белые фланелевые брюки, розовая рубашка.

- Природа, - произнес Г-Н Топес, качая головой. — Должно всегда возвращайтесь к природе. В такое время, в такой среде, как вот это и есть. Теперь он живет; может быть, тише, но более глубоко.

Глубокая вода. Глубокая вода…

Фигуры приближались. Разве это не маркиз? И кто был с ним? Барбара изо всех сил старалась видеть.

- Большую часть жизни, - продолжил мистер Топес, - это усилие продлен, чтобы избежать мысли. Твой отец и я, мы собираем картины и мы читаем о мертвых. Другие люди достигают того же результата пить, разводить кроликов, заниматься любительскими столярными работами. Любой вещь, чтобы не думать спокойно о важных вещах.

Мистер Топес замолчал. Оглянулся вокруг, на море, горы, большие облака, ваш спутник. Хрупкая Мадонна Монтанья с морем и солнцем на западе горы и буря, вечность как фон. И ему было шестьдесят, с целой жизнью позади, пустой жизнью, очень долго, но бесконечно коротко. Он думал о смерти и чудесах красоты; за ее круглыми, искрящимися очками она чувствовала склонность к плакать.

Приближающаяся пара теперь была довольно близка.

- Какой самый смешной морж, - прокомментировала женщина.

Морж? Ваша естественная история ошибочна. - Маркиз засмеялся. — Он слишком сухой, чтобы быть моржем. Я предлагаю что-то вроде старого кота.

- Что бы это ни было, мне жаль бедную девочку. Представьте себе, не имея кто-то лучше, с кем можно пообщаться!

- Милая, да?

- Да, но, естественно, слишком молод.

- Мне нравится невинность.

Невинность? Шер am! Эти английские девушки, о, Ла Ла! Они могут выглядеть невинный. Но поверьте мне…

- Пси, они вас услышат.

- Бах, они не понимают итальянского.

Маркиз поднял руку.

- Старый морж… - прошептал он, а затем громко и радостно обратился к новые поступления.

- Добрый день, синьорина. Добрый день, мистер Топес. После шторма воздух это всегда чище,не так ли?

Барбара кивнула, оставив ответ мистеру Топесу. Это была не его сестра. Это была русская женщина, о которой миссис Топес говорила, что это чушь разрешите ей остаться в отеле. Она повернулась спиной, отмежевавшись от разговор; Барбара отметила профиль его лица. Мистер Топес что-то говорил о пастырской симфонии. Алый рисовый порошок при дневном свете; ужасный.

- Ну, до свидания.

Вспышка улыбки маркиза была направлена на них. Русская женщина дала берег к морю, сделал легкий поклон, томно улыбнулся. Взвешивание белые веки были почти закрыты; это казалось добычей огромной скуки.

- Они немного отстегиваются — - сказал мистер Топес, когда они отошли. — Они раскрывают время, место, эмоции. У них нет невинности для этого… эта… - ерзал, и его голос дрожал, когда он произносил правильное слово, слово драгоценный-этот прелапсарианский пейзаж.

Он посмотрел в сторону на Барбару и подумал, почему она так нахмурилась вдумчивый. Ах, чудесное и нежное молодое существо! Что он мог сказать о подходит о смерти, красоте, нежности? Нежность…

- Все это — - отчаянно продолжил он и жестом протянул руку чтобы указать небо, море, горы-эта сцена похожа на что-то вспомненное, ясный и совершенно спокойный; вспоминается через великие заливы времени посредник.

Но на самом деле это не то, что он имел в виду.

- Вы понимаете, о чем я? - спросил он сомнительным тоном. Она не ответить. Как я мог понять? - Эта сцена такая ясная, чистая и удаленная; вам нужны соответствующие эмоции. Эти люди были вне гармония. Они были недостаточно ясны и чисты. - Он, казалось, был каждый раз более свернутый. - Это волнение

молодых и старых. Вы могли бы почувствовать ее, я мог ее почувствовать. Эти люди не могли. - Он нащупал ее путь через мрак. Куда бы это наконец пришло? - Некоторые стихи они выражают это. Вы Знаете Фрэнсиса Джеммса? Я много думал о его творчестве недавно. Искусство вместо жизни, как всегда; но я такой. Я не могу перестать думать о Джеммах. Эти деликатные и замечательные вещи, которые он он писал о Кларе д'Эллебез.

- Клара д'Элебез? - Она стояла и смотрела на него.

- Вы знаете стихи? - Мистер Топес восхитительно улыбнулся. - Это место делает меня думать, ты заставляешь меня думать о них. "J'aime dans les temps Clara d'Ellèbeuse…" Но, мое варварское лицо, что случилось?

Она начала плакать без всякой причины.

Монахини на обед

- Чем я занимался с тех пор, как ты в последний раз меня видел? — В Мисс. Пенни повторила мой вопрос своим громким и решительным голосом. - Ну, когда вы видели меня в последний раз?

- Должно быть, это было в июне, - подсчитал я.

- Это было после того, как русский генерал сделал мне предложение?

- Да; я помню, как слышал о русском генерале.

Мисс. Пенни запрокинула голову и засмеялась. Ее длинные серьги шумно раскачивались-трупы висели на цепях: а приятно литературная аналогия. И ее смех был как медь, но это уже это было сказано раньше.

- Этот инцидент был смешным. Жаль, что вы уже слышали. Поклоняться моя история русского генерала. "Восье сдал меня. — - Снова засмеялась она.

Vos yeux — у нее были заячьи глаза, запавшие и очень яркие, с поверхностное и невыразительное свечение. Какая грозная

женщина. Мне было жаль русский генерал.

— “Sans coeur et sans entrailles”, - продолжила она, цитируя слова бедный дьявол. - Такой восхитительный эпиграф, не правда ли? Как ” Sans peur et sans перепрограммируйте”. Но позвольте мне подумать: чем я занимался с тех пор? — Задумчиво она кусала корку хлеба длинными острыми зубами и белила.

- Два смешанных жаркого, - попросил я официанта.

— Но, конечно — - вдруг воскликнула Мисс. Пенни. - Я тебя не вижу с моей поездки в Германию. Всякие приключения. Мой аппендицит; моя монахиня.

- Ваша монахиня?

- Моя замечательная монахиня. Мне нужно рассказать вам все о ней.

- Сделай это. - Дела Мисс. Пенни всегда были любопытны. Я предсказал довольно веселый обед.

- Вы знали, что осенью я был в Германии?

- Ну, я не знал. Однако…

- Я просто гулял там. - Мисс. Пенни описала круг в воздух с ее пышно украшенной драгоценностями рукой. Всегда сиял драгоценностями тяжелые и странные. - Гулять, жить на три фунта в неделю, частично развлекаюсь, частично j смазываю материал для некоторых статей. “Что значит быть завоеванная нация”: слезящиеся вещи для либеральной прессы, вы знаете. И ” Как

Гунн пытается избежать компенсации”, для других субъектов. Нужно взять лучшее из всех возможных миров, не так ли? Но давайте не будем говорить о работа. Ну, я гулял там и находил все это очень приятным. Берлин, Дрезден, Лейпциг. Затем я спустился в Мюнхен и поехал туда. Прекрасный день я добрался до Граубурга. Вы Знаете Граубурга? Это один из немецких городов фотоальбомы с замком на холме, висячие сады, церковь готика, старый университет, река, красивый мост и леса по всему возвращение. Очаровательный. Но у меня не было большой возможности насладиться красотами место. На следующий день

после моего приезда, Бангкок! Я упал с аппендицитом. Я кричал от боль, будь в курсе.

- Какой ужас!

- Они быстро отвезли меня в больницу и открыли в мгновение ока. глаз. Отличный хирург, очень эффективные сестры милосердия заботятся обо мне; это не могло быть в лучших руках. Но это было смягчение, чтобы застрять там, нога в течение четырех недель, большое размягчение. Даже тогда было некоторые компромиссы. Например, была моя монахиня. Ах, дошло до еда, слава Богу!

Смешанное жаркое оказалось превосходным. Описание, которое Мисс. Пенни сделал из монахиня разбила меня на части. Круглое, розовое и красивое лицо под шапочкой; голубые глаза и правильные черты лица; слишком совершенные зубы; поддельные, кстати. Но эффект в целом это было очень приятно. Молодая тевтонка двадцати восьми лет.

- Она не была моей медсестрой, - объяснила Мисс. Пенни. — Но раньше я видел ее очень часто, когда она приходила посмотреть на Толле Энгландерин. Ее звали сестра Агата. Во время войны мне сказали, что она он обратил бесчисленное количество раненых солдат в истинную веру. Что не было удивляюсь, учитывая, как она была прекрасна.

- Разве она не пыталась обратить тебя? — спросить.

- Это было не так глупо. - Мисс. Пенни засмеялась и стряхнула цепи в миниатюра его ушей.

На мгновение меня позабавила мысль об обращении Мисс. Пенни; Мисс. Пенни перед большим собранием священников трясет своими серьгами к речам о Троице, смеясь ее страшный смех к учению Непорочного Зачатие, встречая серьезный взгляд Великого Инквизитора с вспышкой его яркие, бесстрастные глаза. В чем секрет женщины быть такой Грозный?

Но мне не хватало истории. Что случилось? Ах да, важно было то, что сестра Агата появилась однажды утром, после двух или три дня отсутствия, одетая не как монахиня, а в комбинезоне больничные уборщицы с платком вместо шапочки на бритой голове.

- Мертва, - заявила Мисс. Пенни. Она выглядела мертвой. Труп

ходячая, это то, чем она была. Впечатляющая вещь. Я бы не нашел

возможно, кто-то так сильно изменился за такое короткое время. Она гуляла с трудности, как будто я провел месяцы, болел, у меня были большие круги. темные вокруг глаз и глубокие морщины на лице. И общее выражение несчастье, это было довольно страшно.

Он наклонился к проходу между двумя рядами столов и схватился за кончик пиджака проходящий мимо официант. Маленький итальянец оглянулся с выражение удивления, которое превратилось в ужас.

- Пинту Гиннесса, — попросила Мисс. Пенни. - А потом приведи меня рулет.

- У нас сегодня нет рулета, мадам.

- Черт! - воскликнула Мисс. Пенни. - Тогда принеси мне все, что хочешь.

Она расстегнула куртку официанта и повторила свой рассказ.

- Где я был? О, я помню. Она вошла в мою комнату с ведром воды и щеткой, одетой как уборщица. Естественно, я остался довольно удивительно. “Что вы делаете, сестра Агата?’, спросить. Никакой ответ. Она просто покачала головой и начала мыть пол. Когда закончил, вышел из комнаты, даже не глядя на меня. “Что случилось с сестра Агата?“я спросил свою медсестру, когда она появилась. “Я не знаю.” “Это не значит”, - возразил я. Нет ответа. Мне потребовалась почти неделя, чтобы выяснить, что на самом деле произошло. Никто не осмеливался сказать мне; это было strengst verboten, как говорили в старые времена. Но я наконец-то сделал это. Моя медсестра, врач, уборщицы-я извлек что-то из них всех. Я всегда получаю то, что хочу. - Мисс. Пенни смеялась как лошадь.

- Я уверен, что да, - вежливо прокомментировал я.

- Большое спасибо — - поблагодарила Мисс. Пенни. - Но продолжая: мой информация пришла ко мне фрагментарным шепотом. “Сестра Агата сбежала с мужчина.“Боже Мой! “Один из пациентов.“Не говори! “Преступник вышел из тюрьмы.“Сюжет усложняется. “Он убежал от нее.“Сюжет упрощается снова. “Они вернули ее сюда; она впала в немилость. Был один похоронная

служба для нее в часовне, с гробом и всем остальным. Она должна была быть подарок для самого захоронения. Она больше не монахиня. Теперь он должен сделать работу уборщица, самая суровая в больнице. Вам не разрешено ни с кем разговаривать и никто не может с ней разговаривать. Ее считают мертвой.”- Мисс. Пенни сделал пауза, чтобы позвонить несчастному итальянцу. - Мой Гиннесс! — кричать.

- Уже идет, уже идет — - и иностранный голос закричал “Гиннесс” внутрь шахта лифта, а снизу раздался еще один голос: “Гиннесс”.

- Постепенно я узнал подробности. Для начала был наш герой; мне пришлось включить его в историю, что было довольно сложно, поскольку я никогда его не видел. Но я достал его фотографию. Полиция раздала один, когда он сбежал; я думаю, что они так и не поймали его. - Мисс. Пенни открыла сумку. - Я всегда ношу ее с собой.;

это превратилось в суеверие. В течение многих лет, я помню, я носил один маленький кусочек вереска, связанный веревкой. Красиво, не правда ли? У него есть вид в стиле ренессанс, не правда ли? Знаешь, это был итальянец?

Итальянский. Ах, это все объяснило. Мне было интересно, как Бавария это могло бы произвести это существо с тонким лицом и большими темными глазами, носом и тонко сформированный подбородок и пухлые губы так величественно и чувственно изогнутый.

— Нет сомнений, что он впечатляет, - заговорил я, возвращая фотографию.

Асрта. Пенни аккуратно спрятала ее в сумочке.

- Да? Чудесный. Но характер и мозг были еще лучше. Я вижу его как одного из этих невинных и детских монстров беззакония, которые они просто игнорируют существование правильного и неправильного. И у него был огромный талант, итальянский талант к технике, к освоению и исследованию природы. Истинный сын строителей римских акведуков он был, и брат инженеры-электрики. Только Куно-так его звали - не работал с водой; он работал с женщинами. Знал, как использовать энергию естественно страсти; он заставлял преданность двигать свои мельницы. Коммерческая эксплуатация из энергии любви это

была его специальность. Иногда я задаюсь вопросом — добавила Мисс. Пенни в другом тоне - если я когда-нибудь буду эксплуатироваться, когда стать немного старше и безбрачным, для одного из этих молодых людей инженеры страсти. Это было бы унизительно, особенно потому, что я сам я немного исследовал.

Он нахмурился и на мгновение замолчал. Нет, определенно, Мисс. Пенни не была красивой; нельзя было честно сказать, что у нее есть прелести или что это было привлекательно. Шотландская окраска, эти заячьи глаза, голос, смех ужасающий, и его размер, его общее величие. Нет, нет, нет.

- Вы сказали, что он в тюрьме — - сказал я. Тишина со всеми своими последствия, это становилось неловко.

Асрта. Пенни вздохнула, подняла глаза и кивнула.

- Он был достаточно глупый ум, чтобы оставить прямой и безопасной дороге эксплуатация женщин во имя извилистых опасностей кражи. У всех нас есть наши случайные приступы безумия. Они дали ему тяжелый приговор, но он удалось заболеть пневмонией, я думаю, что это было через неделю после того, как я вошел в тюрьма. Его перевели в больницу. Сестра Агата с ее известным талантом чтобы спасти души, ей было поручено служить ему. Но именно он сделал конверсия.

Асрта. Пенни закончила последний кусок имбирного пудинга, который официант он принес его вместо рулета.

- Я полагаю, ты не куришь сигары, - заговорил я, открывая свою сигарную стойку.

- Ну, по правде говоря, курю, да — - возразила Мисс. Пенни. Прогуливать пристальный взгляд на ресторан. - Мне просто нужно посмотреть, есть ли здесь что-нибудь из этого.

ужасные обозреватели-сплетники. Я не хочу завтра появляться в социальной колонке утром: “один факт, который не так хорошо известен, как должен быть, заключается в том, что Мисс Марвел не знает, как это сделать”. Пенни, известная журналистка, всегда заканчивает свой обед сигарой из Двадцать сантиметров Бирмы. Я видел ее вчера в ресторане менее ста километры улицы Кармелита, курение сделало дымоход”. Вы знаете жанр. Но берег

кажется мне свободным, слава Богу.

Взял сигару из сигары, зажег ее в спичке, которую я протянул ей, и он продолжал говорить.

- Да, это был молодой Куно, который сделал обращение. Сестра Агата была преобразованный обратно в мирскую Мелпомену Фуггер, которая была перед тем, как стать невеста святости.

- Мелпомена Фуггер?

- Так ее звали. Я слышал ее историю от моего старого доктора. У него было весь Граубург рождается, размножается и умирает на протяжении поколений. Мелпомена Фуггер… Он помог родить маленькую Мельпель, маленькая Мельпчен. Ее отцом был профессор Фуггер, великий учитель Фуггер, beriihmter GeoIogJˆH О да, конечно, я знаю имя. Так хорошо… Именно он написал классическую работу о Лемурии: знаете, континент гипотетически, откуда взялись лемуры. Я проявил должное уважение. Либеральная эпоха, ученик Гердера, гражданин мира, как там говорят. Англофил, также, и всегда ел кашу на завтрак, до августа 1914 года. Тогда, в лучезарное утро 5 - го он навсегда отказался от каши, торжественно и со слезами на глазах. Национальная пища народа, предавшего культуру и цивилизация, как он мог продолжать есть? Застрянет в вашем горло. В будущем он будет есть горячее яйцо. Мне это показалось очаровательным. И дочь, Мельпомена-она тоже выглядела очаровательно; и какой хвост, толстый и блондинка, она была у нее в детстве! Мать была мертва, а сестра великого учитель управлял домом железной рукой. Тетя Берта была ее именем. Ну, Мельпомена выросла, пухлая и аппетитная. В девятнадцать лет что-то ненавистное и с ним случилось неприятное. Даже врач не знал, что именно это было так, но он не удивился бы, если бы это было что-то относительно тогдашнего профессора из латыни, старый друг семьи, который, кажется, объединил большую эрудицию с ужасное пристрастие к молодым девушкам ну J ovens.

Мисс. Пенни сбросила два дюйма пепла сигары в свой стакан пустой.

— Если бы я писал сказки, - продолжала задумчиво, - если бы не работа слишком много, это превратило бы этот случай в своего рода биографию, начиная с сцена сразу после этого неприятного события в жизни Мельпомена. Я ясно вижу сцену. Бедный Мелпель, сгорбившись над парапет замка Граубург, плачущий

июньской ночью, и тутовые деревья в садах на десять метров ниже. Они доминируют в воспоминаниях о том, что произошло.

в тот ужасный день. Профессор Энгельманн, старый друг своего отца, с великолепная красная ассирийская борода… Слишком ужасно, слишком много! Но как это было говоря, написание коротких рассказов-это слишком много работы, или, может быть, я слишком глуп, чтобы запишите их. Скорей его к тебе. Вы знаете, как заставить эти вещи работать.

- Вы очень щедры.

- Совсем нет, - возразила Мисс. Пенни. - Мои условия комиссия в размере десяти процентов от продаж в США. Кстати, продаж не будет американский. История бедной Мельпхен не служит целомудренной публике из этих государств. Но скажите мне, что вы собираетесь делать с Melpomene, теперь, когда она у вас на парапете замка.

- Все просто, - заявил Я. - Я знаю все о немецких университетах и замки в горах. Я заставлю ее созерцать июньскую ночь, как вы предложили; фиолетовая ночь с ее золотыми точками пламени. Там будет черный силуэт замка, с его остроконечными крышами и его Торрес прикрыты, за ней. Из городских пивоварен внизу голос студентов, пение в полной гармонии с четырьмя голосами, оно будет плавать сквозь простор темно-синий. “Rõslein, Rõslein, Rõslein rot ” и ” Das Ringlein sprang in zwei — - as душераздирающие и сладкие песни прошлых лет заставят ее плакать еще больше. Потеть слезы будут падать, как дождь, на листья тутовых деревьев в саду внизу. Вам это кажется подходящим?

- Очень красиво, - аплодировала Мисс. Пенни. - Но как вы идете принести сексуальную проблему и все ее ужасы в этот пейзаж?

-Что ж, дай мне подумать. - Я назвал это воспоминанием о тех далеких летах. за границей, когда я заканчивал свое образование. - Я знаю. Я принесу внезапно Рой китайских свечей и фонарей движется под тутовое дерево. Можете представить себе богатство света и тени, листья сверкают сделано драгоценности, лица и конечности мужчин и женщин, увиденные на мгновение и вскоре исчезать. Это студенты и девушки из города, которые вышли танцевать в этом голубая ночь и июньский парад под тутовыми

деревьями. И теперь они начинают, вращаясь в колесо, топая ногами в такт музыке его песен.:

Wir kõnnen spielen ВИО-ВИО-ВИО-Лин,

Wir kõnnen spielen Я видел его.

И темп меняется, он становится быстрее.:

Und wir kõnnen tanzen Bumstarara, Бумстарара, Бумстарара,

Und wir kõnnen tanzen Bumstarara, Бумстарара-редкий.

“Танец становится тропелем, слоновьим топтанием по сухой траве под тутовое дерево. И с оплота Мельпомена наблюдает и понимает, внезапно и как будто в Апокалипсисе, что все на свете-это СЕКС, СЕКС, СЕКС. Мужчины и женщины, мужчины и женщины-всегда одно и то же, и все, в свете ужаса этого поздно, отвратительно. Вот как бы я поступил, Мисс. Пенни.”

- И очень хорошо. Но я бы хотел, чтобы вы нашли место, чтобы вписаться Мой разговор с доктором. Я никогда не забуду, как он он откашлялся и кашлял, прежде чем приступить к такой деликатной теме. “Должен знать, ГМ, моя милостивая Мисс, - начал он, - должна знать, что явления религиозные люди часто тесно связаны с сексуальными причинами.” Я ответил, что слышал слухи, которые могли бы оправдать мою веру в то, что это так это правда среди католиков, но в Англиканской Церкви (ибо я практиковал англиканство) было совсем другим. Может быть, сказал врач; в ходе его долгая медицинская карьера у него не было возможности изучать англиканство. Но он смог убедиться в том, что среди своих пациентов в Граубурге мистицизм часто смешивался с Geschlechtsleben.&литр Мельпомена была таким случаем. После того ужасного дня она стала чрезвычайно религиозный; учитель латыни отвлекал свои эмоции от каналов естественный. Она восстала против спокойного агностицизма своего отца и ночью, в секрет, когда драконьи глаза тети Берты были закрыты, она читала книги Запрещенные, такие как жизнь

Святой Терезы, цветы Святого Франциска, Подражание Христу и чудовищно увлекательная книга мучеников. Тетя Берта он конфисковывал эти произведения, когда находил их; он считал их наиболее пагубными из что романы Marcei Prévost. Характер потенциальной хорошей жены его можно было полностью подорвать такими чтениями. Это было облегчением для Мельпомена, когда тетя Берта освободилась летом 1911 года от своих обязанностей смертельный. Она была одним из тех незаменимых людей, о которых мы узнали, после того, как они ушли, мы могли бы прекрасно обойтись без них. Бедная тетя Берта!

- Можно представить, как Мельпомена пытается поверить, что ей грустно и ужасно смущается, когда обнаруживает, что на самом деле, в тайне, я был почти доволен. - Это предложение показалось мне гениальным, но Мисс. Пенни вы сочли ее очевидной.

- Точно — - сказал он. - И волнение только подтвердило бы и дало бы новое дыхание к тенденциям, к которым смерть тети проложила путь, чтобы жить ими, как хотеть. Раскаяние, раскаяние — такие чувства приведут к идее покаяния. И для человека, теперь погруженного в мартиролог, покаяние было умерщвление плоти. Она часами стояла на коленях, ночью, на морозе;

он мало ел, и когда у него болели зубы (что часто случалось, сказал мне доктор, потому что ее протез всегда доставлял ей проблемы), она не ходила в дантист, но она не спала всю ночь, наслаждаясь всеми своими страданиями и торжествующе чувствуя, что он должен своим предвзятым образом угодить Таинственные Силы. Так продолжалось два или три года, пока не стало полностью отравленный. В конце концов он получил язву желудка. Прошло три месяца, прежде чем он вышел из больница, ну впервые за многие годы и с совершенно новым зубным протезом прочный, все золото и слоновая кость. Также внутри она изменилась-для думаю, лучше. Монахини, которые заботились о ней, заставили ее увидеть, что, унижая себя, она действовала с преувеличением, мотивированной духовной гордостью; вместо этого поступая правильно, она грешит. Они сказали, что единственный путь к спасению-это в дисциплине, в порядке установленной религии, в повиновении власти. Тайно, чтобы не огорчить своего бедного отца, чей агностицизм был чрезвычайно догматичный, несмотря на всю свою умеренность, Мельпомена

сделал-если Римско-католическая. Ему было двадцать два года. Через несколько месяцев пришел к война и вечное отречение профессора Фуггера от каши. Он не выжил долгое время к его патриотическому жесту. Осенью 1914 года подхватил смертельный грипп. Мельпомена была одна в мире. Весной 1915 года был новый и очень скрупулезная сестра милосердия работает среди раненых в больнице Граубург. Здесь, - объяснила Мисс. Пенни, разрезая воздух указательным пальцем — вы ставите ряд звездочек или точек, чтобы обозначить диапазон из шести годы в повествовании. И это начинается снова прямо в середине диалога между сестрой Агата и выздоравливающий Куно.

- О чем будет их диалог?

- О, это легко, - заявила Мисс. Пенни. - Все подойдет. Что такое, например? Вы объясняете, что температура только что снизилась; сначала раз в несколько дней мальчик полностью в сознании. Чувствует себя очень хорошо, возрожденный, так сказать, в новом мире-таком ярком и другой и веселый, что он не может удержаться от смеха. Посмотри вокруг; мухи на потолке они кажутся ему крайне комичными. Как они могут ходить головой вниз? “У них на ногах присоски”,-говорит сестра Агата, задаваясь вопросом, есть ли у нее присоски Естественная история была бы правильной. Присоски на ногах, ха-ха! Какая безумная идея! Присоски на ногах, это здорово! Вы можете сказать несколько очаровательных мелочей, жалкие, совсем нежные о безумной радости выздоравливающих-все же больше в этом конкретном случае, когда радость выражается молодым человеком, который будет вернули в тюрьму, как только вы сможете закрепиться на ногах. Ха-ха! Продолжить смейтесь, бедняга! Это смех судьбы, парков, Норн!

Мисс. Пенни сделала преувеличенную имитацию своего металлического смеха. А этот звук, несколько посетителей, которые все еще оставались на других столах, подняли глаза испугались.

— Вы можете писать страницы о судьбе и ее ироническом смехе. Быть

невероятно впечатляет, и в каждой строке есть деньги.

- Вы можете быть уверены, что я напишу.

- Отлично! Тогда я могу продолжить свою историю. Дни проходят, и первая радость выздоровления исчезает. Мальчик помнит и получает

меланхоличный; его сила возвращается, а вместе с ней и чувство отчаяния. Потеть

ум постоянно допрашивает ум ненавистное будущее. Что касается фаллоимитаторов

религии ему плевать. Сестра Агата упорствует-ах! но с чем

забота и беспокойство в попытке заставить его понять, поверить и найти утешение. Это все чрезвычайно важно, и в этом случае как-то больше важно, чем в любом другом. И теперь вы видите Geschlechtsleben в операция, плодотворная и неясная, и снова слышен смех Норн. Кстати-сделала Мисс. Пенни меняет тон и наклоняется в позе доверенность за столом-я бы хотел, чтобы вы мне кое-что сказали. Ты вы действительно верите, говорите честно, вы серьезно верите в литература?

- Верю ли я в литературу?

- Я думала — - объяснила Мисс. Пенни - в иронической судьбе и в смех Норн, все такое.

- Да, да.

- А также этот бизнес психологии и самоанализа; и строительство, хорошо повествование, образы и le motjuste, словесная магия и сильные метафоры.

Я вспомнил, как сравнивал тонированные сережки Мисс мармелад. Пенни а скелеты прикреплены к цепям.

- А потом, наконец и для начала, альфа и Омега, мы сами: два профессионалы наслаждаются, с отсутствием абсолютного сочувствия, соблазнение монахиня и размышляет о лучшем способе превратить ее несчастья в деньги. Это все очень любопытно, не так ли?, когда мы начинаем думать, холодно об этом.

- Очень любопытно, - согласился я. - Но все так, если смотреть на это так.

- Нет, нет — - не согласилась Мисс. Пенни. - Нет ничего более любопытного, чем наш бизнес. Но я никогда не дойду до конца своей истории, если начну входить в начало.

Мисс. Пенни продолжила свое повествование. Я все еще думал о литература. Вы ей верите? Серьезно? О! К счастью, вопрос не имел смысл. История пришла ко мне довольно смутно, но мне казалось, что мальчик становилось лучше; через несколько дней, сказал доктор, он будет в порядке-хорошо достаточно, чтобы вернуться в тюрьму. Нет, нет. Вопрос был бессмысленным. Не я бы больше думал о ней. Я переориентировал свое внимание.

- Сестра Агата, — слышала Мисс. Пенни говорит-молился, увещевал,внушал. Всякий раз, когда у нее было полминуты свободного от других обязательств, она бегала в комнату мальчика. “Интересно, если вы полностью понимаете

важность молитвы”, - говорила она, и, прежде чем он успел отвечая, она дала ему урок об использовании и достоинствах обычной мольбы и пациент. Или это было: “Могу я рассказать вам о святой Терезе?‘или” Святой Стефан, первый мученик, вы слышали о нем, не так ли?“Сначала Куно я просто не хотел слушать. Это казалось ему фантастически глупым. абсурдное прерывание ваших мыслей, ваших серьезных мыслей и отчаянно о будущем. Арест был реальным, неизбежным, и эта женщина преследовал со своими нелепыми сказками. И вдруг однажды он он начал слушать и показывать признаки раскаяния и обращения. Сестра Агата он объявил о своем триумфе другим монахиням, и было ликование из-за овцы треснул. Мельпомена никогда в жизни не чувствовала себя такой счастливой, а Куно, глядя на его сияющее лицо, должно быть, задавалось вопросом, как это могло быть так глупо не видеть с самого начала то, что теперь было так очевидно. Женщина потеряла голову из-за него. И у него было всего четыре дня-четыре дня, чтобы направить эту удивительную энергию любовь и заставить ее работать на ее побег. Почему бы не начать неделю назад? Тогда я мог бы быть уверен, что все получится. Но сейчас? Это было невозможно знать. Четыре дня были слишком короткими.

- Как он это сделал? - я спросил, потому что мисс. Пенни се прерывать.

— Вот ты и скажешь, - ответила она и потрясла сережками, чтобы

меня. - Не знаю. Никто не знает, я полагаю, кроме двух вовлеченных людей и может быть, духовник сестры Агаты. Но можно реконструировать преступление, как сказать. Как бы вы поступили? Вы мужчина, Вы должны знать процесс любящая инженерия.

- Ты мне льстишь, - ответил я. - Тогда представь, что…? - Я расширил руки. Мисс. Пенни смеялась, как лошадь. — Не. Но серьезно, это проблема. Этот случай очень особенный. Человек, монахиня; место, больница; как возможностей мало. Не могло быть благоприятных обстоятельств-лунный свет, далекая музыка; и любая форма прямой атаки наверняка потерпит неудачу. Тот смелая уверенность, которая является лучшим оружием вашего соблазнителя, не сработает здесь.

- Конечно — - сказала мисс. Пенни. - Но, конечно, есть и другие методы; может быть подходом к жалости и материнскому инстинкту. И духовный подход для высших сфер, для души. Куно, должно быть, работал с этими оружие, не так ли? Можно представить, как он позволяет себе обратиться, молиться вместе с ней и в то же время призывая к их солидарности и даже угрожая, с воздуха серьезно, убить себя, чтобы не вернуться в тюрьму. Вы можете написать это легко и убедительно. Но это то, что мне скучно сделать. Поэтому я не могу писать художественную литературу. Какой смысл во всем этом? И как вы, литераторы, считаете себя настолько важными — особенно если пишут трагедии. Это все очень странно, действительно очень странно.

Я не ответил. Асрта. Пенни изменила свою мелодию и продолжила рассказ:

- Ну, независимо от используемой среды, инженерный процесс был идеальный. Любовь была вынуждена найти способ. Днем накануне дня в что Куно вернется в тюрьму, две сестры милосердия вышли через ворота больница, пересекли площадь напротив, спустились по переулкам к реке, они взяли трамвай на мосту и не прыгали, пока трамвай не добрался до конечной точки, в далеком пригороде. Они вышли пешком по дороге в поле. “Смотри!“сказал один из них, когда они оставили дома позади; и жестом иллюзионист вытащил из ниоткуда красный кожаный кошелек. “Откуда это взялось это?”- спросила другая, широко раскрыв глаза. Воспоминания Елисея и вороны, из кувшина вдовы, должно быть, прошли сквозь освещенный туман

головы бедная Мелпомена. “Старуха, сидевшая рядом со мной в трамвае, оставила открытая сумка. Это не могло быть проще.“Куно, ты не имеешь в виду, что вы украли сумку, да?“Куно ужасно ругался. Я открыл свой кошелек. “Всего шестьдесят марок. Кто бы мог подумать, что эта старая верблюд, вся в одежде из шелка и меха у вас будет всего шестьдесят марок в кошельке? И мне нужен мех. минус тысяча марок, чтобы убежать.“Легко воспроизвести остальную часть разговора до тех пор, пока неизбежный “ради бога, заткнись”, которым Куно положит конец встревоженная моральная проповедь Мельпомены. Они продолжают ходить в молчание. Куно отчаянно думает. Только шестьдесят марок не дали ничего. Если бы у него было что продать, украшение, золото или серебро

- что угодно, что угодно. Знает отличное место для продажи вещей. Будет ли он снова арестован только из-за отсутствия нескольких этапов? Melpomene он тоже думает. Часто нужно делать зло, чтобы оно могло прийти. хорошо. В конце концов, она сама не украла одежду сестры Марии Очищение, когда другая спала после ночи по вызову? Я не сбежал. из монастыря нарушили свои обеты? И все же, как я был убежден, что это было правильно? Таинственные силы решительно одобряли; она я был уверен в этом. А теперь этот красный кошелек. Но что такое кошелек красный по сравнению с спасенной душой? И в конце концов, что она была делать, если не спасать душу Куно? - Мисс. Пенни, которая приняла голос и жесты оратора, задающего риторические вопросы, опустили руку на стол с пощечиной. - Боже мой, как это скучно! — воскликнуть.

- Мы как можно скорее дойдем до конца этой затянувшейся шутки. Тот время, вы можете себе представить, тени ночи быстро падали-холод ноябрьские сумерки и т.д., коммуникации. Но я оставлю вам описания. Куно залезай в придорожную канаву и сними привычку. Я полагаю, он будет чувствовать себя больше страховка в штанах, более способная принимать решительные меры в условиях кризиса. Ходить километр. Поздно ночью они сходят с дороги и пересекают поля в направлении лес. На краю леса они находят одну из этих лачуг на колесах где пастухи спят в сезон размножения.

- Настоящий Maison du Berger?l^21

- Точно — - подтвердила Мисс. Пенни, и начал читать:

Si ton coeur gémissant du poids de notre v / e, Se traine et se débat comme un Aigle blessé…

“Как это продолжается? Я так любил это, когда был девочкой!”

Le seuil estparjumê, 1’alcôve est large etsombre,

Et là parmi les jleurs, nous trouverons dans Vombre, Pournos cheveux unis un lit silencieux.

“Я мог бы продолжать неопределенный ум.”

- Тогда продолжай, - попросил я.

- Нет, нет, нет, нет. Я решила закончить эту ужасную историю. Куно сломал замок на двери. Войти. Что случилось в этом маленький сарай? - Мисс. Пенни наклонилась ко мне. Его большие глаза зайца сверкали, длинные серьги качались и звенели от легкости. - Представьте себе эмоции тридцатилетней Девы, в довершение всего монахиня, в ужасающем присутствии желания. Представьте себе легкую жестокость и обычный мальчик. Ах, можно сделать страницы и страницы из этого-тьма абсолютно непроницаемый, запах соломы, голоса, приглушенный плач, движение. И приятно представить, что эмоции пульсируют в этом пространстве ограниченные имели ощутимые вибрации, такие как низкий звук, который сотрясает воздух. То, эта сцена-уже готовая литература. Утром, - продолжила Мисс. Пенни после пауза-двое лесорубов по дороге на работу поняли, что дверь лачуга была зияющей. Подходили осторожно, топоры подняты и готовы к перевороту, если возникнет необходимость. Глядя внутрь, они увидели женщину в черном, лежащую лицом вниз на соломе. Мертва? Нет; она двигался, стонал. “В чем проблема?“Опухшее лицо, испачканное полосами от серой пыли, смешанной со слезами, она поднимается к ним. “Что такое проблема?“Он ушел!“Какое странное, нечеткое восклицание. Эй лесорубы смотрят друг на друга. Что она говорит? Может быть, она иностранка. “В чем проблема?повторяю. Жена имеет сильный взрыв плач. “Ушел, ушел! Он ушел!”,- рыдает она неразборчиво.

“О, это ушло, это то, что она говорит. Кто ушел?“Он меня оставлять.““Что?“Оставил меня…“Какого черта…? Говорите яснее.“Я не могу”, она стонет. “Он забрал мои зубы.““Его что?“Мои зубы!“И высокий голос это превращается в крик, и она снова рыдает на соломинку. Эй лесорубы смотрят друг на друга, значит, активизируются. Один из них берет указательный палец.

толстый и желтый гвоздь, до бока головы и делает круги.

Асрта. Пенни посоветовалась с часами.

- Боже! — воскликнуть. - Уже почти три с половиной часа дня. Я должен летать. Не забывайте о похоронной службе, - добавила она, надевая пальто. — Кувшинки, черный гроб посреди церковного нефа, монахини в головных уборах с белыми крыльями, грустными песнопениями и бедным сморщенным существом, без зубов, лицо, как у старухи-интересно, не будет ли это на самом деле и на самом деле мертвый. Интересно, не будет ли он еще в аду. Прощание.

Продавец с любовью называл его мексиканцем; и для мексиканца, возможно, он был маленьким. Но в нашей Европе, где пространство ограничено и масштаб меньше, мексиканец был знаменательным, гигант среди шляп. Находиться там висел в центре витрины головного убора огромный черный ореол, достойный царя среди демонов. Но в тот день ни один демон не шел по улицам Равенны; только самый безобидный из всех литературных туристов. Это были дни, когда большие шляпы казались мне на глаза, и это было над моей головой, настолько недостойной, что этот ореол тьме суждено было спуститься. Над моей головой; ибо с первого взгляда шляпа побежала в магазин, примерила его, нашла идеальным по размеру и я купил его, не торгуясь, по цене иностранца. Я вышел из магазина с мексиканка в голове, и моя тень на тротуарах Равенны выглядела как тень магнолии.

Мексиканец сейчас очень стар, зеленый и прогрызенный мотыльками. Но я все еще держу его при себе. Время от времени, во имя старой дружбы, я даже применение. Дорогой мексиканец! Он представляет для меня целую эпоху моего жизнь. Это означает эмансипацию и первый год обучения в университете. Символизирует открытие стольких новых вещей, новых идей, новых ощущений! Из литературы французский, алкоголь, moderna Paint, Ницше, любовь, метафизика; Малларме, синдикализм и Бог знает, что еще. Но, прежде всего, я я ценю это, потому что это напоминает мне о моем первом открытии Италии. Он делает вызвать для меня, моего мексиканца, все эмоции, сюрпризы и экстазы девственницы того первого итальянского турне в начале осени 1912 года. Урбино, Римини, Равенна, Феррара, Модена, Мантуя, Верона, Падуя, Венеция, мой первое впечатление от всех этих сказочных имен отдыхает, как шляпа полный драгоценностей, в короне мексиканца. Будет ли у меня когда-нибудь смелость выбросить?

А еще, конечно, есть Тирабасси. Без мексиканца у меня никогда не было бы известный Тирабасси. Он никогда бы не догадался, что я, в моей маленькой выразительности английская шляпа, будь художником. И, следовательно, я бы никогда не увидел фрески не разговаривали со старым графом и не слышали о Коломбелле. Никогда… Когда я думаю об этом, мексиканец кажется мне еще

более ценным.

Это было, конечно, довольно типично для Тирабасси, чтобы предположить, по размеру моего шляпа, что я должен быть художником. У него был военный менталитет, который он отказывался принять смутный беспорядок в мире. Всегда был готов маркировать, сортировать

и ограничить его вселенную; и когда классифицированные объекты вышли из его отсеки и вырвали бирки с шеи Тирабасси был сбит с толку и скучно. В любом случае, для него это было очевидно, с первого в тот момент, когда он увидел меня в ресторане в Падуе, я должен был быть художником. Все художники носят большие черные шляпы. Я использовал мексиканку. Эрго, я был художником. Это было силлогистично, неизбежно.

Он послал официанта спросить меня, не окажу ли я ему честь выпить кофе с ним за столом. Сначала, признаюсь, я немного испугался. Этот дерзкий кавалерийский лейтенант, какого черта вы можете хотеть от меня? Фантазия еще больше абсурда наполнило мой разум: он совершал совершенно не зная, какой-то ужасный обман; наступил на ноги чести лейтенанта, и он я собирался вызвать меня на дуэль. Выбор оружия, размышлял я быстро, это будет мое. Но что, какое оружие я бы выбрал? Мечи? Не было обучался фехтованию. Пистолеты? Однажды я сделал шесть выстрелов в бутылку и промахнулся. все шесть. Было бы время написать письмо или два, сделать тип любое завещание моих личных вещей? От этого бедствия официант, возвращаясь следующим с моим жареным осьминогом, он спас меня. Лейтенант Конде, он объяснил конфиденциальным шепотом, У меня была вилла в Бренте, недалеко из стра. Вилла, - он щедрым жестом протянул руки, - полная живопись. Полный, полный, полный. И я очень хотел, чтобы я увидел их, потому что у меня было я был уверен, что интересуюсь живописью. О, естественно, - немного улыбается глупо, потому что официант, казалось, ожидал от меня каких-то комментариев подтверждая — Я был заинтересован в живописи; очень много. В этом случае сказал официант, Граф с удовольствием отвезет меня к вам. Оставил меня все еще смущенный, но довольно облегченный. В любом случае, мне не пришлось бы делать неловко выбирайте между мечами и пистолетами.

С осмотрительностью, каждый раз, когда он не смотрел в мою сторону, я бы осмотрел лейтенанта Конде. Его внешность не была типично итальянской (но что такое типичный итальянец?). У него не было голубоватой челюстной кости, живые глаза, нет. он был ни смуглым, ни аквилинским. Напротив, у него были светло-каштановые волосы, глаза серый, курносый нос и веснушчатая кожа. Я знал многих англичан, которые они могли быть менее жизнерадостными братьями графа Тирабасси.

Он принял меня, когда пришло время, с самой изысканной вежливостью, извиняюсь за то, что вы подошли ко мне немного церемониально.

— Но как я был прав, - говорил он, - что ты интересуешься искусство, я думал, что прощу себя за то, что я должен вам показать.

Я не мог не задаться вопросом, почему граф так уверен в мой интерес к искусству. Это было только позже, когда мы вместе покинули ресторан, что я понял; ибо, надев мою шляпу, чтобы выйти, он указал улыбка для мексиканца.

— Видно, что ты настоящий художник.

Я заблудился, не зная, что ответить.

После предварительного обмена любезностями лейтенант немедленно атаковал, и полностью из-за меня, как я мог заметить тему.

— В наши дни, - сказал он, - мы, итальянцы, не очень заинтересованы в искусстве. В Moderna Country это понимает… - Пожал плечами, оставив предложение не закончено. - Но я не думаю, что это правильно. Я люблю искусство. Просто обожаю. Когда я вижу, как иностранцы ходят со своими информационными книгами, Стояли полчаса перед картиной, глядя сначала на книгу, потом к раме… В этот момент он сделал блестящую имитацию священнослужителя англиканец, тщательно “делая” часовню Мантенья: первый взгляд в воображаемой книге, опирающейся на обе руки, затем движением одной курица пьет, лицо поднято на воображаемую фреску, длинный взгляд между нахмуренными веками, приоткрытым ртом и, наконец, возвращающимися глазами вдохновенные страницы руководства Бедекера. Когда я вижу их, мне стыдно за нас, итальянский. -

Граф говорил очень серьезно, чувствуя, возможно, что его талант к мимике зашел слишком далеко. - И если они пройдут полчаса глядя на бизнес, я иду и провожу час. Это способ понимание искусства. Единственный способ. - Откинулся на спинку стула и сделал глоток кофе. - К сожалению, - добавил он через мгновение, - нет долго.

Я согласился с ним:

- Когда человек не может провести больше месяца подряд в Италии, как и я…

- Ах, если бы только он мог путешествовать по миру, как ты, - граф вздыхать. - Но вот я в ловушке в этом убогом городе. И когда я думаю о огромная столица нарисована там на стенах моего дома…

Прервался, покачав головой. Затем, изменив тон, он начал расскажи мне о своем доме на Бренте. Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Карпиони, да — там были фрески Карпиони; почти каждый мог иметь их. Но вестибюль Веронезе, комнаты Тьеполо, все в одном доме - это казалось невероятным. Я не мог не поверить, что энтузиазм граф по искусству овладел им. Но в любом случае, на следующий день я я мог бы ульгар для себя; граф пригласил меня на обед с ним.

Мы вышли из ресторана. Все еще смущен ссылками графа на мой мексиканец, я тихо шел рядом с тобой по улице в Аркаде.

- Я познакомлю тебя с отцом, - сказал граф. - Он тоже любит ремесло.

Я больше, чем когда-либо, чувствовал себя мошенником. Завоевал доверие граф под ложным предлогом; моя шляпа была ложью. Я чувствовал, что должен сделать что-то, чтобы прояснить недоразумение. Но граф был так занят жалуясь отцу, что у меня не было возможности представить свое объяснение.

Признаюсь, я не очень внимательно слушал, что он говорил. В течение года в Оксфорд слышал, как многие молодые люди жаловались на своих родителей. Мало денег, много вмешательство: всегда одна и та же история. Кроме того, в то время я усыновил более философская и возвышенная цель в подобных вещах. Я притворялся, что меня не интересовали люди-

только книги, только идеи. Точно может играть глупо в этом возрасте!

- Эккочи, - сделал граф. Мы остановились перед кафе Pedrochi. - Он всегда приходите сюда выпить кофе.

И куда еще он пойдет за кофе? Кто в Падуе пойдет куда-нибудь еще?

Мы нашли его сидящим на террасе в противоположном углу здания. Я никогда не поворачиваюсь. я подумал, что старый джентльмен более веселый. У старого графа было стареющее лицо, с белыми усами, поднимающимися галантно, и белой грушей в роскошной моде. Ренессанс Виктора Эммануила 11. Под белыми и сытыми бровями, в середина паутины тонких морщин, глаза были карими и блестящими, как у дрозд. Его длинный нос казался в некотором смысле более полезным на практике, чем нормальный человеческий нос, как будто сделанный, чтобы пылесосить с тонкостью и позой, для нежные шутки. Крепкий и крепкий, он крепко сидел на стуле, колени раздвинуты, руки вместе над тростниковым кастоном, неся брюшко с достоинством, благородно прихожу сказать, перед телом. Я был весь одет. из белого льна - потому что погода была еще теплой — и его широкая серая шляпа он был обманчиво натянут на левый глаз. Давал удовлетворение смотреть на он; таким полным, таким совершенным по-своему он был.

Молодой граф познакомил меня:

- Это английский джентльмен. Синьор… - Повернулся ко мне.

-osssselay — - ответил Я, Узнав по опыту, что это ближе, чем любой итальянец мог подойти к моему имени.

- Синьор Оосселай, - продолжил молодой граф, - художник.

- Ну, не совсем художник, - начал я; но он не позволил мне закончить.

— Он тоже очень интересуется древним искусством, - продолжил он. — Завтра я отвезу вас в Доло, чтобы посмотреть фрески. Я знаю, ему это понравится.

Мы сели за стол старого графа; он критически посмотрел на меня и кивнул.

- Бениссимо, - заговорил он и добавил: - Будем надеяться, что он сможет это сделать что-то, чтобы помочь нам продать их.

Это было удивительно. Я в недоумении посмотрел на молодого графа. Он сердито смотрел на отца. Старый джентльмен, очевидно, сказал это неправильно; я подумал, что говорил слишком рано. В любом случае, понял косвенное от сына и безмятежно перешел к другому делу.

- Бурная фантазия Тьеполо, - начиналась звуково. — Великолепие холодный и беспристрастный Веронезе… В Доло вы увидите два контрастных.

- Я внимательно слушал, как старик шумно шел по тому, что было, нет была тень сомнения, отрепетированная речь. Когда он закончил, молодой человек граф встал; он должен был вернуться в казарму в половине второго. Я тоже приготовился уйти; но старик положил руку мне на руку. — Оставайся со мной, - сказал он. - Я очень ценю ваш разговор. И как он сам мал закрыл рот на мгновение с тех пор, как я встретил его, верить. С жестом леди, поднимающей юбки от грязи (и это были дни, когда юбки еще не были подняты), молодой граф он поднял свою подвесную саблю и ушел, очень военный, живой и сияющий, как солдат театра, на солнечный свет, и исчез из поля зрения.

Птичьи сияющие глаза старца сопровождали его уход.

- Хороший мальчик, Фабио, - сказал он, наконец, повернувшись ко мне. — Один хороший сын. - Говорил с любовью; но была в его улыбке, я нашел, в тоне его голос, прикосновение веселья, иронии. Как будто у него было неявно добавлено: “но хорошие парни, в конце концов, глупы, чтобы быть такими хороший”. Я обнаружил, что, несмотря на то, что я не замечал, довольно любопытен к этому старый джентльмен. Он, в свою очередь, не был человеком, чтобы оставить кого-либо в его компания долго остается в великолепной изоляции. Настаивал на что я заинтересовался его бизнесом. Он рассказал мне все о них-или меньше, все о некоторых из них-делая брызги своей уверенности с впечатляющее отсутствие резерва. После близкого и надежного друга идеальный неизвестный-лучший из доверенных лиц. Нет ни одного путешественника Коммерческий, в меру симпатичный вид, который в течение своих дней поезда и их ночи в консьержах коммерческих отелей не были сделаны хранилище тысячи

интимных секретов — даже в Англии. И в Италии — Бог знает, что слышат коммерческие путешественники в Италии. Даже я, один иностранец, плохо говорящий на языке и в любом случае не очень опытный в разговаривая с незнакомыми людьми, я слышал странные вещи в вагонах второй класс итальянских поездов… Там же, на террасе Педрочи, я я бы услышал странные вещи. Дверь будет открыта, и через щель у меня будет видение малоизвестной жизни.

- Что мне с ним делать, - продолжил старик, - правда нет знать. То, как он управляет собственностью, просто замечательно. — Быть он продолжал долго болтать о глупости крестьян, некомпетентность и нечестность мастеров, суровость времени, распространение вредителей в косилках, высокая цена навоза. Исход был что с тех пор, как Фабио взял на себя ответственность за собственность, все шло хорошо; даже погода улучшилась. — Это такое облегчение, - заключил граф, - чувствовать что у меня есть кто-то, кому я могу полностью доверять, беря на себя все. Это дает мне возможность посвятить свой ум более важным вещам.

Я не мог не задаться вопросом, какими будут важные вещи; но я чувствовал

что было бы дерзко спросить. Вместо этого я задал более практический вопрос:

- Но что произойдет, когда военная служба вашего сына оттолкнет его от Падуя?

Старый граф подмигнул мне и взял указательный палец, с много размышлений, сбоку от его большого носа. Жест был богат смысл.

- Этого никогда не случится, - сказал он. - Все устроено. Девочка combinazione, вы знаете. У меня есть друг в Министерстве. Военная служба идет держите его всегда в Падуе. - Снова моргнула и улыбнулась.

Я не мог удержаться от смеха, и старый граф присоединился ко мне с веселым “ха, ха” ха”, выражение глубокого удовлетворения, которое было, так сказать, порыв аплодисментов для себя. Он явно гордился своей маленький combinazione. Но еще больше гордился другой комбинацией, и об этом теперь он наклонился над столом, чтобы в тоне уверенности, расскажи мне. Это было

определенно более тонким из двух.

— И это не просто ваша военная служба, - заговорил он, покачивая толстым пальцем и желтым ногтем, который привел к носу. - Идет не только военная служба держать мальчика в Падуе. Это домашний долг. Он женат. Я вышла за него замуж. — Он откинулся на спинку стула и изучал меня, улыбаясь. Маленькие морщинки вокруг глаз они выглядели живыми. - Этот парень, я сказал себе, должен успокоиться. Нужный иметь гнездо, иначе улетит. Ему нужны корни, иначе он убежит. И бедный от твоего отца будет плохо. Он молод, подумал я, но ему нужно жениться. Должен ли он женить. Немедленно. - А старик делал широкие жесты указательным пальцем. Это был длинная история. У его старого друга аввокато Мональдески было двенадцать детей, три юноши и девять девушек. (И здесь были разговоры об avvocato и размер хороших католических семей.) Старшая была подходящего возраста для Фабио. Денег, конечно, нет; но хорошая девушка, и милая, и очень хорошо образованный и религиозный. Религиозный-это было очень важно, так как было важно, чтобы У Фабио была большая семья (чтобы арестовать его более эффективно, объяснил он старый граф) и с этими современными девушками Moderna, воспитанными вне Церкви, не я мог бы быть уверен в детях. Да, религия была очень важна; он изучал это тщательно, прежде чем выбрать его. Ну, следующий шаг, естественно, был пусть Фабий будет вынужден выбрать ее. Речь шла о том, чтобы привести лошадь в воды и заставить его пить. Ах, очень сложная и восхитительная вещь! Ибо Фабио он гордился своей независимостью; и был упрям, как мул. Никто он мог вмешиваться в его дела, никто не мог заставить его делать то, что он не делал. хотеть. И был настолько восприимчив, настолько тупоголовый, что часто не делал того, что я действительно хотел этого только потому, что кто-то предложил ему это сделать. Так что я я мог представить-и старый граф протянул руки передо мной-как это был сложный и деликатный бизнес. Только непревзойденный дипломат мог иметь был успешным. Он достиг его, соединяя их несколько раз и, между тем, говоря

о глупости поспешных браков, бесполезности бедных жен, нежелательность жен, которые не были благородной колыбелью. Он работал как заклинание: в течение четырех месяцев Фабио был помолвлен; два месяца спустя он был женат, через десять месяцев у него родился сын и наследник. И теперь я застрял, укоренившийся. Старый джентльмен хихикнул, и я мог

представить, что я был слушая смех старого седовласого тирана из кватроченто приветствуя успех маневра любой причудливый гениальный-богатый город, вынужденный сдаться мошенничеством, соперник опасно притягивается сладкими словами к ловушке. Бедный Фабий, подумал я; и также, какая трата таланта!

Да, продолжал старый граф, теперь он никогда не уйдет. Это не было похоже на младший брат Люциус. Луций был лечащим, фурбо, умным; у него не было сознание. Но у Фабия были представления о долге, и он жил в соответствии с ними. Как только он возьмет на себя обязательство, он будет держать его, упрямый, со всем упрямство своего характера. Что ж, теперь он жил в поместье, в большом доме. крашеный. Три дня в неделю он приезжал в Падую на военную службу, и остальное время было посвящено собственности. Теперь она принесла гораздо больше, чем прежде. Но только Бог знал, жаловался старик, что даже этого было довольно мало. Хлеб и оливковое масло, вино и молоко, куры и мясо — их было много, даже слишком много. Фабио мог иметь семью из пятидесяти человек, и они никогда не голодали. Но наличных денег-этого было не так уж и много. - В Англии, - заключил граф - вы богаты. Но мы, итальянцы… - Он покачал головой.

Я провел следующую четверть часа, пытаясь убедить его, что мы не были все миллионеры. Но зря. Моя статистика, основанная на воспоминаниях Мистер и миссис Сидни Уэбб были несовершенными, они не внушали доверия. Наконец отказаться.

На следующее утро Фабио появился у дверей моего отеля на большом Fiat, очень старый и шумный. Помятый, поцарапанный и грязный в течение многих лет службы, для семья была машиной, готовой к любым начинаниям. Фабио ездил с невероятная и безопасная беззаботность. Мы бежим по городу,, извиваясь по узким улочкам, с презрением к Правилам дорожного движения, которые, в такой педантичной стране, как Англия, это будет означать не менее пяти фунтов штраф и лицензия отменены. Но здесь карабинеры, тяжело идущие в группы по два под аркад, пропускали их без комментариев. Справа или слева-какое значение это имело?

- Почему у вас нет выхлопа? - я кричал сквозь ужас. шумный гнев двигателя.

Фабио пожал плечами.

- И пиу Аллегро Кози, - ответил он.

Я больше не говорил. От представителя этой крепкой породы, который любит шум и ценит дискомфорт, нервный англичанин не мог ожидать большой солидарности.

Вскоре нас не было в городе. Таща за собой суетливую беговую дорожку. из белой пыли, и с двигателем, бросающимся в его взрывы, как батарея пулеметы, стреляем по фузинской дороге. С обеих сторон он простирался возделываемая равнина. Дорога была окаймлена рвами, а в оврагах вместо этого из заборов были ряды пней, к которым они переплетались, как паррейские венки, нагруженные виноградом. Белые от пыли, усики, фрукты а листья были похожи на ювелирную работу, вырезанную из матового металла, свисающие, как гирлянды из фруктов и листвы, вокруг гамелы серебро. Мы продолжаем стрелять. Вскоре справа от нас была Брента, дно между берегами своего канала. И теперь мы были в стра. Через ворота обогащенные фантастическими лепными работами, пересекающими теневые туннели вечнозеленые растения, среди которых были быстрые образы сердца парка. И теперь для одного мгновенно статуи на крыше виллы помахали небу и прошли мимо. Продолжать. Справа и слева, на каждом берегу реки, время от времени я делил какой-то очаровательный особняк, веселый и яркий даже в декаданс. Маленькие павильоны в стиле барокко проникали ко мне через стены; и через большие ворота, в конце пыльных переулков кипарисы, немного по шутке, казалось, напыщенные фасады и легкомысленные поднимались вопреки всем правилам. Я был бы рад сделать это путешествуйте медленно, останавливайтесь здесь и там, смотрите, смакуйте спокойно, но Фабио я отказывался ехать со скоростью менее пятидесяти миль в час, и мне приходилось соглашайтесь на сиюминутные и ненадежные проблески. Я подумал, что это были эти виллы когда машина двигалась вперед среди запустения белой пыли, которая Казанова часто приезжал на лето; соблазняя горничных, наслаждаясь-если Маркизские острова терроризировали в калеше во время штормов, обманывая старые сенаторы Венеции с их предсказаниями будущего и их черной магией. Великолепный и несчастный негодяй! Несмотря на мое заявленное пренебрежение, я завидовал ему. И на самом деле, что это было за знаменитое забвение, если не выражение маскируясь под зависть, что успехи и дерзость Казановы обязательно пробудились ли они во всех застенчивых и скудных умах?

Если я жил в великолепной изоляции, то это было потому, что мне не хватало смелости, чтобы воевать - даже заключать союзы, которые заключили бы меня в тюрьму. Я был поглощен в этих приятных самоосуждающихся мыслях, когда машина замедлилась. марш и остановился перед огромными внушительными воротами. Фабио сделал звук рог с нетерпением; был шум легких шагов, звук замков потянулись, и ворота открылись. В конце короткой аллеи, очень широкой и суровый, очень целомудренный и строгий, был дом. Она была значительно старше чем большинство других вилл, которые открывались по пути. Не было легкомыслие на его фасаде, никакого неравномерного величия. Большой кирпичный блок, отделанный лепниной; центральный портик высоко над некоторыми ступеньки, увенчанные огромным фронтоном; ряд жестких статуй на

балюстрада над карнизом. Она была правильной, даже холодной, палладианской.HQ] Фабио остановил машину перед портиком. Прыгать. Высоко на ступеньках стояла-если молодая девушка с рыжеволосым ребенком на руках. Эра а графиня с сыном и наследником.

Графиня произвела на меня приятное впечатление. Она была худой и высокой. на пять сантиметров выше мужа; с темными волосами, втянутыми в сзади и завязаны узлом на затылке; глаза темные, расплывчатые, яркие и меланхолики, как у послушного маленького животного; коричневая и прозрачная кожа как затемненный Янтарь. Его манеры были нежными и не очень решительными. Она я редко жестикулировал; Я никогда не слышал, чтобы она повышала голос. На самом деле он много говорил немного. Старый граф сказал мне, что его невестка религиозна, и по ее внешности я мог спокойно в это поверить. Смотрел на людей своим взглядом. спокойный и далекий от того, чья жизнь происходит в основном за глазами.

Фабио поцеловал жену, а затем, опустив лицо на ребенка, сделал страшная гримаса и рев, как лев. Все это было сделано с любовью; но бедное существо съежилось в ужасе. Фабио засмеялся и ущипнул его за ухо.

- Не связывайся с ним, - мягко сказала графиня. -Ты это сделаешь. плакать.

Фабио повернулся ко мне.

- Это то, что позволяет мальчику заботиться о женщинах. Он плачь обо всем. Давай войдем, - добавил он. — На данный момент мы используем только два или три помещения на первом этаже и кухня в подвале. Все остальное пусто. Не я знаю, как этим древним людям удавалось поддерживать свои дворцы. Я не могу. — Пожал плечами. Через дверь справа от портика мы входим в дом. — Это наша гостиная и столовая.

Это была большая и красивая комната благородных пропорций-двойной куб, угадал-с резными мраморными дверными проемами и великолепным камином в окружении пары нимф, на чьих сгорбленных плечах лежала одна резная полка с гербовыми щитами и гирляндами из листвы. Вокруг стены побежал Фриз окрашены в седой; в изящном замешательстве рога изобилия и паноплии, богини роскошно откидывались, херувимы они извивались и летали. Мебель была странно смешанной. Вокруг стол шестнадцатого века, который был произведением палладианской архитектуры деревянные, были расставлены восемь стульев в стиле венского Сецессиона 1905. Висели большие часы с кукушкой в форме коттеджа из Берна на стене между двумя шкафами из орехового дерева, с пилястрами и фронтонами для они выглядят как маленькие храмы, и с героическими статуэтками из желтого самшита размещены в нишах между пилястрами. И картины на стенах, кретоны с что кресла были выложены! Однако с большой осмотрительностью я восхищался всем, новое и старое.

- А теперь фрески, - сказал граф.

Я последовал за ним через одну из дверей, обрамленных мрамором, и нашел-я сразу в большом центральном вестибюле виллы. Граф обратился к меня.

- Готово! - воскликнул он, триумфально улыбаясь в воздухе того, кто действительно удалось вытащить кролика из пустого цилиндра. И действительно, зрелище было достаточно поразительный ум.

Стены огромной комнаты были полностью покрыты фрески, для которых не требовалось много критических знаний признаны подлинными веронцами. Авторство было очевидным, ощутимым.

Кто больше могло бы нарисовать эти гармонично волнистые группы фигур в его великолепная архитектурная рама? Кто, кроме Веронезе, мог бы вступить в союз с таким великолепие до такой прохлады, столько экстравагантного богатства до такой мягкости изысканно?

- Это здорово! - сказал графу.

И это было действительно так. Великий; другого слова не было. Богатая Триумфальная галерея он бегал по комнате, по четыре или пять арок появлялись на каждой стене. Через арки смотрели на сад; и там, на фоне кипарисы и статуи и Голубые горы вдалеке, группы дам и джентльменов венецианцы спокойно развлекались. Под одной из арок они создавали музыку; через с другой стороны, они сидели за столом, выпивая за здоровье друг друга с бокалами красного вина, в то время как маленький черный лакей в зеленой ливрее и желтый нес серебряный кувшин. На следующей панели они наблюдали драку между обезьяной и кошкой. На противоположной стене поэт читал свои стихи одному группа, а рядом с ним и сам Веронезе-автопортрет был узнаваем — она положила себя рядом со своим мольбертом, рисуя портрет блондинки из bastas carnes в розовом атласе. У ног художника лежала его собака; два попугая и один обезьяна сидели на мраморной балюстраде на среднем расстоянии. Я с восторгом размышлял.

- Какая замечательная вещь у вас есть! - воскликнул я, подавленный энтузиазм. - Я ему завидую.

Граф поморщился и засмеялся.

- Мы увидим Тьеполо? — спросить.

Мы прошли через несколько веселых комнат, нарисованных Карпиони — сатиры преследуют нимф через романтический лес и на окраинах морской пейзаж, очень эксцентричное похищение русалок кентаврами —, и, пройдя через дверь, мы попадаем в эту яркую вселенную одновременно. нежный и жестоко экстравагантный, дикий и тонко организованный, который Тьеполо в последние дни итальянской живописи создал так мастерски и волшебно. Это была история Эроса и Психеи, и сюжет проходил через три просторных помещения, распространяясь даже на потолки, где в бледном небе, испачканном белые и золотые облака, соответствующие божества уравновешивали друг друга.,

погружаясь или поднимаясь по небосводу с этим воздухом совершенно непринужденно в своей стихии, которая, кажется, принадлежит, в природе, только рыбам и, возможно, некоторым крылатым насекомым и птицам.

Фабио хвастался мне, что перед картиной он может пройти дальше время созерцания, чем любой иностранец. Но я остался так долго, смертельно долго любуясь этими потрясающими фантазиями, которые, наконец, он потерял самообладание.

- Я хотел показать вам ферму до обеда — - сказал он, консультируясь с часы. - Времени мало.

Я последовал за ним неохотно. Мы восхищаемся коровами, лошадьми, призовым быком, Перу. Мы смотрим на высокие тонкие стога сена в форме сигар гигантские, поставленные на ноги. Мы рассматриваем мешки с пшеницей в сарае. В отсутствие лучшего комментария, я сказал графу, что они напомнили мне сумки пшеницы в английских амбарах; он выглядел изумленным.

Здания фермы располагались вокруг огромного двора. Иметь исследовали три стороны этой площади; затем мы добрались до комнаты, которая была занята по длинному низкому зданию, пронизанному арочными проходами, и я остался удивлен, увидев его совершенно пустым.

- Что это?- я спросил, когда мы вошли.

- Ничего, - ответил граф. - Но однажды это может стать… чи сал - Стояла на мгновение неподвижно в тишине, задумчиво хмурясь, с выражением Наполеона на острове Святой Елены: мечтая о будущем, оплакивая прошлые возможности навсегда утрачены. Его веснушчатое лицо, как правило, яркий маяк, он стал неоправданно мрачным. Тогда внезапно взорвался: проклиная жизнь, ругаясь на судьбу, прося Бога уйти и сделать что - то вместо тратить энергию там. Я слушал, время от времени издавая смутный шум симпатия. Что смог я сделать? А потом, к моему ужасу, я обнаружил, что я мог что-то сделать, что я должен был что-то сделать. Он он намекнул, что я помогу ему продать его фрески. Как художник, это было очевидно, я надо было знакомиться с богатыми покровителями, с музеями, с миллионерами. Я я видел фрески; я мог честно рекомендовать их. И теперь был этот усовершенствованный процесс переноса фресок

на холст. Стены могли легко слезаться, ткани свернуты спиралью и снесены к Венеции. И оттуда будет самая легкая вещь в мире, чтобы спрятать их на борту корабля и уйти с ними. Что касается цен: если бы он мог получить миллион пятьсот тысяч лир, столько лучше; но он принял бы миллион, даже три четверти. И дал бы мне комиссия десять процентов…

А потом, когда я продам свои фрески, что бы я сделал? Для начала он триумфально улыбнулся мне, превратил бы это пустое здание, в котором мы были на moderna Cheese Factory. Смогл начать дело очень

хорошо с полумиллионом, а затем, используя дешевую женскую рабочую силу поле, я мог быть почти уверен, что сразу же получу большую прибыль. Надвое годы, по его подсчетам, он будет зарабатывать восемьдесят или сто тысяч лир в год на своих сыр. А потом, о, тогда он был бы независимым, мог бы путешествовать, видеть мир. Поедет в Бразилию и Аргентину. Предприимчивый человек с капиталом всегда я мог бы там ужиться. Он поедет в Нью-Йорк, Лондон, Берлин, Париж. Не было того, что он не мог этого сделать.

Между тем фрески все еще были на стенах-без сомнения, красивые (ибо, вспоминал граф, он любил искусство), но бесполезно; огромный капитал замороженный в гипсе, совершенно бесполезный. В то время как с вашей фабрикой сыр…

Мы медленно возвращаемся к дому.

Я снова был в Венеции в сентябре следующего года, 1913 года. Быть той осенью, как я себе представлял, больше немецких пар в медовый месяц, больше групп из тех маленьких птиц скал и mochilalü-l, чем когда-либо в городе. В в любом случае, это было слишком много для меня; я собрал свой чемодан и сел на поезд в Падую.

Сначала я не собирался снова видеть молодого Тирабасси. Не знал, в правда, насколько он был бы рад меня видеть. Для фресок, поэтому знаете, они все еще были на стенах, сыроварня еще далеко в будущем, в воображении. Я писал ему не раз, говоря, что я делаю возможно, но на данный момент и т. д. коммуникации. Не то чтобы я когда-либо давал слишком много надежда. С самого начала я ясно дал понять, что мои знакомые среди

миллионеров их было мало, среди которых не было директоров американских музеев мои отношения, которые не имели ни малейшей связи с любыми торговцами интернационалы искусства. Но вера графа в меня все равно осталась, твердый. Я полагаю, что именно мексиканец внушал ей такую уверенность. Но теперь, после моих писем, после всего этого промежутка времени и ничего сделано, он мог подумать, что я подвел его, каким-то образом обманул его. Быть поэтому я его не искал. Но случайность перевесила мое решение. Узел третий день моего пребывания в Падуе я столкнулся с ним на улице. Вернее, он натолкнулся на меня.

Было почти шесть часов, и я прогулялся до площади Пьяцца деи Санто. Тот время, когда косой свет полон цветов, а тени длинные и глубокие, большая церковь с ее куполами, торрами и колокольнями приобретает вид более чем когда-либо фантастический и Восточный. Я окружил церковь, и теперь я был стоя у подножия статуи Донателло, глаза подняты на сурового человека бронза и животное с массивными ногами, когда я внезапно осознал, что кто-то стоял очень близко, позади меня. Я сделал шаг в сторону и я повернулся. Это Был Фабио. Используя свое знаменитое выражение туристического священнослужителя, он он смотрел на статую с открытым ртом, как рыба. Я начал смеяться.

- Я был таким?— спросить.

— Точно. - Он тоже засмеялся. - Я наблюдал за тобой последние десять минут, блуждая по церкви. Вы, англичане, действительно… — Стряхнуть голова.

Вместе мы поднялись на Виа дей Санто, разговаривая.

- Мне жаль, что я ничего не сделал с фресками — говорить. - Но на самом деле… - Я пришел к объяснениям.

- Может быть, в любой день. - Фабио все еще был оптимистичен.

- Как поживает графиня?

- О, у нее все хорошо, — сказал Фабио. - Несмотря ни на что. Знает, что она был ли у вас еще один ребенок через три или четыре месяца после того, как вы посетили нас?

- Нет!

- А теперь ждет другого. - Фабио говорил с некоторой грустью, я нашел. Я больше, чем когда-либо, восхищался остроумием старого графа. Но мне было жаль,, из-за своего сына, что у него не было более широкого поля для осуществлять свои таланты.

- А твой отец? — спросить. - Мы найдем его сидящим в Педрочи, как всегда?

Фабио засмеялся.

- Нет, - ответил осмысленно. - Он сбежал.

- Сбежал?

- Ушел, пропал,пропал.

- Но куда это делось?

- Кто знает? - Фес Фабио. - Мой отец как ласточки; он приходит и уходит. Ежегодно… Но миграция не является регулярной. Иногда он уходит в весна; иногда осенью, иногда летом. Прекрасное утро слуга входит в его комнату, чтобы разбудить его, как обычно, а его нет. Исчезнуть. Он может быть даже мертв. О, но это не так. - Фабио засмеялся. - Два или три месяца больше поздно он появляется, как будто он возвращается с прогулки по Ботаническому саду. “Спокойной ночи.”- Фабио подражал голосу и манере старого графа, нюхая воздух, как лошадь, скручивающая кончики воображаемых белых усов. - “Как дела твоя мама? Как девочки? Каким был виноград в этом году?“Сниф, сниф, сниф. “Как поживает щука? И кто, черт возьми, оставил весь этот мусор в моем офисе?’ — Фабио взорвался в возмущенном крике, который заставил прохожих на Виа Рома они с удивлением возвращались к нам.

- И куда он идет? - я хотел знать.

- Никто не знает. Моя мама спрашивала, когда-то. Но скоро отказаться. Это было бесполезно. “Где ты был, Асканий?“Мое лицо, я думаю, урожай оливок в этом году будет небольшим.“Сниф, сниф. И когда она он давил, он приходил в ярость и хлопал дверями… Что вы говорите о аперитив?

Двери Педрочи приглашали нас. Заходим, выбираем стол отступаем и садимся.

— Но что, по вашему мнению, делает старый джентльмен, когда он путешествует?

- Ах! - И сделать очень значимый жест, которым я так восхищался у отца молодой граф поднес палец к носу и медленно и торжественно, подмигнул левый глаз.

- То есть…?

Фабио кивнул.

- Здесь, в Падуе, есть небольшой вид. - С вытянутым пальцем молодой человек Конде описал в воздухе волнистую линию. - Красивая и пухлая. Черные глаза. Я заметил, что в целом ее нет в городе как раз в то время, когда старик делает свою миграцию. Но это, конечно, может быть простым совпадением. — Официант я принес наш вермут. Задумчиво, молодой граф выпил. Радость исчезла. его открытое и сияющее лицо. — А между тем, - продолжал медленно и голосом измененный - я остаюсь здесь, заботясь о собственности, чтобы старик мог бежать МИР со своей голубкой - ее коломбелла. (Это выражение тронуло меня его особая точность и острота.)- О, это смешно, без сомнения, - продолжил он молодой граф. - Но это неправильно. Если бы я не был женат, я бы ушел, чтобы попытаться удача в любом другом месте. Я позволю ему взять все на себя. Но с женой и двумя детьми, почти тремя, как я могу рискнуть? Любой путь, есть много еды, пока я остаюсь здесь. Моя единственная надежда — добавил после паузы-это фрески.

Я подумал, что это намекало на то, что его единственная надежда-это я; мне было его жалко.

Весной 1914 года я рекомендовал виллу двум богатым американцам. Ни один из них не предложил купить фрески; он бы остался удивлен, если бы они это сделали. Но Фабио был очень взволнован визитом. “Я чувствую, что теперь есть начало”, - написал он в письме. “Эти север-американцы вернутся в свою страну и расскажут своим друзьям. Скоро будет шествие миллионеров, чтобы увидеть фрески. Между тем жизнь продолжается равный. Или даже хуже. Наша маленькая девочка, которую мы назвали Эмилией, родилась в этом месяце прошедший. У моей жены были очень плохие роды, и она все еще

далека от хорошего, что очень проблематично."(Это показалось мне любопытным прилагательным в этих условия.) Однако, исходя из Фабия, я понял его; он был одним из таких чрезмерно здоровые люди, для которых загадочна любая болезнь, необъяснимый и, прежде всего, необычайно утомительный и раздражающий. "Позавчера мой отец снова исчез. У меня еще не было времени выяснить, Коломбелла тоже пропала. Моему брату Люциусу удалось достать его мотоцикл, который больше, чем я когда-либо получал. Но я тоже никогда не был чтобы дипломатично окружить что-то, как он… Недавно я очень внимательно изучал этот бизнес на сыроварне, а не я уверен, что было бы не более выгодно создавать

шелковое плетение. Когда вы вернетесь, я расскажу вам подробности."

Но прошло много времени, прежде чем я снова увидел Падую и графа… Война положила конец моим ежегодным визитам в Италию, и по разным причинам даже после того, как она закончила, я не мог снова ехать на юг так быстро, как мне хотелось бы. Только осенью 1921 года я снова сел на Венецианский экспресс.

Я оказался в очень незнакомой Италии-Италии, полной насилие и кровопролитие. Фашисты и коммунисты все еще воевали активно. Ревущий впереди своих пыльных бурь, и заряженный поющие мальчики, грузовики стреляли по стране в поисках приключения и скрывающийся большевизм. Люди с уважением останавливались когда они проходили мимо; и сквозь пыль, которая плыла, сквозь шум двигатель, пух песни был взорван: "Giovinezza, giovinezza, primavera di Беллецца… "(Молодость, молодость, весна красоты). Где, если не в Италии, вы бы положили эти слова в политическую песню? И прокламации, манифесты, доносы, призывы! Все сайдинг и стены были покрыты слов. Между вокзалом и Pedrochi я прошел через целую библиотеку таких вещь. "Граждане!"они начинали. "Героический ветерок заставляет его возродиться сегодня почти удушающая душа нашей несчастной Италии, охваченная газами ядовитые большевизма и ползают в позорном унижении к ногам других нация."И обычно заканчивались ссылками на Данте. Я прочитал их все с бесконечное удовольствие.

Я наконец добрался до Педрочи. На террасе, сидя в том же углу,

где я он знал его много лет назад, был старый граф. Он смотрел на меня без выражения. когда я поприветствовал его, не узнав себя. Я начал объяснять, кто я такой; через мгновение он прервал меня, почти нетерпеливо, протестуя, что вспомнил тогда, отлично. Я очень сомневался, что он действительно помнил, но он был слишком горд, чтобы признаться, что если забыть. Тем временем он пригласил меня сесть за свой стол.

На первый взгляд, издалека я подумал, что старый граф не состарился с тех пор, как вы его видели. Но я ошибался. С улицы я видел только отделку. обманщик его шляпы, великолепие его белых усов и его груши, колени раздвинуты, благородная выпуклость его брюшка. Но теперь, когда я мог видеть,- Ло внимательно и спокойно я увидел, что он на самом деле совсем другой человек. Под шляпой сбоку лицо было болезненно пурпурным; плоть висела на сумка. На белках глаз, обесцвеченных, как будто они размыты возраст, разорванные жилки появлялись красными. И, непрозрачные, они, казалось, смотрели не интересовало то, что они видели. Плечи были согнуты, как будто под тяжестью, и когда она поднесла чашку к губам, ее рука дрожала так сильно, что капля кофе упала на столе. Теперь он был стариком, старым и усталым.

- Как там Фабио? — спросить. - С 1916 года о нем ничего не слышно.

- Ах, Фабий в порядке, - ответил старый граф. - Фабио очень

хорошо. Теперь у вас шестеро детей, понимаете? - А старый джентльмен кивнул и улыбнулся меня без намека на злобу. Казалось, он забыл причины, по которым ему потребовалось столько усилий, чтобы выбрать хорошую католичку в качестве невестки. — Шесть — повторять. - Знаете, он отлично справился на войне. Мы, Тирабасси, всегда были воин. - Полный гордости, он рассказал мне о подвигах и страданиях Фабио. Дважды ранен, специальное продвижение на поле боя, великолепные украшения. Теперь он был майором.

- А военная служба все еще арестовывает его в Падуе?

Старик кивнул, и вдруг на его лице появилось что-то вроде старого улыбка.

- Моя маленькая комбинация, - сказал он с хихиканьем.

- А имущество?— спросить.

Ах, это было очень хорошо, в данных обстоятельствах. Я остался немного неуправляемый во время войны, когда Фабио был на фронте. А потом, после, было много проблем с крестьянами; но Фабий и его фашисты были все исправить.

- С Фабио здесь у меня нет забот, — сказал старый джентльмен. Е затем он снова рассказал мне о подвигах Фабия на войне.

На следующий день я сел на поезд до стра, и через приятный час пройдя на вилле и в парке, я не спеша шел в сторону Доло. Привести очень долго, чтобы прибыть, потому что в этом случае я мог остановиться и созерцать время, когда вы хотели очаровательные вещи на пути. Казанова мне показалась теперь гораздо менее завидно, я понял, заглядывая внутрь себя, из когда я в последний раз проходил мимо. Я был на девять лет старше.

Ворота были открыты; я вошел. Там был дом, тяжелый и тяжелый, как всегда, но более небрежно, чем когда видел ее раньше. Окно они нуждались в покраске, и кое-где штукатурка отслаивалась. Я подошел. В внутри дома доносился радостный шум детских криков и смеха. Семья, я представлял, я играл в прятки, или в поезд, или, может быть, в какую-то игру ток фашистов и коммунистов. Когда я поднимался по ступенькам крыльца, я мог услышь звук маленьких ног, бегущих по полу Лайоты; в пустых покоях шаги и крики звучали странно. А потом вдруг из гостиной в справа раздался звук голоса Фабия, кричащего от ярости:

- О, ради бога, заставь этих детей заткнуться. - А потом, жалуясь с раздражительностью: - как ты хочешь, чтобы я все делал математику это?

Тут же наступила глубокая тишина и, так сказать, мало естественный; затем звук маленьких ножек, отдаляющихся в тишине, некоторые шепот, нервный хихиканье. Я позвонил в звонок.

Это графиня открыла дверь. Колебался на мгновение, спрашивая-если бы кто был я; потом вспомнил, улыбнулся, протянул руку. Она похудела,

я заметил, и с возрастом лица глаза стали больше. Потеть выражение лица было добрым и безмятежным, как всегда;

казалось, она смотрела на меня издалека.

- Фабио будет рад тебя видеть — - сказала она и провела меня через дверь справа от портик прямо в комнату. Фабио сидел за палладианским столом перед стопка бумаг, кусающая кончик карандаша.

Даже в своей серо-зеленой форме молодой граф выглядел удивительно ярко, как солдат на сцене. Лицо все еще было веснушчатый, как у мальчика, но кожа была довольно морщинистой; он он выглядел намного старше, чем когда видел его в последний раз; старше, чем это действительно было. Открытой радости, освещенного сияния уже не было. В вашем лицо с тонкими чертами лица он щеголял неуместным выражением меланхолии хроника. Он загорелся на мгновение, это правда, когда я появился; я думаю, что я был искренне рад меня видеть.

- Каспита ! - повторял снова и снова. - Каспитал-это было его любимое выражение от удивления-странное слово, вышедшее из моды. - Кто бы мог подумать? После стольких лет!

- И всю вечность войны тоже, - сказал я.

Но когда первое кипение удивления и радости утихло, воздух меланхолик вернулся.

— Я впал в депрессию, увидев тебя снова, — признался он. - Все еще путешествую вокруг; свободно идти куда угодно. Если бы я знал, на что похожа жизнь здесь…

- Ну, в любом случае война закончилась, и вы, ребята, сбежали из настоящая революция, - сказал я, чувствуя, что должен, из-за графини, сделать какой-то протест. - Это уже что-то.

- Ах, ты такой же плохой, как Лора, - нетерпеливо сказал граф. Он посмотрел на свою жену, как будто ожидал, что она что-то скажет. Но графиня он продолжал шить, даже не поднимая глаз. Граф поймал меня за рукоятка. - Подойди, - заговорил он, и тон его был почти от злости. - Давай прогуляемся. снаружи. - Религиозная отставка жены, ее терпение, ее безмятежность они раздражали, я воспринимал, как выговор; молчаливый, на самом деле, и без намерение, но все же не менее раздражает.

Вдоль дорожек, наполненных травой, когда-то, в древние дни великолепие, вне сада, мы медленно шли к ферме. На обочине

дороги росло несколько потрепанных деревьев; когда-то были ухоженные заборы. На мраморной раковине сохнет Тритон он дул своей трубой без воды. В конце Аламеда две пары-Плутон и Прозерпина, поддержка и Дафна-в отчаянии корчатся против неба.

- Вчера видел твоего отца, - прокомментировал я. - Он выглядит старше.

— Иначе быть не могло, - яростно сказал Фабио. - Ему шестьдесят и

девять лет.

Я чувствовал себя неловко, что дело стало слишком серьезным для легкий разговор. Я хотел спросить о Коломбелле; учитывая обстоятельства, я решил что было бы мудрее не говорить о ней. Я подавил свое любопытство. Ходить теперь в загоне под хозяйственными постройками.

- Коровы выглядят очень здоровыми, - вежливо прокомментировал я, глядя через открытую дверь. В сумерках интерьера, шесть серых задниц, грязные от сухая какашка, они стояли в ряд; шесть длинных кожаных хвостов они нетерпеливо качались из стороны в сторону. Фабио не сделал ничего комментарий; просто ворчал.

— В любом случае — - продолжал он медленно, после очередного молчания - он не может жить долго. Я продам свою долю и уйду в Южная Америка, несмотря на семью. - Это была угроза против его собственного судьба, угроза, которую он должен был знать напрасно. Он ошибался, чтобы сохранить мужество.

- Но молись! - воскликнул я, пытаясь найти лучшую возможность изменить вопрос. - Я вижу, что вы все-таки открыли здесь фабрику. — Ходить медленно до противоположного конца площади. Через окна длинного здания и низко, что во время моего последнего визита я был безлюден, я видел сложные формы машины, серия из них в двойной ряд по всей длине здание. - Ткацкие станки? Так ты отказался от сыра? А фрески? -Я повернулся. вопросительно к графу. У меня был ужасный страх, что, когда мы возвращаемся в дом, находим большой вестибюль,

очищенный от его Веронезе и гладкая стена, где когда-то была история Эроса и Психеи.

- Ах, фрески все еще там, что от них осталось. - И несмотря на лицо грустный Фабио, я был доволен новостями. - Я убедил отца продать часть их собственности в Падуе, и мы начали этот ткацкий бизнес здесь два года назад. Как раз вовремя, — добавил Фабио — - к революции коммунистический.

Бедный Фабио, ему не повезло. Крестьяне взяли свою фабрику и пытался завладеть своей землей. Три недели он жил на осажденной вилле, защищая место, с двадцатью фашистами, чтобы помочь ему, против всех крестьяне области. Опасность миновала; но машины были сломанные, и в любом случае не могло быть и речи о том, чтобы положить их в функционирование; настроения были еще очень приподняты. И что еще хуже для Фабия это был факт его брата Луция, который также устроил небольшой капитал вместе со стариком уехал в Болгарию и вложил деньги в фабрику по производству шнурков в сапоге. Это была единственная фабрика по производству шнурков в стране, и Люциус выигрывал деньги на Ракель. Был свободен, как ветер, и богат, с красивой турецкой девушкой как любовник. Для Фабио было ясно, что турецкая девушка была последней каплей.

- УНА турецкая, УНА турецкая Вера, - повторял он, качая головой. Эта языческая женщина символизировала в ее глазах все экзотическое, нерегулярное, нет

все, что не было семьей; все, что было далеко от Падуи и свойство.

— И это были такие красивые машины, - сказал Фабио, останавливаясь на мгновение чтобы посмотреть в последний из длинного ряда окон. - Продать их, подождать, пока все это пройти или исправить их и попытаться начать все сначала… не знаю. - Пожал плечами с унынием. - Или пусть все пойдет, пока старик не умрет. — Мы свернули за угол площади и начали идти домой. — Иногда, - добавил он, после молчания, - я не могу поверить, что он уйдет умереть когда-нибудь.

Дети играли в большом вестибюле Веронезе. As величественные двойные двери, ведущие в портик, были открыты; через открытие

мы наблюдаем за ними на мгновение, не будучи замеченными. Семья была формируется в боевом порядке. Рыжеволосый мальчик десяти или девяти лет открыл Авангард, затем пришел смуглый мальчик. Затем пришли три маленькие девочки, уменьшающиеся в размерах, как три градуированных жемчуга; и наконец фигурка все еще учится ходить в синем комбинезоне. Все шесть они несли бамбук на плече и пели в неустойчивом унисон под звуки своего рода горн из трех нот: “AlV armi i Fascisti; смерть i Communisti; a basso i Socialistf ‘ - раз за разом. И когда они пели, они шли за рулем, стараясь и неустанно. Огромная комната эхом отозвалась как бассейн. Далекие под его триумфальными арками, в его безмятежном мире фантастическая красота, дамы и шелковистые джентльмены играли свою музыку, они пили его вино; поэт декламировал, художник держал свою кисть перед холстом; обезьяны лазили по римским руинам, попугаи дремали на балюстрада. “AH’armi iFascisti, смерть I Communisti…“Я должен был остаться там в тишина, просто чтобы посмотреть, как долго дети будут продолжать свой марш патриотический. Но Фабио не обладал моим научным любопытством; или, если он имел, она она была истощена задолго до того, как родилась последняя из ее детей. После позволив мне на мгновение выступить, он просто открыл дверь и войти. Дети оглянулись и сразу замолчали. С его плохое настроение и их теория воспитания подразумевают, что они, казалось, боялись своего отца.

- Продолжайте, - сказал он. — Продолжать. - Но они не хотели; очевидно, они не могли в его ужасающем присутствии. Пробрались в далеко незаметно.

Фабио взял меня в комнату.

- Посмотри сюда, - говорил он, - и сюда. - В одной из стен огромного вестибюль было полдюжины пулевых отверстий. На одном из них не было осколка расписные карнизы; одна дама была ужасно ранена в лицо; было два или три отверстия в ландшафте, и хвост обезьяны был отрезан. — Наш друзья, крестьяне, - объяснил Фабий.

В салонах Карпиони все было хорошо; сатиры все еще преследовали его

нимфы, а в комнате кентавров и русалок-мужчины, которые были наполовину лошади все еще скакали так же бурно, как и всегда, в

море, чтобы очаровать женщин, которые были наполовину рыбой. Но история Эроса и Психея ужасно страдала. Изысканная панель, на которой Тьеполо нарисовал Психею держа лампу, чтобы посмотреть на своего таинственного любовника, было немного больше это слабое затхлое пятно. И где когда-то возмущенный молодой бог он улетел, чтобы вернуться к своим олимпийским родственникам (которые, к счастью, все еще, они скользили в целости и сохранности среди облаков потолка) не было ничего, кроме палидиссимуса. призрак восходящего Купидона, в то время как Психея плачет на земле там внизу он был теперь почти невидим.

- Наши друзья, французы, - сказал Фабио. - Здесь их расквартировали. в 1918 году и не удосужились закрыть окна, когда шел дождь.

Бедный Фабио! Все было против него. У меня не было никакого утешения, чтобы предложить. Той осенью я послал ему искусствоведа и еще трех американцев. Но из этих посещений ничего не вышло. Дело в том, что ему было что предложить. Один рамка, это смогло быть продано легко. Но что можно сделать с дом, полный картин, как этот?

Прошли месяцы. Примерно на Пасху следующего года я получил еще один письмо Фабио. Урожай оливок был плохим. Графиня ждала еще один ребенок, и он чувствовал себя не очень хорошо. Двое старших детей были с краснухой, а младшая заразилась тем, что итальянцы называют кашлем Асинина. Он ожидал, что вскоре все они в конечном итоге заразятся обеими заболеваниями. Он также очень сомневался в том, стоит ли его повторно активировать его ткацкие станки; ситуация на рынке шелка была не такой хорошей, как на 1919. Если бы вы начали заниматься сырами, ваш первый проект! Но Лусио он только что угрожал 50 тысячам лир в умозрительной удаче; его жена неверный, однако, сбежал с румыном. Старый граф стареет на глазах; когда Фабио видел его в последний раз, он трижды рассказывал ему одну и ту же шутку в десятиминутный перерыв. С этими двумя хорошими новостями-обе были для него, насколько я могу себе представить, единственные точки света среди тьмы-Фабио закончил письмо. Задумчивый Кедей — по какой причине он бы пошел на работу писать? Возможно, он получил бы какое-то удовольствие, хотя и болезненное, от укупорки такого путь ваши невзгоды.

В августе этого года был запланирован музыкальный фестиваль в Зальцбург. Я никогда не был в Австрии; случай показался мне

подходящим. Я пошел — и мне было весело, как никогда. Зальцбург тогда был чистым движением. Быть церкви в стиле барокко; фонтаны в итальянском стиле; сады и дворцы, которые их тяжелая и экстравагантная немецкая манера имитировала сады и дворцы Рима; и из сокровищ самый изысканный, туннель высотой 12 метров, пересекающий крутой откос-туннель, с которым только князь-епископ века XVII мог мечтать, имея на каждом конце Триумфальную арку с пилястрами,

открытые фронтоны, статуи и гербы, вырезанные из необработанной скалы — произведение-нажмите между туннелями, и это в городе, где все, не будучи по-настоящему ну, это, по крайней мере, восхитительно “весело”, это самое веселое из данные. Ах, Зальцбург, без сомнения, чистое движение.

Однажды днем я сел на фуникулер в замок. Был бар на террасе под крепостные стены, из которых один имел довольно известный вид в Бедекере. Под вами, с одной стороны, был город, простирающийся по ряби долина и прорезана рекой, как небольшая немецкая версия Флоренции. На другой стороне террасы перед вами был пейзаж, который ни в коем случае это повлияло на итальянизм; это было так же мило и романтично по-немецки, как Ария Фрайшютц, Вебер. На горизонте были видны горы, заостренные и голубые. как часть книжки с картинками; и на переднем плане, Бегущий в направление к самому предгорью невероятного обрыва, в котором находится замок и терраса они гнездились, зеленое поле, обширное и плоское-километры и километры плодородные луга, усеянные минимальными коровами, с игрушечными фермами здесь и там или, реже, группа кукольных домиков с башней ярко возвышаясь между ними.

Я сидел со своим светлым пивом перед этим восхитительным пейзажем и немного комично, комфортно думая ни о чем конкретном, когда я услышал позади себя восторженный голос, восклицающий: “Белло! Белло!”. Посмотреть назад с любопытством-потому что мне показалось довольно удивительным слушать итальянский там-и я увидел одну из тех роскошных женщин, которыми на юге так восхищаются. Она была Белла бушует, пухленькая на грани преувеличения и опасно близка к средний возраст; но все же, по-своему, чрезвычайно красивый. На его лице были пропорции айсберга-одна пятая над водой, четыре пятых ниже. Широкий и пышный от глаз вниз, у него почти не было лба; волосы они начинались чуть выше

висков. Глаза были темными, большими и мой вкус, по крайней мере, чрезмерно подходит. Я наблюдал за ней на мгновение и он собирался снова отвести глаза, когда его товарищ, который он смотрел на пейзаж с другой стороны, повернулся. Это был старый граф.

Я был гораздо более смущен, я полагаю, чем он. Я чувствовал, что покраснел., когда наши глаза встретились, как будто я был тем, кто путешествовал по всему миру с Коломбеллой и тем, кто поймал меня с поличным. Я не знал, что делать: улыбаться и говорить с ним, или отвернуться, как будто я его не знаю. признали, или сделать жест головой, а затем незаметно, исчезать. Но старый граф положил конец моим колебаниям, назвав мое имя в тоне изумления подбежал ко мне и схватил за руку. Какое удовольствие видеть старый друг! Прямо там! В этой забытой стране-хотя это было довольно дешево, не так ли? Он собирался познакомить меня со своей очаровательной соотечественницей, итальянская дама, которую он встретил накануне в поезде из Вены.

Меня познакомили с Коломбеллой, и мы сели за мой стол. Заинтересованный

на своем итальянском граф заказал еще два пива. Поговорить. Или, скорее, граф говорил; ибо разговор был монологом. Он рассказал нам анекдоты из Италия пятьдесят лет назад; сделал нас подражателями странных персонажей, которые он знал; даже в какой-то момент он подражал реву осла-не меня я помню, в каком контексте; но рев остается ярким в моей памяти. Обнюхивая воздух между каждым предложением, он дал нам свое мнение о женщинах. А Коломбелла визжала возмущенными протестами и таяла от смеха. Старый граф он закручивал усы, подмигивая ей сквозь морщинистую сеть. Время от времени в когда он поворачивался ко мне и подмигивал мне.

Я с удивлением слушал. Это был человек, который рассказал тот же анекдот три раз за десять минут? Я посмотрел на старого графа. Он был склонен к Коломбелла шепчет ей на ухо что-то, что заставило ее так смеяться, что ей пришлось вытереть глаза. Повернувшись к нему спиной, он перехватил мой взгляд; улыбаясь, дал с плеч, как бы говоря: “эти женщины! Какие придурки, но как вкусно, какие незаменимые существа!”. Это был усталый старик, которого я видел. годом ранее сидеть на террасе

Педрочи? Это выглядело потрясающе.

- Прощай, риведерчи. - Им нужно было спуститься в город снова. Фуникулер ждал.

- Мне было очень приятно его видеть — - сказал старый граф, пожимая мне руку любовно.

- Я тоже — - заявил он. - Особенно за то, что ты так хорошо его видишь.

- Да, теперь у меня все хорошо, — сказал он, надув грудь.

- И молодой, - продолжил я. - Моложе меня! Как вы это сделали?

- Ах! - Старый граф таинственным образом склонил голову в сторону.

Я сказал, что больше из-за шутки, чем из-за серьезности:

- Я думаю, вы искали Штайнаха в Вене для операция омоложения.

В ответ старый граф поднял указательный палец правой руки, посадив его сначала на губы,затем на нос, подмигивая. Тогда, сжав кулак и сильно вытянув большой палец вверх, он сделал сложный жест, который для итальянца, я уверен, был бы полон смысла глубокий и жизненно важный. Для меня, однако, незнакомый с языком приметы, точный смысл был не совсем ясен. Но граф не предложил никаких словесных объяснений. Все еще не говоря ни слова, поднял шляпу; затем, снова положив палец на губы, он повернулся и побежал с невероятная ловкость благодаря наклонному спуску к маленькому вагону фуникулер, на котором уже сидела Коломбелла.

Хьюберт и Минни

Для Хьюберта ЛАПЕЛЛА этот первый роман был чрезвычайно важный. “Важный” - это слово, которое он сам использовал, когда писал о нем в своем дневнике. Это было событие в его жизни, событие на самом деле, для разнообразия. Он чувствовал, что это стало настоящей точкой перемен в своем духовном развитии.

“Вольтер”, - написал он в дневнике-и написал во второй раз в из

писем Минни — “Вольтер сказал, что человек умер дважды: один раз с смерть всего тела и еще одна раньше, со смертью способности любить. И человек рождается дважды, второй-в том случае, когда человек влюбляется. Тогда человек рождается в новый мир — мир от более интенсивных чувств, более высоких ценностей, более острой проницательности.” И так далее.

На самом деле Хьюберт нашел этот новый мир немного разочаровывающим. Эй более сильные чувства оказались довольно спокойными; ни в коем случае они достигли литературных стандартов.

Я говорю вам, что я сумасшедший.

В любви к Крессиде. Вы отвечаете: она прекрасна.

Вы выливаетесь в открытую язву моего сердца

Его глаза, его волосы, его лицо, его походка, его голос…

Нет, это было не совсем так. В своем дневнике, в своих письмах Минни, он рисовал, правда, серию ярких и романтичных Пайсародов из Нового Света. Но это были воображаемые пейзажи, объединенные в манере Сальватор розовый-более насыщенный, более дикий, более живописно светлый-темный что реальный мир. Хьюберт с жадностью цеплялся за малейшее влечение несчастье, физическое желание, духовное стремление развивать его в своих письма и дневники в чем-то по существу романтическом. Были случаи, обычно очень поздно ночью, когда я мог убедить себя, что это действительно самый дикий, самый несчастный, самый страстный из влюбленных. Но в течение дня он он занимался своими делами, лелея что-то вроде жалобы на любовь. О бизнес был мошенничеством; да, он решил, в некотором смысле, истинное мошенничество. Тем не менее, я предполагал, что это важно.

Однако для Минни в любви не было ничего мошеннического. Почти с тех пор

сначала она обожала его. Общий друг привел его к определенной

из ваших вечеров в среду. “Это мистер Лапелл, но он слишком молод, чтобы не быть названным Хьюбертом.“Таким образом, он был представлен. И, смеясь, она взяла и сразу же назвал его Хьюбертом. Он также смеялся, несколько нервный. “Меня зовут Минни”, - сказала она. Но он был слишком застенчив, чтобы называть ее чем-нибудь в ту ночь. Ее каштановые волосы были густыми и бунты, как у маленького мальчика, и у него были застенчивые серые глаза, которые они никогда не смотрели на человека более одного раза, и они уходили почти сразу, как будто они боятся. Он смотрел на тебя быстро, с тревогой-и тогда он отвернулся; и его музыкальный голос, с его акцентами внезапные, его быстрые модуляции от высокого до низкого, казалось, всегда обращались к призрак, плавающий низко, рядом с человеком, с которым он разговаривал. Выше от бровей был красиво куполообразный лоб, с морщинкой отражающий поднимаясь между глазами. В покое ее полный рот сделал слегка надутый, как бы выражающий какое-то хроническое недовольство люди. И, естественно, подумала Минни, мир не был достаточно красивым за его идеализм.

— Но в конце концов, — сказал он, - у человека есть мир идей, в котором можно жить. Это, в любом случае, просто, ясно и красиво. Всегда можно жить далеко от жестокий беспорядок.

И из глубины кресла, где, хрупкий, усталый, и в этой среде “артистичный” почти бессвязно элегантный, она сидела, Хелен Гламбер он издал свой искренний хихиканье.

- Наоборот, я думаю, - сказала она. (Минни помнила каждый инцидент той первой ночи.)- Для меня человек должен трястись и встретить тысячи людей и есть и пить много и заниматься любовью непрерывно и кричать, и смеяться, и бить других по головам. - И отдав в ответ на эти раблезианские чувства Миссис Гламбер откинулась с вздох усталости, закрыв глаза худой белой рукой, потому что у меня была головная боль от трещин, и свет причинял ей боль.

- Правда? - Минни возразила, смеясь. Я была бы очень шокирована, если бы кто-нибудь еще сказал бы это, но Хелен Глэмбер позволила бы себе сказать что угодно.

Юбер подтвердил свой квиетизм. Элегантный, измученный, бесконечно хрупкий, миссис Глэмбер откинулась на спинку кресла и слушала. Или, может быть, под рукой, которая пряталась, она пыталась уснуть.

Она обожала его с первого взгляда. Теперь, когда я оглядывался назад, я мог видеть, что на первый взгляд. Она поклонялась ему, как тот, кто хотел защитить его, как мать. - потому что ему было всего двадцать лет, и он был очень молод, несмотря на морщины между брови, от трудных слов и вновь обретенных знаний окончание; всего двадцать, а ей было почти двадцать девять. Также если

он влюбился, скажем так, в его красоту. Ах, полностью.

Хьюберт, осознав это позже, был удивлен и очень польщен. С ним никогда раньше не случалось ничего подобного. Я хотел бы, чтобы меня обожали, и так как Минни она так сильно влюбилась в него, что казалось ей самой естественной вещью. мир, который был влюблен в Минни. Правда, если бы у нее не было начав поклоняться Ему, Юберу никогда не пришло в голову влюбиться в нее. И в ее первое свидание показалось ей, конечно, очень хорошей, но нет особенно интересно. После этого явное выражение ее поклонения сделало он нашел ее более интересной, и, в конце концов, он сам влюбился. Но может быть, не удивительно, что он нашел процесс немного разочаровывает.

Тем не менее, он размышлял о тех тайных случаях, когда ему приходилось признаться себе, что что-то не так с его страстью, что любовь без владения, конечно, он никогда не мог бы, согласно естественному порядку жизни, быть настоящая и правдивая вещь. В своем дневнике он с большим успехом записал эти суды Джона Донна:

Таким образом, души влюбленных должны Спуститься к привязанностям и способностям Что чувства достигают и воспринимают. Или заключенный в тюрьму принц j az.

К телам, наконец, вернемся. Развенчание любви ко всем;

Тайны любви душа их чувствует, Но тело-это страница, которую мы читаем.Пойти^]

На следующей встрече он прочитал их Минни. Разговор, который он следовал, сделанный из философии и личной уверенности, он был усовершенствован. Разговор, Хьюберт он чувствовал, действительно достиг литературного стандарта.

На следующее утро Минни позвонила своей подруге Хелен Гламбер и спросил, Могу ли я прийти на чай в тот день. Было много вещей, чтобы поговорить с ней. Асра. Гламбер вздохнул, положив трубку.

- Минни приходит за чаем,-заговорила она, поворачиваясь к открытой двери.

Через коридор раздался голос мужа.

- Боже Мой! - Это было сказано тоном далекого ужаса, отставки отвлеченный; потому что Джон Гламбер был погружен в работу, и у него осталось много мало его, так сказать, над поверхностью, чтобы реагировать на плохие новости.

Хелен Гламбер снова вздохнула и, откинувшись назад с большим комфортом в

подушки, протянул руку к книге. Знал этот далекий голос и то, что она означать. Это означало, что он не ответит, если она продолжит разговор; я бы просто сказал “ГМ”или “да”. И если после этого она упорствовала, это означало, что он я бы сказал жалобным и трогательным тоном: “Дорогая, ты должен оставить меня работать”. И в тот момент она бы хотела немного поболтать. Вместо этого после этого он продолжил чтение в том месте, где остановил его, чтобы встретиться с телефонный звонок от Минни.

“К этому времени пламя охватило gynaeceum. Девятнадцать раз Патриарх Александрийский отважился войти в здание в огне, откуда удалось спасти прекрасных обитателей, кроме двух-всего двадцать семь, и сделал их всех немедленно перевезли в их жилые помещения. частности…”

Это была одна из тех поучительных книг, которые Джон любил читать. История, тайна, урок и закон. Но на данный момент ей не очень хотелось читать История. Мне хотелось поговорить. И об этом не могло быть и речи; абсолютно вне.

Он бросил книгу и начал подпиливать ногти и думать о бедной

Минни. Да, бедная Минни. Почему ты не мог не сказать: “Боже мой!”, жалость в глубине души, когда было объявлено, что она придет за чаем? А почему бы и нет у вас хватило смелости отказать ей в чаепитии? Она была жалкой, но жалко в скучной манере. Есть люди, с которыми приятно быть щедрые люди, которым хочется помочь и с которыми хочется дружить. Люди, которые они смотрят на нас с больными обезьяньими глазами. Наше сердце разбивается, когда мы их видим. Но у бедной Минни не было ни одного Чара обезьяны больная. Она была всего лишь здоровой молодой женщиной двадцати девяти лет, она должна была быть замужем и иметь детей, но не была. Она бы дала жену очень хорошая, замечательно заботливая и заботливая мать. Но оказалось, что никто из мужчин, которых она знала, не хотел жениться на ней. И почему они должны? Когда она входила в комнату, казалось, что свет заметно тускнеет, а напряжение электрика ослабла. Она не несла с собой никакой жизни; она впитывала то, что было, было как промокательная бумага. Неудивительно, что никто не хотел жениться на она. Хотя это было самое главное. Особенно потому, что она всегда была увлечь. Суть дела.

- Джон! - он внезапно вызвал Миссис Глэмбер. - Это правда. хорьки?

- Хорьки? - повторил голос через зал с раздражением далекий. - Что правда о хорьках?

- Что самки умирают, если не скрещиваются.

- Откуда мне знать?

- Ты вообще все знаешь.

- Но, дорогая, правда… - Голос был жалобным, полным

упреки.

Миссис Глэмбер закрыла рот рукой и вытащила его только для того, чтобы послать поцелуй.

- Хорошо — - быстро сказал он. — Прекрасно. Действительно. Извинять. Я не буду сделать это снова. Действительно. - Послал еще один поцелуй к двери.

- Но хорьки… - повторил голос.

- Псу, псу.

- Почему хорьки?

- Дорогой, ты должен продолжать свою работу, - сказал он почти с резкостью миссис Глэмбер.

Минни пришла выпить чаю. Она изложила дело-сначала гипотетически, как если бы это было в случае с третьим лицом; затем, набравшись смелости, она это выражалось в личных терминах. Это был его собственный случай. Из глубины его тихая и языческая невинность, Хелен Гламбер советовала ей без полуслова.

- Если вы хотите лечь с парнем в постель, ложитесь с ним в постель — сказать. - Сама вещь не имеет значения. По крайней мере, не очень. Это просто важно, потому что это делает возможной более секретную уверенность, потому что это укрепляет любовь делает человека более зависимым, в некотором смысле. Кроме того, это конечно, это естественно. Я полностью поддерживаю природу, если только займись покраской лица. Говорят, хорьки…

Но Минни поняла, что она не закончила предложение. В ужасе и очарованная, потрясенная и все же убежденная, она слушала.

- Мой дорогой, кто изобрел религию, грех, все это? — спросила миссис Глэмбер в ту ночь, когда ее муж вернулся (потому что он не был в состоянии встретиться с Минни и сайрой за чаем в клубе). - И для что?

Джон засмеялся.

- Он был изобретен Адамом по нескольким незначительным трансцендентным причинам, которые вам, вероятно, будет трудно оценить", — сказал он. — Также с очень практической целью держать Еву на линии.

- Ну, если вы думаете, что усложнять жизнь людям-значит держать их в линия, так что я думаю, что согласен. - Миссис Глэмбер покачала головой. — Считать все очень непонятно. В шестнадцать, да. Но в двадцать лет человек уже я должен был пройти через это. И в тридцать… знаете, ей почти тридцать… то, действительно…

Наконец, Минни написала Хьюберту, что решила. Хьюберт был в Хартфордшире со своим другом Ват - четтом. Это был дом большой, еда была хорошей, было очень удобно; и старый мистер Уотчетт, кроме того, у него была довольно полная библиотека. В непроницаемой тени секвойи, Хьюберт и Тед Уотчетт играли в крикет и обсуждали лучших методы культивирования себя. Они пришли к выводу, что с искусством можно многое сделать

- книги, вы знаете, живопись и музыка.

- Послушайте Сакре Стравинского, и вы навсегда освобождены от поездки в Тибет или на Золотой Берег, или в любое из этих ужасных мест — - заявил Тед Уотчетт. - А Достоевский заменяет убийство так же, как Д. Х. Лоуренс заменитель секса.

— Тем не менее, — возразил Юбер, - требуется определенное количество не воображаемый опыт. - Он говорил искренне, абстрактно; но письмо Минни было в ее кармане. - Гноссе тейпсум. На самом деле нельзя познать себя, не вступая в противоречие с событиями, не так ли?

На следующий день приехала двоюродная сестра Теда Фиби. Были рыжие волосы и молочная кожа, и более или менее работал в музыкальных комедиях.

- Одна нога внутри и одна нога снаружи, - объяснила она. — Прыжок. - И тут же она исполнила их в grand écart на ковре в гостиной. - Это довольно легко — он заявил, смеясь, и снова прыгнул с легкой грацией, которая вырвала кто ее видел. Тед не любил ее.

- Утомительная девочка, - сказала она. - И так глупо. Сознательно глупо, глупо нарочно, что делает все хуже.

Это было правдой, ей нравилось хвастаться количеством шампанского, которое она он мог пролиться, не становясь пилеком, и сколько раз он превышал эта щедрая граница, и она была “слепа к миру”. Я хотел бы поговорить о своих поклонники в терминах, которые могут заставить вас предположить, что они все ваши любитель. Но тогда она дала оправдание своей жизненной силы и своих блестящих рыжие волосы.

“Жизненная сила”, - написал Хьюберт в своем дневнике (представлял себе дату после или, скорее, до его смерти, когда

эти признания и афоризмы будут опубликованы), ” жизнеспособность может предъявлять требования к миру почти так же властно, как красота. Иногда красота и жизненная сила они встречаются в одном человеке.”

Это Хьюберт устроил им остаться на мельнице. Один из его друзья однажды был там с классом чтения и нашел место удобный, уединенный и восхитительно тихий. То есть тихо с тишина, свойственная мельницам. Ибо тишина оттуда не была тишиной ночь на горе; это была тишина, сделанная из непрерывного грома. Каждый день в девять часов утра мельничное колесо начинало вращаться, а его фрагор не он останавливался на весь день. В первые моменты шум был ужасающим, почти невыносимый. Затем, вскоре после этого, человек привык к нему. Гром это стало из-за его собственного постоянства совершенной тишиной, удивительно богатый и глубокий.

За мельницей был небольшой сад, окруженный с трех сторон домом, хозяйственные постройки и высокая кирпичная стена, но открытая с четвертой стороны в направление к воде. Глядя через перила, Минни наблюдала за ней в

движение. Это было похоже на коричневую змею с отметинами, как стрелы на назад; и она ползла, скользила, скользила вечно. Она сидела там, в ожидание: ее поезд, отправляющийся из Лондона, отвез ее сразу после обеда; Хьюберт, пересекая страну из дома Уотчеттов, я не приеду раньше шести. А вода текла под ее глазами, как время, как судьба, бегая гладко от встреча с каким-то новым и жестоким событием.

Огромный шум, который был в этом саду тишиной, окутал ее. конформный, его разум двигался там, как будто он был в своей родной стихии. Напротив с парапета доносились холодность и растительный запах воды. Но когда он поворачивался в направление в сад она сразу же вдохнула теплый аромат падающего солнца в цветках и созревающих плодах. На полуденном солнце весь мир был зрелый. Старый красный дом стоял там, спелый, как слива на земле.; стены были более зрелыми, чем плоды нектаринов, такими нежными и прекрасно распятые в своих теплых кирпичах. И эта плодотворная тишина непрекращающийся гром казался, так сказать, расцветом дня, который имел пришел к утонченной зрелости и теперь висел,

круглый, как персик, и наполненный соком жизни и счастья, ожидающий на солнце укуса зубов тревожный.

В самом сердце этого мира спелых фруктов Минни ждала. Вода текла в рулевое колесо: плавно, плавно - потом падало, разбивалось на колесе что крутится. И время скользило вперед, в тишине к событие, которое нарушило бы мягкость его жизни.

“Если вы действительно хотите лечь в постель с парнем, ложитесь спать с он.“Я мог слышать ясный, высокий голос Хелен, говорящий невозможные вещи, жестокий. Если бы кто-нибудь еще сказал Их, она бы выбежала из комнаты. Но во рту Хелен они казались такими простыми, безобидными и истинный. И все же все, что другие люди говорили или намекали — дома, в школе, среди людей, с которыми она встречалась-казалось одинаково верно.

Но помимо этого, естественно, была любовь. Юбер написал сонет шекспировский, который начинался так:

Любовь освящает все, где она действительно есть, Превращает шлак в золото одним движением дротика, Делает материю разумом, касту самой экстремальной страстью.,

И строит храм в похотливом сердце.

Она думала, что сонет прекрасен. И очень верно. Казалось, он бросил мост. между Хелен и другими людьми. Любовь, настоящая любовь, сделала все разница. Оправдать. Любовь-Сколько, сколько она любила!

Время шло, и свет становился богаче, когда солнце падало от высоты неба. День становился все более восхитительно зрелым, раздутым от неизвестная сладость. На его лице, покрасневшем от солнца, Громовая тишина колесо мельницы протянуло самый мягкий, самый бархатистый из блесток. Минни сел на перила, ожидая. Иногда я опускал глаза на воду, которая скользил, иногда возвращал их в сад. Время текло, но теперь она не я больше боялся того, что в будущем там гремит кабальное событие. Dulçor зрелый день, казалось, проникал в его дух,

наполняя его до краев. Не было больше места для сомнений, для страшных ожиданий или раскаяния. Она я был счастлив. Нежно, с нежностью, которую она не могла выразить в слова, только с самыми легкими и нежными поцелуями, пальцами ласково переданная взъерошенными волосами, она думала о Хьюберте, в ваш Хьюберт.

Хьюберт, Хьюберт… И вдруг, поразительно, он стоял там у своего

сторона.

- Ах! - сказала она и на мгновение посмотрела на него своими круглыми глазами и коричневые, в которых не было ничего, кроме изумления. Тогда ваше выражение он изменился. - Юбер, - тихо пробормотал он.

Хьюберт взял ее за руку и снова отпустил; он посмотрел на нее на мгновение, затем он отвернулся от него. Наклонившись над парапетом, он созерцал воду, которая бежал; его лицо не улыбалось. Долгое время они оба молчали. Минни продолжала там, где она стояла, неподвижно сидя, уставившись на лицо, отвлеченное от юноша. Она была счастлива, счастлива, счастлива. Долгий день созревал и созревал., совершенство за совершенством.

- Минни, - сказал парень внезапно, громко и резко, как будто во время долгое время он решался говорить и, наконец, мог произносить слова. подготовленные и готовые слова. - Я думаю, что вел себя очень плохо с тобой. Я не должен был просить его прийти сюда. Я ошибся. Извинять.

- Но я пришел, потому что хотел! - воскликнула Минни.

Хьюберт взглянул на нее, затем отвел глаза и продолжил обращаясь к призраку, который плавал, казалось, прямо над лицом воды, что сползти.

- Слишком много просили. Я не должен был этого делать. Для мужчины это различный. Но для женщины…

- Но, говорю вам, я хотел.

- Это слишком.

- Ничего, потому что я люблю тебя, - сказала Минни. И, опираясь на вперед, пробежал пальцами по его волосам. Ах, нежность, что

ни слова можете выразить! - Ты глупый мальчик, - прошептала она. - Ты думал, что я не любил его достаточно для этого?

Хьюберт не поднял глаз. Вода продолжала скользить под его глазами;

пальцы Минни играли с ее волосами, ласково бегали по ее затылок. Он внезапно почувствовал настоящую ненависть к этой женщине. Идиот! Почему разве она не понимала намеков? Он не хотел ее. И почему он пришел к представьте, что вы хотели ее? На протяжении всей поездки на поезде он делал это вопрос. Почему? Почему? И вопрос стал еще более актуальным в этом в тот момент, когда он стоял у дверей сада, он смотрел сквозь яблоню и он анализировал, не замечая, в течение долгой минуты; он анализировал ее, сидя там на парапете, поворачивая свои смутные коричневые глаза к воде, затем к сад, и улыбаясь себе с выражением лица, которое казалось ей таким тупой и пустой, что он мог почти представить ее мудаком.

И с Фиби накануне он остановился на обнаженном гребне кайфа греда. Как море у его ног простиралось равнина, и над горизонтом затемненные висели большие облака. Пальцы ветра поднимали красные кудри, ее волосы. Она была как бы наготове, готовая взлететь в небо. неспокойный. “Как бы я хотел летать!”, сказать. “Есть что-то особенно привлекательное в пилоты, я всегда так думал.“И бежал вниз по склону.

Но Минни с ее тупыми волосами, ее щеки красные, как яблоки, ее большое, занудное тело, было похоже на крестьянскую девушку. Как он вы убедились,что хотите ее? И что, естественно, стало намного хуже, так это то, что она обожал его, к его смущению и скуке, как ласковую собаку слишком много, кто настаивает на том, чтобы катиться к нашим ногам и лизать наши руки, когда что мы хотим сидеть спокойно и сосредоточиться на серьезных вещах.

Хьюберт отошел в сторону, выходя из досягаемости ласковой руки. Поднял для нее на мгновение пара глаз, которые стали, так сказать, непрозрачными от холодного гнева; затем снова опустил их.

- Жертва слишком велика, - сказал он голосом, который сам это звучало так, как будто это было от кого-то другого. Мне было

очень трудно сказать такие вещи убедительно. - Я не могу просить вас об этом, - продолжил актер. - Не хочу.

- Но это не жертва, - возразила Минни. - Это радость, это счастье. О, разве ты не понимаешь?

Хьюберт не ответил. Неподвижно, локти на парапете, пристально смотрел на вода. Минни посмотрела на него, сначала просто озадаченная; но вдруг она пошла в ловушке болезненного и неопределимого сомнения, которое усиливалось внутри него, по мере того, как что молчание продолжалось, как ужасный рак духа, пока у него не было пожирал все свое счастье, пока в его голове ничего не осталось. кроме сомнений и опасений.

- Что? - наконец-то спросила она. - Почему ты такой странный? Что случилось, Хьюберт? Что случилось?

Нетерпеливо наклонившись, она положила руки по обе стороны от его лица и повернул его к ней. Пустые и тусклые от гнева были его глаза.

- Что?- повторила она. - Хьюберт, что случилось?

Хьюберт расстался.

- Бесполезно, - произнес он плотным голосом. - Нет смысла. Это было все одно ошибка. Плач. Думаю, мне лучше уйти. Карета все еще там.

И, не дожидаясь, пока она что-то скажет, не объясняя себя дальше, вернулась-если и быстро отошел, почти побежав, к дому. Ну, благодаря Бог, сказал он себе, был вне этого. Я действовал не очень хорошо, с элегантность или смелость; но в любом случае, это было вне. Бедная Минни! Мне было жаль ее, но что я мог сделать? Бедная Минни! Тем не менее, ее тщеславие было польщено при мысли, что она будет плакать по нему. И любой манера, заверила ее совесть, она не могла заботиться слишком. Однако, с другой стороны, это напомнило ему о его тщеславии, она обожала его действительно. О, Она абсолютно почитала его…

Апорта закрылась за ним. Минни снова была одна в саду. Зрелые, зрелые он лежал на вечернем солнце. Половина его была в тени теперь; но остальное, в красочном свете сумерек, казалось, достигло совершенства окончательная и абсолютная зрелость.

Повзрослев с Громовой тишиной, любимый фрукт всех времен там висел, восхитительно сладкий, сладкий до конец; на краю тьмы висела рубра и Линда.

Минни сидела неподвижно, гадая, что случилось. Он я ушел, я действительно ушел? Дверь закрылась за ним с удар и, как будто звук был комбинированным сигналом, человек он вышел из мельницы, подошел к дамбе и закрыл шлюз. И вдруг колесо стало недвижимость. Сделал апокалиптическую тишину; тишина отсутствия звука заняла место этой другой тишины, которая была тишиной бесконечного звука. Бездны открылись бесконечно для его вернись; она была одна. По ту сторону пропасти отсутствия звука, медленная пчела несла с собой свой тонкий жужжащий звук; воробьи щебетали, и из по другую сторону воды доносился звук далеких голосов и смеха. И, как будто проснувшись, из сна Минни подняла глаза и испуганно слушала, поворачивая голову из стороны в сторону.

Бремя

Они спорили почти три четверти часа. Душно и непонятные, голоса плыли по коридору с противоположного конца квартира. Наклонившись над своим шитьем, Софи спросила себя, не слишком много интересно, что будет на этот раз. Это был голос мадам, который она слышала больше всего частота. Охваченная гневом и возмущенная слезами, она взрывалась взрывами, в рывках. Месье был более сдержанным, и его более низкий голос был слишком мягким чтобы легко пройти через закрытые двери и коридор. Для Софи, в их маленькая холодная комната, драка, по большей части, казалась серией монологи мадам, прерываемые неловким и тяжелым молчанием. Но, время от времени Месье, казалось, полностью выходил из себя, а потом не между порывами была тишина, и, скорее, резкий, глубокий, сердитый крик. Мадам постоянно и без угасания сохраняла высокий и высокий тон; ее голос даже в гневе у него было любопытное и регулярное однообразие. Но месье иногда он говорил громко, иногда тихо, с акцентами, модуляциями и внезапными вспышками так что их вклад в дискуссию, когда они были слышны, звучал как серия характерных взрывов. Вау, вау, вау-вау — вау, вау-собака тупо лает.

Через некоторое время Софи больше не обращала внимания на шум драка. Я починил одну из рубашек мадам, и для работы потребовались все ваше внимание. Она чувствовала себя очень уставшей; все ее тело болело. Это был день трудно; канун тоже, и день перед кануном тоже. Каждый день был тяжелые дни, и она уже не была такой молодой, как раньше. Еще два года и будет пятьдесят. Каждый день был тяжелым с тех пор, как она себя помнила. Думать в мешках с картошкой, которые я носила, когда была маленькой девочкой, в поле. Медленно, медленно она шла по пыльной дороге с сумкой на плечо. Еще десять шагов; я мог бы сделать это. Только это никогда не было концом; это было каждый раз, когда вы начинаете снова.

Поднял глаза от шва, переместил голову из стороны в сторону, мигать. Я начинал видеть огни и пятна цвета, танцующие перед глазами; теперь это часто случалось с ним. Вид блестящего желтоватого червя он извивался к правому углу своего поля зрения; и хотя он всегда был в Движении вверх, вверх, всегда был там. в том же месте. И были красные и зеленые звезды, которые поднимались, сияли и вокруг червя пропали. Они двигались между ней и швом; они были там когда она закрывала глаза. Через мгновение она продолжила работу;

Мадам очень хотела свитер особенно на следующее утро. Но это было трудно увидеть за червем.

С другой стороны зала внезапно усилился шум. Дверь это было открыто; слова сформулированы.

— … bien tort, mon ami, si tu crois que je suis ton esclave. Je ferai ce que je вудрай.

- Мой аусси. - Месье издал грубый, опасный смех. Был звук от тяжелых шагов в коридоре, шум в держателе зонта; затем дверь с фронта постучал.

Софи снова опустила глаза на работу. Ах, червь, звезды красочная, болезненная усталость во всех ее конечностях! Если бы я мог пройти один целый день в постели, огромная кровать, мягкая, теплая, весь день…

Звонок напугал ее. это всегда заставляло ее нервничать, это жужжание злая Оса. Встал, оставил работу на столе, разгладил фартук, поправил шапочка и вышла в коридор. В очередной раз

звонок прозвучал яростно. Мадам была нетерпелива.

- Наконец, Софи. Я думал, ты никогда не придешь. Софи ничего не сказала; нечего было сказать. Мадам стояла у открытого шкафа. Один часть одежды висела на его руке, и в одном было больше одежды установите на кровать.

“Une beauté à la Rubens”, ее муж называл ее, когда она он показал более ласковый. Мне нравились эти большие, великолепные женщины,, величественный. Никаких этих гибких труб для него. “Элен Фурмон” была ее прозвище для нее.

— Когда-нибудь, - говорила мадам друзьям, - мне нужно идти пока Лувр не увидит мой портрет. То, что сделал Рубенс, вы знаете. Это необыкновенный человек прожил всю свою жизнь в Париже и никогда не был в Лувре. Вам не кажется?

В ту ночь она была великолепна. Лица были покрасневшими; глаза голубые они сияли необычным сиянием между длинными ресницами; короткие волосы, красновато-коричневые, они были взъерошены.

- Завтра, Софи, мы уедем в Рим — - объявила она драматично. - Завтра утром. - Во время разговора снял еще одно платье из шкафа и бросил его на кровать. С движением его халат раскрылся, и там было вид украшенного нижнего белья и пышной белой плоти. — Мы должны немедленно собрать вещи.

- Как долго, мадам?

- Пятнадцать дней, три месяца; как я узнаю?

- Это имеет значение, мадам.

- Главное-уйти. Я не вернусь в этот дом, после чего я это было сказано сегодня, пока они не попросят меня смиренно.

- Тогда нам лучше взять большой сундук, Мадам; я возьму его.

Воздух в сторожевой комнате был невыносимым, пахло пылью и кожей. Большой сундук был спрятан в дальнем углу. Ей пришлось наклониться и приложите усилия, чтобы вытащить его. Червь и красочные звезды они моргали перед его глазами; у него кружилась голова, когда он выпрямился.

- Я помогу тебе, Софи — - сказала мадам, когда горничная вернулась таща за собой тяжелый сундук. Какое лицо смерти было у этой женщины в последнее время! Она ненавидела, когда рядом были уродливые старые люди. Но Софи была такой эффективно; было бы безумием избавиться от нее.

- Мадам не о чем беспокоиться. - Это не будет концом, Софи знала, если Мадам начала открывать ящики и бросать вещи. - Мадам, тебе лучше уйти. спать. Уже поздно.

Нет, нет. Она не могла уснуть. Я была так расстроена… Этот люди… Какое животное! Никто не был их рабом. Никто не хотел быть обращались так.

Софи собирала сундук. Целый день в постели, в большой кровати и мягкая, как у мадам. Дремать, просыпаться на мгновение, дремать снова.

- Его последняя игра, - с негодованием говорила мадам, - это сказать мне, что у него нет денег. “Я не могу позволить себе одежду”, - говорит слишком гротескно. Я не могу ходить голым, можно? - Поднял руки. - А что касается того, чтобы сказать, что он не может себе это позволить, это чистая чушь. Может, прекрасно. Только он злой, плохо, ужасно плохо. И если бы я только сделал честную работу, чтобы варьировать, вместо того, чтобы писать глупые стихи и публиковать их самостоятельно, было бы много денег. - Ходил туда-сюда по комнате. — Кроме того есть его отец, - продолжил он. - Для чего он нужен, я хотел бы знать. “Ты она должна гордиться тем, что у нее есть муж-поэт”, - говорит она, - она заставила голос дрожать, как у старик. - Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не смеяться ему в лицо. “И какие прекрасные стихи Hégésippe пишет о вас! Какая страсть, какой огонь!”- Думая о старике, она набросала гримасу и заставила голову вздрогнуть, палец дрожать, а ноги капенгарем. - И когда кто-то думает, что бедный Хегезип лысый и рисует у него мало волос… - Она засмеялась. - Что касается страсти, о которой он так много говорит в его отвратительные стихи, все это чистое изобретение. Но, моя хорошая Софи, в том, что вы думаете? Почему он хранит это старое зеленое платье и ужасно?

Софи сняла платье с сундука, ничего не сказав. Почему эта женщина было ли это выбрать Сегодня вечером, чтобы выглядеть так ужасно больным? Было лицо желтые и синие зубы. Мадам вздрогнула; это было слишком ужасно. Надлежать отправить ее в постель. Но, в конце концов, работа должна была быть сделана.

Что если не могли бы вы? Она чувствовала себя более чем когда-либо обидчивой.

- Жизнь ужасна. - Вздохнув, тяжело сел на край кровать. Гибкие пружины осторожно встряхнули его один или два раза. — Быть

замужем за таким мужчиной. Скоро я стану старым и толстым. И ни один неверный раз. Но посмотри, как он относится ко мне. - Снова встал и начал бесцельно ходить по комнате. - Я не выдержу — - взорвался он.

Она стояла перед длинным зеркалом и любовалась своей трагической фигурой и великолепна. Никто бы не поверил, глядя на нее, что ей было больше тридцати лета. За трагической красотой она могла видеть в зеркале старое, худое существо и несчастный, с желтым лицом и синими зубами, прижатый к сундуку. Действительно, это было слишком неприятно. Софи выглядела как одна из тех нищих, которые видят себя в холодное утро, стоящее в сточной канаве. Человек быстро проходит мимо, стараясь не смотреть для них? Или останавливается, открывает сумку и дает им монету — даже купюру два франка, если вы не обменялись? Что бы он ни делал, человек остается всегда неудобно, всегда чувствует себя извиняющимся за свои пелики. Это то, что можно было ходить. Если бы у человека была машина — но это был еще один из зло Hégésippe—, не было бы, путешествуя за закрытыми окнами, что осознавать их. Она повернулась спиной к зеркалу.

- Я не выдержу, - сказала она, стараясь не думать о нищих, о зубах синие и желтые лица. - Я не выдержу. - Он упал на стул.

Но подумайте о любовнике с желтым лицом и синими неровными зубами! Она закрыла глаза, содрогаясь при мысли об этом. Этого было бы достаточно, чтобы оставить больной человек. Она почувствовала побуждение взглянуть еще раз: глаза Софи имели зеленоватый свинцовый цвет, безжизненный. Что можно сделать? Лицо женщина была упреком, обвинением. И, кроме того, видя ее, она чувствовала себя действительно больной. Я никогда не была так глубоко раздражена.

Софи медленно и с трудом поднялась; выражение боли это пересекло его лицо. Медленно она подошла к комоду, медленно считала шесть пар шелковых носков. Он снова повернулся к

сундуку. Эта женщина была ходячий труп!

- Жизнь ужасна, - убедительно повторила мадам. - Ужасно, ужасно, ужасный.

Я должен отправить жену в постель. Но я никогда не смогу привести их в порядок. вещи в одиночку. И было так важно уйти на следующее утро. Она сказала Хегезип, который собирался, и он просто смеялся; он не верил. На этот раз было это даст вам урок. В Риме она увидит луиджино. Такой очаровательный мальчик, и маркиз тоже. Возможно… Но она ни о чем не могла думать. помимо лица Софи; перистые глаза, голубоватые зубы, желтая кожа и морщинистый.

- Софи, - вдруг сказала она; с трудом не кричала, - смотри на моем туалетном столике. Ты увидишь коробку с ревом, Дорин номер 24. Положить немного на лице. И в ящике есть помада для губ правый.

Она решительно держала глаза в стороне, когда Софи встала

(как ужасно хлопать суставами!), подошел к туалетному столику и остался стою там, шумно, во время того, что казалось вечностью. Какая жизнь, чувак Боже, какая жизнь! Медленные шаги возвращались. Она открыла глаза. Ах, это было лучше, гораздо лучше.

- Спасибо, Софи. Теперь ты выглядишь намного менее уставшим. — Встал живо. - А теперь надо поторопиться. - Полный энергии, она побежала в шкаф. - Боже Мой! - воскликнул он, поднимая руки. — Ты забыл взять мое синее вечернее платье. Как это может быть так глупо, Софи?

Портрет

- КАРТИНЫ, - СКАЗАЛ МИСТЕР БИГГЕР. - Вы хотите увидеть некоторые картины? Что ж, на данный момент в наших галереях есть смешанная выставка вещей Moderna очень интересно. Французы и англичане, понимаете?

Покровитель поднял руку и покачал головой.

- Нет, нет. Ничего Moderna для меня, - заявил он в своем приятном северный английский. - Мне нужны настоящие

картины, старые картины. Рембрандт и Сэр Джошуа Рейнольдс, такие вещи.

- Отлично, - кивнул Мистер Биггер. - Старые Мастера. Ах, естественно, мы имеем дело как со старыми, так и с Moderna.

- Дело в том, - сказал другой, - что я только что купил дом наполовину большой. Солярий, - добавил он внушительным тоном.

Мистер Биггер улыбнулся; в этом простом парне была очень наивность симпатический. Задавался вопросом, как этот человек заработал бы деньги. “замок.” О то, как он это сказал, было действительно очаровательно. Там был человек, который с его работой он поднялся от крепостного права к владению имением, от широкого основания от феодальной пирамиды до узкой вершины. Ваша собственная история и вся история социальные классы подразумевались в этом гордом и благоговейном акценте “Солнечный”. Но неизвестный продолжал говорить; мистер Биггер не мог позволить себе роскошь больших блужданий.

— В доме такого стиля, - говорил другой — - и с такой позицией, как чувак, нужно иметь несколько картинок. Вы знаете, старые мастера; Рембрандт и те подлежащее.

- Естественно, - сказал мистер Биггер, - старый мастер-символ социальное превосходство.

— Вот и все, - воскликнул другой с широкой улыбкой. — Ты сказал то, что хотел сказать.

Мистер Биггер наклонился и улыбнулся. Было восхитительно найти кого-то, кто принимал его маленькие иронии, такие как серьезная серьезность.

- Конечно, нам нужен один старый мастер на первом этаже, в зале прием. Было бы слишком хорошо иметь по одному в каждой комнате.

- Это действительно так, - кивнул Мистер Биггер.

- Кстати, дочка немного рисует, - продолжил владыка усадьбы. — И очень хорошо. Я поставил некоторые из ее вещей в рамку, чтобы повесить нас. комната. Полезно иметь в семье художника. Экономит на покупке кадров. Но это конечно, нам нужно что-то старое на первом этаже.

- Думаю, у меня есть именно то, что вы хотите. - Мистер Биг-гер поднял-если и позвонил в дверь. “Моя дочь немного рисует”: он представлял себе большой, светловолосый персонаж типа трактирщика, тридцать один год и все еще одинокий, немного декадентский. Его секретарь появился у двери. — Принести-мне Венецианский портрет, Мисс. Пратт, тот, что в задней комнате. Ты знаешь, что я упомянуть.

— Вы здесь хорошо устроились, - прокомментировал Владыка усадьбы. — Эй бизнес идет хорошо, надеюсь.

Мистер Биггер вздохнул.

- Рецессия, - сказал он. — Мы, арт-трейдеры, больше всего пострадали для нее, чем кто-либо другой.

- О, рецессия. - Господин усадьбы хихикнул. - Я это предвидел все время. Некоторые люди, казалось, думали, что хорошие времена будут длиться долго навсегда. Какие дураки! Я продал все на гребне волны. Так что я могу купить кадры сейчас.

Мистер Биггер тоже засмеялся. Это был правильный тип покровителя.

- Мне жаль, что у меня не было чего продать во время максимума, — сказал он.

Владыка поместья смеялся, пока по его лицу не текли слезы. Все еще был смеясь, когда мисс. Пратт снова вошел в комнату. Она несла картину, как щит, обеими руками, перед вами.

- Положи его на мольберт, Мисс. Пратт, - сказал мистер Биггер. - Теперь, что думаешь? - спросил он, обращаясь к владыке поместья.

Картина, которая была на мольберте перед ними, была портретом в носке высота. Круглолицый, белая кожа, высокий бюст в ее платье глубоко вырезанный из синего шелка, изображенный человек выглядел как типичная итальянская леди середина XVIII века. маленькая самодовольная улыбка скривила губы мясистые, и в одной руке она держала черную маску, как будто у нее только что вытащил ее после карнавального дня.

- Очень красиво, - сделал Владыка поместья, но добавил, тоном

сомнение: - не очень похоже на Рембрандта, не так ли? Это так ясно и ярко… Обычно в старых мастерах мы никогда ничего не видим, они такие темные и размыты.

- Это правда, - сказал мистер Биггер. - Но не все старые мастера как Рембрандт.

- Думаю, нет. - Господин поместья не выглядел убежденным.

- Эта картина Венецианская, XVIII века. его цвета всегда светлый. Джанголини был художником. Он умер молодым, понимаешь? Не более половины десяток его картин известны. Это один из них.

Владыка поместья кивнул. Он умел ценить ценность редкости.

— При первом взгляде видно влияние лонги — - продолжил он мистер Биггер. - А на лице что-то от морбидеццы Розальбы.

Лорд поместья неловко смотрел от мистера Биггера на доску и от картины к мистеру Биггеру. Нет ничего более смущающего, чем слушать кого-то пусть у вас будет больше знаний, чем у нас. Мистер Биггер воспользовался вашим преимуществом.

- Любопытно, - продолжал он, - что ничего не узнаешь о стиле Тьеполо в нем. Вам не кажется?

Владыка поместья кивнул. На его лице было мрачное выражение лица. Эй уголки ее детского рта выпали. Можно было представить, что он собирается развязать слеза.

- Приятно, - сказал мистер Биггер, все-таки жалея себя, — поболтать с кем-то, кто действительно разбирается в живописи. Так мало людей понимают.

- Ну, я не могу сказать, что я много изучал этот предмет — - сказал Владыка поместья скромно. - Но я знаю, что мне нравится, когда я его вижу. — Его лицо загорелось, как будто он снова почувствовал себя на безопасной земле.

- Естественный инстинкт, - сказал мистер Биггер. - Это очень подарок драгоценный. Я видел в лице его, что Господь владеет им; я видел в тот момент, когда он вошел в галерея.

Повелитель поместья был в восторге.

- Правда, Ора — - сказал он. Он чувствовал, что растет, становится более важным. — Действительно. - Критически склонил голову в сторону. - Да, я должен сказать что я считаю эту картину очень хорошей. Очень хорошо. Но дело в том, что я предпочел бы более историческая пьеса, понимаете, о чем я? Кто-то с большим умением предок, понимаешь? Портрет человека с историей-Анны Болейн или Нелл Гвинн, или герцог Веллингтон, что-то в этом роде.

- Но, мой дорогой джентльмен, я как раз собирался вам сказать. Этот кадр имеет история. - Мистер Биггер наклонился вперед и похлопал себя по колену Владыка поместья. Его глаза сияли доброжелательным и веселым сиянием под сжатыми бровями. В его улыбке была мудрая доброта. - А необычная история связана с живописью этой картины.

- Не говори! - Господин усадьбы поднял брови.

Мистер Биггер откинулся на спинку кресла.

- Леди, которую вы видите там, - сказал он, указывая на портрет жестом рука была женой четвертого графа Хертмора. Семья сейчас вымерла. О девятый граф умер в прошлом году. Я получил эту картину, когда дом был продавать. Грустно видеть конец этих старых родовых домов.

Мистер Биггер вздохнул. Повелитель поместья выглядел торжественно, как будто он был в церкви. Был момент молчания; затем Мистер Биггер продолжил, в другой тон:

- Судя по его портретам, которые я видел, четвертый граф, похоже, был парнем длиннолицый, мрачный и сероватый. Его нельзя было представить молодым; это было тип человека, которому постоянно кажется, что ему пятьдесят лет. Его самые большие интересами в жизни были музыка и Римские древности. Есть его портрет

держа флейту из слоновой кости в одной руке, а другую положив на нее фрагмент римской резьбы. Прошло не менее половины жизни путешествуя по Италии, ища антиквариат и слушая музыку. Когда у меня были пятьдесят пять лет, вдруг решил, что пора жениться. Это был дама по вашему выбору. - Мистер Биггер указал на картину. - Его деньги и название должно было компенсировать много недостатков. Вы не можете себе

представить, ее внешний вид, что леди Хертмор очень интересовалась антикварiатом римский. Мне также не приходит в голову думать, что вы заботитесь о науке и история музыки. Она любила одежду, любила общество, любила играть, любил флиртовать, любил веселиться. Не похоже, что новая пара-женатый очень хорошо ладил. Но даже тогда они избежали разрыва. Через год после свадьбы лорд Хертмор решил еще раз посетить Италию. Они прибыли в Венецию в начале осени. Лорду Хертмору, Венеция это означало неограниченную музыку. Это означало ежедневные концерты Галуппи в детский дом милосердия. Это означало Пуччини в Санта-Мария. Это означало новые оперы в Сан-Моисе; означало восхитительные кантаты в сотне церквей. Означать частные концерты любителей; это означало Порпору и лучших певцов Европа; это означало Тартини и величайших скрипачей. Для леди Хертмор, Венеция это означало нечто совсем другое. Это означало играть в Ридотто, маскарад, веселые ужины, все прелести самого веселого города в мире. Жить их отдельные жизни, оба могли бы быть счастливы там, в Венеции, почти на неопределенный срок. Но однажды лорду Хертмору пришла в голову катастрофическая идея послать нарисовать портрет жены. Молодой Джанголини был рекомендован ему в качестве художника перспективный, перспективный. Леди Хертмор начала сеансы рисования. Джанголини был красивый и смелый, Джанголини был молод. Была такая совершенная любовная техника что касается его художественной техники. Леди Хертмор была бы более чем человеком, если бы она была способен противостоять ему. Она была не более чем человеком.

- Никто из нас не такой, да? - Господин поместья засунул палец в ребра мистер Биггер и засмеялся.

Мистер Биггер вежливо сопровождал его в его веселье; когда это остыло, он продолжал:

- Наконец они решили вместе бежать через границу. Они будут жить в Вена с драгоценностями семьи Хертмор, которые леди позаботилась бы взять с собой в его чемодане. Они стоили более двадцати тысяч, драгоценности Хертмора; и в Вене, под Мария Тереза, можно было бы очень хорошо жить на проценты в двадцать тысяч. План они были сделаны легко. У джанголини был друг, который сделал все для них: оформил паспорта с вымышленными именами, арендовал лошадей, чтобы ждать на суше твердо, он предоставил свою гондолу в их распоряжение. Они решили бежать в день последнего сеанс рисования. День

настал. Лорд Хертмор, по своему обычаю, привел к жена в студию Джанголини на гондоле, оставила ее там, укрывшись высоко спинка трона модели, и снова вышел, чтобы послушать концерт Галуппи на

Милосердие. Это был высокий момент карнавала. Даже в дневное время люди они ходили в масках. Леди Хертмор носила черную шелковую маску-о Господь видит ее в маске на портрете. Ее муж, хотя и не был богемным и не одобряя путаницу карнавала, он предпочитал соответствовать гротескной моде ваши соседи вместо того, чтобы привлекать внимание к себе, не подчиняясь. О длинное черное пальто, огромная черная трехконечная шляпа, маска длинные носы из белой бумаги были обычным костюмом для всех джентльменов венецианцы в эти карнавальные недели. Лорд Хертмор не хотел казаться другой; и носил то же самое. Конечно, было что-то богато абсурдное и esdruxulo в зрелище сурового английского джентльмена уважительных черт одежды в клоунской форме веселого Венецианского маскарада. “Панталеон нас одежда Pulcinella ” так его описывали влюбленные, старый мертвец вечная комедия, одетая как клоун. Что ж, этим утром, как я уже сказал, лорд Хертмор прибыл, как всегда, на своей арендованной гондоле, привезя с собой свою дамка. А она, в свою очередь, несла под складками своего широкого плаща маленькую кожаный ящик, внутри которого, прижавшись к своей шелковой ложе, они покоились драгоценности Хертмора. Сидя в маленькой темной кабине гондолы, они они смотрели на церкви, богато украшенные Палацци, высокие дома и узкие, через которые они скользили. Под его маской клоуна было слышно голос лорда Хертмора, серьезный, медленный, невозмутимый. “Ученый отец Мартини обещал отдать мне честь прийти завтра поужинать с нами”, - сказал он. “Я сомневаюсь, что кто-нибудь знает музыкальную историю больше, чем он. Я прошу вас приложить усилия чтобы отдать ему особую дань уважения.“Будь уверен, что я сделаю их, чувак лорд.“Она едва могла сдержать радостное волнение, которое кипело внутри нее. Узел на следующий день, к обеду, она будет очень далеко — за границей, после из Гориции скачет по Венской дороге. Бедный старый Панталеон! Но нет, у нее не было ни малейшего жалости к нему. В конце концов, у него была своя музыка, у него были свои сломанные мраморные субпродукты. Под крышкой она держала шкатулку с драгоценностями больше силы. Как весело был твой секрет! Она чувствовала себя пьяной.

Мистер Биггер пожал друг другу руки и резко прижал их к сердцу. Он сам развлекался. Повернул свой длинный нос, как морда лисы, в обращаясь к владыке поместья и доброжелательно улыбаясь. Владыка поместья, по его часть, это было все внимание.

- И что? — запросить.

Мистер Биггер отпустил руки и уронил их на колено другого.

- Ну, гондола останавливается у двери Джанголини, лорд Хертмор помогает жена уходит, ведет ее в большую комнату художника на первом этаже, отдает ее к нему с его обычной вежливой формулой, а затем отправляется послушать концерт утро Галуппи в Милосердии. У влюбленных есть хорошие два часа, чтобы сделать последние приготовления. Как только старый Панталеон выходит из поля зрения, появляется полезный друг художника, накидка и маска, как и все на улицах и каналах

Венеция в полном карнавале. Далее следуют объятия, рукопожатия и смех; все получилось так прекрасно, никаких подозрений не возникло. Под пальто леди Хертмор появляется шкатулка для драгоценностей. Она открывает ее, и есть высокие итальянские восклицания удивления и удивления. Блестящие, жемчужины, большие изумруды Hurtmore, рубиновые броши, бриллиантовые серьги — все эти блестящие, искрящиеся вещи тщательно изучены, со знанием дела. Как минимум пятьдесят тысяч цекинов - это оценка comparsa. Двое влюбленных в восторге бросаются в объятия один другого. Клан прерывает их; есть еще несколько вещей, которые нужно сделать сделать. Они должны подписать паспорта в Министерстве полиции. Ах, один простая формальность; но это должно быть выполнено. Тем временем он выйдет и продать один из бриллиантов леди, чтобы получить необходимые средства для поездка.

Мистер Биггер остановился, чтобы закурить. Выдул облако дыма и это продолжалось:

- Так вышли все, в масках и накидках, клановый в одном режиссер, художник и любовница в другом. Ах, любовь в Венеции! - Мистер Биггер. закатил глаза, в экстазе. - Вы когда-нибудь были в Венеции и влюблены? — спросил Владыка поместья.

- Я никогда не был дальше Дьеппа — - ответил владыка поместья трясет головой.

- О, тогда вы пропустили один из величайших жизненных событий. Ты никогда не сможешь полностью понять, что, возможно, были ощущения маленькой леди Хертмор и художник, когда они шли по длинным каналам, созерцая через отверстия их масок. Иногда, может быть, они целовались. — хотя это должно было быть трудно, не снимая масок; кроме того, всегда было опасность того, что кто-то узнает их обнаженные лица через окна их маленькая кабина. Нет — - задумчиво заключил Мистер Биггер. - Я думаю, что они они ограничивались сдерживанием щебетания. Но в Венеции, вдоль оцепенения каналов,, можно почти удовлетворить себя, глядя - просто глядя.

Он погладил воздух рукой и позволил голосу затихнуть в тишине. Дал два или три затяжки в сигарету, ничего не говоря. Когда он продолжил, его голос был низкий и регулярный.

Примерно через полчаса после того, как они ушли, гондола остановилась на дверь Джанголини и человек в бумажной маске, завернутый в плащ черная и носящая на голове неизбежную трехконечную шляпу, прыгнула и поднялась на комната художника. Он был пуст. Сладкий, или, может быть, немного глупо, портрет улыбнись на мольберте. Но перед ним не было художника, и трон модели был незанятый. Маска с длинным носом смотрела на комнату с любопытство без выражения. Блуждающий взгляд пришел, наконец, приземлиться на коробку драгоценности, которые были там, где любовники небрежно оставили ее открытой

на столе. Глубокие и затененные черным за гротескной маской, глаза долго и пристально смотрели на этот объект. Пульчинелла носа Лонго, казалось, был поглощен медитацией. Через несколько минут был звук шагов по лестнице, двух голосов, смеющихся вместе. Маскарад повернулся смотреть в окно. За ним дверь громко открылась; пьяные волнение и радостная и взволнованная безответственность, двое влюбленных войти. “Ах, дорогой Амико\ уже вернулся? Вам повезло с бриллиантом?’ Представлять размытый не сдвинулся с места; Джанголини продолжал радостно говорить. Не было была наименьшая проблема с подписями, никаких вопросов; паспорта они были в его кармане. Вы можете немедленно уехать. Внезапно леди Хертмор он начал бесконтрольно смеяться; он не мог остановиться. “Что это было?’, спросить Джанголини тоже смеется. “Мне было интересно”, - ахнула она в пароксизме его радость ” думала о старом

Панталеоне, сидящем на милости, торжественном как сова, слушая", — чуть не задохнулась она, и слова вышли резкие и вынужденные, как будто она говорит сквозь слезы — " скучные старые кантаты старого Галуппи."Человек у окна повернулся. "К сожалению, мадам, - сказал он, - мудрый маэстро сегодня утром заболел. Не было концерт."Он снял маску. "И поэтому я взял на себя смелость вернуться пораньше чем обычно."Длинное, серое, серьезное лицо лорда Хертмора вы столкнулись с ними. Влюбленные остались на мгновение безмолвными. Леди Хертмор поднесла руку к сердцу; он вскочил, и она почувствовала чувство ужасно в яме желудка. Бедный Джанголини стал белым, как его бумажная маска. Даже в эти дни cicisbei, от джентльменов-официальных друзей, были случаи, когда возмущенные и ревнивые мужья прибегали к убийству. Он он был безоружен, и только Бог знал, что оружие уничтожения скрыто. под этим загадочным черным плащом. Но лорд Хертмор не сделал ничего жестокого или недостойный. Серьезно и спокойно, как было принято, он подошел к столу, взял шкатулку с драгоценностями, закрыл ее с особой тщательностью и, сказав: "моя шкатулка, я верю", - спрятал ее в кармане и вышел из комнаты. Влюбленные остались вопросительно глядя друг на друга.

Была тишина.

- Что случилось потом? - спросил Владыка поместья.

- Анти-кульминационный момент, - ответил мистер Биггер, печально качая головой. - Джанголини предполагал сбежать с пятьюдесятью тысячами цекинов. Немного подумав более того, леди Хертмор не чувствовала себя слишком комфортно с идеей любви в хижина. В конце концов, она решила, что место женщины дома - с украшениями семья. Но увидит ли лорд Хертмор объект в той же призме? Это был вопрос, тревожный, тревожный вопрос. Она решила пойти посмотреть на вас собственный. Он пришел в дом как раз к обеду. "Его выдающееся превосходство заключается в жду в столовой", - сказал дворецкий. Высокие двери были открыты для перед ней; она вошла величественно, с поднятой челюстью; но с каким ужасом в

душа! Ее муж был размещен у камина. Вышел вперед, чтобы пойти навстречу ее. "Я ждал ее, мадам",-сказал он и отвел ее на свое место. Это была единственная вы упомянули об инциденте. Во второй половине дня он отправил сотрудника за портрет в

мастерской художника. Это было частью их багажа, когда месяц спустя, они уехали в Англию. История была передана вместе с изображением поколение к другому. Я слышал это от старого друга семьи, когда купил портрет в прошлом году.

Мистер Биггер бросил сигарету в камин. Он гордился тем, что рассказал очень хорошая история.

- Очень интересно, - сказал владыка поместья. - Действительно много интересный. Довольно исторический, не так ли?Нельзя сказать, что Нелл Гвинн или Ана Болейн будь лучше.

Мистер Биггер расплывчато улыбнулся. Я думал о Венеции - русская графиня остановилась в своем пансионе, верхнее дерево во дворе сбоку из-за пределов ее комнаты сильный, теплый аромат, который она носила (сделал человека задержка дыхания при первом ощущении) и ванны в Лидо, а гондола и купол салюта против облачного неба, похожий на когда я сохранил его, он нарисовал его. Как все казалось так далеко! Он был тогда немного больше, чем мальчик; это было его первое большое приключение. Он проснулся от своих мечтаний со страхом.

Владыка поместья говорил.

- Теперь, сколько вы хотите за картину? - спросил он. Его тон был нейтральный, без подготовки; это была слишком редкая вещь, чтобы торговаться.

- Ну, - сказал мистер Биггер, неохотно оставив русскую графиню, Райская Венеция двадцатью пятью годами ранее. - Я заказал до тысячи за работы менее важно, чем это. Но я не против продать ее за семьсот и пятьдесят.

Повелитель усадьбы свистнул.

- Семьсот пятьдесят? — повторять. - Это слишком.

— Но, мой дорогой джентльмен, — возразил Мистер Биггер, - подумайте, что у вас будет платить за Рембрандта такого размера и качества: как минимум двадцать тысяч. Семьсот пятьдесят-это не слишком много. Напротив, это очень мало, учитывая важность картины, которая будет принимать. У вас есть достаточно разъяснений, чтобы понять, что это прекрасное произведение искусства.

- О, я не отрицаю этого, - сказал владыка поместья. - Все, что я

говорю, что семьсот пятьдесят-это большие деньги. Вау! Хорошо, что моя дочь рисует. Подумайте, если бы мне пришлось украшать комнаты картинами а семьсот пятьдесят каждый! - Он засмеялся.

Мистер Биггер улыбнулся.

- Вы также должны помнить, что вы делаете хорошее инвестиции- сказал он. - Древние венецианцы поднимаются. Если бы у меня был

оставшийся капитал…

Апорта широко раскрылась, а волнистая светловолосая голова Мисс бей-бей-бей-бей-бей-бей-бей. Пратт преследовал.

Мистер Кроули хочет знать, можете ли вы принять его, Мистер Биггер.

Мистер Биггер нахмурился.

- Скажи ему подождать, - раздраженно ответил он. Кашлянул и повернулся снова для владыки поместья. - Если бы у меня остался капитал, я бы положите его все на старых венецианцев. До последней копейки.

Когда он произносил эти слова, он задавался вопросом, сколько раз он говорил люди, которые вложили бы весь свой капитал, если бы он был, в первобытный кубизм, черная скульптура, японские гравюры…

Наконец Господь поместья написал ему чек на шестьсот и восемьдесят.

— Не могли бы вы достать мне машинописную копию рассказа — - спросил он, пока надевал шляпу. - Было бы неплохо рассказать гостям за ужином, не так ли? Я хотел бы иметь очень правильные детали.

- Естественно, естественно, - сказал мистер Биггер. - Детали да, очень.

Повел пухлого человечка к двери.

- Доброе утро, Доброе утро.

Мужчина ушел.

У двери появился высокий бледный мальчик с бакенбардами. Его глаза были темные и меланхоличные; их выражение лица, их общий вид были романтичными и в то же время они немного жалели. Это был молодой Кроули, художник.

- Мне жаль, что я заставил вас ждать, - сказал мистер Биггер. - Почему ты хотел меня

видишь?

Мистер Кроули выглядел смущенным и колебался. Как я ненавидел делать это типа вещи!

- Дело в том, что я ужасно разорен, - сказал он все-таки. — Я подумал, что, может быть, вы не возражаете, если бы вам было удобно, чтобы я заплатить за то, что я сделал для вас на днях. Мне очень жаль беспокоить его так.

- Не волнуйся, мой дорогой друг. Мистер Биггер пожалел об этом. несчастное существо, которое не умело заботиться о себе. Бедный молодой человек Кроули был беззащитен, как ребенок. - Сколько мы договорились?

- Двадцать фунтов, я думаю, это было, - робко сказал мистер Кроули.

Мистер Биггер взял свой кошелек.

- Скажем двадцать пять, - заговорил он.

- О Нет, правда, я не мог. Большое спасибо. - Мистер Кроули она покраснела, как девочка. - Думаю, я не хотел бы делать выставка с некоторыми из моих пейзажей, не так ли? - спросил, ободренный за доброжелательность мистера Биггера.

- Нет, нет. Ничего своего. - Мистер Биггер покачал головой. неумолимо. - В Moderna things нет денег. Но я покупаю любой количество этих ложных старых хозяев. - Барабанил пальцами на нарисованное плечо леди Хертмор. - Попробуйте другого венецианца, - добавил он. — Этот был большим успехом.

Это был вид, который, наконец, заставил нас остаться с домом. Это правда, что она у него были свои недостатки. Он был далеко от города, и у него не было телефона. Прокат это было непомерно высоко, Сток сточных вод плохой. В ветреные ночи,, когда плохо расположенные оконные стекла так яростно врезались в рамы, что человек мог представить себя в гостинице-вагон, электрический свет, по какой-то причине таинственный, он неизменно заканчивался и оставлял человека в шумном темнота. Был великолепный туалет; но электрический насос, который должен был послать воду из дождевых цистерн с террасы не получилось. Колодец вода неукоснительно высыхала каждую осень. И наша хозяйка была лжец и обманщик.

Но это небольшие недостатки каждого арендованного дома в мире целое число. По итальянским меркам это не было худшим из миров. Я видел многие дома, которые имели эти и еще сотни других проблем, не владея компенсирующие преимущества нашего-сад и терраса, выходящие на юг, для зимы и весны, большие комнаты прохладные против жары лето, воздушный, без комаров воздух с вершины холма и, наконец, вид.

И какой вид! Вернее, какая последовательность взглядов! Потому что все было по-другому. дни; и, не выходя из дома, создается впечатление непрекращающейся смены сценарий: все прелести путешествий, без усталости. Были осенние дни, когда все долины были полны тумана, а предгорья Апеннин поднимались темными из плоского Белого озера. Были дни, когда туман вторгался даже в наш высоко на холме, и мы были окутаны мягким паром, в котором оливковые деревья цвета туман, который спустился под нашими окнами в сторону долины, исчез как будто они возвращаются к своей духовной сущности; и единственные твердые и определенные вещи в маленьком темном мире, в котором мы оказались, были оба высокие и темные кипарисы, которые росли на небольшой террасе тридцать метров холм вниз. Черные, острые и твердые, они стояли там, двойные столпы Геракл на краю известной Вселенной; кроме них были только бледное облако, а вокруг них только туманные оливковые деревья.

Это были зимние дни. Но были весенние и осенние дни, неизменно безоблачные дни или, что еще более восхитительно,

торнадо они отличаются огромными и плавающими формами пара, которые белые на вершине далекие горы, покрытые снегом, постепенно открывались, на фоне бледности и сверкающий синий, нерегулярные и героические позы. И высоко в небе пухлые завесы, лебеди, воздушные шарики, вырезанные и оставленные безрезультатными богами

устав от творения почти до того, как они начали его, они спали по ветру, меняя форму, когда они двигались. И солнце пришло, и он исчез за ними; и город в долине исчез и почти исчез в тень, теперь, как огромная жемчужина среди холмов, она сияла, как будто свой собственный свет и глядя на ближайшую впадину притока, которая он простирался от наших предгорий, спускаясь к Арно, глядя на темное плечо холма, на внешнем мысе которого стояла церковь Сан Миниато с его башнями можно было увидеть огромный купол, слегка свисающий с его каменные ребра, квадратная колокольня, острая стрела башни Святой Кроче и навес башни Синьории, возвышающийся над замысловатым лабиринтом из домов, отличительных и ярких, как маленькие сокровища, высеченные в камнях, драгоценный. Его свет внезапно исчез, и блуждающий фокус выбирал среди голубые холмы дальше, единственный золотой откос.

Были дни, когда воздух был влажным от дождя, который уже прошел или все еще приближался, и все расстояния казались чудесным образом близкими и ясный. Оливковые деревья выделялись друг от друга на далеких склонах; далекие поселения оказались красивыми и жалкими, как самые изысканные игрушка. Были летние дни, дни надвигающейся бури, когда, яркие и освещенные солнцем на фоне огромных выпуклых масс черного и пурпурного, холмы и белые дома мерцали, так сказать, ненадежно, в умирающее великолепие, на грани какого-то ужасного бедствия.

Как менялись и менялись холмы! Каждый день и практически каждый время суток они трансформировались. Были времена, когда, глядя сквозь Флоренция, на фоне неба был виден только темно-синий силуэт. Пейзаж не у него была глубина; была только одна нависающая занавеска, нарисованная символами с гор. И затем, почти внезапно, с прохождением облака спуск солнца на определенный уровень в небе, плоский пейзаж стал другим; и где раньше была только расписная занавеска, потом появились пилы и пилы, с градации тона от коричневого, или серого, или

зеленовато-золотого до синего далекий. Формы, которые мгновение назад слились без разбора в единую массу теперь распались на составляющие. Фьезоле, когда-то он был лишь опорой горы Морелло, а потом оказался выступающий мыс из другой системы холмов, отделенный от бастионов дальше рядом со своим соседом по глубокой тенистой долине.

В полдень, в летнюю жару, пейзаж стал тусклым, пыльным, расплывчатый и почти бесцветный под солнцем Пино; холмы исчезли на окраинах дрожат с неба. Но по мере того, как наступал день, пейзаж становился он терял свою анонимность, поднимался из ниоткуда, чтобы стать формой и жизнь. И его жизнь, когда солнце медленно погружалось в долгий день,, с каждым мгновением она становилась богаче, интенсивнее. Горизонтальный свет с тенями темные и удлиненные, которые следовали за ней, оставляли обнаженной, так сказать, анатомию

земля; холмы-каждый западный откос сияет и каждый скрытый склон солнце глубоко затенено — они стали массивными, скалистыми и твердыми. Обнаружились небольшие складки и углубления в, казалось бы, правильной местности. К востоку от нашего холма, через равнину Эма, огромная скала он отбрасывал свою все большую тень; в ясности долины целый город она затмевалась внутри нее. И когда солнце выдыхало на горизонте, холмы далекие краснели в своем теплом свете, пока их освещенные бока не стали цвета желтовато-розовых; но долины уже были полны голубого тумана ночь. И она поднималась, поднималась; огонь уходил из западных окон склонов. только гребни все еще горели, и, наконец, они тоже гасить. Горы исчезали и снова сливались в картину. плоские горы на фоне бледного ночного неба. Вскоре после этого наступила ночь; и если Луна была полной, призрак мертвого пейзажа все еще преследовал горизонты.

Изменчивый по своей красоте, этот широкий пейзаж всегда сохранял характерная черта человечности и одомашнивания, которая сделала его, по крайней мере, для мне, лучшие пейзажи для жизни. День за днем человек путешествовал через их разные красоты; но путешествие, как Великое пересечение наших предки, это всегда было путешествие по цивилизации. Несмотря на все его горы, крутые склоны и глубокие долины, тосканский пейзаж доминируют его жители. Они обрабатывали каждый участок земли, который мог быть культивируется; их дома густо

разбросаны даже по холмам, и долины населены. Одинокий на вершине холма, человек не одинок в Бесплодных землях. Черты человека лежат на поле, и уже — чувствуй это с удовлетворением когда ты смотришь на сельскую местность-на протяжении веков, на протяжении тысяч лет, это было его, покорного, приручennого и гуманизированного. Огромные и пустые пустоши, пески, леса бесчисленных деревьев — это места для случайного посещения, здоровый дух, который подчиняется им на короткое время. Но влияет дьявольские, а также божественные преследуют эти отшельники. Вегетативная жизнь растения и вещи чужды и враждебны человеческой жизни. Мужчины не могут жить в мире, кроме тех, где они доминировали в своей среде и где их число он превосходит вегетативную жизнь вокруг него. Обнаженная из ее черных рощ, посаженная, вырезанный на террасах и выращенный почти до вершин гор, пейзаж Тоскана гуманизирована и безопасна. Иногда это падает на тех, кто живет в середине ее стремление к чему-то одинокому, нечеловеческому, безжизненному или населенному только с экзотическими формами жизни. Но жажда вскоре удовлетворяется, и она остается довольный возвращением к цивилизованному и покорному ландшафту.

Я обнаружил, что дом на вершине холма был идеальным местом для проживания. Ибо там, безопасный посреди гуманизированного ландшафта, он был тем не менее одинок; можно было бы быть одиноким по своему желанию. Соседи, которых никогда не видели близко, - это идеальные и идеальные соседи.

Наши ближайшие соседи, с точки зрения физической близости, жили

очень близко. Между прочим, это были две группы, почти в одном доме с нами. Один был а крестьянская семья, занимавшая длинное невысокое здание, часть жилого дома, часть конюшни, депо и эстребария, рядом с виллой. Другие наши соседи — непостоянные соседи, так как они только время от времени выходили из города, когда погода была идеальной-это были владельцы виллы, которые имели зарезервировано для вас меньшее крыло огромного L-образного дома - всего дюжина комнаты, или что — то, что стоило бы этого-оставив нам восемнадцать или двадцать оставшиеся жилые помещения.

Это была любопытная пара наших хозяев. Старый муж, серый, апатичная, дрожащая, минимум семьдесят лет; и жена около сорока, невысокая, очень пухлые, с маленькими ручками и толстыми ножками и парой очень черных глаз большие, очень темные, которые она носила с мастерством прирожденного комика. Его жизненная сила, если бы ее можно было направить на какую-то полезную работу, имела бы электроэнергией питается целый город. Физики говорят о снятии энергия атома; им было бы чем заняться, и гораздо больше плодотворно, рядом с их домами-выяснение каких-либо средств использования этого огромное количество жизненной энергии, которая накапливается у незанятых женщин и в нынешнем и несовершенном состоянии социальной организации и научными, они дают выход себе, как правило, не слишком плачевными средствами: вмешиваться в дела других, создавать сентиментальные сцены, думать о любовь и делать это или беспокоить мужчин, пока они не могут этого сделать продолжать работать.

Синьора Бонди тратила свою лишнюю энергию, среди прочего, “ликвидация” ваших арендаторов. Старый джентльмен, отставной торговец с репутация самой совершенной чести, мне не разрешалось иметь дело с нами. Когда мы пришли посмотреть на дом, это была женщина, которая показала нам все. Именно она, с роскошной демонстрацией очарования и неотразимой игрой взглядов, растянулся на заслугах места, пел чудеса электрического насоса, он прославил ванную комнату (которая, принимая во внимание, сделала аренду по ее словам, невероятно дешево) и когда мы предлагаем вызвать оценщика чтобы осмотреть дом, он умолял нас с тревогой, как будто наше благополучие было бы его единственной заботой, чтобы мы не тратили наши деньги, делая что-то настолько лишнее.

- В конце концов, мы честные люди, — сказала она. - Я бы не мечтал о сдавать дом вам, если он не в идеальном состоянии. Будьте уверены.

И она смотрела на меня с болезненным выражением привлекательности в глазах великолепный, как будто умоляя меня не оскорблять ее своими грубыми подозрительный. И оставив нас без времени, чтобы расширить тему оценщиков, она он начал уверять нас, что наш мальчик был самым красивым ангелом, которого она когда-либо видела. Когда наше интервью с синьорой Бонди было в конце, мы решили определенно принять дом.

- Очаровательная женщина, - сказал я, когда мы выходили из дома. Но я думаю, что Элизабет не была так уверена в этом, как я.

Затем начался эпизод с бомбой.

В ночь нашего приезда в дом мы включили электричество. Бомба сделала очень профессиональный шум; но вода не выходила из кранов в ванной. Мы смотрим друг на друга с сомнением.

- Очаровательная женщина? - Элизабет подняла брови.

Мы просим о свиданиях; но почему-то старый джентльмен никогда не мог нас прием, и синьора неизменно отсутствовала или была нездорова. Оставлять записки; на них никогда не отвечали. Наконец, мы считаем, что единственный способ общение с нашими арендодателями, которые жили в том же доме, что и мы, было спуститься во Флоренцию и отправить им заказное экспресс-письмо. Для этого они они должны были бы подписать две отдельные квитанции и даже, если бы мы решили заплатить еще сорок центов, третий компрометирующий документ, который затем вернулся для нас. Не могло быть лжи, как всегда было с письмами или обычные билеты, от которых сообщение не получено. Начать наконец, чтобы получить ответы на наши жалобы. Синьора, которая писала все письма, он начал с того, что сказал нам, что, естественно, насос не работает, потому что цистерны были пусты из-за долгой засухи. Пришлось пройти пять миль до почты, чтобы зарегистрировать мое письмо, напоминающее ему, что я упал сильный шторм в предыдущую среду, поэтому, и что цистерны они были заполнены более чем наполовину. Ответ вернулся: вода для ванны не была гарантируется договором; если я хотел ее, почему бы мне не проверить бомбу до сдачи дома в аренду? Еще одна прогулка в город, чтобы спросить синьору по соседству, если бы она помнила его мольбы, чтобы мы имели доверьтесь ей и сообщите, что наличие туалета в доме это было само по себе подразумеваемой гарантией воды для купания. Ответ на это был что синьора не может продолжать общаться с людьми, которые ее так грубо писали. После этого я поставил вопрос в руки адвокат. Через два месяца насос был заменен. Но мы должны были представить ордер на ее уступку. И стоимость была значительной.

Однажды, уже к концу эпизода, я встретил старого джентльмена на дороге, принимая вашу собаку — или, скорее, будучи

выведенным на прогулку собакой, огромный мареманский пастух. Потому что, где собака тянет его, старик он должен был следовать за ним. И когда он останавливался, чтобы понюхать или поцарапать земля или оставить свою визитную карточку или оскорбительный вызов j unto на перекладине некоторых ворота, терпеливо, на своем конце поводка, старик должен был ждать. Пройти он стоял на обочине дороги, в нескольких сотнях метров ниже нашего комната. Собака обнюхивала корни одного из двойных кипарисов, которые росли по обе стороны от входа на ферму; я слышал, как животное рычало на себя, возмущен, как будто нюхает невыносимое оскорбление. Старый синьор Бонди,

привязанный к собаке, я надеялся. Колени внутри трубчатых серых брюк они были слегка согнуты. Опираясь на трость, он созерцал унылый и смутный пейзаж. Белизна его старых глаз была обесцвечена, как будто это два старых бильярдных шара. На сером лице и глубоко сморщенный нос стал диспептически красным. Белые усы, побитые и желтоватый на концах, он висел меланхоличным изгибом. В черном галстуке он носил очень большой бриллиант; может быть, это то, что думала синьора Бонди привлекательный в нем.

Я снял шляпу, когда подошел. Старик рассеянно смотрел на меня, и только когда я уже почти прошел мимо него, он вспомнил, кто я такой.

- Подожди! - крикнул мне в спину. - Подожди! - И спустился спешно по дороге в погоню. Собака, взятая полностью из сюрприз и в невыгодном положении (потому что он был занят возвращением оскорблений найденный в корне кипариса), позволил его смыть. Слишком поражен чтобы сделать что-нибудь, кроме подчинения, последовал за хозяином. - Подожди!

Ожидать.

- Мой дорогой господин — - сказал старый джентльмен, держа меня за лацкан от пальто и неприятно пыхтя на моем лице. — Хотеть извиниться. - Оглянулся, как будто боялся быть услышанным даже прямо там. - Я хочу извиниться за этот убогий электрический насос. — продолжать. - Уверяю вас, если бы это был только я, я бы исправил это немедленно. Вы правы: туалет-это подразумеваемая гарантия вода для ванны. С самого начала я видел, что у нас не было бы шансов, если бы это было

Правосудие. Кроме того, я думаю, что нужно относиться к арендатору как можно лучше. Но моя жена… - Он понизил голос — - дело в том, что ей нравятся такие вещи, даже если вы знаете, что ошибаетесь и проиграете. Кроме того, она надеялась, я я представляю, что вы устали просить и делать работу вы даже. Я сказал ей с самого начала, что мы должны уступить; но она не слушала. Знаешь, ей это нравится. Тем не менее, теперь она видит, что это должно быть сделано. Мы в ближайшие два-три дня Господь получит свою воду для купания. Но я думал, что это будет хорошо рассказать вам, как… - но собака, которая к тому времени уже была оправившись от удивления мгновением ранее, он внезапно вскочил, рыча, дорога вверх. Старый джентльмен попытался удержать животное, крепко прижал его поводок, пошатнулся, а затем неуравновешенный, сдался и позволил себе ползти — … как я сожалею — - продолжал он, уходя, - что это маленькое зло знающий… - но это было бесполезно. — До свидания. - Вежливо улыбнулся, сделал маленький жест бессилия, как будто он вдруг вспомнил важное обязательство и не было времени объяснить, что это было. — До свидания. - Сняла шляпу и полностью бросилась к собаке.

Через неделю вода действительно начала течь, и однажды после нашей первой ванны синьора Бонди, одетая в светло-серый атлас и все

ваши жемчужины, вы пришли к нам в гости.

- Теперь мы в мире? - спросила она с очаровательной откровенностью, когда мы пожимали друг другу руки.

Мы заверили, что что касается нас, мы, безусловно, были.

- Но почему Господь написал мне такие ужасные и грубые письма? — спросил, обращаясь ко мне с упреком, который должен был принять самое преступник, склонный к раскаянию. - А потом ордер. Как вы могли? Для леди…

Я пробормотал что-то о бомбе, и мы захотели принять душ.

- Но как ты хочешь, чтобы я слушал тебя, пока ты злишься? Почему разве вы не сделали все по-другому, вежливо, элегантно?- Она улыбнулась и опустила дрожащие веки.

Я подумал, что лучше сменить тему. Когда человек прав, это

неприятно выглядеть неправильно.

Через несколько недель мы получили письмо-должным образом записано и курьером Экспресс-в котором синьора спрашивала нас, мы планировали продлить контракт (который был только на шесть месяцев) и уведомили, что, если если бы мы это сделали, арендная плата получила бы повышение на двадцать пять процентов, за причина улучшений, которые были сделаны. Мы думаем, что нам повезло, потом много сделок, возможность продлить контракт на целый год с увеличение арендной платы всего на пятнадцать процентов.

Это было главным образом из-за зрения, что мы могли выдержать эти вымогательства невыносимый. Но мы выяснили другие причины, после нескольких дней сопротивление, чтобы любить дом. Из них самым сильным было то, что у самого сына старик из крестьян, мы нашли то, что казалось идеальным компаньоном игры нашего сына. Между маленьким Гвидо — так его звали-и младшему из его братьев и сестер было шесть или семь лет. Его двое старшие братья работали в поле со своим отцом; после смерти матери двое или за три года до того, как мы их встретили, старшая сестра присматривала за домом, и младшая, только что вышедшая из школы, помогала и в перерывах оставалась я смотрю на Гвидо, который к тому времени, однако, уже нуждался в небольшом уходе; в возрасте от шести до семи лет он был не по годам развитым, уверенным в себе и ответственным, как обычно это дети бедных, оставленные на их усмотрение с самого начала этаж.

Хотя на два с половиной года старше маленького Робина — и Несса возраст тридцать месяцев полны опыта полураспада-Гвидо не получает он злоупотреблял своей превосходной силой и интеллектом. Никогда не видел ребенок более терпеливый, терпимый и совсем не тиранный. Никогда не смейтесь над усилиями Робина, чтобы подражать его собственным потрясающим подвигам; нет это подразумевало и не провоцировало, но помогало своему маленькому товарищу, когда это я испытывал трудности и объяснял, когда не мог понять. По его

Робин обожал его, считал образцом идеального большого мальчика и смиренно подражал ему во всем, что мог.

Эти попытки Робина подражать своему товарищу часто были очень комично. Ибо, по неясному психологическому закону, слова и действия сами по себе даже очень серьезные становятся комичными, как только их копируют; и чем больше точно, если имитация является преднамеренной пародией, тем более смешно - потому что преувеличенная имитация кого-то, кого мы знаем, не это заставляет смеяться так же сильно, как и тот, который почти неотличим от оригинала. Плохая имитация это комично только тогда, когда дело доходит до акта искренней и трудолюбивой лести, которая не дает правильный. Подражания Робина были у большинства этого вида. Ваши попытки героические и неудачные подвиги силы и мастерства, которые Гвидо это можно было сделать с легкостью они были изысканно смешными. И его подражания забота о привычках и манерах Гвидо была не менее забавной. Более комично, что все, потому что осуществляется более серьезно, и более странно в подражатель, это была имитация, которую Робин сделал задумчивым Гвидо. Гвидо был задумчивый ребенок, склонный к внезапным мечтаниям и абстракциям. Можно было найти-Ло сидит в углу, подбородок в руке, локоть в колене, опущенный, судя по всему судя по всему, в глубочайшей медитации. И иногда даже в середине шучу, он вдруг остановился и встал, руки за спиной, лоб нахмурилась, глядя на пол. Когда это случилось, Робин испугался и немного беспокойно. В изумленной тишине он смотрел на своего товарища. “Гвидо”, он тихо говорил: “Гвидо.“Но Гвидо обычно был слишком обеспокоен, чтобы ответить; и Робин, не решаясь настаивать, подкрался к нему и, ставя себя как можно больше в позиции Гвидо-наполеоновски остановлен, руки J untas за спиной, или сидя в позе Лаврентия Великолепного, из Микеланджело-тоже пытался медитировать. Но в конце минуты он он начинал становиться нетерпеливым; медитация не была его сильной стороной. “Гвидо”, он он снова, громче, звал: “Гвидо!”. Я брала его за руку и пыталась вытащить. Иногда Гвидо просыпался от своей задумчивости и возвращался к прерванной игре. Иногда мне было все равно. Меланхоличный, сбитый с толку, Робин должен был пойти поиграть один. Е Гвидо продолжал сидеть или стоять неподвижно; и его глаза, если кто-то их обратите внимание, они были прекрасны в своем серьезном и задумчивом спокойствии.

Это были большие, раздельные глаза, и что было странно у ребенка итальянка темноволосая, светлого бледно-серо-голубого цвета. Не они всегда были серьезными и спокойными, как в эти задумчивые моменты. Когда шутил, когда говорил или смеялся,

они загорались; и поверхность этих два ясных озера мыслей, казалось, как бы сотрясались и превратитесь в яркие волны солнечных вспышек. Над этими глазами лоб он был красивым, высоким, прямым и сводчатым по кривой, которая была похожа на тонкую кривую лепесток розы. Нос был прямым, подбородок маленький и несколько заостренный, а бока немного печально падала в углах.

У меня есть снимок двух детей, сидящих вместе на перилах терраса. Гвидо сидит почти лицом к камере, но смотрит на немного в сторону и вниз; руки скрещены на коленях, и выражение лица, поза вдумчивая, серьезная, поглощенная. Это Гвидо в один из тех моментов абстракция, в которую он погружался даже посреди смеха или шутки - внезапно и полностью, как будто вдруг решил уйти и он оставил тело тихим и красивым, как пустой дом, ожидая своего возвращение. А рядом с ним сидит маленький Робин, поворачиваясь, чтобы посмотреть на него, лицо немного отклоняется от камеры, но кривая лица показывает, что он улыбается; одна из маленьких рук, поднятая вверх, застряла высоко в жесте, другая он хватает Гвидо за рукав, словно настаивая на том, чтобы он пошел играть. И ноги, свисающие с парапета, были замечены мигающей машиной среди нетерпеливое движение; он вот-вот соскользнет на землю и побежит к играть в прятки в саду. Все основные характеристики обоих дети в этом маленьком снимке.

- Если бы Робин не был Робином, я бы почти хотел, чтобы он был Гвидо — раньше говорила Элизабет.

Даже в то время, когда у меня не было особого интереса к ребенку, я согласился с ней. Гвидо казался мне одним из самых очаровательных маленьких мальчиков, которые я уже знал.

Мы были не единственными, кто восхищался им. Синьора Бонди, когда она приходила к нам в гости в дружеских перерывах между нашими боями я постоянно говорил о нем.

- Такой красивый ребенок, такой красивый! — с энтузиазмом восклицала она. — Действительно жаль, что он принадлежит крестьянам, которые не могут его одеть право. Если бы он был моим, я бы одел его в черный бархат; или маленькие шорты белые и шелковая трикотажная рубашка с красной полосой на воротнике и на манжетах; или, может быть, белый матросский

костюм выглядел бы красиво. И в зима маленькая шуба, с шапкой из беличьего меха, и возможно русские сапоги… - Его воображение вышло из-под контроля. — Быть я позволю его волосам расти, как у пажа, и я пошлю их вьющимися чуть - чуть на концах. И прямая челка посередине лба. Все собирались перевернуться. чтобы посмотреть на нас, если бы я взял его с собой в деревню Торнабуони.

То, что вы хотите, я хотел бы сказать ей, это не ребенок; это кукла веревкой или зубчатой обезьяной. Но я этого не говорил-отчасти потому, что нет я мог вспомнить итальянский для веревочной куклы и отчасти потому, что нет я хотел рискнуть получить еще одно пятнадцатипроцентное повышение арендной платы.

- Ах, если бы у меня был такой маленький мальчик! - Она вздохнула и скромно опустил веки. - Я люблю детей. Иногда я думаю о принять один; то есть, если бы мой муж позволил это.

Я думал о бедном старом джентльмене, которого тащат вслед за его белый мареман и внутренне улыбается.

- Но я не знаю, позволит ли он, — продолжала синьора. - Я не знаю, если он позволять. - Молчал на мгновение, как будто думал о новая идея.

Несколько дней спустя, когда мы сидели в саду после обеда, пить наш кофе, отец Гвидо, вместо того, чтобы пройти с приветствием и привычный и радостный Добрый день, он остановился перед нами и начал говорить. Это был красивый мужчина, не очень высокий, но хорошо сложенный, быстро двигающийся и эластичные и полные жизни. У него было худое, темное лицо с чертами лица, как у римлянин, освещенный самой умной парой глаз, которые я когда-либо видел. Его глаза проявляли почти слишком много интеллекта, когда, как это было с часто он старался с совершенной откровенностью и детской невинностью, обмануть кого-то или получить что-то от кого-то. В таких случаях интеллект озорно блестел, наслаждаясь собой. Лицо может быть умный, бесстрастный или почти глупый в своем выражении; но глаза на них случаи выдавали его полностью. Когда они так сияли, было известно, что нужно было быть осторожным.

Однако в тот день на них не было опасных огней. Он ничего не хотел от нас ничего ценного - только советы, что это статья, Он

знал, что много люди хотят дать. Но он хотел совета о том, что это было для нас, довольно деликатная тема: о синьоре Бонди. Карио часто она жаловалась нам на нее. Старик хороший, сказал он нам, очень хороший и щедрый. О это означало, осмелюсь сказать, среди прочего, что его можно было обмануть легкость. Но жена… Ну, эта женщина была животным. А потом перешел в рассказы о ее ненасытной алчности: она всегда требовала больше половины производства, которое по законам носочной системы было правом собственника. Он жаловался на ее подозрения: он всегда обвинял его в неправильных действиях или воровство-он, бил в грудь, олицетворение честности. Жаловался на недальновидная алчность: она не хотела тратить достаточно на навоз, не хотела его купить другую корову, не хотел устанавливать электрический свет в конюшне. И мы были солидарны, но с осторожностью, не высказывая слишком сильного мнения о вопрос. Итальянцы удивительно уклончивы в своей речи; они не отпускают ничего для вашего собеседника, пока они не будут уверены, что это правильно, необходимо и выше из всего, безопасно это сделать. Мы жили среди них достаточно долго, чтобы подражать ваша осторожность. Рано или поздно то, что мы сказали Карио, наверняка вернется к синьора Бонди. Ничто не выиграет от ненужного износа в наших отношения с дамой-всего еще пятнадцать процентов, скорее всего, они будут потеряны.

В тот день он не совсем жаловался, а скорее чувствовал недоумевающий. Синьора приказала ему позвонить, казалось, и спросила, не хочет ли он то, что она сделала ему предложение — все это было очень гипотетически, с осторожностью итальянский стиль-принять маленького Гвидо. Первый инстинкт Карио снаружи

сказать, что мне не нравится эта идея. Но такой ответ подразумевает некоторый уровень обязательства. Он предпочел сказать, что подумает об этом. И теперь это было просить совета.

Делайте то, что считаете нужным, - вот на что мы действительно ответили. Но мы дали понять, холодно, но ясно, что мы думали, что синьора Бонди это была бы не очень хорошая мачеха для ребенка. И Карио был склонен к согласиться. Кроме того, он был очень привязан к мальчику.

— Но дело в том, что если она действительно решит завести

ребенка, то ничего не делай этого, - с грустью заключил он.

Мне было ясно, что он также хотел бы, чтобы физики использовали незанятые, бездетные и вспыльчивые женщины, прежде чем они справятся с атомом. Тем не менее, я размышлял, наблюдая, как он уходит через террасу, пение во все горло, там есть сила, в этих конечностях достаточно жизни резинки, за этими блестящими серыми глазами, чтобы устроить хороший бой, даже против накопленных жизненных энергий синьоры Бонди.

Через несколько дней после этого мой граммофон и две или три коробки с пластинками они прибыли из Англии. Они были для нас большим утешением на вершине холма., обеспечивая единственное, что это духовно плодородное одиночество-другой режим идеальный остров для семьи Робинсонов Швейцария — у меня не было музыки. В настоящее время во Флоренции не так много музыки. Прошло время в что доктор Берни мог путешествовать по Италии, слушая бесконечную череду новых оперы, симфонии, квартеты, кантаты. Прошли те времена, когда музыкант ученый, уступавший только преподобному отцу мартини из Болоньи, мог восхищаться что крестьяне пели, а гуляющие музыканты бренчали и играли на своих инструментах. Я путешествовал неделями по полуострову и едва слышал записку пусть это не будет Саломея или песня фашистов. Бедные во всем, что делает жизнь приятные или даже терпимые, северные мегаполисы богаты музыкой. Пожалуй, это единственный стимул, который разумный человек может найти для жизни там. Другие достопримечательности-организованная радость, люди, разговор, удовольствия Социальные-что они, в конце концов, являются расходами духа, которые ничего не покупают? И холод, и тьма, и грязь, и сырость, и нищета… Нет, там, где нет необходимость, которая сдерживает нас, музыка может быть единственным стимулом. И это, спасибо гениальному Эдисону, теперь его можно загрузить в коробку, которую нужно открыть в любой отшельник, который мы выбрали для посещения. Можно ли жить в Бенин, или Нунитон, или Тозер в Сахаре, и все же слушать квартеты Моцарт и отрывки из Хорошо темперированного клавира, Пятой симфонии и квинтета для кларнет Брамса, или мотеты Палестрины.

Карио, который спустился на станцию с мулом и повозкой, чтобы забрать ящик, он очень интересовался устройством.

- Снова услышишь музыку, - сказал он, наблюдая за мной распакуйте граммофон и пластинки. - Трудно сделать многое в

одиночку.

Даже тогда, подумал я, он может многое сделать. В теплые ночи мы слушали его, когда он сидел у двери его дома, играл на гитаре и пение тихо; старший сын обострял мелодию на мандолине, а иногда и входила вся семья, и тьма наполнялась ее страстным пением и хриплый. В основном они пели песни Пьедигротты; и голоса они мягко скользили от одной ноты к другой, лениво поднимались или они прыгали с внезапными рыдающими акцентами от одного тона к другому. На расстоянии и под звезды эффект не был неприятным.

- До войны, - продолжал он, — в обычное время-и Карио у меня была надежда, даже вера, что нормальные времена они возвращались, и жизнь скоро станет такой же легкой и дешевой, как и мы. за несколько дней до потопа я ходил послушать оперы в Политеаме. Ах, были великолепный. Но теперь вход стоит пять лир.

- Слишком много — - согласился я.

- У тебя есть Трубатор? - он спросил.

Я покачал головой.

- Риголетто?

- К сожалению, нет.

- Богема? Fanciulla dei West? Пальяччи?

Я должен был продолжать подводить его.

- Даже не норма? Или Барбьер?

Я поставил Баттистини в" Là Ci Darem " Дона Жуана. Он согласился, что хор был хорош, но я мог видеть, что он не очень любил музыку. Почему нет? Ему было трудно объяснить.

- Это не похоже на Пальяччи, - сказал он в конце концов.

- Разве это не восхитительно? - высказал мнение, используя слово, в котором я был уверен что было ему знакомо; ибо это происходит в каждом политическом дискурсе и в каждой статье Патриот в Италии.

— Это не восхитительно, - согласился он.

И я подумал, что это именно из-за разницы между Пальяччи и Доном Джованни, между восхитительным и не восхитительным, что Moderna музыкальный вкус он отделен от старого. Я подумал, что коррупция лучшего-худшее. Бетховен учил музыка, чтобы вырвать с его интеллектуальной и духовной страстью. Она продолжает с тех пор восхищается, но со страстью низших людей. Косвенный ум, подумал я, Бетховен отвечает за Парсифаль, Пальяччи и “Огненная поэма”; еще более косвенно Самсоном и Далилой и фокстротом “Айви, Цепляйся За Меня”. Мелодии Моцарта могут быть яркими, запоминающимися и заразны; но не захватывают, не ловят нас между ветром и водой, нет они доводят слушателя до эротического экстаза.

Я подозреваю, что Карио и его старшие дети нашли граммофон разочарование. Однако они были слишком вежливы, чтобы сказать это; просто

после первых нескольких дней они перестали интересоваться машиной и музыкой что она играла. Они предпочитали гитару и собственное пение.

Гвидо, с другой стороны, очень заинтересовался. И ему это нравилось, а не веселые песни танцев, в высоких ритмах которых обожал наш маленький Робин выйти маршируя по комнате, притворяясь целым полком солдат, но от истинной вещи. Я помню, что первая запись, которую он услышал, была до медленная часть концерта ре минор для двух скрипок Баха. Это был диск, который я поставил, как только Карио ушел. Он казался мне, так сказать, пьесой более музыкальной музыкой, с которой я мог бы освежить свой разум в течение долгого времени жажда-самое свежее и ясное из зелий. Движение было в начале и он начал раскрывать свои чистые и меланхоличные красоты по законам более требовательная интеллектуальная логика, когда двое детей, Гвидо впереди и маленький Робин вслед за ним, затаив дыхание, они вошли в комнату с лоджии.

Гвидо встал перед граммофоном и стоял там, неподвижно, слушая. Его глаза светло-серо-голубые расширились; делая маленький нервный жест что я часто замечал в нем раньше, он ущипнул нижнюю губу большой и указательный пальцы. У него должно быть отличное дыхание, потому что я понял, что после

слушая несколько секунд, он сильно выдохнул и вдохнул новый глоток воздуха свежий. На мгновение он посмотрел на меня-вопросительный взгляд, ошеломленный, вырванный — он хихикнул, что закончилось чем-то вроде нервная дрожь и снова повернулась к источнику невероятных звуков. Смиренно подражая своему старшему товарищу, Робин также взял его место перед граммофоном, в том же точном положении, глядя с первого взгляда для Гвидо время от времени, чтобы убедиться, что он все делает правильно, даже ущипнуть губу. Но через минуту ему стало скучно.

- Солдаты, - сказал он, поворачиваясь ко мне. - Мне нужны солдаты. Как в Лондоне. - Он вспомнил регтайм и веселые марши вокруг зал.

Я поднес палец к губам.

- Потом, - прошептал я.

Робин сумел молчать и неподвижно для друг друга двадцать секунда. Затем схватил Гвидо за руку, крича:

- Вени, Гвидо! Солдат. Солдати. Vieni giuocare soldati. Это было тогда, когда впервые увидел нетерпеливого Гвидо.

- Иди, - сердито воскликнул он, хлопнув Робина по руке, что схватил и резко толкнул ее. И наклонился ближе к инструмент, как будто для компенсации, слушая более интенсивно, чем прерывание заставило его проиграть.

Робин изумленно посмотрел на него. Такого никогда раньше не было. Потом он порвал в слезах и пришел просить у меня утешения.

Когда они помирились — и Гвидо искренне раскаялся, это было

так же хорошо, как он знал, когда песня закончилась, и его разум был свободен чтобы снова подумать о Робине, я спросил его, нравится ли ему эта песня.' Он сказал, что нашел это красивым. Но Белло по-итальянски-расплывчатое слово слишком много, произносится слишком легко и часто, чтобы означать слишком много вещь.

- Что тебе понравилось больше всего?— настаивать. Потому что

ему, казалось, так понравилось, что мне было любопытно узнать, что на самом деле произвело на него впечатление.

Он на мгновение замолчал, задумчиво нахмурившись.

- Ну, мне понравился кусок, который был таким, - сказал он, в конце концов, и напевал длинное предложение. - И в то же время пела Еще одна вещь. Но что это те вещи, которые так поют?

- Они называются скрипками — - сказал я.

— Скрипка. - Он кивнул. - Ну, другая скрипка делает это так. - Стал напевать. - Почему мы не можем петь и то, и другое одновременно? И что в этой коробке? Что это за шум? - Ребенок проливал свои спросить.

Я ответил ему, как мог, показывая ему маленькие спирали в диск, игла, диафрагма. Я сказал ему вспомнить, как струна гитары он дрожал, когда кто-то тангировал; звук дрожит в воздухе, я сказал ему, и я попытался объяснить, как эти вздрагивания печатаются на черном диске. Гвидо слушал меня очень серьезно, время от времени кивая. У меня была впечатление, что он прекрасно понимал все, что я говорил.

К этому моменту, однако, бедному Робину было так ужасно скучно что из-за его жалости мне пришлось отправить двух детей на улицу, чтобы поиграть в сад. Гвидо подчинился; но я мог видеть, что он предпочел бы остаться внутри дом слушает больше музыки. Чуть позже, когда я выглянул, он был спрятанный в темном углублении великого лавра, ревущий, как лев, и Робин смеясь, но немного нервничая, как будто боясь, что ужасный шум возможно, это действительно может быть, в конце концов, рев настоящего льва, бил в пучке с палкой, крича:

- Убирайся, убирайся! Я хочу застрелить тебя!

После обеда, когда Робин поднялся спать, он снова появился.

- Теперь можно послушать музыку? — просить.

И в течение часа он сидел перед инструментом, голова слегка упал в одну сторону, слушая, как я положил диск после диск.

С тех пор он приходил каждый день. Вскоре я знал всю свою дискотека, у него были свои предпочтения и антипатии, и он просил то, что хотел, напевая основная тема.

- Мне это не нравится, - сказал Тилль Эйленшпигель из Штрауса. - Это как когда мы поем дома. Это не совсем то же самое. Но даже тогда это хорошо

похожий. Вы понимаете? - Он озадаченно и умоляюще смотрел на нас, как если бы он умолял нас понять, что он имел в виду, и избавить его от продолжать объяснять. Мы кивнули. Гвидо продолжил. - И финал кажется, что нет это происходит с самого начала. Это не похоже на то, что вы коснулись в первую очередь поворот — он напевал один или два такта медленного движения концерта ре минор Баха.

- Это не то же самое, что сказать: все мальчики любят играть. Гвидо-это мальчик. Поэтому Гвидо любит шутить — - предложил я. Он нахмурился.

- Да, может быть, это все, - сказал он наконец. - Та, к которой прикоснулся Господь во-первых, это больше похоже на это. Но вы знаете, - добавил он с чрезмерной привязанностью к правда, я не люблю шутить так сильно, как Робин.

Вагнер был среди его ожериз; а также Дебюсси. Когда я коснулся диск одной из Арабесков Дебюсси, сказал он:

- Почему он говорит одно и то же много раз подряд? Должен сказать что-то новое, или продолжать, или заставить вещь расти. Разве он не можете придумать что-нибудь другое? - Но я меньше упрекал Апреса.- midi d'un faune. - У вещей красивые голоса, - прокомментировал он.

Моцарт наполнял его удовлетворением. Дуэт Дон Жуана, который имел его отец недостаточная находка восторженный ум, очаровал Гвидо. Но он предпочитал квартеты и оркестровые пьесы.

- Мне больше нравится музыка, чем пение, — сказал он.

Я подумал, что большинство людей любят пение больше, чем музыку; они больше интересуется исполнителем, чем тем, что он выполняет, и находит безличный оркестр менее захватывающий, чем солист. Прикосновение пианиста человеческое прикосновение, а высокая до сопрано-личная нота. Это из-за прикоснитесь к нему, к этой ноте, что зрители заполняют концертные залы.

Гвидо, однако, предпочитал музыку. Это правда, что он любил ” La ci Дарим”; любил “Deh Vieni alia Finestra”; считал” Che Soave Zefiretto ” таким прекрасно, что почти все наши концерты должны были начинаться с нее. Но он я бы предпочел другие вещи. Открытие Фигаро было одним из его любимых. Имеется отрывок, не слишком далеко от начала пьесы, в котором первые скрипки внезапно поднимаются, как ракета, К вершинам красоты; когда музыка приближалась к этой точке, я видел улыбку, развивающуюся-если и постепенно освещая лицо Гвидо, и когда, пунктуально, вещь случалось, он хлопал в ладоши и громко смеялся от удовольствия.

Оказалось, что на другой стороне того же диска было записано отверстие Эгмонт, Бетховен. Она ему нравилась почти больше, чем Фигаро.

- У него больше голосов, - объяснил он. И я был в восторге от остроты его критика; ибо именно в богатстве своей оркестровки Эгмонт превосходит Цирюльник.

Но что беспокоило его больше всего на свете, так это открытость

Кориолан. Третья часть Пятой симфонии, вторая часть В-седьмых, медленное движение Императорского концерта — все это было в матче. Но никто не возбуждал его так сильно, как Кориолан. Однажды он сделал меня прикоснуться к ней три или четыре раза подряд; затем убрал ее.

- Думаю, я больше не хочу этого слышать, - сказал он.

- Почему бы и нет?

- Это много… многое… — колебаться. - Очень большой, - сказал он наконец. — Я я не совсем понимаю ее. Прикоснитесь к той, которая делает это так. — Он напевал фраза из концерта ре минор.

- Вам больше нравится эта? — спросить.

Он покачал головой.

- Это не совсем так. Но это проще.

- Проще? - Это слово показалось мне несколько странным,

применительно к Бах.

- Я лучше ее понимаю.

Однажды днем, когда мы были в середине нашего концерта, синьора Бонди возникнуть. Она сразу же начала проявлять чрезмерную заботу о ребенке: целовал ее, похлопывал по голове, делал самые глупые комплименты его внешний вид. Гвидо отошел от нее.

- А ты любишь музыку? - спросила она.

Ребенок кивнул.

- Думаю, у него есть дар — - сказал я. — В любом случае, есть один чудесное ухо и способность слушать и критиковать, которых я никогда не видел в ребенок его возраста. Мы думаем об аренде пианино, чтобы он мог учиться.

Через мгновение я проклинал себя за свою чрезмерную откровенность в похвалить мальчика. Синьора Бонди сразу же начала протестовать, что если может взять на себя ответственность за образование мальчика, она даст ему лучшее учителя, чтобы его талант вырос, чтобы сделать его дирижером — и, кроме того, вундеркинд. И в тот момент, я уверен, она увидела себя сидящей по материнской линии, с жемчугом и черным атласом, рядом с огромным Steinway, в то время как ангельский Гвидо, одетый как маленький лорд Фаунтлерой, казнил листа и Шопен для восторга переполненной аудитории. Она видела букеты и все тщательно продуманные цветочные Дани, я слышал аплодисменты и несколько хорошо подобранных слов с которыми ветераны-дирижеры, тронутые почти до слез, приветствовали бы Появление маленького гения. Иметь ребенка для себя стало больше, чем когда-либо важно для нее.

— Ты сделал ее довольно прожорливой, - сказала Элизабет после того, как синьора Бонди он ушел. - Лучше сказать вам в следующий раз, когда вы были обманут и что у мальчика нет ни малейшего музыкального таланта.

В свое время пришло пианино. После того, как вы дадите ему минимум инструкций предварительная, я выпустил Гвидо в него. Он начал с того, что взял для себя мелодии, которые

он слушал, восстанавливая гармонии там, где они были инкрустированы. После несколько уроков, он понимал основы нотной записи и мог читать простой проход на первый взгляд, хотя и медленный. Весь процесс чтения это было все еще странно для него; каким-то образом он понимал тексты песен, но никто еще не научил его читать целые слова и предложения.

Когда я вернулся к синьоре Бонди, я воспользовался случаем, чтобы заверить ее что Гвидо подвел меня. Его музыкального таланта на самом деле не существовало. Она он заявил, что очень сожалеет; но я мог видеть, что он ни на мгновение не поверил меня. Вероятно, он думал, что мы тоже хотели мальчика и мы намеревались сохранить вундеркинда при себе, прежде чем он ему удалось подать ее просьбу, тем самым лишив ее того, что она считала почти как его феодальное право. Разве они не были вашими крестьянами? Если кто-то собирался получить прибыль, усыновив ребенка, это должна быть она.

Тактично и дипломатично она возобновила переговоры с Карио. Мальчик, она заявила, что это был гений. За исключением иностранного джентльмена, который сказал ему это, и не было никаких сомнений в том, что он был из тех людей, которые понимали эти вещи. Если Карио позволил бы ей усыновить мальчика, собирался заставить его учиться. Он получает это сделало бы его великим дирижером с контрактами в Аргентине и США, в Париже и Лондоне. Это заработало бы миллионы и миллионы. Подумайте о Карузо, почему пример. Она объяснила, что часть миллионов, естественно, придет к Карио. Но прежде чем они начнут появляться, эти миллионы, ребенку придется изучать. Исследования, однако, были очень дорогими. В ваших собственных интересах, как и его сын, он должен был позволить ей взять на себя ответственность за ребенка. Карио сказал, что подумает, и снова обратился к нам за советом. Мы предлагаем, чтобы в любом случае, было бы лучше подождать некоторое время и увидеть прогресс мальчик.

Он добился больших успехов, несмотря на мое заявление синьоре Бонди. Каждый день, пока Робин спал, он приходил на свой концерт и занятия. Это было очень хорошо в чтении; его мизинцы набирали силу и ловкость. Но что для меня было более интересным, так это то, что он начинал создавайте маленькие кусочки самостоятельно. Некоторые из них я расшифровал, пока он играл, и они у меня все еще есть. По большей части, как бы странно это ни было, как в то время я думал, что это каноны. У него была страсть к канонам. Когда я объяснил ему принципы

таким образом, он был в восторге.

- Это красиво, - сказал он с восхищением. - Красиво, красиво. И так просто!

Снова слово удивило меня. Канон, в конце концов, не так очевидно, просто. С тех пор он проводил большую часть своего времени в фортепиано работает над маленькими канонами для собственного удовольствия. Быть часто очень изобретательны. Однако в изобретении других видов музыка он оказался не таким плодовитым, как я надеялся. Сочинил и гармонизировал одна или две торжественные ариазины в качестве гимнов, а также еще несколько пьес

быстро, в духе военного марша. Они были необычными, конечно, потому, что были изобретения ребенка. Но многие дети могут что-то делать мы все гении в десять лет. Однако мой Гвидо должен был стать ребенком, который станет гением сорок; в этом случае то, что было экстраординарным для обычного ребенка, не было достаточно необычно для него. “Это не совсем Моцарт”, мы согласны, играя его маленькие пьесы. Должен признаться, я чувствовал себя почти обиженный. Мне казалось, что все, что меньше Моцарта, того не стоило.

Он не был Моцартом. Не. Но это был кто-то, как я узнаю, так необыкновенно, как и он. Однажды утром в начале лета я сделал открытие. Сидел в теплой тени нашего крыльца, обращенного к Запад, работает. Гвидо и Робин играли в маленьком огороженном саду, под балконом. Я поглощен своей работой, я думаю, что это было только после того, как молчание затянулось на значительное время, что я осознал что дети издают очень мало шума. Не было ни криков, ни беги; просто тихий разговор. Зная по опыту, что когда дети спокойны это обычно означает, что они поглощены какая-то восхитительная неприятность, я встал со стула и посмотрел на балюстрада, чтобы посмотреть, что они делают. Я думал, что поймаю их, играя с вода, разводя костер, покрывая себя смолой. Но то, что я на самом деле видел, было Гвидо демонстрирует на булыжниках сгоревшую палку, что квадрат гипотенузы правильного треугольника равен сумме квадратов две другие стороны.

Стоя на коленях на полу, он рисовал почерневшим концом палки на камень. И Робин, стоявший на коленях рядом с ним, стоял, я я

мог бы понять, как нетерпелив с этой медленной игрой.

- Гвидо! - он позвонил. Но Гвидо не обратил внимания. Хмуриться задумчиво продолжил свою диаграмму. - Гвидо! - Самый младший ребенок он наклонился и повернул шею, чтобы посмотреть на лицо Гвидо. - Почему ты не рисуете поезд?

- Потом, - сказал Гвидо. - Но я просто хочу сначала показать вам это. Это так красиво,-добавил он, пытаясь ускользнуть от него.

- Но я хочу поезд, - настаивал Робин.

- Через минуту. Подожди минутку. - Том был почти умоляющим. Робин вооружился новым терпением. Через минуту Гвидо закончил ваши две диаграммы. - Готово! - торжествующим тоном воскликнул он и выпрямился чтобы посмотреть на них. - Сейчас объясню.

И продолжил доказывать теорему Пифагора-не в манере Евклида, но более простым и удовлетворительным методом, который, скорее всего, был нанятый самим Пифагором. Он нарисовал квадрат и разделил его этот квадрат с парой пересекающихся перпендикуляров в два квадрата и

два одинаковых прямоугольника. Равные прямоугольники он разделил по диагоналям на четыре равных прямоугольных треугольника. Затем два квадрата рассматриваются как квадраты с двух сторон любого из этих треугольников, за исключением гипотенузы. Это была первая диаграмма. Во втором он взял четыре треугольника прямоугольники, на которые были разделены прямоугольники и перераспределили их вокруг от первоначального квадрата так, чтобы его прямые углы заполняли углы квадрат, гипотенузы обращены внутрь, а большая и меньшая стороны треугольники в продолжении по сторонам квадрата (каждый из которых равна сумме этих сторон). Таким образом, исходный квадрат делится на четыре прямоугольные треугольники и Квадрат на гипотенузе. Четыре треугольника равны к двум прямоугольникам исходного деления. Следовательно, квадрат гипотенузы равен к сумме двух квадратов-квадратов на двух других сторонах-на которых, с прямоугольниками первоначальный квадрат был разделен в начале.

На очень нетехническом языке, но ясно и с логикой не

испугавшись, Гвидо изложил свои доказательства. Робин слушал, с выражением лица идеальное непонимание на ее ярком, веснушчатом лице.

- Трено — - время от времени повторял он. — Сани. Сделать поезд.

- Скоро — - умолял Гвидо. - Подожди минутку. Но почему пожалуйста, посмотрите на это. Пожалуйста, - просил он, солерте. - Это так красиво. Это так просто.

Так просто… Мне казалось, что теорема Пифагора объясняет музыкальные пристрастия Гвидо. Мы не были ребенком Моцарта. кормление; это был маленький Архимед со случайным музыкальным даром, как и большинство представителей своего вида.

- Трено, тренол — - крикнул Робин, все больше и больше нетерпеливо что объяснение продолжалось. И когда Гвидо настоял на продолжении своей доказательство, он потерял самообладание. - Каттиво Гвидо, - крикнул он и начал бить его с кулаками.

- Это правильно, - сказал Гвидо, смирившись с дам Энте. - Я поеду на поезде. — Быть с обугленной веткой он начал рисовать на камнях.

Я молча смотрел на мгновение. Это был не очень хороший поезд. Гвидо мог сам изобрести и доказать теорему Пифагора; но он не был великим рисовальщиком.

- Гвидо! — называть. Двое детей повернулись и посмотрели вверх.

- Кто научил вас рисовать эти квадраты?- Вполне возможно, что кто-то мог его научить.

— Никто. - Он покачал головой. Так что вроде тревожно, как будто боясь, что в рисовании квадратов может быть что-то не так, он стал извиниться и объяснить. - Знаешь, просто это показалось мне таким красивым. Потому что эти квадраты-указал на два маленьких квадрата первой фигуры

- они такого же размера. - Е, указывающий квадрат на гипотенузе в вторая диаграмма подняла на меня глаза с примирительной улыбкой.

Я кивнул.

- Это очень красиво, - сказал я. - Очень мило.

На его лице появилось выражение восторженного облегчения; он с удовольствием рассмеялся.

- Понимаешь, это так — - продолжал он, стремясь начать меня в славной тайне что я узнал. - Разрежь себе эти два длинных квадрата, - хотел он скажем прямоугольники-в два среза. И тогда остаются четыре ломтика, все одинаковые, потому что… потому что… О, я должен был сказать это раньше! Потому что эти квадраты длинные-это то же самое, из-за этих линий, понимаешь…

- Но я хочу поезд, - возразил Робин.

Сгорбившись над парапетом крыльца, я наблюдал за детьми там внизу. Я думал о необычной вещи, которую я только что видел, и о том, что она представлять.

Я думал об огромных различиях между людьми. Мы оцениваем мужчины по цвету глаз и волос, по форме черепа. Больше не будет разумно ли разделить их на интеллектуальные виды? Были бы еще большие различия между крайними психическими типами, чем между австралийским аборигеном и скандинавский. Этот ребенок, подумал я, когда вырастет, будет для меня, интеллектуально, что человек для собаки. И есть другие мужчины и женщины, которые, возможно, почти как собаки для меня.

Возможно, гениальные мужчины-единственные настоящие мужчины. Во всем история расы было всего несколько тысяч настоящих мужчин. А остальное от нас, кто мы? Обучаемые животные. Без помощи настоящих мужчин, мы бы почти ничего не обнаружили. Почти все идеи, с которыми мы знакомые никогда не могли прийти в голову таким умам, как наши. Посадите там семена, и они будут расти; но наши умы никогда не могли их породить самопроизвольно.

Я думал, что были целые народы собак; целые эпохи, когда ни один Мужчина родился. От египетских тупых греки взяли сырой опыт и эмпирические нормы и сделали науки. Прошло более тысячи лет, прежде чем У Архимеда был сопоставимый преемник. Был только один Будда, один Иисус, только Бах, которого мы

знаем, Микеланджело.

Я спросил себя, что по чистой случайности рождается человек навсегда когда? Что заставляет целое созвездие из них родиться в одно и то же время и из один народ? ТЭН думал, что Леонардо, Микеланджело и Рафаэль имели родился, когда они родились, потому что эпоха была готова для великих художников и итальянская атмосфера была адекватной. В устах французского националиста века Девятнадцатый эта доктрина странно мистична; но она не перестает быть истинный. Но как насчет тех, кто родился вне сезона? Блейк, например; и сколько этим?

Я подумал, что этому ребенку повезло, что он родился в то время, когда он сможет хорошо использовать свои способности. Вы найдете самые сложные методы

аналитика ждет вас; у вас будет потрясающий опыт. Предположить что он родился, когда они строили Стоунхендж; он мог бы пройти всю жизнь выясняя рудименты, пытаясь угадать, где это может быть шанс попробовать их. Если бы он родился во времена Норманнского завоевания, пришлось бы бороться со всеми предварительными трудностями, созданными неадекватная символика; например, на изучение искусства уйдут долгие годы разделить MMMCCCLXXXVIII на MCMXIX. Через пять лет, в настоящее время, он вы узнаете, что нужно поколениям и поколениям людей, чтобы быть обнаруженный.

И я думал о судьбе всех мужчин, рожденных так безнадежно. вне времени, которое они мало или ничего не могли сделать ценным. Бетховен родился в Греции, подумал я, мне придется довольствоваться игрой простых мелодий на флейте или в лире; в этой интеллектуальной среде не было бы возможности представить себе природа гармонии.

Дети в саду перешли от рисования поездов к игре в поезда. Они бегали кругами; с круглыми, полными щеками и губами нахмурившись, как ангел, символизирующий ветер, Робин сделал пуф пуф и Гвидо, держась за планку своей рубашки,она тащила за собой ноги, свистя. Ходить вперед, отступали, останавливались на воображаемых станциях, уходили в объезды, они ревели по мостам, пересекали туннели, время от времени сталкивались и они сошли с рельсов. Молодой Архимед казался таким же счастливым, как маленький блондин варвар. За несколько минут

до этого он занялся теоремой Пифагора. Теперь, беспрепятственно свистя по воображаемым рельсам, он был совершенно счастлив ходить взад и вперед между клумбами цветы, между колоннами террасы, В и из темных туннелей лавровое дерево. Тот факт, что это будущий Архимед, не мешает человеку быть единым целым нормальный и счастливый ребенок. Я думал об этом странном таланте, специфическом и отдельном от остальная часть ума, почти независимая от опыта. Типичные вундеркинды они развиваются в музыке и математике; другие таланты созревают медленно под влиянием переживания и эмоционального роста. До тридцати годы Бальзака не проявляли ничего, кроме неумелости; но в четыре года Маленький Моцарт он уже был музыкантом, и были созданы некоторые из самых ярких работ Паскаля до того, как он вышел из подросткового возраста.

В последующие недели я чередовал ежедневные уроки игры на фортепиано с уроками математика. Больше, чем уроки, это были инсинуации, потому что я просто давал предложения, указывали методы и оставляли ребенка в покое развивать идеи детально. Таким образом, я познакомил его с алгеброй, показав еще одно доказательство теоремы о Пифагор. В этом доказательстве опускается перпендикуляр от прямого угла к гипотенуза и, аргументируя это тем, что два треугольника выглядят так созданные похожи друг на друга и на исходный треугольник, и что пропорции то, что их соответствующие стороны держат друг с другом, поэтому равны,

в алгебраической форме можно продемонстрировать, что cˆ + dˆ (квадраты других две стороны) равны (квадраты двух сегментов гипотенузы)

+ 2ab; что, в свою очередь, легко продемонстрировать геометрически, равно (a + b)ˆ, или квадрат гипотенузы. Гвидо был так очарован зачатками алгебра сколько бы это было, если бы я дал ему паровую машину и лампа на метилированном спирте для обогрева котла; еще более очарованный, может быть, ибо машина сломалась бы и, оставаясь неизменной, из любого путь потерял бы свое очарование, в то время как основы алгебры они продолжали расти и цвести в его сознании с непрестанным изобилие. Каждый день он находил что-то, что ему казалось изысканно красиво; новая игрушка была неисчерпаема по своим возможностям.

В интервалах применения алгебры ко второй книге Евклида мы делали эксперименты с кругами; мы засовывали бамбук в сушу, измеряли его тени в разное время суток и мы делали захватывающие выводы из наших примечание. Иногда ради забавы мы разрезали и складывали листы бумага для изготовления кубиков и пирамид. Однажды днем появился Гвидо, несущий осторожно между крошечными, наполовину грязными руками хрупкий додекаэдр.

- Это так Белло! - сказал он, показывая нам свой бумажный Кристалл; и когда ему я спросил, как мне это удалось, он просто улыбнулся и сказал это было очень легко. Я посмотрел на Элизабет и засмеялся. Но было бы больше символически точный, я чувствовал, что, если бы я упал на четвереньки, встряхнул воображаемое удлинение моего копчика и лай мое изумленное восхищение.

Это было необычайно жаркое лето. В начале июля наш маленький Робин, непривычный к этим высоким температурам, начал становиться бледный и усталый; шел вялый, терял аппетит и энергию. Врач он рекомендовал горный воздух. Мы решили провести десять или двенадцать недель следующие в Швейцарии. Моим прощальным подарком для Гвидо были шесть первые книги Евклида на итальянском языке. Он перелистывал страницы, глядя в экстаз для фигур.

- Если бы только я умел правильно читать, - сказал он. - Я тупой. Но теперь я действительно постараюсь учиться.

Из нашего отеля недалеко от Гриндевальда мы отправляем мальчика от имени Робин, различные открытки с коровами, альпийские рога, швейцарские шале, Эдельвейс, такие вещи. Мы не получили ответа на эти карты; но мы не ожидали ответ. Гвидо не умел писать, и не было причин, по которым отец или сестры если бы вы потрудились написать за него. Отсутствие новостей, так что мы смотрим, это означало хорошие новости. И вот однажды, в начале сентября, он прибыл в отель странное письмо. Менеджер прикрепил ее к доске объявлений в фойе, из чтобы все гости видели ее, и кто бы ни считал, что она принадлежит ей. я мог бы потребовать ее. Проходя мимо картины по дороге на обед, Элизабет остановилась чтобы увидеть ее.

- Но это должно быть от Гвидо, - сказал он.

Я подошел и посмотрел на конверт через ее плечо. Был без печать и черные почтовые марки. Написанные карандашом, большие майускулы они растекались по бумаге. В первой строке было написано: AL BABBO Dl Робин; и последовала карикатурная версия названия отеля и места. Вокруг по адресу, озадаченные почтовые чиновники набросали предложения вероятность. Акарта бродила по крайней мере две недели, с одной стороны для другого, по всей Европе.

- Аль Баббо Ди Робин. За отца Робина. — Смеяться. - Очень умный ОС почтальоны принесли письмо сюда.

Я пошел в кабинет менеджера, продемонстрировал ему свое право на письмо и, имея я заплатил штраф в пятьдесят центов за отсутствие печати, я заставил их открыть доска объявлений и они передали мне письмо. Мы пошли на обед.

- Почерк великолепный, - смеялись мы, внимательно осматривая адрес.

- Спасибо Евклиду, - добавил я. - Это то, что позволяет себе доминировать над страсть.

Но когда я открыл конверт и прочитал его содержимое, я перестал смеяться. Акарта была краткой и почти телеграфного стиля. “SONO DALLA PADRONA, - гласил он, - NON MI PIACE HARUBATO IL MIO LIBRO NON VOGLIO SUONARE PIU VOGLIO TORNARE CASA VENGA ВНЕЗАПНЫЙ ГВИДО

- Что это?

Я передал письмо Элизабет.

- Эта ублюдочная женщина схватила его, — ответил я.

Бюсты мужчин в фетровых шляпах, Ангелы, залитые слезами мрамор тушит факелы, статуи маленьких девочек, завуалированные фигуры, аллегории и неумолимые реалии: самые странные и самые разнообразные идолы называли и они жестикулировали, когда мы проходили мимо. Неизгладимо напечатаны на олове и инкрустированы живая скала, коричневые фотографии были выставлены под стеклом, на крестах, камнях курганы, более скромные разбитые колонны. Мертвые дамы, в моде геометрический кубист тридцатью годами ранее-два черных

атласных конуса с концы, лежащие на талии и руках; сфера около локтя, полированный цилиндр внизу-грустно улыбались в своих мраморных рамах; улыбающиеся лица, белые руки были единственными узнаваемыми человеческими вещами которые возникли из твердой геометрии их одежды. Мужчины с черными усами, мужчины с белыми бородами, чисто выбритые парни смотрели или отводили взгляд чтобы показать римский профиль. Дети в их жесткой партии одежды они широко раскрывали глаза, улыбались обнадеживающим умом в ожидании птички что он выйдет из камеры, скептически улыбаются в уверенности, что он не появится,

они улыбались трудолюбивым и послушным умом, потому что им было приказано. В остроконечные готические мраморные коттеджи самые богатые мертвые покоились с конфиденциальность; через решетчатые двери можно было увидеть бледные пустынные плачут, процессивные джинны охраняют тайну гробницы. Слои меньше зажиточные большинство спали в общине, плотно, но элегантно укрытые под обширными гладкими мраморными почвами, в которых каждый камень был устьем могила.

Эти континентальные кладбища, подумал я, когда мы с Карио прошли через среди мертвых они страшнее наших, потому что эти люди дают больше внимания к своим мертвецам, чем мы. Этот первобытный культ трупов, этот престижная привязанность к своему материальному благополучию, которая заставляла древних укрываться их мертвые в камне, когда они сами жили среди бамбука и на маты, он все еще находится здесь; он сохраняется, я думал, более энергично, чем с нами. Здесь тысячи статуй жестикулируют на каждую в одном английское кладбище. Есть больше семейных склепов, более ” роскошно украшенных” (как говорят о кораблях и отелях) того, что будет на моей земле. Е на каждом надгробии были инкрустированы фотографии, напоминающие кости, превратившиеся в пыль в какой форме они должны вернуться в Судный день; рядом с каждым есть маленькие подвесные лампы, которые будут гореть оптимизмом в День поминовения усопших. Для человека, который построил пирамиды, они ближе, я думал, к что мы.

- Если бы я знал — - бесконечно повторял Карио. Если бы только я знал. - Твой голос доходил до меня через мои размышления, как будто издалека. — Иногда ему было все равно. Как я мог знать,

что а потом он так пострадает? И она обманула меня, она солгала мне.

Я еще раз заверил вас, что это не ваша вина. Хотя, естественно, был, отчасти. Это тоже было частично мое; я должен был подумать о возможность и каким-то образом приняты меры предосторожности против него. И он не должен был пусть ребенок уйдет, хотя бы временно и на собственном опыте, хотя женщина давила на него. И давление было огромным. Они работали в то же место было более ста лет, мужчины семьи Карио; и она сделала старик угрожает отослать его. Было бы ужасно покинуть это место; за пределами из этого было бы нелегко найти другого. Однако было совершенно ясно, что он может останусь, если оставлю мальчика. Только на короткое время, чтобы начать; просто чтобы увидеть как он справился. Не было бы никакого принуждения к тому, чтобы он остался, если бы он этого не сделал нравиться. И все это было бы на благо Гвидо; и его отца тоже, в конце концов. Е то, что англичанин сказал, что он не был таким хорошим музыкантом, как он сам думал, что это явно ложь-чистая ревность и эгоизм; человек я хотел бы иметь заслугу для вас, вот и все. И мальчик, было очевидно, ничему не научится немного с ним. Мне нужен был настоящий хороший учитель.

Вся энергия, которая, если бы физики знали свои предметы, была бы

движущиеся динамо-машины вошли в эту кампанию. Это началось в тот момент, когда мы выходим из дома, интенсивно. У него было бы больше шансов на успех, подумал он без сомневаюсь в синьоре, если бы нас там не было. Кроме того, было важно воспользоваться возможность, когда она предложила себя и забрать ребенка, прежде чем мы могли сделать наше предложение - потому что было очевидно, что мы хотели Гвидо так же сильно, как и она хотеть.

День за днем она возобновляла ограбление. В конце недели отправил мужа жаловаться на состояние паррейр: их состояние было неприемлемым; он решил, или он был близок к тому, чтобы отправить Карио. Покорный, смущенный, подчиняющийся по более высоким приказам старый джентльмен высказал свои угрозы. В день после этого синьора Бонди вернулась в атаку. Падроне, заявил он, был но она сделает все возможное, чтобы

успокоить его. Е после значительного перерыва стали говорить о Гвидо.

Наконец Карио уступил. Женщина была слишком настойчива, у нее было много письма в рукаве. Ребенок может остаться с ним на месяц или два, по характеру испытательный. Затем, если бы я действительно проявил готовность продолжать с ней, это может быть официально принято.

К идее провести отпуск у моря - и это было на побережье, синьора Бонди сказал ему, что они будут-Гвидо был доволен и взволнован. Много слышал Робин говорить о море. “Tanta acqua!“Это казалось слишком хорошим, чтобы быть истина. И теперь он сам собирался увидеть это чудо. С большой радостью, что он расстался с семьей.

Но после того, как закончились каникулы на море, и синьора Бонди о вернувшись в свой дом во Флоренции, он начал тоску по дому. Синьора, правда, очень хорошо к нему относилась, купила ему новую одежду, взял его на чай в деревню Торнабуони и наполнил пирожными, клубникой мороженое, взбитые сливки и шоколад. Но это заставляло его учиться игре на фортепиано больше, чем ему это нравилось, и, что еще хуже, он забрал своего Евклида под предлогом того, что потерял слишком долго с этим. И когда он сказал, что хочет вернуться домой, она отложила это с обещаниями, извинениями и ложью. Я сказал ему, что не могу взять-это сразу, но на следующей неделе, если он станет хорошим, и пока на следующей неделе он усердно учился игре на фортепиано… И когда настал день, она сказала ему, что отец не хочет, чтобы он вернулся. И удвоил лесть, дал ей дорогие подарки и забили его еще менее здоровой пищей. Напрасно. Гвидо ему не нравилась его новая жизнь, он не хотел изучать Весы, он хотел свою книгу и я хотел вернуться к братьям и сестрам. Синьора Бонди, между тем, я продолжал надеяться, что время и шоколад в конечном итоге сделают с чтобы ребенок был его; и чтобы держать семью на расстоянии, она всегда писала а Карио письма, которые все еще заявляли, что они из города на берегу моря (взял я хочу отправить их подруге, которая снова отправит их в Флоренция) и на которых он нарисовал очаровательную картину счастья Гвидо.

Именно тогда Гвидо написал мне письмо. Заброшенный, как я представляла для семьи — потому что они не удосужились пойти

к нему в гости находясь так близко, можно было объяснить только гипотезой, что они действительно имели забыл о нем-он, должно быть, считал меня своей последней и единственной надеждой. И письмо, с его фантастическим адресом, провел почти пятнадцать дней путешествия. Пятнадцать дней-должны были казаться сотнями лет; и как столетия постепенно, без сомнения, бедный ребенок убедился, что я я тоже бросил ее. Надежды больше не было.

- Вот и мы, - сказал Карио.

Я поднял глаза и оказался перед огромным памятником. Нума своего рода пещера, вырытая на склонах монолита из серого песчаника, Святая любовь, бронзовая, обнимала погребальную урну. И бронзовыми буквами к камню была прикреплена длинная легенда о том, что безутешный Эрнесто Бонди он воздвиг этот памятник памяти своей любимой жены Аннунциаты, как знак его бессмертной любви к тому, кого он вырвал из преждевременная смерть, он надеялся вскоре объединиться под этим камнем. Первая синьора Бонди умер в 1912 году. Я думал о старике, привязанном к его белой собаке.; я думаю, он всегда был порабощенным мужем.

- Они похоронили его здесь.

Мы долго стояли там в тишине. Я чувствовал слезы, посмотрите мне в глаза при мысли о бедном ребенке, который лежал на Дне Земли. Я думал об этих ярких и серьезных глазах, об изгибе прекрасного лба, об отделке меланхоличный рот, в выражении восторга, которое освещало его лицо, когда он обнаружил новую идею, которая ему понравилась, когда он услышал песню, о которой нравиться. И это прекрасное маленькое существо было мертво; и дух, обитавший в этой форме, поразительный дух, он также был уничтожен почти до того, как начал существовать.

И несчастье, которое должно было предшествовать последнему акту, отчаяние ребенка, убежденность в его полном отказе-было страшно думать об этом, ужасно.

- Думаю, нам лучше сейчас уйти, - наконец-то заговорил я и коснулся рука Карио. Он стоял там, как слепой, с закрытыми глазами, лицом слегка приподнятый к свету; между закрытыми веками слезы выходили на поверхность, висели на мгновение и спускались по лицу. Губа они дрожали, и я понимал, что он прилагает усилия, чтобы удержать их твердый. - Мы уходим — -

повторил я.

Лицо, обездвиженное болью, внезапно содрогнулось; он он открыл глаза, и сквозь слезы они сияли яростным гневом.

- Я убью ее, — сказал он. - Я убью ее. Когда я думаю о нем, бросаясь, падение по воздуху… - Обеими руками он сделал жестокий жест, позволив им упасть над головой и обездвиживая их внезапным ударом, когда они были перед его грудью. - И тогда ты это сделаешь. — Вздрогнуть. - Она так ответственна

как будто она сама толкнула мальчика. Я убью ее. - Rilhou os зуб.

Злиться легче, чем грустить, менее болезненно. Это утешает думать о мести.

- Не говори так — - посоветовал я. - Бесполезно. Это глупо. И что будет ли это полезно? — У него были такие приступы раньше, когда боль становилась слишком сильной и он пытался сбежать от нее. Гнев был самым легким средством побега. Прежде из этого мне уже пришлось убедить его вернуться на трудный путь боли. — Быть глупо так говорить — - повторил я, и увел его подальше от этого ужасного лабиринта могилы, где смерть казалась еще страшнее, чем есть.

После того, как мы покинули кладбище, спускаясь из Сан-Миниато в сторону Пьяццале Микеланджело, он стал спокойнее. Его гнев снова успокоился в печаль, из которой черпала всю свою силу и горечь. На площади Пьяццале мы останавливаемся момент, чтобы посмотреть на город в долине под нами. Это был день облаков, плавающие-большие формы, белые, золотые и серые; и между ними кусочки тонкого прозрачного синего цвета. С его мансардным окном почти на уровне наших глаз, купол собора раскрылся во всей своей грандиозной легкости, своей просторности и его ВВС. На бесчисленных коричневых и розовых крышах города свет вечернее солнце билось нежно, роскошно, и башни выглядели лакированными и эмалированные из античного золота. Я думал обо всех людях, которые жили здесь, и они оставили видимые следы своего духа и придумали необычные вещи. Я думал о мертвом ребенке.

Середина праздника

I

Был субботний день, и погода была хорошей. В туманном свете солнца весна Лондон выглядит красиво, как город воображения. Свет золотые, синие и фиолетовые тени. С их невосполнимой надеждой деревья сажистые из парка лопались на листьях; и новый зеленый был невероятно живой, легкий и неземной, как будто крошечные листья были вырезаны из центральная Изумрудная полоса радуги. Чудо для всех, кто они гуляли в парке в тот день, это было видно. То, что было смертью, ожило там; и из сажи прорастала зелень радуги. Да, это было видно. И, кроме того, те, кто осознавал этот тауматургический сдвиг от смерти к жизни они сами изменились. В весеннем чуде было что-то заразительное. Любя больше, тихие пары под деревьями были счастливее — или гораздо острее несчастны. Крепкие мужчины снимали шляпы, и когда солнце целовало их лысые головы, они принимали решения-а уважение к виски, к красивой машинистке в офисе, к рано вставать. К ним подошли пьяные весенние парни, молодые девушки они соглашались, несмотря на то, что им говорили их воспитание и страхи, идти гулять. Джентльмены средних лет, прогуливаясь по парку к своим домам, из внезапно они почувствовали свои сердца, жадные и грязные дела., цветущие, как эти деревья, в доброте и щедрости. Думали о их жены думали о них с внезапной любовью, несмотря на двадцать лет свадьба. “Я должен остановиться на обратном пути и купить небольшой подарок для хозяйки”, - говорили они себе. Что это может быть? Коробка с фруктами засахаренные? Ей нравились цукаты. Или ваза с азалиями? Или… Е тогда они вспомнили, что это был субботний вечер. Магазины будут почти все закрыть. И они думали, вздыхая, что, вероятно, сердце хозяйки он также был бы закрыт; потому что хозяйка не ходила под деревьями в кнопка. Такова жизнь, размышляли они, с грустью глядя на лодки в блестящий серпантин, дети, которые играли, парни сидят на руках даны в зеленой траве. Такова жизнь; когда сердце открыто, магазины обычно они закрыты. Но все же они решили попробовать в будущем, контролировать свое настроение.

Пример того, что происходило со всеми, кто входил в свою зону влияние, веселое весеннее солнце и росток деревьев вызывали глубокое

печать Питера Бретта. Они заставляли его чувствовать себя

одиноким и одиноким. несчастнее, чем когда-либо. В отличие от яркости его назад, его душа казалась темнее. С деревьев лопали побеги; он он оставался мертвым. Бойфренды гуляли парами; он гулял один. Несмотря на весну, несмотря на солнце, несмотря на то, что была суббота и день следующее будет воскресенье — или, скорее, из-за этих вещей, которые они должны сделать-Ло так счастлив и что они действительно сделали счастливыми других людей — он прошел через чудо Гайд-парка чувство глубокого несчастья.

Как всегда, он искал утешения в воображении. Например, красивая существо может поскользнуться на камне прямо перед ним и вывихнуть лодыжку. Огромный и здоровенный, Питер стекался, чтобы оказать первую помощь. Пойти отвезти ее на такси (у него были бы деньги, чтобы заплатить) к ней домой - в Гровсноре Квадрат. Он узнает, что она была дочерью дворянина. Они будут любить друг друга…

Или он спасал ребенка, упавшего в озеро, тем самым зарабатывая вечная благодарность и больше, чем благодарность его овдовевшей матери, богатой и молодой. Да, вдова; Петр стремился подчеркнуть вдовство женщины. Его намерения были строго соблюдается. Он был еще очень молод и был хорошо образован.

Или не было предварительной аварии. Он просто видел девушку сидя одна на скамейке, выглядя очень одинокой и грустной. Смелый, хотя вежливо, он подходил, снимал шляпу, улыбался. “Я понимаю, что ты одна”, он говорил; и говорил с элегантностью и апломбом, без следа его акцента Ланкашир, даже не след этого ужасного заикания, которое в реальной жизни, это сделало его речь мучением. “Я понимаю, что она одна. Я тоже. Мочь сидеть рядом с тобой?“Она улыбалась, и он садился. А потом я сказал ей, что это сирота, и все, что у него было, это замужняя сестра, которая жила в Рочдейле. Е она говорила: “Я тоже сирота”” И это создало большую связь между ними. Е они рассказывали друг другу, как они несчастны. И она начинала плакать. Е затем он говорил: “Не плачь, у тебя есть я”. И этим она радовалась немного. А потом они пошли в кино. И, наконец, я предполагал, что они поженились. Но эта часть истории была немного неясной.

Но, конечно, никаких аварий не произошло, и у него никогда не было мужество сказать кому-то, как одиноко это было; и его заикание было ужасным; и он он был невысокого роста, носил очки и почти всегда имел прыщи на лице; и его костюм темно-

серый становился потным и несколько коротким на рукавах; и сапоги, хотя они были тщательно смазаны, они казались такими же дешевыми, как и на самом деле быть.

Это были ботинки, которые убили его мечты в тот день. Прогулка от низкие глаза, задумчивый, он пытался решить, что он скажет прекрасной дочери дворянина в такси на пути к Гровснор-сквер, когда вдруг стало известно о широкие шаги из его сапог, черно вспыхивающие среди призраков, полупрозрачные вашей внутренней жизни. Как они были уродливы! И как они были печально

в отличие от тех элегантных, блестящих и роскошных сапог, которые покрывали ноги богатые! В молодости они были довольно уродливы; возраст оставил их действительно отталкивающие. Ни одна опалубка не могла исправить последствия использование, а грудь, чуть выше носка, была глубокой и ужасно морщинистой. Под смазкой он заметил сеть многочисленных трещин в высохшей коже и низкого качества. На внешней стороне правого ботинка носок отслаивается и снаружи плохо откинулся назад; патч был слишком заметен. Расходы так много дают проходя через шнурки, отверстия потеряли свою черную эмаль и показали-если в ее медной наготе.

Ах, как они были ужасны, как отвратительны были их ботинки! Но они должны длиться еще долго. Петр начал переделывать расчеты, которые так много раз сделать. Если бы он тратил на обед на 3,5 пенсов меньше каждый день; если со временем ну, он ходил на работу каждое утро вместо того, чтобы садиться на автобус… Но как бы осторожно и часто он ни делал свои по подсчетам, двадцать семь шиллингов и шесть пенсов в неделю оставались двадцатью семь и шесть. Сапоги были дорогими; и когда он накопил достаточно, чтобы покупая новую пару, все еще была проблема костюма. И что еще хуже была весна; листья прорастали, светило солнце, и между парами влюбленные он шел один. Реальность была слишком большой для него в тот день; я не мог убежать. Сапоги преследовали его, куда бы он ни пытался убежать. и тащили его обратно в созерцание его несчастья.

II

Две девушки сошли с многолюдной тропы вдоль берега Серпентин и поднялись на холм по меньшей тропе в направлении статуи Ватт. Питер последовал за ними. Изысканный аромат висел в воздухе позади них. Он он вздохнул с желанием, и его сердце начало биться с насилием из общий. Они казались ему истинными предзнаменованиями, а не людьми. Были все красивый и недостижимый. Он нашел их идущими внизу, рядом с Серпентин был очарован этим проблеском роскошной и надменной красоты и тут же повернулся, чтобы последовать за ними. Почему? Сам он мало что знал. Просто чтобы быть рядом с ними; и, возможно, с фантастической надеждой и неуправляемый, что что-то может случиться, какое-то чудо, что proj etasse в их жизни.

Желая, он стремился к их нежному запаху; с чем-то вроде отчаяние, как будто от этого зависела его жизнь, наблюдало за ними, изучало их. Оба они были высокими. На одной из них было пальто из серой ткани, покрытое мехом темно-серый; шуба другой была вся меховая; известно, сколько лисиц Золушки не были убиты, чтобы она могла согреться между ними. ледяные тени этого весеннего дня. На одной из них были серые носки

и другой цвет замши. Одна ходила в детской, а другая в кожаной змея. Шляпы были маленькими и плотно прилегающими. Маленький черный французский бульдог сопровождал их бегом, иногда рядом с пятками, иногда впереди их. Ошейник собаки был украшен полосатым волчьим мехом, который выделялся как бахрома волос вокруг ее маленькой черной головы.

Петр шел так близко к ним, что, когда они были далеко от толпы,, я мог слышать отрывки из его разговора. У одного был сладкий голос, другой говорил немного хрипло.

- Какой замечательный человек! - говорил хриплый голос. - Действительно божественно!

— Это то, что сказала мне Элизабет, - сказала сладким голосом.

- И идеальная вечеринка тоже, - продолжала хрипло. - Он заставил нас смеяться всю ночь. У всех тоже закружилась голова. Когда пришло время идти хотя, я сказал, что буду ходить и

попытать счастья, чтобы найти такси в путь. Именно тогда он пригласил меня пойти искать такси в его сердце. Он сказал, что у него там много людей, все незанятые.

Обе смеялись. Разговор группы детей, которые пришли сзади и прохождение в этот момент помешало Петру услышать, что было сказано дальше. Внутренне он проклинал детей. Звериные демоны — они заставили его потерять свое откровение. И какое откровение! От одного такая странная, незнакомая и экстравагантная жизнь! Мечты Питера всегда они были идиллическими и пастырскими. Даже с дочерью дворянина он намеревался жить в деревне тихая домашняя жизнь. Мир, в котором есть вечеринки совершенные, где у всех кружится голова, а божественные люди приглашают молодых богинь искать такси в их сердцах было ему совершенно неизвестно. Он в тот момент он увидел этот мир; он был очарован его экзотическая и тропическая особенность. Все его амбиции теперь заключались в том, чтобы войти в это чудесный мир, каким-то образом и любой ценой участвовать в жизни этих молодые богини. Что, если бы теперь они оба наткнулись одновременно на этот корень выступали и вывихивали лодыжки. Вдруг… Но они оба прошли через это. ее в безопасности. И тут вдруг он увидел надежду — на бульдога.

Собака оставила путь, чтобы понюхать основание вяза, который он рос в нескольких метрах справа. Обнюхал, зарычал, оставил вызывающее воспоминание о его визите а потом, угрожающе, бросал землю и ветви с задними ногами к дереву, когда ирландский терьер появился желтый и начал по очереди обнюхивать, сначала дерево, потом бульдог. Бульдог остановил свои набеги на землю и понюхал терьера. Осторожно два животных обошли друг друга, обнюхивая и рычать. Питер наблюдал за ними на мгновение с томным любопытством и вакансия. Его разум не обращал внимания; он едва видел двух собак. Затем в вспышке показательно, ему пришло в голову, что они могут начать ссориться. Если они поссорились, он это был сделанный человек. Я бы поспешил разлучить их, героически. Это может быть даже

укусить. Но это не имело значения. На самом деле, было бы даже лучше. Укус это может быть еще одним активом благодарности богинь. Горячо пожелал пусть собаки дерутся. Ужасная вещь была бы, если богини или владельцы желтый терьер заметили и вмешались, прежде чем началась драка. “О, Боже, не позволяй им

сейчас называть собак”, - молился он горячо. “Но пусть собаки дерутся. Во имя Иисуса Христа. Аминь.“Петр имел христианское образование.

Дети прошли. Голоса Королев снова стали слышный.

— … такая ужасная заноза в заднице, - говорила сладко голосовая. - Я не могу дать шаг, не найдя его. И он не хромает. Я сказал вам, что ненавидел j udeus, что я нахожу это уродливым, глупым, бестактным, непослушным и скучным. Но, похоже, это не делает незначительная разница.

- Вы должны сделать его полезным, по крайней мере. - сказала хриплая.

- О, я делаю — - заявила конфетка.

- Это уже что-то.

- Что — то, - призналась конфетка. - Но не очень.

Была пауза. “О, Боже, не дай им увидеть”, - молился Питер.

- Если бы только мужчины поняли, что… - началось сладкое задумчиво.

Жуткий шум рычания и лая резко прервал ее. Две девушки повернулись в том направлении, откуда доносился звук.

- Понго! - кричали они хором, тревожно и авторитетно. И снова, срочно: - Понго!

Но его крики были тщетными. Понго и желтый терьер уже враждовали слишком много ярости, чтобы обратить на это внимание.

- Понго! Понго!

- Бенни ! — напрасно кричали и маленькая девочка и ее крепкая няня. - Бенни, иди сюда!

Настал момент, страстно ожидаемый, драгоценный и значимый момент. В приподнятом настроении Питер бросился на собак.

- Отойди, скотина, — крикнул он, пиная ирландского терьера. Для терьера это был враг, а французский бульдог, их французский бульдог, друг, которого он пришел , как один из

олимпийских богов в “Илиаде”, на помощь. - Отойди! — В своем волнении забыл, что это заикание. Лирика / всегда была ему трудна; но он в этот раз ему удалось крикнуть: “отойди!“без намека на колебания. Схватить собаки за пни хвостов, за кожу шеи и пытались их раздвинуть. В время от времени он пинал желтого терьера. Но его укусил бульдог. Даже глупее, чем Аякс, бульдог не мог понять, что Бессмертный он сражался на его стороне. Но Питер не обиделся, и в самый разгар, с болью почти не обошлось. Кровь начала стекать из ряда отверстий.

разорваны в левой руке.

- Ой! - крикнула конфетка, как будто ее руку укусили.

- Будь осторожен, - тревожно увещевала хриплая. - Будь осторожен.

Звук их голосов побудил его к другим усилиям. Пнул и потянул с больше силы; и, наконец, на долю секунды удалось отделить злые животные. На долю секунды ни у одной собаки не было часть анатомии другого во рту. Питер воспользовался возможностью, и взяв французского бульдога за дряблую кожу на затылке, он поднял его, все еще лая яростно, рыча и сражаясь, в воздухе. Желтый терьер стоял перед ним, лай и время от времени подпрыгивая в галлюцинирующем стремлении укусить лапы черные свисающие с вашего врага. Но Петр, с жестом Персея, поднимающим отрубленная голова Горгоны, подняла взволнованный Понго из опасности, максимально вытянув руку. С ногой держал Желтую Собаку в расстояние; и няня и маленькая девочка, которые к тому времени частично выздоровели их присутствие духа приблизилось к разъяренному животному позади и наконец-то им удалось закрепить поводок на поводке. Все четыре ноги жестко посаженный занос в траву, желтый терьер был утащен в грубая сила, все еще лающая, хотя и без такой мощности - наполовину задушенная, что это было в его попытках сбежать. Подвешен почти на два метра над землей по темной коже его шеи Понго напрасно извивался.

Петр повернулся и подошел к богиням. У хриплого были прищуренные глаза и грустный рот; это было худое лицо трагического вида. Сладкое было больше круглый, более розоватый и белый, с более голубыми глазами. Питер посмотрел из другой и не мог решить, какая из них самая красивая.

Опустил суетливый Понго.

“Вот твоя собака ” - вот что он имел в виду. Но красота этих сияющие существа внезапно вернули всю свою застенчивость, а вместе с ней и свою заикание.

- Вот ваш… - начал, но не мог произнести собаку. С, для Питера это всегда была трудная лирика.

Для всех общих слов, которые начинались с трудных букв Питер у него был запас более простых синонимов. Таким образом, он всегда он называл кошек “кисками” не из - за инфантильности, но потому что b был более произносимым, чем невозможный g. уголь он должен был сказать в самой расплывчатой форме “дрова”. Мусор для него всегда был “грязью”. Na открытие синонимов он стал почти таким же находчивым, как и те англосаксонские поэты, которые использовали аллитерацию вместо рифм, были вынуждены, в ваших попытках заставить, скажем, море начинаться с той же буквы его волны или его пены, чтобы назвать его “гордость Нептуна” или ” дорога кит”. Но Петр, который не мог позволить себе полную поэтическую лицензию своих саксонские предки, иногда приходилось произносить самые сложные слова для

не было никакого прозаического и удобного эквивалента. Так, я никогда не был уверен, стоит ли называть кружку чашкой или c-a-n-e-c-a.

В настоящий момент это было жалкое маленькое слово “собака”, которое сдерживало его. У Питера было несколько синонимов для собаки.

Если бы не было проблем с / мог бы сказать “щенок”. Или так между шутником и псевдогероиком “мастиф”. Но присутствие двух богини было так захватывающе, что Петр так отчаянно думал, что это невозможно произносить м как С. мучительно колебался, пытаясь произнести сначала собака, потом щенок, потом мастиф. Его лицо стало очень красный. Он был огорчен.

- Вот твой зверь — - все-таки успел сказать. Слово, у него было совесть, это было немного непригодно для элегантного разговора. Но это был единственный, кто вышел.

- Большое спасибо — - сказала сладкая.

- Ты был великолепен, действительно великолепен, - заявила хриплая. — Но я думаю, вы получили травму.

- О, это не н-ничего, - заявил Питер. И, обернув шарф вокруг откусил руку, засунул ее в карман.

Тем временем конфета прикрепила конец ремня к ошейнику Понго.

- Вы можете положить его прямо сейчас, - сказал он.

Питер сделал то, что она велела. Черный щенок сразу же прыгнул на направление своего врага, который не хотел уходить. Пришел к концу веревки с шишка, которая заставила его стоять на задних лапах и удерживала его, лая, на положение свирепствующего Льва на щите оружия.

- Но вы уверены, что это ничего? - настояла хриплая. - Позвольте мне дать взгляд.

Питер послушно снял платок и протянул руку. Ему казалось, что все это происходило так, как он ожидал. Тогда он с ужасом понял, что его ногти были грязными. Если бы, если бы я хотя бы подумал о том, чтобы взять душ перед выходом на улицу! Что бы вы о нем подумали? Краснея, он попытался снять рука. Но хриплая держала ее.

- Подожди, - сказала она. И добавил: - Это был уродливый укус.

- Ужасно, - заявила конфетка, которая тоже наклонилась над рукой его. - Мне так жаль, что у моей глупой собаки есть…

— Ты должен идти прямо в аптеку, — сказала хриплая, перебивая ее - продезинфицировать и перевязать.

Поднял глаза от руки к его лицу.

- Аптека, - повторила конфетка,а также подняла глаза.

Питер смотрел от одного к другому, одинаково возбужденный голубыми глазами широко раскрытые, а зеленые глаза прищурены и скрытны. Смутно улыбнулся и

смутно покачал головой. Незаметно обернул руку вокруг шарфа и он спрятал ее.

- Н - это не было н-ничего, - сказал он.

- Но надо, - настаивала хриплая.

- Надо, - воскликнула конфетка.

- Н-ничего, - повторил он. Я не хотел идти в аптеку. Хотел остаться с Бог.

Конфетка повернулась к хриплой.

- Qu 'est-ce qu' on donne à ce petit bonhomme? - спросил он, много разговаривая быстро и тихо.

Арока пожала плечами и поморщилась, что наводило на мысль о неуверенности.

- II serait offensé, peut-être, - предложил он.

- Ты круаз?

Арока косо взглянул на объект своего обсуждения, оценив его критически от дешевой фетровой шляпы до дешевых ботинок, от бледного лица и пятнистый к полу-грязным рукам, от очков в стальной оправе до пояса кожа вахты. Питер увидел, что она смотрит на него, и улыбнулся ему смутно и застенчивый арруубо. Как она была прекрасна! Задавались вопросом, что они будут шептать. Возможно, они обсуждали, стоит ли приглашать его на чай. И так то, что эта идея пришла ему в голову, он был уверен, что это все. Чудесным образом вещи происходили так, как они происходили во сне. Задавался вопросом, я бы осмелился сказать им-в этот первый раз-что они могут искать такси в вашем сердце.

Арука повернулась к своей спутнице. Еще раз пожал плечами.

- Vraiment, je ne sais pas — - прошептал он.

- Si on lui donnait une Free? - он предложил конфету.

Арука кивнул.

- Comme tu voudras. - И пока другая повернулась, чтобы порыться. незаметно сумку она направила к Питеру.

- Ты был очень храбрым, - сказал он, улыбаясь.

Петру удалось только покачать головой, покраснеть и опустить

глаза на от этого пристального, уверенного, холодного взгляда. Он хотел посмотреть на нее, но когда она была готовый сделать это, я просто не мог держать глаза неподвижно в этих решительных глазах.

- Может быть, вы привыкли к собакам, - продолжил он. — Ты есть один?

-Н — нет, - успел сказать Питер.

- Ну, это делает его еще смелее, - сказала хриплая. Тогда, понимая, что конфета нашла деньги, которые искала, она взяла рука мальчика и тепло встряхнула ее. - Мы вам очень благодарны. Боже, у меня даже мурашки по коже! — повторять. И когда я повторял, я задавался вопросом, почему

он так часто употреблял слово “мурашки по коже”. Обычно почти никогда не носить. В любом случае, это казалось уместным, так как я разговаривал с этим подлежащее. Она всегда была теплой, решительной и использовала школьный язык, когда он имел дело с низшими классами.

- Г-г-г… - начал Питер. Будут ли они уходить, он спросил себя в агонии, внезапно выйдя из своего комфортного, розового сна. Вы действительно уходите, не приглашая его на чай или не давая ему свои адреса? Он я хотел умолять их остаться еще немного, чтобы они позволили он видел их снова. Но я знал, что не смогу произнести слова. необходимый. Перед прощанием с хриплым он чувствовал себя человеком, который видит себя под неизбежностью страшной катастрофы и ничего не может сделать, чтобы остановить ее. — Г-г… - тихо заикался. Но обнаружил, что пожимает друг другу руку раньше. закончив роковое прощание.

- Ты был действительно великолепен,-сказала конфета, пожимая ему руку. — Действительно великолепно. Просто нужно немедленно пойти в аптеку, чтобы продезинфицировать укус. До свидания, и большое, большое спасибо. - Когда я говорил эти последние слова оставил хорошо сложенную банкноту в один фунт на его ладони и со своими две руки сжали его пальцы на ней. - Большое, большое спасибо, - повторил он.

Яростно покраснев, Питер покачал головой.

- Н-н… - начал, и пытался заставить ее забрать записку обратно.

Но она просто улыбнулась более сладко.

- Да, да, — настаивал он. — Пожалуйста. - И не дожидаясь, чтобы услышать больше, повернулся и побежал к хриплому, который продолжал идти, поднимаясь по тропинке, взяв сопротивляющегося Понго, который все еще лаял и геральдически заставлял поводка.

- Ну, все в порядке, - сказал он, когда догнал спутницу.

- Он согласился?

- Да, да — - кивнул он. Затем, меняя тон: - дай посмотреть… от чего это то, о чем мы говорили, когда эта ублюдочная собака прервала нас? — продолжать.

- Н-нет, - Наконец-то успел сказать Питер. Но она уже дала ему назад и прочь бежал. Он сделал несколько шагов по его следу; затем он сделал ставку. Это было бесполезно. Если бы я попытался объяснить, я бы просто спровоцировал больше унижение. Они могли бы даже подумать, стоя там, стараясь-если сказать слова, мы побежали за ними, чтобы попросить больше. Мочь оставьте еще один фунт в руке и убежать еще быстрее. Наблюдал за ними, пока исчезать из поля зрения, на вершине холма; затем вернулся в сторону Серпентин.

В своем воображении он воссоздал сцену не так, как на самом деле случилось, но как должно было случиться. Когда конфета оставила записку в его рука он улыбнулся и вежливо вернул ее, сказав: “Я думаю, ты вы совершили ошибку. Я признаю, что это вполне оправданная ошибка. Потому что я выгляжу бедным, и в

правда, я беден. Но я джентльмен, понимаешь? Мой отец был врачом в Рочдейл. Моя мать была дочерью врача. Я ходил в хорошую школу, пока они оба умереть. Они ушли, когда мне было шестнадцать, с месяцами отличия друг от друга. Поэтому мне пришлось пойти на работу, прежде чем я закончил учебу. Но ты понимаешь, что я не могу принять твои деньги”” А потом становится больше галантный, личный и конфиденциальный, он продолжил: “Я разделил этих ужасных собак потому что я хотел что-то сделать для тебя и твоей подруги. Потому что я думал, что вы прекрасны и слишком чудесно. Так что даже если бы я не был джентльменом, я бы не я бы взял ваши деньги”” Сладкий был глубоко тронут этим маленькая речь. Он пожал ему руку и сказал,

что ему очень жаль. И он оставил его в покое, заверив его, что его обман был совершенно понятный. А потом она спросила, не хочет ли он пойти с ними взять чашка чая. И с этого момента мечты Питера стали более смутные и розовые, пока он не вернулся к старой семейной мечте дочери дворянина, от благодарной вдовы и одинокой сироты; просто случилось, что на этот раз они были две богини, и их лица вместо неясных творений воображения были настоящими и определены.

Но он знал, даже в середине своего сна, что вещей не было так случилось. Я знал, что она ушла, прежде чем он смог сказать что-то; и что даже если бы я побежал за ними и попытался представить его объяснение никогда бы не достигло его. Например, он должен сказать, что его отец был “доктором”, а не врачом (d легче, чем m). И когда он достиг время сказать им, что их умерли, я должен был сказать “погиб”, что это звучало бы педантично, как будто он пытался пошутить. Нет, нет, а правда должна была быть признана. Он взял деньги, и они ушли. хотя он думал, что он просто какой-то уличный бродяга, который рискнул один укус за хороший совет. Что касается того, чтобы пригласить его на чай и сделать это их друг…

Но его воображение все еще было активным. Ему пришло в голову, что это было бы нет необходимости давать какие-либо объяснения. Мог бы просто заставить записку вернемся к ее руке, не давая ни слова. Почему я этого не сделал? Нуждаться извиняюсь перед собой за свое упущение. Она ушла слишком быстро; это это была причина.

Что, если бы он пошел перед ними и якобы отдал деньги за первого уличного мальчика, которого вы встретите? Хорошая идея. К сожалению это не пришло ему в голову в то время.

Весь этот день Питер шел, думая о том, что произошло, воображая правдоподобные и удовлетворительные альтернативы. Но все это время он знал, что эти альтернативы были только воображаемыми. Иногда воспоминание о его унижении она была такой яркой, что заставляла его съеживаться и вздрагивать.

Свет начал падать. В серых и фиолетовых сумерках влюбленные

они обнимали друг друга сильнее, когда шли, сжимали друг друга еще сильнее. под деревьями. Ряды желтых луковиц

прорастали в растущей темноте. Высоко в бледном небе была видна четверть Луны. Он чувствовал себя более несчастным и одиноко, как никогда.

К этому времени его укушенная рука сильно болела. Он вышел из парка и пошел по Оксфорд-стрит, пока я не нашел аптеку. После того, как рука была продезинфицирована и покрытый повязкой, он вошел в чайную и попросил яйцо-пашот, булочка и кружка мокко, которую пришлось перевести официантке как а x-í-c-a-r-A от c-a-f-является.

“Мне кажется, вы думаете, что я бродяга или негодяй.” Быть это то, что я должен был сказать ей, возмущенный и гордый. “Ты оскорбил меня. Если вы будь мужчиной, я бы с тобой покончил. Возьми свои грязные деньги.“Но, размышлял, я не мог дождаться, когда они станут ее друзьями после этого. Думать ну, он решил, что его возмущение ничего не принесет.

- Вы повредили руку? - сочувственно спросила его официантка подавая яйцо и кружку мокко.

Питер кивнул.

- Оптовая р - для с-с… зверь. - Слово наконец прыгнуло, взрывно.

Воспоминание о досаде заставило его покраснеть, когда он говорил. Да, они были взятый обманщиком, они обращались с ним так, как будто он на самом деле не он существовал, как если бы он был всего лишь инструментом, на услуги которого обращались и на что после оплаты счета больше не обращали внимания. Память о унижение было таким ярким, ее восприятие было таким глубоким и полным, что это повлияло не только на его разум, но и на его тело. Сердце билось с rapideze ненормальное насилие; он чувствовал тошноту. Это было с наибольшим трудом, что ему удалось съесть яйцо и выпить кружку мокко.

Все еще вспоминая болезненную реальность, все еще лихорадочно выстраивая свои воображаемые альтернативы, Питер покинул чайный домик, и хотя он был очень устав, он снова начал свои бесцельные странствия. Шел по улице Оксфорд к цирку, спустился по Риджент-стрит, остановился на Пикадилли, чтобы созерцать сияющие, которые эпилептически вздрогнули, поднялись на шафсбери-авеню и, повернув на юг, он продвинулся по бокам к Стрэнду.

На улице возле Ковент-Гарден женщина столкнулась с ним.

- Радуйся, сынок. Не грусти, - сказала она.

Питер с удивлением посмотрел на нее. Возможно ли, что вы разговариваете с ним? Один женщина… возможно ли это? Он знал, естественно, что она была тем, что люди их называли потерянной женщиной. Но тот факт, что он говорил с ним это все равно казалось необычным; и он не связывал это со своей “гибелью”.

- Пойдем со мной, - проговорила денгоса.

Питер кивнул. Я не мог поверить, что это правда. Она поймала его

рукоятка.

- У тебя есть деньги? - с тревогой спросила.

Он снова кивнул.

- Похоже, вы были на похоронах, - сказала женщина.

- Я одинок, - объяснил он. Он чувствовал, что вот-вот заплачет. Плакать и быть утешать. Голос дрожал, когда говорил.

Одинокий? Это смешно. Такой красавчик, как ты, не имеет, почему быть одиноким. - Она выразительно и безрадостно рассмеялась.

Ее комната была тусклой, с оттенком розового в освещении. Один в воздухе витал запах дешевых духов и грязного белья.

- Подожди минутку, - сказала она и исчезла через дверь в скрытая комната.

Он сел и стал ждать. Через минуту она вернулась в халате и туфля. Она села на колени, обняла его и начала целовать.

- Милая, - заговорил своим треснувшим голосом. — Любовь. — Глаз они были жесткими и холодными. Дыхание переросло в алкоголь. Крупным планом она была неописуемо ужасно.

Петр увидел ее, ему показалось, что впервые: увидел и осознал,

что она была перед вами. Отвернулся. Вспоминая дочь дворянина, которая крутила лодыжка одинокой сироты, вдовы, чей сын упал в озеро; вспоминая Сладкий и хриплый, оторвался от ее рук, оттолкнул ее и положил-если стоять.

- Простите — - сказал он. - Мне нужно с-С… Я забыл с-с… Я… - Взял шляпа и направился к двери.

Женщина побежала за ним и взяла его за руку.

- Ты дьявол — - крикнул он. Его оскорбления были ужасными и грязными. - Приглашает девушка, а затем пытается отправить себя, не заплатив. О, Нет, нет, нет. Ты…

И оскорбления возобновились.

Питер залез в карман и вытащил аккуратно сложенную купюру из Сладкий.

- Д-отпусти меня, - сказал он, вручая ему записку.

Когда она открыла записку, полную подозрений, он быстро ушел, захлопнув за собой дверь, он побежал вниз по темной лестнице на улицу.

Монокль

Комната находилась на первом этаже. Нечеткий и неразборчивый шум многие голоса плыли вниз по лестнице, как fragor далекого поезда. Григорий снял плащ и передал его служанке.

- Не надо меня сопровождать, - сказал он. - Я знаю дорогу.

Всегда такой добрый! И все же, по какой-то причине, сотрудники они никогда ничего не делали для него; они презирали ЕГО и не любили его.

- Не волнуйся — - настаивал он.

Служанка, которая была молодой, розовой и светловолосой, смотрела на него с молчаливое презрение, показалось ему, и отошло в сторону. Конечно, подумал он, она не я действительно хотел сопровождать его. Он чувствовал себя униженным-еще раз.

У подножия лестницы было зеркало. Он изучил свой имидж, дал похлопал по волосам и выпрямил галстук. Его лицо было гладким и овальным, с чертами лица регулярные, светлые волосы и очень маленький рот, с эффектом лука Купидона на верхней губе. Лицо приходского священника. Втайне считала себя красивой и всегда он удивлялся, что больше людей не придерживаются того же мнения.

Грегори поднялся по лестнице, полируя монокль во время прогулки. Громкость звук увеличился. С лестничной площадки, где лестница изгибалась, он видел дверь открытая комната. Сначала я мог видеть только верхнюю часть дверного проема, это высоко, и через него, кусок потолка; но вместе с каждой ступенькой он видел больше вещей — стенная полоса под карнизом, рама, голова от людей, целых тел, ног и ступней. На предпоследней ступеньке он поставил монокль и держал платок в кармане. Выпрямив плечи, он двинулся к внутри помещения-почти как военный, хвастался. Хозяйка стояла на месте рядом с j anela в противоположном конце комнаты. Вскоре он двинулся к нему, хотя она еще не видела его, механически улыбаясь его приветствия. Зал он был наполнен, теплый и туманный сигаретным дымом. Шум был почти ощутимый; у Грегори было мучительное впечатление, что он пробился сквозь плотный элемент. Увяз, он плеснул шум внутри, тем не менее защищая его улыбка контакта с толпой. Он представил его хозяйке в целости и сохранности.

- Спокойной ночи, Гермиона.

- Грегори. Какая радость! Спокойной ночи.

- Мне нравится твое платье, - прокомментировал Грегори, внимательно следя за советом от завидно успешного друга, который сказал ему, что никогда не должен пренебрегать комплиментом, хотя и явно неискренним. Кроме того, он не был уродливое платье. Но бедная дорогая Гермиона была способна испортить любой

что бы вы ни носили. Грегори всегда казалось, что есть дно преднамеренный, собственно злой, в уродстве и безвкусице Гермионы. — Прекрасный слишком много, - ворковал в своем пронзительном голосе.

Гермиона с удовольствием улыбнулась.

- Рад, - начала она. Но прежде чем он смог продолжить, голос громкая, фанхозная и поющая, прервала ее.

- Остерегайтесь монстра Полифема, остерегайтесь монстра Полифема — в музыкальном плане он цитировал Аса и Галатею.

Грегори покраснел. Огромная рука дала ему пощечину в середине спина, ниже лопаток. Его тело издавало глухой шум скошенной собаки.

- Ну, Полифем. - Голос перестал петь и стал разговорным. — Ну, Полифем, как дела?

- Молодец, спасибо, - не оглядываясь назад возразил Григорий. Быть этот мерзкий, пьяный, грубый южноафриканский парень Пакстон. — Хорошо, спасибо, Силено, - добавил он.

Пакстон назвал его Полифем из-за монокля: Полифем Циклоп одноглазый, с огромными глазами. Мифологический диалог. В будущем я всегда буду называть Пакстона из Силена.

- Браво! - воскликнул Пакстон. Грегори съежился и насильно задохнулся от второй и более восторженный Пощечина. - Ну, высший класс, эта вечеринка. Да, Гермиона? Довольно культурно, не так ли? Не каждый день хозяйка может слушать ваши гости стреляют друг в друга греко-римскими шутками. Я даю тебе поздравляю, Гермиона. - Обнял ее за талию. - Я поздравляю вас ради нас.

Гермиона оторвалась от него.

- Не будь скучным, Пакстон, - нетерпеливо сказал он.

Пакстон театрально засмеялся.

- Ах, ах! - Злодейский смех в мелодраме tea-tro. И это было не только его смех был театральным; вся его личность пародировала старомодного трагического актера. Острый орлиный профиль, запавшие глаза, несколько черные волосы длинные были характерны. - Тысяча помилований. - Он говорил с вежливостью иронический. Бедный поселенец теряет рассудок. Пьяный и невоспитанный деревенщина!

- Идиот! - сделал Гермиону и ушел.

Грегори упомянул, что следовал за ней, но Пакстон схватил его за рукав.

- Скажи, зачем ты носишь монокль, Полифем? - спросил с серьезность.

- Ну, - ответил Григорий с некоторой резкостью, - если ты действительно знаете что, по той простой причине, что я близорук и астигматик в левый глаз, а не правый.

- Близорукий и астигматичный? - другой повторил тоном притворного изумления. — Близорукий и астигматичный? Боже, прости меня, я думал, это потому, что ты хотел

стать похожим на герцога музыкальной комедии.

Смех Грегори жаждал откровенного выражения забавного изумления. Как можно себе представить такую вещь! Удивительно, комично! Но записка от смущение и дискомфорт звучали вместе с изумлением. Да, конечно, Пакстон был очень и дьявольски близко к истине. С острым осознанием своей ничтожество, его провинциализм и отсутствие успешного высокомерия, он сделал от диагноза оптика предлог, чтобы попытаться выглядеть лучше, больше наглый и сильный. Напрасно. Его монокль ничего не сделал, чтобы увеличить его уверенность в себе. Никогда не чувствовал себя комфортно, используя его. люди, которые используют он заключил, что монокль подобен поэтам; они рождаются такими. Кембридж нет это уничтожило ребенка из внутреннего образования. Ученый, с литературной культурой, он он всегда осознавал, что является наследником богатого сапожника. Не он мог привыкнуть к моноклю. Большую часть времени, несмотря на рекомендации оптика, он висел на своей цепи, маятник когда он шел, и неприятность в случае его неуклюжих погружений, когда он ел, в супе и чае, в джеме и масле. Это было только в определенных при особенно благоприятных обстоятельствах Григорий поправлял его в глаз; и еще реже он удерживал его, когда он был помещен, больше, чем пусть несколько минут, даже несколько секунд, не поднимая бровь и не оставляя-Ло упасть. И как редки были благоприятные условия для еегласс Грегори! Иногда атмосфера была слишком низкой для него, иногда элегантной слишком. Ношение монокля в присутствии бедных, несчастных и неграмотных звучит якобы победоносный перед лицом своей

удачи. Кроме того, бедные и у неграмотных есть очень прискорбная привычка смеяться. этих символов высшей касты. Грегори не был смехотворным; ему не хватало господствующая уверенность и бессознательность тех, кто был рожден, чтобы носить монокль. Я не знал, как игнорировать бедных, относиться к ним, в случае, если это абсолютно необходимо обращаться с ними, как если бы они были машинами или домашними животными. Он видел слишком много их, когда его отец был жив, и заставил его развиваться практический интерес к бизнесу. Это было то же самое отсутствие уверенности, которое оставило его почти так же надоело носить свой монокль в присутствии богатых. С они никогда не чувствовали себя в полной безопасности, имея право на свой монокль. Чувствовал себя парвену монокулярности. И были также умные. Компания кроме того, он был очень мало благоприятен для монокля. Монокль, как будто не могли бы вы поговорить о серьезных вещах? Можно сказать, например: “Моцарт такой чистый, такой духовно красиво”? Было немыслимо сказать эти слова с диском Кристалл врезался в глазницу его левого глаза. Нет, обстоятельства они редко оказывали поддержку. Тем не менее, благоприятные обстоятельства иногда представить. Например, наполовину богемные вечеринки Гермионы. Но он не я думал о Пакстоне.

Развлекаясь, удивляясь, он засмеялся. Как будто случайно монокль упал с него

глаз.

- О, положи обратно, - воскликнул Пакстон. - Верни его, я тебе умоляю! — А сам взял линзу, которая качалась над животом Грегори, и попытался вернуть ее.

Григорий отступил; одной рукой оттолкнул преследователя и другой попытался снять монокль с ее пальцев. Пакстон не хотел отпускать его.

- Я умоляю вас! - повторял Пакстон, не переставая.

-Верни мне немедленно, - сердито сказал Григорий, но голосом чтобы люди не повернулись, чтобы увидеть гротескную причину обсуждение. Он никогда не играл такого возмутительного дурака.

Пакстон наконец сдался.

- Простите, - сказал он с притворным сожалением. - Прости бедного пьяный поселенец, который не знает, что делать, а не в высшем обществе. У вас есть вспоминая, что я просто пьяница, просто бедный, трудолюбивый пьяница. Знаете эти регистрационные формы, которые они выдают во французских отелях? Имя, дата рождения и т. д. Знаете?

Григорий достойно кивнул.

- Ну, когда дело доходит до профессии, я всегда пишу иврогне. Я имею в виду, когда я достаточно трезв, чтобы вспомнить имя по-французски. Если я обгоревший, я просто надеваю пьяный. В наши дни все говорят по-английски.

- Ах, - холодно сделал Грегори.

- Это замечательная профессия, - признался Пакстон. - Позволяет люди делают все, что им хочется — все, что сходит с ума, голова. Обнять любую женщину, которая хочет, сказать ей самая грубая и фантастическая дерзость, оскорбление мужчин, смех в лицо люди-бедному пьяному разрешено все, особенно если он всего лишь один бедный поселенец, который ничего не знает. Глагол. sap.^1 прими совет, старик. Забудьте о монокле. Это бесполезно. Будь пьяницей; это будет намного веселее. О который напоминает мне, что мне все равно нужно пойти выпить; я протрезветь.

Он исчез в толпе. Aüviado, Грегори огляделся в поисках семейные лица. Пока он смотрел, полировал монокль, наслаждался возможность вытереть лоб, затем положить линзу в глаз.

- С юцентой. - Прокрался, серпантин, сквозь поставленные стулья очень близко друг к другу, он прошел, как слизняк (“извините”) между его спиной почти смежные две группы ног. — Прошу прощения. - Он видел знакомых рядом с камин: Рэнсон, Мэри Хейг и Мисс Хейг. Кампердаун. Встретился с разговором: они говорили о миссис мандрагор.

Все старые известные истории об этой знаменитой охотнице на Львов они повторялись. Он сам повторил два или три, с пантомимой и совершенная тысячей повествований. В середине гримасы, в кульминации

из сложного жеста он внезапно увидел, как он гримасничает, жестикулирует, внезапно я услышал ритмы его голоса, повторяющие наизусть старые фразы. В почему ты ходишь на вечеринки? Всегда одни и те же скучные люди, одни и те же скучный скандал и те же салонные уловки. Каждый раз. Но он улыбайтесь с аффектом, он представлял, он рассказывал свою историю, иногда мягко, в раз с яростью, до самого конца. Его слушатели даже смеялись; это был успех. Но Грегори было стыдно. Рэнсон начал рассказывать историю миссис Рэнсон. Мандрагор и Махараджа Паталиапура. Он застонал в духе. Почему? Он получает спрашивал почему, почему, почему? За ним говорили о политике. Еще притворяясь, что улыбается басне мандрагоры, он слушал.

- Это начало конца — - говорил политик, пророчествуя в голосе разрушения высокий и веселый.

- “Дорогой Махараджа” - Рэнсон подражал интенсивному голосу мандрагоры, ее резкие и драматические жесты. - “Если бы вы знали, как я обожаю Восток…”

- Наша странная позиция была связана с тем, что мы запустили систему промышленное раньше других. Теперь, когда остальной мир последовал нашему примеру, мы считаем недостатком то, что начали первым. Все наши оборудование является antiq…

- Грегори, - позвала Мэри Хейг. - Как ваша история о солдате Неизвестно?

Неизвестный Солдат?- смутно повторил Григорий, пытаясь послушать то, что было сказано позади вас.

- У тех, кто пришел последним, самая современная техника Moderna. Ясно. Мы…

- Вы знаете, какой именно. Праздник мандрагоры; ты знаешь.

- Ах, когда она пригласила нас всех на чай, чтобы встретиться с мамой Неизвестный Солдат.

— … как в Италии, - говорил политик своим громким веселым голосом. — В будущем, у нас всегда будет на миллион или два больше людей, чем мы можем использовать. Жизнь за счет государства.

Один или два миллиона. Он думал о ежегодных скачках.

Возможно в этой толпе было около ста тысяч человек. Десять толп, как эта, двадцать, все полуголодные, гуляют по улицам с чарангами и флагами. Уронил монокль. Я должен отправить пять фунтов в больницу Лондон, подумал он. Четыре тысячи восемьсот в год. Тринадцать фунтов в день. Конечно, со скидкой налоги. Налоги были ужасны. Чудовищный, сэр, чудовищные. Он пытался чувствовать себя таким же возмущенным налогами, как и те пожилые джентльмены, которые покраснели, когда говорили о это. Но почему-то он не смог этого сделать. Кроме того, налоги не они были оправданием, а не оправданием. Вдруг почувствовала глубокую печаль.

Тем не менее, он пытался утешить себя, не более двадцати или двадцати пяти между двумя миллионы владели своим доходом. Двадцать пять из двух миллионов-это было абсурдно, ничтожество! Но он не чувствовал утешения.

- И незнакомец, - Рэнсон все еще говорил о мандрагоре, - это то, что она на правда совсем не интересуется ее львами. - Начни считать то, что сказал ему Анатоль Франс, а затем забывает в середине, от чистой скуки, что я говорил.

Ах, боже, боже, подумал Григорий. Сколько раз вы слышали, как Рэнсон делал те же мысли о психологии мандрагоры! Сколько раз! Вскоре он я бы упомянул этот отрывок о шимпанзе. Да поможет нам Бог!

- Вы когда-нибудь наблюдали за шимпанзе в зоопарке? - спросил Рэнсон. — Как они берут солому или банановую кожуру и исследуют ее на несколько секунд со страстным вниманием? Он сделал пантомиму. — Затем им внезапно становится совершенно скучно, они сбрасывают вещь с пальцев и они смутно оглядываются в поисках чего-то другого. Они всегда напоминают мне о Мандрагор и его гости. То, как она начинается, интенсивно, как если бы человек был единственным в мире; затем внезапно…

Григорий больше не мог этого выносить. Что-то пробормотал Мисс. Кампердаун о том, что видел кого-то, с кем ему нужно было поговорить, и он исчез, ” извините”, как слизняк среди толпы. Ах, что несчастье, какая ужасная меланхолия все это! В углу он нашел молодой Журавль и два или три других предмета с чашками в руках.

— О, Крейн, - сказал он. - Ради Бога, скажи мне, где ты это взял этот напиток.

Эта золотая жидкость казалась единственной надеждой. Крейн указал в направлении от арки, ведущей в заднюю комнату. Поднял стакан, не говоря ни слова, выпил и подмигнул Грегори за стакан. У него было лицо, похожее на несчастный случай. Грегори пробрался сквозь толпу

- Извините — - сказал он вслух; но внутренне он сказал: “Бог нас помочь”.

В дальнем конце задней комнаты стоял стол с бутылками и стаканами. О пьяный профессионал сидел на соседнем диване со стаканом в руке, делая с самим собой личные комментарии ко всем людям, которые они подходили достаточно близко, чтобы услышать его.

- Господи! - говорил он, когда Григорий подошел к столу. — Господи! Посмотри на это! Это была стройная Миссис Лабади, покрытая золотом и жемчуг. - Господи! - Она прыгала, как кошка, на застенчивого мальчика. закрепился за столом.

- Скажите, мистер Фоли, - начал он, приближая свое конское лицо к мальчик и говорить с ним приглашающим тоном. - Господь, Который знает все о математика, скажи мне…

- Это возможно? - воскликнул профессиональный пьяница. - На зеленой земле и приятно из Англии? Ха-ха-ха! - Рассмеялся его мелодраматический смех.

Претенциозный дурак, подумал Григорий. Как он считает себя романтичным! Философ смеющийся тогда? Пьяный, потому что мир не достаточно хороший ум для него. Ну, маленький Фауст.

- И Полифем тоже, - продолжал Пакстон монологировать. — О смешной Полифем! - Снова рассмеялся. - Наследник всех эпох. Господи!

С достоинством Григорий налил себе виски и наполнил бокал в сифоне — с достоинством, с добросовестной грацией и точностью, как будто изображая роль человека, который наливает себе виски и соду на сцене. Потягивал из стакана; затем тщательно представлял роль человека сняв платок и

высморкавшись.

Разве все эти люди не заставляют нас верить в контроль рождаемости? — он оставался профессиональным пьяницей. - Если бы только ваши родители могли иметь обменялись интимными словами Со Стоупсом!tíˆl Эй, или! - Он выдал стилизованный шекспировский вздох.

Клоун, подумал Грегори. И что еще хуже, если бы кто-то назвал его клоуном он будет делать вид, что он сам говорил это все время — и даже, естественно, на всякий случай. Но на самом деле, очевидно, субъект судит себя своего рода Moderna Musset или Byron. Прекрасная душа, почерневшая и озлобленный опытом. Тьфу!

Все еще делая вид, что не замечает близости профессионального пьяницы, Грегори выполнял действия пьющего человека.

- Как вы все проясняете! - говорила Миссис Лабади в упор на лицо молодого математика. Улыбнись ему; эта лошадь, подумал Грегори, имеет ужасно человеческое выражение.

- Ну, - нервно сделал молодой математик. - Теперь мы подошли к Риман.

- Риман! - повторила Миссис Лабади с каким-то экстазом. — Риман! - как будто душа геометра была в его имени.

Григорий хотел, чтобы там был кто-то, с кем он мог бы говорить, кто-то, кто мог бы избавить вас от необходимости играть роль от бессознательного безразличия перед наблюдательными глазами Пакстона. Откинулся назад к стене, как тот, кто внезапно впал в депрессию. С пустым выражением и задумчиво приоткрыла глаза в любом месте на противоположной стене, высоко, вскоре под потолком. Люди должны задаться вопросом, размышлял он, в котором он я бы подумал. И о чем он думал? В себе. Тщеславие, тщеславие. Ах, какая печаль, какая меланхолия, все это!

- Полифем!

Он сделал вид, что не слушает.

- Полифем! - на этот раз это был крик.

Грегори немного преувеличил роль кого-то, кто внезапно пробудился от глубочайшей медитации. Испугался; моргнув, немного головокружение, он повернул голову.

— О, Пакстон, - сказал он. - Силено! Я не понял, что ты там.

- Не так ли? - сказал профессиональный пьяница. - Очень умный его часть. О чем вы так живописно думали, Али?

- Ах, ни в чем, - сказал Григорий, улыбаясь скромному замешательству Мыслитель пойман с поличным.

- Именно то, что я себе представлял, - сказал Пакстон. — Ничего. Ничего. Иисус Христос! - добавил он себе.

Улыбка Грегори была отвратительной. Он отвернулся и снова перешел к медитации. В сложившихся обстоятельствах это казалось лучшим решением. Мечтательно, как будто не зная о том, что он делает, он опустошил стакан.

- Черт! - услышал бормотание профессионального пьяницы. - Это как похороны. Грустно, грустно.

- Ну, Грегори.

Грегори сыграл еще один из его изящных страхов, добавив черты путаница. На мгновение он боялся, что Спиллер будет уважать его медитацию и не разговаривай с ним. Это было бы очень неловко.

- Спиллер! - воскликнул он с восторгом и изумлением. - Мой дорогой друг! — Тепло пожал ему руку.

Квадратное лицо, широкий рот и огромный лоб, обрамленный волосами кудрявый и обильный, Спиллер выглядел как викторианская знаменитость. Ваши друзья они заявляли, что он действительно мог быть грузинской знаменитостью, нет если бы он предпочитал говорить, а не писать.

- Я пришел провести всего один день — - объяснил Спиллер. - Я больше не мог этого выносить. ни часа от проклятого поля. Работая весь день. Нет компании а не быть собой. Я обнаружил, что считаю себя скучным. Он налил себе виски.

- Господи! Большой человек! Ха-ха! - Профессиональный пьяница закрыл лицо руками и содрогнулся от насилия.

- Вы имеете в виду, что специально для этого пришли? - спросил Грегори, делая жест рукой, чтобы указать на встречу.

- Особенно, нет. Случайно. Я слышал, что Гермиона была устроив вечеринку, я решил появиться.

- Почему люди ходят на вечеринки? - сказал Грегори, предполагая бессознательное врет что-то из бироническихи озлобленных манер пьяницы профессиональный.

- Для удовлетворения потребностей стадного инстинкта. - Спиллер он ответил на риторический вопрос без колебаний и с папским видом непогрешимость. - Так же, как преследуют женщин, чтобы удовлетворить

потребности репродуктивного инстинкта. - Spiller имел впечатляющий режим делать все, что он говорил, звучало научно; казалось, все пришло прямо из источника, так что сказать. Грегори, будучи несколько сбитым с толку, находил его очень стимулирующим.

-В смысле, ты ходишь на вечеринки, чтобы остаться в толпе?

- Точно, - ответил Спиллер. - Просто чтобы почувствовать тепло стада. вокруг и пылесосить запах человеческих товарищей. - Он всасывал воздух толстый и теплый.

- Я думаю, вы можете быть правы, - сказал Грегори. - Это точно очень трудно придумать какую-либо другую причину.

Он оглядел комнату, как будто искал другие причины. Е, удивительно, но он нашел одну: Молли ВОЛС. Я не видел ее раньше; она я должен был только что приехать.

- У меня прекрасная идея для Новой газеты, — начал Спиллер.

- Есть? - Григорий не проявил особого любопытства. Как ее шея это было красиво, и эти худые руки!

- Искусство, литература и наука, - продолжил Спиллер. - Идея действительно современный. Это приводит науку в контакт с искусством и, следовательно, в контакт с жизнью. Жизнь, искусство, Наука-все трое победят. Вы понимаете идею?

- Да, я понимаю — - сказал Грегори. Смотрел на Молли, надеясь перехватить ее взгляд. Наконец получил этот серый взгляд, холодно и твердо. Она улыбнулась и сделала жест головой.

- Вам нравится идея? - спросил Спиллер.

- Я думаю, она великолепна! - ответил Григорий с внезапной жарой, что удивил своего собеседника.

Суровое круглое лицо Спиллера сияло от удовольствия.

- Ах, я рад, - сказал он. - Я действительно очень рад, что тебе понравилось столько.

- Я думаю, это великолепно, - экстравагантно сказал Грегори. — Просто великолепно. - Казалось, она действительно рада тебя видеть, - подумала она.

- Я думал… - Продолжил Спиллер, довольно непринужденно разработать. - Я думал, ты мог бы помочь мне начать вещь. Можно было бы легко запустить его с капиталом тысячу фунтов.

Энтузиазм исчез с лица Грегори; он стал пустым в его канцелярская округлость. Покачал головой.

- Если бы у меня была тысяча фунтов… - сказал меланхоличным тоном. - Проклятый парень - он думал. Посмотрите, что арапука он подставил!

- Сам, - повторил Спиллер. - Но, мой дорогой товарищ! — Смеяться. — Кроме того, это безопасная инвестиция на шесть процентов. Могу ли я присоединиться к группе налогоплательщики необычайно сильны, понимаете?

Грегори снова покачал головой.

- Жаль — - сказал он. - Если бы…

— И тем более, — настаивал Спиллер, - ты будешь благодетелем общества.

— Невозможный. - Григорий был тверд; он посадил ноги, как мул, и он не сдвинется с места. Деньги были единственной вещью, о которой у него не было трудно быть твердым.

- Но послушайте, - сказал Спиллер — - что такое тысяча фунтов для миллионера как ты? У вас есть… сколько у вас есть?

Григорий смотрел на него стеклянными глазами.

- Тысяча двести в год, - сказал он. - Скажем, тысяча четыреста. — Я понял, что Спиллер не верит. Проклятый парень! Не то чтобы на самом деле он ожидал, что он поверит; но все же… - И есть налоги — добавил жалобно. - И взносы на благотворительность. — Помнить-если из пятерки я собирался отправить в лондонскую больницу. - Больница Лондон, например, всегда без денег. - С грустью покачал головой.

- К сожалению, невозможно. - Думал обо всех безработных; десять зрителей скачки, полуголодные, с флагами и чарангами. Чувствовал себя краснеть. Проклятый парень! Я был в ярости из-за Спиллера.

В его ушах одновременно прозвучали два голоса: пьяный профессионал и еще один, от женщины, от Молли.

Суккуб! - ворчал профессиональный пьяница. - II ne manquait que çal

- Невозможно?- сказал голос Молли, неожиданно повторив последний его слово. - Что невозможно?

— Хорошо… - смущенно и нерешительно сказал Григорий.

Это объяснил Спиллер.

- Конечно, Грегори может нанять тысячу фунтов, - сказала Молли, когда я узнал, о чем идет речь. Посмотрел на него с негодованием, с презрением, как бы упрекая его за скупость.

- Тогда ты знаешь больше меня, - сказал Григорий, пытаясь придать ему легкий вид и игривый к предмету. Вспомнил, что друг завидно хорошо-успешно сказал о похвале. - Как красиво ты выглядишь в этом белом платье, Молли, — добавила она, и смягчила веселость улыбки взглядом, который он должен был быть одновременно наглым и нежным. - Слишком мило

- повторил он, надев монокль, чтобы увидеть ее.

- Спасибо, - сказала она, твердо отвечая на его взгляд. Его глаза они были спокойными и яркими. Против этого твердого,

пронзительного взгляда, его веселость, его попытка наглой нежности сломалась и засохла. Он отвернулся, уронил монокль. Это было оружие, которое он не осмелился или я не знал, как им пользоваться; это делало это смешным. Он был похож на Миссис. Лабади и его конское лицо кокетливо флиртуют со своим веером.

- Я хотел бы обсудить этот вопрос, в любом случае — - радостно сказал Спиллер с любым предлогом, чтобы избежать этих глаз. - Но я уверяю вас, что

я действительно не могу… Не в общей сложности тысяча, по крайней мере, - добавил он, чувствуя отчаянно они были вынуждены сдаться против своей воли.

- Молли! - крикнул профессиональный пьяница.

Послушно она пошла сидеть рядом с ним на диване.

- Ну, том, - сказал он и положил руку ему на колено. - Как дела?

— Как всегда, когда ты рядом — - ответил пьяный профессионал трагически. — Безумный. - Обнял его за плечи и наклонился в его направление. - Вы чувствуете себя безумным.

- Я бы предпочел, чтобы мы так не сидели, понимаешь? - Улыбнулся ему; они внимательно посмотрели друг на друга. Затем Пакстон убрал руку и снова откинулся на спинку кресла. угол дивана.

Глядя на них, Григорий внезапно убедился, что они влюбленный. Мы должны любить больше всего Торпе, когда видим его. Все влюбленные Молли были такими: негодяи. Он повернулся к Спиллеру.

- Пойдем в мою квартиру? - предложил, прервав его в середине длинная пояснительная речь о проектируемой газете. - Тише и тише. менее душно. - Молли и Пакстон. Молли и это пьяное животное. Быть возможно? Это было правильно: у него не было никаких сомнений. - Мы быстро уйдем из этого места. ужасно, - добавил он.

- Хорошо — - согласился Спиллер. - Последний выстрел виски для нас поддерживать в пути. - Протянул руку к бутылке.

Григорий выпил почти половину стакана, в чистом виде. Несколько метров вдоль улица, и он понял, что у него кружится голова.

- Думаю, у меня слабо развитый стадный инстинкт, — сказал он. - Ненавижу эти толпы! - Молли и Силено Пакстон! Вообразил их среди ласка. И я думал, что она была счастлива видеть его, когда найти.

Они появились на Бедфорд-сквер. Сады были такими темными и загадочными. как кусок леса в поле. Роща снаружи и виски внутри соединили-если в вокализации меланхолии Григория. Че Фаро сенз'Эвридика? он пел в шепоте.

— Вы можете обойтись без нее очень хорошо, - сказал Спиллер, отвечая на цитата. - Это обман и глупость любви. Каждый раз ты остаешься убежденный, что это что-то чрезвычайно значимое и вечное: он чувствует все бесконечно. Каждый раз. Через три недели вы начинаете находить ее скучной; или другой человек моргает глазом, и бесконечные эмоции передаются, и вы уходите на очередной вечный уик-энд. Это своего рода шутка. Очень глупо и неприятный. Но настроение природы не наше.

- Как вы думаете, это бесконечное чувство-шутка? - Грегори спросил, возмущенный. - Не я. Я считаю, что он представляет собой реальную вещь, вне нас, что-то в структуре Вселенной.

- Другая вселенная с каждым любовником, не так ли?

- Но что, если это произойдет только один раз в жизни? - Спросил Грегори Томом сентиментальный. Он очень хотел рассказать своему товарищу, как он чувствовал себя несчастным по этому поводу Молли, как это было гораздо более несчастным, чем кто-либо другой когда-либо был раньше.

- Это неправда, - заявил Спиллер.

- Но если я скажу, что это произойдет? - сказал Грегори между рыданиями.

— Это только из-за отсутствия возможности — - ответил Спиллер своим способом более научный, ex cathedra.

— Я с тобой не согласен — - это все, что, коротышка, Григорий

получил сказать. Он решил не упоминать о своем несчастье. Спиллер мог не быть слушателем солидарный. Дьявол грубого парня!

- Лично я давно перестал пытаться их понять, - продолжил он Спиллер. - Я просто принимаю эти эмоции такими, какие они есть, очень стимулирующие и они волнуют, пока они продолжаются, и я не пытаюсь их рационализировать или объяснить. Это единственный ясный и научный метод обращения с фактами.

Молчание. Они появились на светящейся улице Тоттенхэм-Корт. Булыжник полированный отражал свет от столбов. Входы в кинозалы были пещерами желтый и яркий свет. Пара автобусов проехала с ревом.

- Эти бесконечные эмоции опасны, - продолжил Спиллер. — Многое опасный. Из-за одной из них я когда-то был в шаге от женитьбы. Это началось на корабле. Вы знаете, как выглядят корабли. Какие необычные эффекты афродизиаки морские путешествия есть у людей, которые не привыкли, особенно у женщин! Они действительно должны быть изучены одним компетентный физиолог. Конечно, это может быть просто результатом безделья, волнение и постоянная близость - хотя я сомневаюсь, что если бы они могли те же результаты при аналогичных обстоятельствах на суше. Может быть, полное изменение окружающей среды, от Земли к воде, подрывает обычные земные предрассудки. Возможно, сама короткая продолжительность поездки поможет ей ощущение, что скоро все закончится, и бутоны роз нужно собрать, и праздник сделано, пока светит солнце. Кто знает? - Пожал плечами. - Но в любом случае способ, это очень необычно. Ну, как я уже сказал, Это началось в корабль.

Григорий слушал. Несколько минут назад деревья на Бедфорд-сквер имели помахал во тьме своей мрачной и плачущей души. Свет, шум, движение на улице Тоттенхэм-Корт теперь были за его глазами, как это как перед ними. Он слушал, улыбаясь. История длилась до хорошего куска улица Чаринг-Кросс.

Когда она закончила, Грегори почувствовал себя совершенно веселым и беззаботный. Он был связан со Спиллером; приключения Спиллера были его собственными. Хихикнул, перенастроил монокль, который все это время был в ожидании с конца шнура, звеня на каждом шагу о пуговицы жилета. (Один

разбитое сердце, это должно быть очевидно любому, кому наплевать чувствительность, возможно, не может носить монокль.) Теперь он тоже был вроде негодяй. Рыдал; легкое подозрение на тошноту умерило ее веселость, но это было не что иное, как очень подозрительное подозрение. Да, да; он тоже все знал о жизни на пароходах, пусть даже самой длинной из их путешествий только между Ньюхейвеном и Дьеппом.

Когда они прибыли в Кембриджский цирк, театры извергали свою аудиторию. Тротуары были заполнены людьми; воздух был полон шума и запаха женщин. Наверху мерцали и дрожали светящиеся знаки. Вестибюль из театров сияли. Это была вульгарная и совсем не аристократическая роскошь, к которой Григорий мне не было трудно чувствовать себя лучше. Через свой циклопический монокль он он вопросительно смотрел на каждую женщину, мимо которой проходил. Чувствовал себя чудесно смельчак (тошнота была малейшим впечатлением неприятное чувство), удивительно радостное и-да, это было любопытно — большой: больше, чем реальность. Что касается Молли ВОЛС, он собирался преподать ей урок.

- Чудесное существо, это, - заметил он, указывая на шелковую шубу розово-золотая, золотая голова, с короткими волосами.

Спиллер равнодушно кивнул.

- О той нашей газете, - задумчиво сказала она. - Я думаю, мы могли бы начать с серии статей о метафизической основе наука, исторические и философские причины, которые мы должны предположить, что истина наука-это правда.

- ГМ, - сделал Грегори.

- И заодно серия о значении и предназначении искусства. Начать с самого начала в обоих случаях. Хорошая идея, не правда ли?

- Много, - сказал Грегори. Один из его монокулярных взглядов был принят с приглашающей улыбкой; К сожалению, она была уродливой, и, очевидно,, профессиональный. Надменный, он нацелился на нее, как будто ее там не было.

— Но если Толстой был прав, - задумчиво говорил Спиллер — - не я я уверен. Верно ли то, что он говорит, что функция искусства-выражать эмоции? Частично, я бы сказал, но не

исключительно, не исключительно. - Встряхнул голова.

- Похоже, я напиваюсь больше, - сказал Грегори, больше для вас то же, что и для компаньона. Он все еще ходил правильно, но был осознавая, слишком осознавая этот факт. И подозрение на тошноту было, если делая его хорошо обоснованным.

Спиллер не слушал или, услышав, проигнорировал комментарий.

— Для меня, — продолжил он, - основная функция искусства-передать знание. Художник знает больше, чем остальные из нас. Он рождается, зная больше о его душе, чем мы знаем о нашей, и больше о существующие отношения между вашей душой и космосом. Он предвидит, что будет с

общие знания на более продвинутой стадии развития. Наш Moderna в основном примитивны по сравнению с более продвинутые из мертвых.

- Верно, - сказал Грегори, не слушая. Его мысли были в другом расстаться, своими глазами.

- Кроме того, он может сказать то, что знает, и сказать это так, как это делает с пусть наше собственное рудиментарное, бессвязное и незамеченное знание врезка в своеобразный узор-как железные опилки под воздействием магнит.

Их было трое-восхитительные, провокационно молодые-стояли в группа у бордюра. Они разговаривали, смотрели на прохожих глазами. яркие и насмешливые, делали комментарии слышимым шепотом, взрывались в резком неконтролируемом смехе. Спиллер и Грегори подошли, были замечена одной из троих, которая ткнула своих товарищей.

- О, сэр!

Они хихикали, громко смеялись, корчились от насмешек.

- Посмотри на старого Голливога! - Это было со Спиллером, который ходил в непокрытая голова, большая серая шляпа в руке.

- И псих! - Еще один восклицательный знак для монокля.

- Именно эта магнитная сила, - сказал Спиллер, совершенно не

обращая внимания на очаровательная насмешка над тем, что было объектом-эта сила устраивает хаос ментальный образец, который делает истину поэтически выраженной, в искусстве, более ценная, чем истина, выраженная с научной точки зрения, в прозе.

С игривым видом упрека Грегори покачал пальцем в насмешливый. Было еще одно волнение, еще более пронзительное. Двое прошли; улыбаясь, Григорий оглянулся. Он чувствовал себя более возбужденным и веселым, чем никогда; но подозрение созревало и превращалось в уверенность.

— Например, я могу очень хорошо знать, что все люди смертны — продолжил Спиллер. - Но это знание организовано и помещено в форма или даже расширенная и углубленная, когда Шекспир говорит о все наши вчерашние дни освещают глупцам путь к мортейской пыли^l

Грегори пытался придумать предлог, чтобы убежать от своего приятель и вернуться, чтобы повеселиться со всеми тремя. Любила бы всех троих, одновременно.

La touffè échevelèe

De baisers que les dieux gardaient si bien mêlée J-l

Стих Малларме пришел ему в голову, навязывая его смутные желания (старый Спиллер был совершенно прав, старый мудак!) самая элегантная из форм. As

слова Спиллера доходили до него, как будто издалека.

- А открытие Кориолана-это отрезок нового знания, как и конфигурация существующего хаотического знания.

Он предложил бы им пройти в Монико под предлогом призыва природа, ускользнет и не вернется. Старый мудак, так болтает! Не то чтобы это не могло быть достаточно интересным в нужное время. Но сейчас… И он я думал, конечно, что собираюсь укусить его, его, Грегори, в тысячу фунтов! Грегори ему хотелось громко смеяться. Но его насмешка была смешана с неприятностью осознание того, что его pileque был определенный ум принял

новую форму и тревожный.

- Некоторые пейзажи Сезанна, - услышал Спиллер.

Внезапно из темной двери в нескольких метрах от них появился медленно, трепетно, одно: упряжка черных лохмотьев, которая двигалась над парой старых и испорченных сапог она была увенчана шляпой. помятый и потрепанный. У акойсы было худое лицо цвета глины. У него были руки!, один из которых держал небольшой поднос со спичечными коробками. Acoisa открыл рот, где не хватало двух или трех обесцвеченных зубов; она пела, почти неслышно. Григорий думал узнать ближе к тебе, чувак Господь. Они подошли.

- Некоторые фрески Джотто, некоторые древнегреческие скульптуры-Спиллер он продолжал свой бесконечный каталог.

Вещь посмотрела на них, Грегори посмотрел на вещь. Ваши глаза становятся найти. Грегори расширил левый глаз. Монокль упал и остался висит на его шелковом шнуре. Нащупал правый карман брюк, карман, где он хранил монеты, ища одну из шести пенсов, даже Шиллинг. О в кармане было всего четыре монеты в полкроны. Полукрона? Он колебался, вытащил монету, уронил ее обратно с шумом. Сунул левую руку в другом кармане брюк он достал ее полной. На выдвинутом лотке он уронил три Пенс и полпенс.

- Нет, мне не нужны спички, - сказал он.

Благодарность прервала гимн. Грегори никогда не чувствовал себя таким смущенным в жизни. Его монокль звенел на пуговицах жилета. Де либе рада разум он поставил одну ногу впереди другой, идя с исправление, но как будто на канате. Еще одно оскорбление. Желать быть трезвым. Жаль, что я не хотел так точно этого ” туфа растрепанный от поцелуев”. Три с половиной Пенса! Но я все еще мог бежать назад и дать половину кроны, две монеты в половину кроны. Я все еще мог бегать там. Шаг а шаг, как будто по канату, он продвигался рядом со Спиллером. Четыре шаги, пять шагов… одиннадцать шагов, двенадцать шагов, тринадцать шагов. Ах, чего не хватает удача! Восемнадцать шагов, девятнадцать… Слишком поздно; было бы смешно возвращаться сейчас, не так ли слишком явно глупо. Двадцать три, двадцать четыре шага. Подозрение было

уверенность в тошноте, растущая уверенность.

— В то же время, я действительно не вижу, как подавляющее большинство научные истины и гипотезы могут стать предметом искусства, - говорил Спиллер. — Я не вижу, как они могут обрести поэтический и эмоциональный смысл, не потеряв при этом точность. Как можно выразить электромагнитную теорию света, например, в трогательной литературной форме? Это просто не может быть сделано.

- О, ради бога! - воскликнул Григорий внезапным взрывом ярость. - Ради бога, заткнись! Как вы можете продолжать говорить так, без остановки? - Снова рыдать, глубже и угрожающе, чем прежде.

- Но почему бы и нет? - спросил Спиллер с легким изумлением.

- Говоря об искусстве, науке и поэзии, - трагически сказал Грегори, почти со слезами на глазах-когда в Англии два миллиона человек на грани голодания. Два миллиона. - Он намеревался повторить впечатлила, но снова всхлипнула. Он определенно чувствовал тошноту. — Живя в вонючих лачугах, - продолжал он, декресендо. — В распущенность, скотоводство, как животные. Хуже животных.

Они остановились; они стояли друг перед другом.

- Как ты можешь? - повторил Грегори, пытаясь воспроизвести щедрое возмущение мгновением ранее. Но ожидание тошноты поднялось из его желудка, как миазмы болота, наполняющие его разум, изгоняя из нее все мысли, все эмоции, кроме ужасной приступ рвоты.

Широкое лицо Спиллера внезапно потеряло свой монументальный вид викторианская знаменитость; казалось, разбился на куски. Рот открылся, глаза они расширились, лоб превратился в морщины и глубокие линии, которые текли с тех пор. обе стороны от носа до уголков рта расширялись и сжимались страстно. Из него раздался огромный звук. Его corpanzil трясется с гигантский смех.

Терпеливо-терпение было всем, что у него осталось, терпение и угасающая надежда-Григорий ждал, пока атака утихнет. Сделал роль дурака; над ним издевались. Но ему было все равно.

Спиллер достаточно поправился, чтобы говорить.

- Ты замечательный, мой дорогой Григорий, - сказал он, задыхаясь. Его глаза они были полны слез. - Действительно здорово. - Взял другого за руку с любовью и, все еще смеясь, продолжал ходить. Григорий был вынужден ходить также; у меня не было выбора.

- Если ты не против, я думаю, мы возьмем такси, - сказал он, потом несколько шагов.

- Что, до Джермин-стрит?- странно Спиллер.

- Думаю, лучше, - настаивал Грегори.

Войдя в машину, он смог прикрепить монокль к ручке дверь. Шнур порвался: линза упала на пол кабины. Спиллер взял ее и она вернула его ему.

- Спасибо, - сказал Григорий и спрятал его в кармане жилета.

Крестная фея

I

Номер 17 вилл Purlieu был точкой прибытия феи крестная мать. Огромный Даймлер-он казался больше, чем сам дом-поднимался по улице как шепот, темно-синий и незаметно блестящий (“как звезды в море”).

- темное свечение Даймлера всегда напоминало Сьюзен еврейские мелодии

- “когда синяя волна скользит ночью в глубокую Галилею”). Между шторами кружевные глаза следовали за его проходом; не часто сорок лошадей они проходили перед этими пригородными окнами. У ворот номер 17 о знамение поставило. Водитель выскочил и открыл дверь. Появилась крестная фея.

Миссис Эскобар была очень высокой и стройной-до такой степени, что она была одета в мне нравится мода, она поднималась, как будто это был принт-сказочный элегантность, за пределами всей реальности.

В тот день она была одета в Черное-ансамбль с очень красными окантовками тонкие на манжетах и воротнике, в карманах и по подолу юбки. Водолазка Муслин обрамлял ее шею, и из нее спускалась утонченная оборка, которая он торчал между лацканами пальто, как ленивые плавники тропическая рыба на вкус воды. Туфли были красными; были детали даже красный на перчатках и шляпе.

Она вышла из машины и, повернувшись к открытой двери, сказала:

- Ну, Сьюзен, ты, кажется, не спешишь спускаться.

Сьюзен, наклонившись, собирая пакеты, разбросанные по полу машины, подняла глаз.

- Я иду — - сказал он.

Он поспешно протянул руку к букету белых роз и террину фуа-гра. При этом он уронил коробку с шоколадным тортом.

Миссис Эскобар засмеялась.

- Ты дурак! - воскликнул он, и очаровательная насмешка

заставила его голос глубоко вибрировал. - Выйди и позволь Роббинсу забрать вещи. Вы берете вещи, Роббинс, - добавил он другим тоном, поворачиваясь к водителю. — Вы их заберете, не так ли?

Он посмотрел на него с близостью; его улыбка была убедительной, почти томной.

- Не так ли, Роббинс? - повторил он, как будто просил о величайшей личной милости.

Так поступила миссис Эскобар. Она любила печатать на всех отношения, даже в самых случайных, самых профессиональных или формальных, верно

интимное качество, от всего сердца. Он говорил с сотрудниками магазина о своих подруги, улыбайтесь сотрудникам, как будто вы хотите сделать их своими доверенными лицами или даже его любовники, обсуждали философию с сантехником, раздавали шоколадки мальчикам, которые делали роды, и когда они были особенно ангельскими, он даже давал им материнские поцелуи. Хотел ” связаться с люди”, как она выразилась, нащупывают и скручивают их души и выдавливают секреты их сердца. Я хотел, чтобы все заметили ее, оценили ее и поклонились ей. первый взгляд. Что не мешало ей иметь приступы ярости с продавцами чтобы они не сразу дали ей то, что она хотела, чтобы оскорбить ее насилие над сотрудниками, когда они перестали отвечать на звонок с достаточно готовности, назвать неторопливого сантехника вором и лжецом, уволить мальчика-доставщика, который принес ему подарок не от того поклонника, не только без конфет и без поцелуев, но даже без чаевых.

- Не так ли? — И его взгляд, казалось, добавил: “за меня”. Его глаза были длинные и узкие. Нижнее веко изображало почти горизонтальную линию, и верхний способствовал постепенному изгибу. Между веками пара голубых радужных оболочек-ясные выразительные движения взад и вперед.

Водитель был молод и новичок в работе. Он покраснел, отвернулся.

- О да, мадам, конечно — - сказала она, и коснулась кепки.

Сьюзен отказалась от шоколадного торта и фуа-гра и ушла. Его

руки они были полны пакетов и цветов.

- Ты выглядишь как маленькая мамочка Ноэль — - сказала миссис Эскобар., ласково играю. - Дай мне что-нибудь. - Выбрал ветку из белых роз, оставляя Сьюзен сумку с апельсинами, жареную курицу, язык и плюшевый мишка.

Роббинс открыл ворота; они вошли в маленький сад.

- Где Рут? - сказала миссис Эскобар. - Она нас не ждет? - Его голос выражал разочарование и намекал на порицание. Очевидный разум, она надеялась быть встреченным у ворот и сопровождаться по саду.

- Я полагаю, она не может оставить ребенка, - сказала Сьюзен, взволнованно глядя через стопку пакетов для миссис Эскобар. - Никогда нельзя быть уверенным в делать то, что вы хотите, когда у вас есть дети, не так ли? - Я все равно хотел, чтобы Руфь появилась у ворот. Было бы ужасно, если бы Мисс Эскобар осудила вас небрежный или неблагодарный. “Ах, Рут, давай!“сказала она себе, желая с таким сила, которую он обнаружил, хрустит пальцами и сжимает мышцы живота.

Пальцы и мышцы живота сделали свою работу, потому что дверь дом внезапно открылся, и Рут побежала по ступенькам, неся ребенка на руку.

- Простите, Миссис Эскобар — - начала она. - Но, знаете, ребенок был справедливо…

Миссис Эскобар не позволила ему закончить предложение. На мгновение заряженный,

его лицо снова стало светом, бросая широкую улыбку. Веко они стали ближе друг к другу; маленькие линии выражения они излучали их, ореол очаровательного юмора.

- Вот маленькая мамочка Ноэль, - сказала она, указывая на Сьюзен. — Бог знает что! И какие-то бедные цветочки с моей стороны. — Он поднял розы к губам, поцеловал их и коснулся лица Руфь цветами приоткрытый. - И как поживает этот восхитительный человек?- Взял маленькую руку ребенка и поцеловал ее. ребенок смотрел на нее большими, серьезными глазами-чистыми и его чистота, глубоко критическая, как у

ангела в Судный день.

- Как дела?- сказал он своим торжественным детским голосом.

- Какая милашка! - сказала миссис Эскобар и больше не обращала на нее внимания. Не она очень интересовалась детьми. - А ты, мое лицо? — спросить, обращаясь к Рут. Поцеловал ее в губы.

- Хорошо, спасибо, миссис Эскобар.

Миссис Эскобар осмотрела ее на расстоянии вытянутой руки, положив руку на плечо Рут.

- Ты, конечно, отлично выглядишь, мой дорогой ребенок, - сказал он. — Затем красивая, как никогда. - Бросил большую ветку роз в незанятую руку молодая мама. - Какая милая Мадонна! - воскликнул И, повернувшись к Сьюзен — Вы видели что-нибудь более очаровательное?- Сьюзен улыбнулась и кивнула, несколько мягкий; в конце концов, Рут была его старшей сестрой. - И так, но так абсурдно молодой человек! - продолжала Миссис Эскобар. - Да, это, несомненно, détournement из mineur вы женаты и иметь ребенка. Знаешь, мое лицо, ты действительно выглядишь младше Сьюзен. Это скандал.

Смущенная прямыми комплиментами миссис Эскобар, Рут покраснела. И нет только скромность несла кровь на их лицах. Настойчивость в молодости его внешний вид унижал ее. потому что этот детский воздух был в основном из-за ваша одежда. Она шила свои собственные платья-несколько “художественные” мелочи из лен ярких цветов или больших клетчатых. Я делал их единственным способом, которым знал или успел сделать: прямые сверху донизу, с козырьком и без рукавов, носить поверх рубашки. Монотонно студент! Но что, если можете ли вы сделать, если вы не можете позволить себе приличную одежду? И ее вьющиеся волосы они также были ужасно детскими. Она знала. Но что я могу с этим поделать? Позволить им расти? Было бы много работы, чтобы сохранить прическу, и у нее было очень мало времени. Обрезать их довольно коротко? Но мне придется их обжать, и стричь их всегда в хорошем парикмахере. Все это требовало денег. Деньги, деньги, деньги!

Нет, если она выглядела так чертовски молодо, это было просто потому, что она была бедный. Сьюзен была ребенком, на пять лет моложе ее. Но это казалось более взрослый. Она выглядела взрослой, потому что была правильно одета, в одежде сделаны в

настоящей портнихе. Взрослая одежда, хотя у нее было всего семнадцать

лета. А короткие каштановые волосы были красиво завиты. Миссис. Эскобар дал Сьюзен все, что она хотела. Все верно.

Внезапно обнаружил, что ненавидит и завидно презирает свою сестру счастливый. В конце концов, кто она была? Просто маленький питомец в доме миссис. Эскобар. Просто кукла; Миссис Эскобар с удовольствием одевала ее, играла с ней, заставить ее сказать “мама”. Это была презренная, презренная позиция. Но даже размышляя о подлости Сьюзен, она жаловалась судьбе, что не это позволило разделить счастье Сьюзен. Почему Сьюзен могла иметь все это, когда она…?

Но потом он внезапно вспомнил ребенка. Импульсивно повернул голову и поцеловал пухлое, розовое лицо ребенка. Апелляция была мягкой, гладкой и холодной, как лепесток цветка. Думая о ребенке, он думал о Джиме. Представить как он поцеловал бы ее, когда вернется с работы. И в ту ночь, когда она шить, он будет читать вслух упадок и падение Гиббона. Как она любил, когда сидел, в очках, читал! И любопытный способ, которым он произносил слово “персы “ - не придыхая, а вибрируя”Р”. А воспоминания об этих ярких персах заставили его яростно желать, чтобы он он был рядом с ним, чтобы обнять его шею и поцеловать. “Персы, персы”, - повторила она про себя. О, она их слишком обожала\

С внезапным всплеском привязанности, усиленным в то же время сожаление о своих ненавистных мыслях и воспоминаниях Джима вернулось-если для сестры.

- Ну, Сью — - сказала она. Они целовались над жареной курицей и языком.

Миссис Эскобар наблюдала за двумя сестрами и, наблюдая за ними, наполнялась удовольствие. Как они очаровательны, подумал он; как они свежи, молоды и красивы! Вы гордились ими — в конце концов, разве они не были в некотором смысле вашим изобретением? Один пара очень образованных молодых людей, даже с роскошью; и внезапно осиротели и без копейки. Они могли просто утонуть, исчезнуть и никогда о них можно услышать больше. Но миссис Эскобар, которая знала их мать, пришла на

помощь. Они будут жить с ней, бедные дети! И она будет его матерью. Не обошлось без неблагодарности — так казалось, — Руфь предпочла принять предложение молодой Джим Уотертон от преждевременного и рискованного брака. Уотертон, это логично, у него не было денег; он был просто мальчиком, всю свою карьеру передняя часть. Но Руфь сделала либе рада разум своим выбором. Были женаты почти пять лет. Миссис Эскобар была немного ранена. Тем не менее, она периодически посещала виллы Пурлье в качестве крестной феи; и была крестной матерью человеческий ребенок. Сьюзен, со своей стороны, считала только тринадцать лет, когда ее отец он умер, вырос на попечении Миссис Эскобар. Сейчас ему было восемнадцать, и очаровательно.

“Самое большое удовольствие в мире, - хотела бы я сказать Миссис Эскобар, - это быть щедрый по отношению к другим людям.“И, в частности, я мог бы добавить,

когда другие люди-очаровательные молодые маленькие существа, которые обожают ее.

- Дорогие дети, - сказал он и, войдя между ними, обнял их за талия. Она внезапно почувствовала глубокую и прекрасную эмоциональность, как и она. когда я слушал Нагорную проповедь или историю прелюбодейной женщины в церкви. - Дорогие дети. - Его богатый голос немного дрожал, слезы бились-ему в глаза. Он больше прижимал девушек к себе. Переплетенные, они они шли по тропинке к двери дома. Роббинс следовал за уважительное расстояние, неся фуа-гра и шоколадный торт.

II

- Но почему это не поезд? - спросил малыш.

- Но он такой милый плюшевый мишка.

- Так красиво… - настояла Сьюзен.

Лица сестер выражали смущенное беспокойство. Кто вы могли себе представить? Ребенок ненавидел плюшевого мишку. Он хотел поезд, и только поезд. А миссис Эскобар сама выбрала плюшевого мишку. Это был очень медведь специальный, в одно время комический и художественный; изготовлен из черного плюша, с глазами очень большие белые кожаные и обувные пуговицы.

- И посмотри, как он катится, - сказала Рут Гизе принудительного знакомства. Он толкнул животное; он покатился по земле. - У него есть тренировочные колеса — добавлять. У маленького мальчика была слабость к колесам.

Сьюзен протянула руку и вытащила медведя обратно.

— А когда дергаешь за этот шнур, — объяснила она, - он ревет. Вытащил шнур. Медведь хрипло визжал.

— Но я хочу поезд, - настаивал ребенок. - С рельсами и туннелями и сигнал. - Он говорил “синхаис”.

— В следующий раз, дорогой, - сказала Рут. - Теперь дайте большой поцелуй на медведь. Бедный медведь! Ему грустно.

Губы ребенка вздрогнули, лицо его исказилось от боли, началось плачет.

- Я хочу сингалов, - сказал он. - Почему она не приводит мне сингалов? — Указывать в обвинительной позе миссис Эскобар.

- Бедняжка, - сказала миссис Эскобар. - Он победит сингалов.

- Нет, нет, - умоляла Рут. - Он действительно любил медведя. Это просто глупая идея, которая пришла ему в голову.

- Ой, бедняжка — - повторила Миссис Эскобар. Но насколько невежливой была эта ребенок, подумал он. Такая испорченная, и уже блазная. Она так много работала с медведем. Настоящее

произведение искусства. Он должен привлечь внимание Руфь к своему собственному ну и ребенка. Но она была такой чувствительной… Как глупы были люди в будьте чувствительны к такого рода вещи! Возможно, лучше всего было бы поговорить со Сьюзен

об этом и позволить ей спокойно поговорить с Рут, когда были одни.

Рут попыталась отвлечься.

- Посмотрите эту прекрасную книгу, которую нам принесла Миссис Эскобар. - Поднял один новая книга лира “Book ofNonsense”. — Увидеть. - Переворачивал страницы привлекательно перед глазами ребенка.

— Не хочу смотреть, - ответил малыш, решив стать мучеником. Наконец, однако он не смог устоять перед фигурами. - Что это? — спросить тупой, все еще пытающийся симулировать незаинтересованность.

- Хотите, чтобы я прочитал одно из этих прекрасных стихотворений? - спросил, нет без злого умысла, миссис Эскобар, как бы она расправилась с раскаленной местью на мальчик.

— О да, - воскликнула Руфь, обнажая волю, более достойную мучительное беспокойство. - Да, пожалуйста.

— Пожалуйста, - повторила Сьюзен.

Маленький мальчик ничего не сказал, но когда мать захотела передать книгу миссис. Эскобар он пытался сопротивляться…

- Книга Моя, - громко и сердито сказал я жалобным тоном.

- Успокойся, успокойся, - сказала Руфь и погладила ее по голове. Он сдался.

- Что это будет? - спросила миссис Эскобар, листая книгу. — “В глупый корчазин”? или ” Атартаруга, у которой не было пальцев”? или “ослик”? или ” А сова и котенок”?- Вопросительно поднял глаза.

- “Черепаха”, - предложила Сьюзен.

- Я думаю, что “приковать и котенка” было бы лучше для начала — - высказал мнение Рут. - Это легче понять, чем другие. Вы хотели бы услышать историю котенок, не хотел бы, дорогой?

Ребенок нерешительно кивнул.

- Какая милашка! - вы сделали миссис Эскобар. - У него будет Котенок. Я я тоже ее люблю. - Вы нашли место в книге. - “Сова и котенок” — он объявил более богатым, сладким и ярким голосом, чем обычно. Миссис Эскобар он изучал голосовое сопровождение с лучшими учителями, и ему нравилось представлять на благотворительность. Это было незабываемо, как тоска в пользу Детская больница Хокстона. А также как ортопедическая порция и г-жа. Tanqueray tuberculosa (или это была миссис Tanqueray для неизлечимых?).

- Что такое сова? - спросил малыш.

Прерванная, Миссис Эскобар начала предварительное чтение стихотворения для себя; ее губы двигались, когда она читала.

- Сова - это своего рода большая и забавная птица — - ответил он его мать обнимает его. я надеялся, что он будет тише, если она будет держать его так.

- Макоруй их кусает?

- Совы, милый, а не макоружи.

- Они кусаются?

- Только когда люди с ними связываются.

- Почему люди с ними связываются?

- Пси! - сделал Рут. - Теперь вы должны слушать. Миссис Эскобар прочитает для вас прекрасный рассказ о сове и котенке.

Тем временем Миссис Эскобар изучала его стихотворение.

- Слишком красиво! - громко воскликнул, никому конкретно, улыбаясь, во время разговора, глазами и губами. - Так поэтично, правда, хотя будь всякой ерундой. В конце концов, что такое поэзия, если не ерунда? Нонсенс из Бог.

Сьюзен кивнула в знак согласия.

- Могу я начать? - спросила миссис Эскобар.

— О да, - сделала Рут, не переставая ласкать шелковистые волосы ребенок, который теперь был спокойнее.

Миссис Эскобар начала:

“Acoruja и котенок вышли за борт

На красивой (после перерыва и с интенсивностью) маленькой лодке зеленый цвет гороховый.

Они взяли немного меда и (богатый голос поднялся на один тон и упал) много деньги,

Завернутый (маленькая пауза) в (маленькая пауза) пятикратная нота фунт.”

- Что такое банкнота в пять фунтов?- спросил малыш.

Руфь сильнее сжала руку над головой ребенка, как будто чтобы сгладить ваше растущее любопытство.

- Пси! — сделать.

Не обращая внимания на прерывание, г-жа Эскобар продолжила, после краткого драматическая тишина со вторым стихом.

“Сова подняла глаза на звезды на небе (ее голос шипел с страсть тропической и любящей ночи)

И пел под звуки маленькой гитары…”

- Мамочка, это мерзавец…?

- Тихо, сынок, тихо. - Она почти чувствовала любознательный дух от ребенка, просачивающегося сквозь пальцы, удерживающие ее.

С зеленой вспышкой изумрудов, разноцветным блеском блестящих, Миссис Эскобар положила длинную белую руку на сердце и подняла глаза на воображаемые созвездия.

“Ах, милый котенок, ах, котенок, моя любовь,

Что (сверху голос решительно уменьшал громкость) прекрасный котенок ты, Какой ты красивый котенок!”

- Но, мама, совы любят кошек?

- Не говори, милый.

— Но ты сказал мне, что кошки едят птиц.

- Не этот кот, дорогой.

- Но ты сказала, Мамочка…

Миссис Эскобар начала следующий стих.

“Сказал кот сове: элегантная птица,

Как ты поешь мило и мило (голос миссис Эскобар стал вялым). Давай, мы поженимся; мы уже слишком долго ждали.

Но что (пауза; Миссис Эскобар сделала безнадежный жест, сверкающие кольца)

Давайте использовать (пауза) из (пауза, и голос поднялся с вопросом) кольцо, Кольцо? Но что мы будем носить с кольцом?

Так плыть Арам на год и день До земли, где растет altabongaHˆL…”

- Что такое альтабонга, мамочка?

Миссис Эскобар немного повысила голос, чтобы прикрыть детский перерыв и он продолжил свою рециту.

“И там (пауза) в лесу (пауза) была маленькая свинья, С кольцом…”

- Но, мамочка…

“С кольцом (миссис Эскобар повторила еще громче, описывая в воздухе яркий круг) на кончике носа, его нос…

- Мамочка! - Ребенок был в ярости от нетерпения; пожал руками материнский. - Почему ты не говоришь? Что такое альтабонга?

- Ты должен подождать, любовь моя.

Сьюзен поднесла пальцы к губам.

- Пси! - О, как бы я хотел, чтобы он был хорошим парнем! Что такое миссис. Эскобар собирался подумать? И она прекрасно читала.

“С кольцом (Миссис Эскобар описала еще больший круг) на кончике носовой.”

- Это что — то вроде высокого дерева, - прошептала Рут.

“Дорогая свинья, ты согласишься продать за шиллинг Ваше кольцо? Поросенок сказал: Я продаю.

Таким образом, они забрали кольцо и поженились на следующий день

Индейка, которая жила на холме (мечтательный тон в голосе миссис Эскобар из-за этого холм Перу звучал удивительно синим,

романтичным и отдаленным). Поужинали фаршем и кусочками мармелада,

Которые ели ложкой-вилкой,

Е…”

- Что такое ложка-вилка?

- Пси, милый.

“… держась за руки (голос стал сладко нежным, расцвел, как персик с бархатными эмоциями), на грани…”

— Но почему ты так делаешь псу псу? - крикнул мальчик. Это было так разгневанный, что начал бить маму кулаками.

Прерывание было настолько скандальным, что миссис Эскобар была вынуждена принять знание ее. Он довольствовался тем, что нахмурился и поднес палец к губам.

“… на краю песка (весь океан был в голосе Миссис Эскобар),

Они танцевали (с какой радостью и утонченностью, с какой брачной нежностью!) на свет (она говорила очень медленно; она позволяла руке, которую она подняла, опускаться постепенно, как уставшая птица, по колено) из Лу-у-воздуха.”

Если бы кто-то мог услышать эти последние слова, он бы услышал межзвездное пространство, тайна движения планет, Серенада Дона Хуана, балкон Джульетты. Если бы кто-нибудь мог это услышать. Но крик, что ребенок отпустил был настолько пронзительно громким, что они стали неразборчивыми.

III

- Я думаю, что на днях тебе стоит серьезно поговорить с Рут, — сказала она миссис Эскобар на обратном пути из вилл Purlieu. - О ребенке. Я думаю, что она не обучает его правильно. Он очень избалован.

Обвинение было представлено в общих чертах. Но Сьюзен готова он начал извиняться за то, что, как он был уверен, было частным преступлением мальчик.

- Конечно — - сказал он. - Проблема была в том, что в стихотворении было много слов что он не понимал.

Миссис Эскобар раздражалась, что ее слишком хорошо поняли.

- Стихотворение? - повторила она, как будто не понимала, что такое Сьюзен. сказать. - О, я не об этом говорю. Я думал, он был очень хорош., принимая во внимание обстоятельства, в то время как я читал. Вы не нашел?

Сьюзен виновато покраснела.

- Мне показалось, он много перебивал, - заговорил он.

Миссис Эскобар снисходительно рассмеялась.

- Но чего можно ожидать от такого маленького ребенка?Нет, нет; я я думал о его поведении в целом. Например, в чае… Ты мне действительно стоит поговорить об этом с Рут.

Сьюзен пообещала, что сделает это.

Сменив тему, г-жа Эскобар начала выступать в Сиднее Fe 11, который я пришел на ужин той ночью. Такое чудесное существо! Каждый раз ценил более. У него был прекрасный рот, такой изысканный и чувствительный, и в то же время такой сильный, такой чувственный. И он был таким остроумным, таким совершенным завоевателем… Сьюзан слушал с грустью и тишиной.

- Тебе не кажется? я бы настоял на том, чтобы спросить миссис Эскобар. - Вы не думаете, что он замечательный?

Сьюзен слушала, страдая и молча.

- Я его ненавижу! - воскликнул он и заплакал.

- Ты его ненавидишь? - спросила миссис Эскобар. - Но почему? Почему? Вы не ревнуете, не так ли? - Она засмеялась.

Сьюзен покачала головой.

- Да! - настояла миссис Эскобар. - Да!

Сьюзен продолжала упорно качать головой. Но миссис Эскобар

он знал, что забрал его реванш.

- Ты глупый, глупый ребенок — - сказал он тоном, в котором были сокровища привязанность. Обхватил рукой плечи барышни, нежно и нежно потянул ее встретившись с вами, он начал целовать ее мокрое лицо. Сьюзен бросила ваше счастье.

Чаввдрон

Из-за открытых команд я нарушил тишину.

- Я вижу, что твой друг Чодрон умер.

- Умер? - повторил Тилни, недоверчиво. - Чодрон умер?

- Вдруг от сердечного приступа, - продолжил я, читая некролог, - в его резиденция на площади Св. Джеймс.

- Да, его сердце… - Он говорил задумчивым тоном. - Сколько лет был? Шестьдесят?

- Пятьдесят девять. Я понятия не имел, что старый негодяй был богат. долго. “… необыкновенный инстинкт для бизнеса, наряду с типично шотландское упрямство и решимость, которые возвысили его до тридцать пять лет, от безвестности и относительной бедности до вершины богатства.” Разве вы не хотите, чтобы вы могли так писать? Мой отец потерял сбережения четверть века в одной из его компаний.

- Хорошо сделано для него, для экономии! - сказал Тилни с

яростью внезапный. Удивленный, я посмотрел на свою газету. На ее узловатом и покрасневшем лице было выражение раздраженной неразрешимой меланхолии. Новости, очевидно, подавить. Кроме того, он всегда был в плохом настроении на завтрак. Мой бедный отец платил. - Что это за варенье рядом с тобой? — спросил яростно.

— Клубника.

- Тогда я съем варенье из айвы.

Я передал ему варенье из айвы и, не обращая внимания на его плохое настроение, продолжил:

- Когда мой старик, а вместе с ним, естественно, большинство других инвесторы ликвидировали свои акции без компенсации убыток плюс-минус восемьдесят процентов, Чодрон сделал несколько трюков магия и цены тогда взлетели до небес. Но к тому времени он уже владел практически вся компания.

- Я всегда за негодяев, - сказал Тилни. — Принципиально.

- О, я тоже. Тем не менее, я сожалею об этих двенадцати тысячах фунтов.

Тилни ничего не сказал. Я вернулся к некрологу.

- Что говорят о скандале с нефтяной компанией Новой Гвинеи? - спросил он после молчания.

- Очень мало; и прикосновение красиво легкое. Выводы комиссии Реальная были в целом благоприятные, хотя в то время, если обсудить с вами приобретения. Чодрон действовал несколько недоброжелательно.“Тилни засмеялся.

- “Невежливо” - это хорошо. Я хотел бы выиграть миллион четыреста тысяча баксов каждый раз, когда это было невежливо.

- Это то, что он получил от нефтяного бизнеса Новой Гвинеи?

- Это то, что он сказал мне, и я не думаю, что он переусердствовал. Он никогда не лгал удовольствие. В нерабочее время он был невероятно честен.

-Вы, должно быть, знали его очень хорошо.

- Близко, - сказал Тилни, который, отталкивая. блюдо прочь, начинала набивать трубку.

- Я ему завидую. Образец, достойный коллекции! Но ты не остался один мало скучно жить в музее, так сказать, за решеткой клетки? Быть близким с таким экземпляром должно быть сложно.

- Нет, если он безмерно богат, - ответил Тилни. - Знаешь, у меня есть слабый бренди Наполеона и сигары короны; паразитизм имеет свои вознаграждение. И если вы умеете, недостатков не должно быть много. Быть возможно быть паразитом утонченной души, самостоятельным червем. Но бренди Наполеон и Корона были для меня не единственными достопримечательностями, которые Чодрон владел им. У меня есть научное любопытство и незаинтересованность в безмерно богатыми. Человек с доходом более пятидесяти тысяч год-фантастическое и невероятное существо. Чодрон был особенно интересен потому что он заработал все свои деньги-по большей части нечестно; вот что это было увлекательный. Это была далеко идущая, наполеоновская мошонка. И, клянусь Богом, он так и было! Вы знали его в поле зрения?

Я кивнул.

- Как иллюстрация теорий Ломброзо. Преступник. Но умный, а не жестоко преступный. Он не был жестоким.

- Я думал, он похож на шимпанзе.

- Так и было, - согласился Тилни. - Но, в конце концов, у шимпанзе нет брутальный вид. Что поражает нас в шимпанзе, так это его почти внешний вид человеческий. Такой умный, почти мужчина. Лицо Чодрона имело это то же выражение. Но с разницей. Шимпанзе выглядит хорошо и добродетельный и лишенный юмора. С другой стороны, почти человеческий интеллект Чодрона был хитрым и, под этой шипучей, довольно неумолимой веселостью. Ах, существо странно, интересно! Мне было очень весело его изучать. но в конце концов, конечно, он мне действительно было скучно. Это убивало меня от скуки. Это было так ужасно невежественно. Я не знал самых очевидных вещей, я не мог понять обобщение. И отвратительно безвкусно, без эстетического смысла или понимания. В художественном и метафизическом плане кретин.

- Похоже, некролог не в вашем мнении. -Я снова повернулся. для

“Таймс”. - Где он? Ах! “Был потерян замечательный писатель, когда Чодрон посвятил себя финансам. Однако он не был полностью утерян; ибо блестящая автобиография, опубликованная в 1921 году, остается напоминанием о

его таланты как стилиста и рассказчика.“Что вы об этом говорите? — спросить, поднимая глаза на Тилни.

Он загадочно улыбнулся.

- Это чистая правда.

- Признаюсь, я никогда не читал книгу. Это хорошо?

— Замечательно. — Улыбалась, непонятно насмешливая.

- Ты издеваешься надо мной?

- Нет, он действительно хорош.

- Значит, он не мог быть артистичным кретином, которого вы описали.

- Не мог? - повторил Тилни и после небольшой паузы громко рассмеялся. — Но он действительно был кретином — - продолжал он, в волне доверия, что казалось, что он разрушил барьеры своего усмотрения — и книга была хорошей. По отличная причина, по которой он этого не писал. Я написал это.

- Ты? -Я посмотрел на него, спрашивая, не шутит ли он. Но его лицо, после быстрого озарения смеха, стало серьезным, почти мрачным. Один любопытное лицо, подумал я. Красивый по-своему, умный, внимательный, но с чем-то несколько зловещий, почти отталкивающий. Поверхностное обаяние и хорошее настроение субъекта казалось, они покрывали фундаментальную резкость, отсутствие чувств, даже враждебность. Слишком хорошая жизнь, кроме того, оставила свои следы на вашем лицо. На нем были красные пятна и узловатая твердость. Тонкие черты они стали довольно грубыми. Была грубость, смешанная с родное уточнение. Вам нравится Тилни или нет? Я никогда не знал это правильно. И, возможно, вопрос не имеет значения. Может быть, Тилни был одним из тех людей, которые не предназначены для того, чтобы их ценили или ненавидели как мужчин — только как исполнителей. Мне нравился его разговор; он развлекал меня,

интересовался, инструктировал меня тем, что он говорил. Спросить меня, нравится ли мне то, кем он был, это, несомненно, было не имеет значения.

Тилни встал и начал ходить из стороны в сторону комната, трубка между зубами, курит.

- Бедный Чодрон сейчас мертв, так что нет причин… — Он оставил предложение незавершенным и несколько секунд молчал. Стоя у окна я смотрел сквозь размытое дождем стекло на зеленые и серые. мокрый пейзаж Кента. - Англия выглядит как овощи на обеде пансион в Блумсбери, - сказал он медленно. - Ужасно! Почему мы живем в этой ужасной стране? Тьфу! - Он вздрогнул и повернулся. Была еще одна тишина. А дверь открылась, и девушка вошла, чтобы снять журнальный столик. Я говорю ” Девушка”, но этот безличный и краткий термин не точен. Это не точно, потому что это совершенно не подходит для описания Хоутри. Что вошло, когда дверь открылась была персонифицированная эффективность, это был безжалостный дракон, это было уродство петреа, это был столп общества, это были Десять заповедей о ногах. Тилни, который не знал ее, не разделял мой ужас с монстром

домашний. Не обращая внимания на интенсивную цензуру, которую я чувствовал, исходящую от его молчания. (это было более десяти часов; ленивые привычки Тилни мешали всю свою утреннюю рутину), он продолжал ходить взад и вперед, пока Хоутри сидел за столом. Вдруг он засмеялся.

- Автобиография Чодрона была единственной из моих книг, которая принесла мне немного денег, - прокомментировал Тилни. Я слушал с трепетом, боялся пусть он скажет что-нибудь, что может шокировать или оскорбить дракона. — Он он оставил мне все авторские права, - продолжил Тилни. - Я сделал больше, чем три тысячи фунтов с его автобиографией. Не говоря уже о пятистах, которые он он дал мне написать ее. (Было бы деликатно, я подумал, говорить о таких деньгах в перед кем-то столь же несравненно более добродетельным, чем мы, и настолько более бедный? К счастью, Тилни сменил тему.) Вы должны прочитать книгу — - сказал он. — На самом деле, мне обидно, что вы еще не прочитали его. Все это детство низшего среднего класса в Пиблсе-это действительно изысканно. (“Класс низкий средний”; я вздрогнул. Отец Хоутри был владельцем

магазина; но у него были свои несчастья.) И Клейхангер, L'Education Sentimentale и Дэвид Коппетфилд вместе. Действительно великолепно. И первые приключения в мире из финансов были чистые Бальзаки, великолепные. - Снова рассмеялся, на этот раз без горечь, веселый ум; я с энтузиазмом относился к этому вопросу. — Я даже зашел так далеко, что поместил монолог Растиньячиˆ J высоко на куполе Св. Пол, я заставил его трясти кулаком по городу. Бедный Чодрон! Он остался очарованный. "Если бы я только знал, насколько интересна моя жизнь", он говорил мне. "Я знал это, когда жизнь прошла."(Я посмотрел на Хоутри, чтобы увидеть, находит ли она плохие ссылки на жизнь интересный. Но ее лицо было закрыто; она работала как глухая.) "Тебе бы это не понравилось", - сказал я ему. "Это должно оставить художникам а открытие захватывающих вещей."- Снова замолчал. Хоутри поставил последний совок в лоток и направился к двери. Слава Богу! — Да, художник-продолжил Тилни тоном, который снова стал меланхоличным. — Я действительно был одним из них, понимаете? (Хоутри, который уходил, должно быть, слышал это признание компрометирующий. Но, подумал я, она всегда знала, что я и мои друзья мы были плохим классом.) Я действительно художник, - настаивал он. - Qualis artifex! Но перео, перео. Почему-то я никогда ничего не делал, кроме как умереть., всю мою жизнь. Умереть, умереть, умереть. Из-за лени и потому, что всегда казалось, было много времени. Но в июне мне исполнится сорок восемь лет. Сорок восемь! Некогда. А лень-это привычка. Так же, как говорить. Быть так легко говорить. И так весело. По крайней мере, для себя.

- И другим людям тоже — - сказал я; и похвала была искренней. Я мог бы не быть уверенным, нравится Тилни или нет. Но искренне ценил его выступление в качестве оратора. Иногда, может быть, это представление было немного слишком профессионально. Но, в конце концов, художник должен быть профессионалом.

- Это то, что дает большинство ирландцев, - продолжил Тилни. - Говорить-это национальная зависимость. Как курить опиум с китайцами! (Хоутри вернулся тихо смести крошки и сложить полотенце.) Если бы вы знали количество шедевров, которые я позволил испарить на обеденных столах, курить сигары и пить виски! (Две вещи, которые я знал, добродетельный столп общество не одобряло.) Целая библиотека. Я мог бы быть… что? Что ж, я полагаю, это мог быть ужасный скучный старик — -

ответил он себе даже с принудительной автомойкой. - “Полное собрание сочинений Эдмунда Тилней, в тридцати восьми томах, постоктав”. Осмелюсь сказать, что мир должен быть благодарен мне за то, что избавил его от них. Тем не менее, я немного подавлен, когда я перечитываю старые номера из “обзора четверга” и читаю эти маленькие статьи глупый. Parturiunt Монтес.

- Но статьи хорошие, - возразил я. Если бы я был честнее, я бы сказал, что в времена были хорошими, когда он удосужился сделать их хорошими. Иногда по с другой стороны…

- Мерси, мон шер мейтрел, - иронично ответил он. - Но они не более продолжительный чем бронза, IHJ ты должен признать. Памятники пульпы деревянный. Это удручает быть неудачником. Особенно, когда вина вау, когда мы должны были быть чем-то другим.

Я что-то ворчал. Что вы сказали? Карлик быть как собеседник профессионал, Тилни даже был неудачником. У него был большой талант, и он был литературный журналист, который время от времени писал хорошую статью. Был прав, чтобы чувство депрессии.

- И абсурдная, ироничная вещь в том, что единственное хорошее произведение, которое я когда-либо создавал, - это автобиография другого человека, - продолжил он. - Я никогда не смогу доказать свою авторство даже если бы я хотел. Старик Чодрон был самым осторожным в уничтожить все улики преступления. Все комбинации были словесными. Никакой документ какого-либо рода. И рукопись, моя рукопись, он купил от меня. Он был сожжен.

Я засмеялся.

- Он не рискнул с тобой. - Слава Богу! Дракон был готовимся к выходу навсегда.

- Совсем нет, - согласился Тилни. - Хотел убедиться, что вы используете свой лавр. Другого конкурента не было бы. И тогда, естественно, мне было наплевать. У меня были снобистские представления о славе. Хорошее искусство-и Автобиография Чодрона была хорошим искусством, первоклассным романом-а хорошее искусство - это собственная награда. (Комментарий, который Хоутри сделал к этому, был хлопнуть дверью на выходе.)

Знаете стиль вещи? И в этом случае она была больше, чем ее собственная награда. В этом были деньги. Пятьсот фунтов в час и все авторское право. И я был ужасно разорен в то время. Не было поэтому я бы никогда не написал книгу. Может быть, это был один из моих

недостатки-небольшой самостоятельный доход и не слишком много вкусов экстравагантный. Оказалось, что примерно в то время, когда Чоудрон сделал свое предложение, я я был влюблен в очень дорогую молодую женщину. Вы не можете выйти на танцы и пить шампанское по пятьсот фунтов в год. Чек Чодрона прибыл как раз вовремя. И вот я был готов написать его мемуары. Один скука, конечно. Но, к счастью, молодая женщина отправила меня сразу после этого; таким образом, у меня было время потратить. А Чодрон был безжалостным надзирателем. Кроме того, я я действительно полюбил эту вещь после того, как начал. Это был даже его собственный вознаграждение. Но теперь-Теперь, когда книга написана, деньги потрачены, и я скоро мне будет пятьдесят, а не сорок, как тогда, сейчас, я должен сказать, я бы предпочел иметь хотя бы одну хорошую книгу в моем активе. Я хотел бы быть известный как автор этого замечательного романа, автобиография Бенджамин Чодрон, но я не буду. - Он вздохнул. - Это Бенджамин Чодрон, и не Эдмунд Тилни, у которого будет своя маленькая ниша в истории литературы. Не то чтобы я очень забочусь об истории литературы. Но мне все равно, я должен признаться, с нынешними ожиданиями этой ниши. Репутация салона, как упоминания в газетах, уважение молодежи, сочувствующее любопытство женщина. Все побочные продукты успешной литературной карьеры. Но я продал-те для Chawdron. По хорошей цене. Я не могу жаловаться. Тем не менее я я все еще жалуюсь. У вас есть дым из трубы? Мой закончился.

Я вручил ему свою сумку с табаком.

- Если бы у меня была энергия или я был безнадежно разорен, что, слава Богу, но также, к сожалению, на данный момент это не так, может сделать еще одну книгу о Чодроне — - продолжил он, заполняя курительная трубка. - Еще одна книга, и лучше. Лучше, - начал он объяснять, и он прервался, чтобы пососать вспышку спички, которую он зажег — потому что… гораздо больше… злобный. - Выбросил спичку. - Нельзя писать хорошая книга, не будучи злым. В автобиографии Я превратил Чодрона в героя. Мне заплатили за это; более того, это был сам Чодрон, который

предоставил мне документация. В этой другой книге он будет злодеем. Или, другими словами, он он сам был бы таким, каким его видели другие люди, а не таким, каким он сам себя видел. О это, кстати, единственное действительное различие, которое мне удалось обнаружить среди виртуозов и плохие. Когда мы сами позволяем себе любой из грехов смертные, мы всегда оправданы — они никогда не смертны. Но когда относится к кому-то другому, мы возмущены очень справедливо. Старый Руссо у него хватило смелости сказать, что он самый добродетельный человек в мире. Прочее из нас только верит в это молча. Но, возвращаясь к Чодрону, что я я хотел бы сделать сейчас, чтобы написать его биографию, а не его автобиографию. И биография совершенно иного аспекта. Не о человеке действия, капитан промышленности, Наполеон финансов и т. д. Но о Чаудроне домашний, частный, сентиментальный.

- “Таймс” что-то об этом говорит, - сказал я; и, возвращаясь забрать газету, li: — “Под свои режимы desconcertantemente резких и даже ríspidos. Чодрон скрывал самую щедрую натуру. Человек, при встрече с ним, он часто возмущался некоторой поверхностной грубостью. Это было только для интимные отношения, которые он раскрыл…”- Угадайте, что! - “золотое сердце.”

- Золотое сердце! - Тилни вынул трубку изо рта, чтобы посмеяться.

- И я вижу, что у него также был “глубокий религиозный смысл”. — Я бросил газету.

- Глубоко? Этому не было конца!

- Необыкновенно, - громко размышлял я. - Все они имеют золотое сердце и чувство религиозный. Каждый из них, от грубого старого ученого до жесткого старика дилер и хмурый старый государственный деятель.

- Золотые сердца, - повторил Тилни. - Но золото слишком твердое. Глиняные сердца, вазелиновые сердца, сердца для мытья свиней. Вот что им больше всего кажется. Свинья мыть сердца. Чем жестче, резкие и хмурые они снаружи, более мягкие внутри. Это закон от природы. Я никогда не сталкивался с исключением. Чодрон был воплощением этого правило. Что именно я хочу

показать в этой другой моей книге в потенциал-безжалостный Наполеон финансов, платящий за его неумолимость, и его наполеонизм растворяется внутри, пока не перевернется. мытье свиней. Ибо вот что случилось с ним: он растворился и перевернулся мытье свиней. Как в “странном случае с мистером Вальдемаром” Эдгара Аллана Положить. Я видел это своими глазами. Это ужасное зрелище. И даже больше в ужасе, когда мы понимаем, что, кроме как по милости Божьей, мы идем в там мы сами — и тем более, когда начинаем сомневаться в Божьей благодати, когда мы видим, что мы действительно идем. Да, ты или я, мой мальчик. Ибо это не только старые жесткие дилеры, у которых есть сердце для мытья свиней. Это также, как вы сами только что сказали, старые скрипучие ученые, грубые старые ученые, несговорчивые старые адмиралы, епископы и все остальные столпы христианского общества. Одним словом, это весь мир, который сделал себя жестким слишком много на голове или на нагруднике; весь мир, который стремится быть нечеловеческим — ангел или машина не имеет значения. Сверхчеловечество так же плохо, как и суб-человечество, это то же самое в конце. Что показывает, как мы должны принимать будьте осторожны, если мы интеллектуалы. Даже самый легкий тип интеллектуала. Как я, например. Я не один из ваших настоящих аскетических ученых. Не дай бог! Но я определенно интеллектуален, и я литератор; я даже то, что газеты их называют “мыслителем”. Я страдаю страстью к идеям. Я всегда страдал, так как мальчик. С какими результатами? Что меня никогда не привлекала женщина, которая не будь проституткой.

Я засмеялся. Но Тилни поднял руку в знак протеста.

- Дело серьезное, - заявил он. - Его последствия могут быть ужасными,

в том числе. Ничего, кроме проституток. Представьте!

- Я представляю — - сказал я. - Но откуда берутся книги и идеи? Пост это не обязательно проптери

- В этом случае это действительно проптер. Благодаря книгам и идеям я никогда не учился иметь дело с реальными ситуациями, с людьми и прочими вещами. Увязка личные-я никогда не мог правильно с ними справиться. Только с идеями. С идеями я я чувствую себя как дома. Например, с идеей личных отношений.

As люди думают, что я отличный психолог. И я думаю, что я действительно. Как зритель. Но я ужасный экспериментатор. Я прожил большую часть своей жизнь посмертно, если вы понимаете, о чем я; в размышлениях и разговорах после факты свершились. Как будто мое существование было Романом или учебник по психологии или биография, как и любые другие в книжные полки библиотек. Ужасная ситуация. Вот почему мне это всегда нравилось так много проституток, я всегда был им благодарен; потому что они были единственными женщинами с которым у меня сложились не посмертные, современные, конкретные отношения. As единственный. - На мгновение он молча курил.

- Но почему единственные?— спросить.

- Почему? - повторил Тилни. - Разве это не очевидно? Для человека застенчивый, то есть человек, который не знает, как обращаться с реальными людьми и ситуациями, проститутки-единственные возможные любовники, потому что они единственные женщины, которые они готовы прийти ему навстречу, единственные, кто возьмет на себя инициативу, которую он не умеет принимать.

Я кивнул.

- У застенчивых мужчин есть причины испытывать влечение к проституткам; я это понимаю. Но почему проститутки чувствуют влечение к мужчинам застенчивые? Что побуждает их проявлять соответствующую инициативу? Это то, чего я не понимаю.

- О, Конечно, они не берут на себя эту инициативу, если мужчина застенчивый будь привлекательным, - ответил Тилни. - Но в моем случае проститутки они всегда были привлечены. Всегда. И, честно говоря, они были правильный. Я был терпимо причудливым, имел ирландское профессиональное очарование, умел разговаривать, был в несколько сотен раз умнее любого парня. что они могли бы знать. Кроме того, я полагаю, моя застенчивость была преимущество. Это не казалось застенчивостью, она проявляла себя как своего рода Божественная безличность и отстраненность — очень возбуждает женщин так. В их глазах у меня были прелести горы Эверест или Северного полюса - трудная и непокоренная вещь, которая заставляла их инстинкт ломаться рекорд. И в то же время моя застенчивая отстраненность заставляла меня казаться как-то выше; и, как вы знаете, мало удовольствий может быть по

сравнению со спортом, чтобы свергнуть превосходство и доказать, что это не так лучше, чем мы. У моей бескорыстной отстраненности всегда был succès fou с проститутками. Они все любят меня, потому что я”другой”.

“Но ты другой, Эдмунд, ты другой”, - напевал он фальцетом. — Эти проститутки? Под их сентиментализмом их единственное желание, естественно, я должен был как можно скорее свести себя к самому позорному отсутствию различий…

- И могли? — спросить.

- Всегда. Естественно. Это не потому, что мужчина застенчив и грамотен это не свинья diprim ‘ ordine. На самом деле, чем более застенчивым и прилежным, скорее всего, это будет тайно свинья. Или, если не свинья, по крайней мере, один asino, один oca, один vitello. Это правило, как я уже сказал; закон природа. Нет выхода.

Я засмеялся.

- Интересно, кто я из животных…

Тилни покачал головой.

- Я не зоолог. По крайней мере, когда я разговариваю с образцом в обсуждение, - добавил он. - Спросите свою совесть.

- А Чодрон? - Я хотел узнать больше о Чодроне. - Он хрюкает, ревел или мычал?

- Немного каждого. Что, если бы хищники издавали какой-то шум… Нет, хищники не. Хуже, чем это. Chawdron был крайним случаем, и крайние случаи вне животного мира.

- Кто они? Овощи?

- Нет, нет. Хуже овощей. Они духовные. Ангелы, это то, что они есть: ангелы гнить. Только на ранних стадиях дегенерации они ревут и боджам. Затем они играют на арфе и машут крыльями. Свиные крылышки, конечно. Быть ангелы в костюмах свиней. Свиньи мыть сердца. Я уже говорил вам о Чодроне и Шарлотте Сэлмон?

- Виолончелистку?

Он кивнул.

- Какая женщина!

- И его казнь! Такая заряженная, подавленная, скользкая… — Я я искал правильное описание.

- Так ужасно еврейка, одним словом, - сказал Тилни. — Тот тошнотворная эмоциональность, эта духовность, достойная морской болезни, в открытом море - чисто иврит. Если бы в мире было больше арийцев музыка! Мои глаза наполняются слезами всякий раз, когда я вижу белокурого зверя на пианино. Но это не имеет значения. Я собирался рассказать вам о Шарлотте. Вы знаете ее, естественно.

- И как!

- Ну, это была Шарлотта, которая первой открыла мне сердце для мытья свиньи бедного Чодрона. Мой тоже, косвенно. Это была ночь в дом старого Крила. Чодрон был там, и Шарлотта, и я, и я не помню кто еще. Я не знаю как, мы были людьми из всех миров-с небес и

ад. Крайл, как вы знаете, имеет одну ногу в каждом. Он думает, что его миссия соберите их вместе. Это ниша между Богом и Маммоном. В этом случае он, безусловно, вообразили себя ответственным за брак. Чодрон действительно был Маммоном; и хотя мы с тобой не осмелились бы назвать Шарлотту Богом, я уверен в том, что старый Крайл не сомневался. В конце концов, она играет на виолончели; она артистка. Чего еще мы хотим?

- Правда!

- Должен сказать, Я восхищался Шарлоттой той ночью, - продолжил он. - Она знала какой именно путь выбрать с чаудроном; это было более удивительно потому что меня она так и не убедила. Со мной она пытается сыграть русалку,, довольно смелый и в то же время чрезвычайно загадочный. Его трюк отвечать на мои самые банальные комментарии чем-то абсолютно непонятно, но, очевидно, очень важно. Если я спрошу вас, почему пример: “вы собираетесь на скачки в этом году?“она улыбается улыбкой действительно этрусский и отвечает: “Нет, я слишком занят, наблюдая за гонки на лодках в моем сердце”” Ну, очевидно, это мой сигнал к быть более чем заинтригованным.

“Очаровательный сфинкс”, я должен был ответить” расскажи мне подробнее о его интуитивной гонке на лодках ” или что-то в этом роде. И почти наверняка я обнаружил, что гребу на лодке-победителе. Но я не думаю, что смогу делать то, что от меня ожидают. Я просто говорю: “жаль! Я организую группа, чтобы пойти в Эпсом ” - и я быстро ухожу. Без сомнения, если бы она была меньше катастрофически семитский его гонки на лодках были бы для меня неотразимыми. Но в реальность ваши маневры не работают. Она все еще не могла думать о лучше. Однако с Чодроном она с самого начала обнаружила правильная стратегия. Никаких русалок, никаких загадок с ним. Его сердце было золотой и слишком грязный для этого. Более того, ему было пятьдесят лет. Это возраст, когда священнослужители начинают беспокоиться о нижнем белье школьницы в поездах, возраст, в котором выдающиеся археологи они начинают проявлять действительно страстный интерес к скаутингу. Под маской преступница из Чодрона, Шарлотта обнаружила Ангела-свинью, сентиментального и простак, любящий детей, со слабостью к détournement de mineurs. Шарлотта-практичная женщина: ей нужен был ребенок, она стала сразу ребенок. И какой ребенок! Я никогда не видел ничего подобного. Такой болтовня! Такие невинные большие глаза! Такой веселый смех! Такой режим удивительно умно говорить очень рискованные вещи, не зная об этом (сладкий невинность) что они значат! Я видел и слушал-ошеломленный. Ужаснуть также. Спектакль был действительно ужасающим. Отпустите меня. ..1^2] но когда маленькому ребенку двадцать восемь лет, и это длится для его возраста-ах, нет; ее царство ада. По крайней мере, для меня. Но Чодрон остался очарованный. Казалось, что он действительно догадался, что он завладел чем-то ниже возраст согласия. Я с удивлением посмотрел на него. Возможно ли, что он

быть обманутым? Представление было таким плохим, невероятно маленьким убедительный. Сара Бернхардт в семьдесят лет, представляющая Уайглона, выглядела больше действительно ребенок, чем наша жесткая маленькая Шарлотта. Но Чодрон этого не видел. Тот человек, который жил своей хитростью, а не только жил так, как заработал на ней огромное состояние-возможно ли, что больше блестящий финансист того времени мог ли он быть таким сказочно глупым?“Аджувентуд это заразно”,-заявил он мне после обеда, когда женщины ушли. Е Итак — вы должны были увидеть улыбку на его лице: блаженную, нежную - “Она счастливый котенок, тебе не кажется?’. Но я думал, что был в

компании Нефть Новой Гвинеи. Как это было возможно? А потом я внезапно понял, что это не так просто и просто возможно; это было абсолютно необходимо. Просто и для того, чтобы быть в состоянии заработать миллион и четыреста тысяч фунтов на скандале Нефть Новой Гвинеи, это было неизбежно, что это сбило с толку крошечного птицееда счастлив, как Шарлотта со счастливой кошечкой. Неизбежный. Так же, как это было неизбежно, что ко мне подойдут все проститутки, которые появятся в мой путь. Chawdron провел свою жизнь, думая о нефти, биржевых акциях и колебание. Я провел свою жизнь, читая лучшее, что было придумано и сказано. Ни один из у нас было время или энергия, чтобы жить-жить полностью и интенсивно, как человек должен жить на всех уровнях существования. Таким он был обманутая псевдогатушкой, в то время как я поддался настоящей проститутке. И что еще хуже, он поддался полному знанию. Потому что я никогда не был на самом деле обманутый. Я всегда знал, что проститутки были проститутками, а не крестьянами чистый. И теперь я знаю, почему они меня увлекли. Но это, естественно, это не мешает мне продолжать быть очарованным ими. Опыт не останови это, несмотря на сахарного папочку Миссис Микобер. Даже не знать. - Сделал перерыв чтобы зажечь трубку.

- Так что же мешает? — спросить.

Тилни пожал плечами.

- Ничего, как только мы сошли с обычных инстинктивных рельсов.

— Иногда я задаюсь вопросом, действительно ли эти рельсы существуют.

- Я тоже иногда, - признался он. - Но я очень верю.

- Руссо и Шелли тоже свято верили. Но кто-нибудь видел естественный человек? Эти Благородные Дикари… Читайте о них Малиновского; читать Фрейзер; читать…

- О, я читал, я читал. И, естественно, дикарь не благороден. Примитивы ужасный. Я знаю. Но естественный человек-это не первобытный человек. Это не сырье человечества; это готовый продукт. Естественный человек-это изготовленный деталь. Нет, изготовлено нет; это больше произведение искусства. Что это неправильно с такими людьми, как Chawdron, что они очень

произведения искусства плохой. Они неестественны, потому что они не артистичны. Ари Шеффер вместо Мане. Но с этой разницей. Ари Шеффер статистически плох; он

это не ухудшается с течением времени. В то время как нехудожественный человек динамически вырождается. Как только он начал плохо, он становится каждый раз более нехудожественный. Требуется моральное землетрясение, чтобы обуздать процесс. Игры, наполненные мелочами, такими как опыт и знания, ничего хорошего. Опыт не учит. Если бы я учил, я бы никогда не поддался поскольку я уступил, у меня даже не было бы финансовых проблем, а значит, и не было бы написал автобиографию Чодрона, и у него не было бы возможности присоединиться к интимный материал для биографии, который, О Боже, я никогда не напишу. Нет, нет; опыт не спас меня от того, чтобы снова стать жертвой. И от одного такой разорительно редкий экземпляр. Не то чтобы она была наемницей, - сказал он. уточнение. - Я был слишком обеспечен, чтобы нуждаться в этом. Столь ну, однако, что простая стоимость кормления и развлечения в стиле, к которому она привыкла к тому, что ее кормят, и веселье было полностью за пределами моя способность. Конечно, она никогда этого не замечала. Нельзя ожидать, что люди, которые рождаются с более чем пятью тысячами фунтов в год, замечают это. Она бы она была очень расстроена, если бы поняла, потому что у нее было золотое сердце — как и все мы. - Задумчиво рассмеялся. Бедная Сибил! Я полагаю, что вы помните ее.

Имя вызывало у меня призрак с очень светлыми глазами и волосами.

- Каким удивительно красивым существом она была!

- Был, был, - повторил он, - Фуит. Красивая и роковая. Какие муки она заставила меня страдать! Но это было так же фатально для нее самой, как и для других. Бедная Сибил! Иметь желание плакать, когда я думаю о ее неизбежном пути, о ее траектории предопределенный. - Вытянув палец, он проследил в воздухе кривую, которая поднималась и я снова спустился. - Она только что прошла пик, когда я встретил ее. А спуск был ужасно крутым. Какие глубины ее ждали! Тот ужасный маленький иудей из Ист-Сайда, за которого она удосужилась выйти замуж! Е, после еврея-мексиканского индейца. А между тем, немного шампанского,

если я сделал глоток шампанского, глоток бренди; и моменты случайные развлечения стали непрекращающимися, необходимостью, но такой утомительной, такая меланхоличная рутина, такая ужасно утомительная… Я провел четыре года без увидеть ее после нашей окончательной ссоры ;а потом (вы понятия не имеете, как все прошло больно) внезапно я обнаружил, что пожимаю руку с момента Мори. Столь изношенная, больная и уставшая, такая ужасно старая. Старуха в тридцать четыре года. Е в последний раз, когда я ее видел, она сияла. Восемнадцать месяцев спустя умер; но не раньше, чем индеец уступил место китайцу и бренди кокаин. Это было все неизбежно, естественно, все совершенно предсказуемо. Немезида работала с образцовой регулярностью. Что только усугубляло ситуацию. Немезида хорошо подходит для неизвестных и случайных знакомых. Но для себя, для людей, которых мы ценим, О нет! Для нас правильный было бы иметь возможность сеять без сбора урожая. Но этого не может быть. Я сеял книги и собирал Сибил.

Сибил посеяла меня (не говоря уже о других) и собрала мексиканцев, кокаин, смерть. Неизбежное, но возмущение, оскорбительное отрицание разницы и уникальности каждого из нас. В то время как, когда люди любят Chawdron сеют нефть Новой Гвинеи и собирают котенка Шарлотты, мы остаемся восторженные; точность судьбы кажется восхитительной.

- Я не знал, что Шарлотта была собрана Чоудроном. — В сбор урожая должен был быть сделан с необычайной осмотрительностью. Шарлотта обычно он так любит рекламу, даже в этих вопросах. Я никогда не думал, что она…

— Но урожай был очень кратким и частичным, - объяснил Тилни.

Это удивило меня еще больше.

- Шарлотта, всегда такая целеустремленная и цепкая! И с миллионами Chawdron придерживаться…

- О, дело не в ее вине. У нее были все намерение быть собранным и постоянным хранящимся умом. Но договорились провести два месяца в Америке в концертном туре. Это было бы сложно разорвать контракт; Чодрон казался полностью влюбленным; кроме того, два месяцы проходят быстро. И, таким образом, она

пошла. Полная уверенности. Но когда вернулся, однако, Чодрон был занят чем-то другим.

Еще одна кошечка?

- Котенок? Бедная Шарлотта была старой тигрицей с белыми усами, в сравнение. Она даже пришла ко мне в отчаянии. На этот раз без загадочные тонкости: он забыл, что это Сфинкс. “Я думаю, ты должен предупредите мистера Чоудрона об этой женщине”,- сказал он мне. “Он должен знать что она его эксплуатирует. Это возмутительно.“Она была полна морали возмущенный. Недаром. Она даже разозлилась на меня, потому что не хотела сделать что-нибудь. “Но он хочет, чтобы его эксплуатировали”, - сказал я. “Это его единственная радость в жизнь.“Что было абсолютной правдой. Но я не удержался и пошел немного злобный. “Почему ты хочешь испортить ему удовольствие?’, спросить. Она она покраснела. “Потому что я думаю, что это отвратительно.- Тилни сделал свой голос резким в восстание. — “Я очень шокирована, увидев мистера Чодрона, играющего роль дурак.“Бедная Шарлотта! Его чувства были похвальными. Но они ничего не сделали. Чодрон продолжал играть дурака, несмотря на ее моральное возмущение. Шарлотте пришлось сдаться. Противник был неприступно закреплен.

- Но кем она была, врагом?

- Наименее вероятная роковая женщина, которую вы когда-либо видели. Невысокий; некрасивый; нездоровый - да, действительно нездоровая, я думаю, хотя я был бы очень склонен к симуляции болезни. Слишком утонченная дама, ты знаешь тип. Экономка; не современные, спортивные гувернантки Moderna, но вроде Джейн Эйр, хрупкая, дочь священнослужителя. Ваш единственной видимой заслугой было быть молодым. Мне кажется, лет двадцать пять.

- Но как они познакомились? Миллионеры и гувернантки…

- Чистым чудом, - заявил Тилни. - Сам Чодрон обнаружил рука провидения. Это был глубокий религиозный смысл. “Если мои двое секретари не заболели в тот же день”, - заявил он мне торжественно (и вы понятия не имеете, как смешно он выглядел, когда был будучи торжественным: святой фальсификатор, вор на кафедре), ” если бы не это — и, в конце концов, очень трудно

заболеть двум секретарям в одно и то же время; это вещь судьбы ! Я бы никогда не встретил свою маленькую фею.“И у вас есть что представить это последнее слово, произнесенное с красивой и благоговейной улыбкой, неописуемо неуместно в этом плохом лице. “Моя маленькая фея (кстати, ее звали Мэгги Спинделл), моя маленькая фея! - Тилни улыбнулся серафично и широко раскрыл глаза. - Вы не можете себе представить его выражение лица. Святой Карл Борромео во время взлома денежного ящика.

- Нарисовано Карио Дольчи, - предложил я.

- С помощью Роулендсона. Вы начинаете понимать?

Я кивнул.

- А как насчет секретарей? - Мне не терпелось услышать эту историю.

- Им было приказано в кратчайшие сроки разобраться со всеми письмами с запросы, все сообщения от уродов, изобретателей, неправильно понятых гениев и, наконец, женщины. Работа была тяжелой, я могу вам сказать. Вы понятия не имеете как выглядит переписка богатого человека. Фантастический. Ну, как я в нем говорилось, что Провидение свергло двух частных секретарей Чодрона с помощью грипп. Оказалось, что у Чоудрона не было ничего лучше в этом утро (снова Провидение); так что он начал открывать свой собственный корреспонденция. Третье письмо, которое он открыл, было от феи. Акарта сбил его с ног.

- Что в ней было?

Тилни пожал плечами.

- Он мне никогда не показывал. Но, насколько я понимаю, она написала о Боге и Вселенная в целом и его душа в частности, не говоря уже о его душе собственный. Не имея вкуса и будучи совершенно необразованным, Чодрон остался чрезвычайно впечатлен его философской неуклюжестью. Я бы коснулся его глубокое религиозное чувство! Действительно, он был так впечатлен, что он немедленно написал, договорившись о встрече с ней. Она пришла, увидела и победила. “Провенциальный, мой дорогой мальчик, провенциальный.“И, естественно, он был прав. Только что я бы изменил название силы на Немезиду. Мисс. Шпинделл был инструмент Немезиды; она была даже носить фантазию, что образ жизни Чодрон заставил его найти неотразимым. Она была наконец плодом созревает от посева

Петролеоса Новой Гвинеи или чего-то подобного.

- Но, если ваш отчет верен, плод был восхитительным, по крайней мере, для он мне нравится, - перебил я. - Быть исследованным кошками было его единственной радостью; вы сами это сказали. Немезида награждала его за его грехи, нет наказывать.

Тилни прервал прогулку из стороны в сторону комнаты, задумчиво нахмурился и, вынимая трубку изо рта, потер боком из носа с горячей выпуклостью.

- Да, это важный момент, - медленно сказал он. - Я уже думал смутно об этом; но теперь вы все прояснили. С точки зрения грешник, наказания Немезиды действительно могут показаться наградами. Быть правда, да.

— В этом случае ваш заклятый враг не очень полезен в качестве полицейского.

Он поднял руку.

- Но Немезида не полицейский. Немезида не моральна, по крайней мере, это так просто случайно морально, более или менее случайно. Немезида-это что-то как закон гравитации, равнодушный. Все, что он делает, это гарантирует, что вы пожнете который посеял. И если вы сеете самоуничтожение, как это сделал Чодрон с его чрезмерным интересом к деньгам он пожинает гротескное унижение. Но поскольку ваши грехи уже сводят вас к недочеловеческому состоянию, то вы не поймете, что гротескное унижение-это унижение. Вот и ваш объяснение того, почему Немезида иногда кажется наградой. Что она приносит унижение только в абсолютном смысле, для идеального человека и полный; или, во всяком случае, на практике для почти полного, бытия человек близок к идеалу. Для субчеловеческого образца она может выглядеть как триумф, завершение, исполнение желаний сердца. Но у вас есть чтобы помнить, что это сердце, которое хочет, - это сердце для мытья свинья…

- Мораль: “Живи недочеловечески, и заклятый враг может принести тебе счастье” — завершать.

— Точно. Но какое счастье!

Я пожал плечами.

— Но в конце концов, для релятивизма один вид счастья так же хорош, как любой другой. Вы принимаете точку зрения Бога.

- Точка зрения греков, - поправил он.

- Как хотите. Но в любом случае, с точки зрения Chawdron а счастье прекрасно. Так что мы должны быть как Чодрон.

Тилни кивнул.

- Да, нужно быть немного платоническим, чтобы увидеть, что наказания наказание. И, естественно, если бы была другая жизнь… Или еще лучше, метемпсихоз: есть несколько невероятно отвратительных насекомых… Но даже с точки зрения с чисто утилитарной точки зрения чавдронизм опасен. Социально опасно. Общество, построенное мужчинами и для них, не может работать, если все его компоненты эмоционально недочеловеки. Когда большинство сердца превратились в омовение свиней, что-то катастрофическое должно произойти. Так что Немезида в конце концов оказывается полицейским. Надеюсь, ты

удовлетворенный.

— Совершенно.

- Вы всегда очень уважали закон, порядок и мораль — жаловался.

- Они должны существовать…

- Не знаю почему, - перебил он.

- Чтобы мы с тобой могли с комфортом быть аморальными, - объяснил я. - Закон и порядок существуют, чтобы сделать мир безопасным для индивидуалистов бунтовщики и беззаконники.

— Не говоря уже о преступниках, людях преступного мира, таких как Чодрон. От кого, кстати, кажется, что мы отдаляемся. Где я был?

- Вы пришли на провидческую встречу с маленькой Фадой.

- Да, да. Ну, как я уже сказал, она пришла, увидела и победила. Три дня спустя она была установлена в доме. Он сделал ее своим библиотекарем.

- И любовник, представляю.

Тилни пожал плечами и протянул руки в жесте сомнения.

- Вот в чем вопрос. Там вы касаетесь сердца тайны.

— Но вы не имеете в виду, что…

- Я ничего не имею в виду по той причине, что не знаю. Только я могу представить.

- А что Вы себе представляете?

- Иногда одно, иногда другое. Фея была действительно загадочный. Без сфинксового воздуха, который изготовила Шарлотта: настоящая загадка. С фея все было возможно.

- Но уж точно не с Чодроном. В этих делах он не был… хорошо, слишком человек?

- Нет, он был слишком недочеловек. Что совсем другое. Фея проснулась в нем вся его нечеловеческая духовность и религиозность. В то время как с Шарлотта вырисовывала на поверхности не менее недочеловеческую страсть к détournement de mineurs.

- Это слишком примитивно и схематично, чтобы быть хорошей психологией — возразить. - Эмоциональные состояния не так уж и определены. Нет ни одного отсек для духовности и другой, водонепроницаемый, для détournement шахтеры. Всегда есть слияние, смесь.

- Ты, наверное, прав, — согласился Тилни. - И действительно, из моих предположений было именно об этом слиянии. Ты знаешь что-то.: дискурсы бессердечно уступают место любящему действию-если это “действие” звучит как слишком сильное слово, чтобы описать то, что я имею в виду. Некоторые мягко старческая и детская вещь. Позитивно духовные контакты. Любовь к Ангелы - настолько ангельские, что, когда все закончилось, нельзя было быть уверенным, что у них есть был или не был какой-то перерыв в мистическом разговоре. Что бы оправдать

добродетельное возмущение феи, когда она слышала, как кто-то рискнул предположить, что она это было что угодно, кроме

библиотекаря Чодрона. Почти мог честно полагать, что это не так. “Я думаю, что люди ужасны”, - сказала она он говорил мне в таких случаях. “Я думаю, что они просто отвратительны. Быть что вы не можете поверить даже в возможность чистоты?“Она была в ярости, обиженная, обиженная. И волнение казалось абсолютно реальным. Что было такое редкое явление в жизни феи — или, по крайней мере, мне казалось — что я был вынужден верить, что есть подлинный мотив.

- Мы не все искренне злимся, когда знаем, что наши знакомые говорят о нас то же самое, что мы говорим о них?

- Конечно; и чем правдивее сплетни, тем злее мы становимся. Но Фея злилась, потому что сплетни были фальшивыми. Она настаивала на этом-и я так искренне настаивал (это то, к чему я стремился), что казалось невозможным не поверить, что у нее есть какое-то оправдание. Или ничего не было случилось, или это было что-то настолько нежно ангельское, что прошло незаметно он уклонялся от резкого наблюдения и поэтому не считал.

- Но, в конце концов, правда не потому, что внешность честна — протестовать.

— Не. Но вы не встретили фею. Она почти никогда не казалась честной. Мало что из того, что она говорила, не звучало бы для меня так или иначе. глупая ложь. Так что, когда она, казалось, говорила правду (и было удивительно, как редко это происходило), я всегда был впечатлен. Я не мог не думать, что должна быть причина. Вот почему я так много отдаю. важность к действительно искреннему способу как она злилась, когда они поставили под сомнение чистоту его отношений с Чодроном. Я считаю, что были ли они действительно чистыми, или, что более вероятно, что нечистота была такой маленькая, так сказать, что она могла честно считать ее несуществующей. У вас было бы такое же впечатление, если бы Вы ее слушали. Правдивость гнева, протест возмущенные были чистой очевидностью. И вдруг она вспомнила, что она христианка, практически святая; и начинала прощать врагов. “Мне их жаль”, в нем говорилось: “потому что они не знают, что делают. Несчастные люди! Не зная всех самые высокие чувства, из всех самых красивых отношений.“Я не могу скажите ему, как страшно звучало слово “красивый” во рту! Действительно от сделать кровь ледяной. Тьфу! - Он вздрогнул. - Я хотел убить ее. Все этот оттенок христианских чувств заставил ее убить. Когда она прощала бедные заблудшие люди, которые не могли видеть “прекрасное” в своих отношения с Чодроном, я был

в ужасе, укачивался, мурашки по коже. Ибо вещь все это было ложью, цельной и глубоко ложной. После подлинного гнева против сплетников ложь звучала даже более фальшиво, чем обычно. Очевидный, безошибочный, болезненный-как расстроенное пианино, как кукушка в июнь. Естественно, Чодрон был глухим к этой лжи; он не мог ее слышать.

Если у человека есть глубокое религиозное чувство, я думаю, что он этого не осознает эти вещи. “Я думаю, что у нее самый красивый характер, который я когда-либо встречал в существе человек”, - говорил он мне. (Опять “красиво”, понимаете? Chawdron он научился у нее. Но во рту это было просто смешно, не страшно.) “Самый красивый характер”… а потом эта блаженная улыбка. Гротеск! Быть точно так же с Шарлоттой; он проглотил ее целиком. Шарлотта притворялась счастливый котенок, и он принял ее как счастливого котенка. Фея стремилась быть считается святой кошечкой-христианкой, хризмой, причастницей, католичкой, канонизирован — так он увидел свою кошечку. Невероятный. Но если кто-то тратит все интеллект и энергия узнав о нефти, вы не можете ожидать, что узнаете многое об остальном. Нельзя ожидать, что он знает разницу между птицееды и котята, например; ни разница между Святой Екатериной Сиена и маленький лжец, как Мэгги Спинделл.

- Но она знала, что лгала? — спросить. - Это было сознательно лицемер?

Тилни повторил свой жест неуверенности.

- Чи Ло сал это, наконец, вопрос, на который нельзя ответить. Она берет нас из вернись туда, где мы были прямо сейчас с Чодроном: к границе между биографией и автобиография. Что более реально: вы, как вы сами видите себя или как другие его видят? Вы в своих намерениях и своих мотивах или вы в продукте его намерения? Вы в своих действиях или вы в результатах своих действий? И в любом случае, каковы ваши намерения и ваши мотивы? И кто такой “ты” что у вас есть намерения? Так что, когда вы спрашиваете, была ли Фея лжец и сознательный лицемер, я должен ответить, что не знаю. Никто знать. Даже сама Фея. В конце концов, Фей было много. Была одна, которая хотела, чтобы ее кормили и заботились, чтобы у нее были деньги, и, возможно, она вышла замуж однажды, если случится так, что жена Чодрона умрет.

— Я не знал, что у него есть жена, - перебил я, пораженный.

- Сумасшедшая, - телеграфно объяснил Тилни. - Прошло последние двадцать и пять лет в санатории. Я бы тоже сошел с ума, если бы был женат на Чоудрон. Но это не помешало Фее стремиться стать второй миссис. Чоудрон. Деньги-это всегда деньги. Ну, была эта фея-авантюристка, дарвиновские виды борются за существование. Но была и фея, которая я хотела быть по-настоящему христианской и святой. Духовная Фея. И если духовность уступила усталым финансистам, таким как Chawdron-ну, естественно, тантмье.

— Но как насчет лжи, о которой вы говорили, лжи, лицемерия?

- Просто неэффективность, - ответил Тилни. - Только представление неаккуратно. В конце концов, что такое лицемерие, как не изображать зло? Она он отличается от святости, как исполнение Люсьена Гитри отличается от производительность вашего ребенка. Один художественно хорош, а другой нет.

Я засмеялся.

- Вы забываете, что я моралист; по крайней мере, вы сказали, что я был. Этот эстетические ереси…

- Это не ереси; это признание очевидных фактов. Ибо что такое практика морали? И просто притворяться кем-то, кем вы по своей природе не являетесь. Быть играть роль святого, героя или уважаемого гражданина. Что такое высший этический идеал христианского мира? Он выражен в Формуле Томаса Кемпис, подражание Христу. Так что организованные церкви больше не какие огромные и сложные академии драматического искусства. И все школы это школы для представления. Все семьи-это семьи Краммлов.íˆU все люди воспитываются для пантомимистов. Все образование, кроме чисто интеллектуальное образование, это всего лишь серия эссе на роль Иисус из Подснапа или Александра Македонского, или кто-то еще, кто является фаворитом локальный. Добродетельный человек-это тот, кто полностью усвоил свою роль и он представляет грамотно и убедительно. Святой и герой великие актеры; это KemblesJˆJ и Siddonslˆl-люди с большим умение изображать героических персонажей, которыми они не являются; или люди с к счастью, они родились настолько

похожими на героический идеал, что могут начать прямо с ролью, без репетиций. Плохие-это те, кто или не может представлять или не хотят учиться. Представьте себе, кто отвечает за изменение сценарии, слегка пьяные, в комбинезоне и курят трубку; он выходит на сцену, шатаясь, в середине сцены суда в купец из Венеции, кричит На порцию, пинает Антония по ребрам, сбивает некоторых Великолепный и дергает за накладную бороду Шейлока он преступник. Что касается лицемер — он такой же преступник, который все прерывает, замаскированный под действующий временно или в определенных целях (это Тартюф); или еще (и я думаю который является наиболее распространенным типом) просто плохой актер. По своей природе, как и остальные мы, он преступник, который прерывает сцену; но принимает учения Местные академии драматического искусства и признает, что высший долг человека он играет роль звезды для туманной аудитории. Но он полностью без талант. Когда он думает о своей благородной роли, он говорит, декламирует и жестикулирует даже заставить тех, кто наблюдает за ним, чувствовать смущение — за себя, за него, за человеческий вид. “Я думаю, что дама или джентльмен слишком много протестуют — - вот как говорится. И эти протесты кажутся еще более чрезмерными, когда немногие спустя несколько мгновений видно, что протестующие полностью забыли о который играл роль и ведет себя как преступник тревожно, что в его природе бытия. Но он сам такой злой pantomineer, так совершенно бездарен для убедительного представления который не замечает своих собственных прерываний; или, если он понимает, он очень легкий и с убеждением, что никто их не заметит. Другими словами, большинство лицемеров - это более или менее бессознательные лицемеры. Фея, у меня есть

конечно, это был один из них. Я просто не осознавал, что я авантюрист с прицелом на миллионы Чодрона. Он знал, что да, его роль-роль Святой Екатерины Сиенской. Он верил в него; у него были амбиции быть артистом высокого класса из Вест-Энда. Но, к сожалению, у него не было таланта. Он представлял свою роль с такой небольшой естественностью, с таким большим преувеличением гротески, которые обычно чувствительный человек мог только вздрогнуть перед лицом такое позорное зрелище. Это был спектакль, способный убедить только духовные слепые и глухие. И благодаря вашим заботам о Petróleos Nova Гвинея, Чодрон был слепым и глухим духовно говоря. Его глубокое чувство религиозный был глубоким религиозным

чувством недочеловека. Когда он показывал канонизированный котенок, меня тошнило; но Чодрон думал, что у нее есть самый “красивый ” характер, который он когда-либо находил в человеке. И не только он думал, что у нее самый красивый характер; он тоже думал, что было почти самое смешное, что у нее был утонченный ум. Это был ее метафизический разговор это произвело на него впечатление. Она прочитала несколько книг Спинозы и Платона и небольшую книгу любой о мистиках христианства и изрядном количестве этого рыхлого теософская литература так популярна в Подмосковье и среди отставных полковников и дамы определенного возраста; так что я мог бы говорить о космосе с большим количеством глубина. И, боже, как глубоко она была! Я привык иногда потерять терпение, все было такой большой ерундой, это было так много невежества… Но Chawdron слушал ее благоговейно, полный enlevo, восхищения и веры. Верил в каждое слово. Когда кто-то совершенно необразован и при наличии законного мошенничества, этот человек способен верить в ошибочность материи, в несуществовании зла, в единстве всего многообразия и в духовности всех вещей. Всю свою жизнь он сохранял пресвитерианство детства-и с огромным рвением. И теперь я прививал хорумелла феи в Катехизисе или во всем, что пресвитериане учитесь в детстве. Я не видел никакого несоответствия в том, чтобы быть таким хорошим. пресвитерианский как непревзойденный мошенник. Он играл роль пресвитерианский только по воскресеньям и когда он был болен, никогда в работа. Религии никогда не позволяли посягать на святость ее жизни частность. Но с наступлением среднего возраста его разум стал слабее, последствия неправильно использованной жизни начали давать о себе знать. И в то же время его уход от бизнеса устранил почти все несущественные отвлекающие факторы. Его глубокий религиозный смысл имел больше шансов выразить себя. Он мог спокойно погрязнуть в сентиментальности и глупости. Фея появилась и показал ему, что такое эмоциональные навозные кучи и более мягкие интеллектуалы для него валяться. Он был благодарен — преданно благодарен, но не без потери чувства нелепости. Я никогда не забуду, например, по случаю, когда он говорил о гении феи. Мы ужинали в его доме, я, он и Фея. Ужасный ужин с феей, смесь Святой Екатерины

Сиена и Махатма Ганди, объясняющие, почему она была вегетарианкой и аскеткой. Иметь этот ужасный тонкий комплекс

среднего класса в отношении еды, который он делает с пусть манеры за столом в фуд-кортах галерей будут такими гротескно совершенный-тот страх быть низким или вульгарным, который приводит к люди едят, как будто они не едят. Они никогда не надевают еда во рту, и жуют только передними зубами, как кролики. И никогда они ни к чему не прикасаются пальцами. Я видел, как женщина ест вишню с вилка и нож в таком месте. Очень удивительно и отвратительно. Ну, а У феи был этот комплекс — это вопрос класса - но с ней это было рационализирован с точки зрения ахимсы и христианского аскетизма. Ну, она прошла целая ночь болтает о духе любви и его несовместимости с диета из мяса, и необходимость умерщвить тело ради души, и о Будде и святом Франциске и мистических экстазах и, прежде всего, о себе тот же. Это сводило меня с ума от раздражения, не говоря уже о том, что она это действительно начало заставлять меня голодать своими ужасными рапсодиями и отвращение святых. Я был благодарен, когда, наконец, она оставила нас в покое с нашим коньяк и наши сигары. Но Chawdron наклонился над столом в моем направление, духовно сияющее на каждом дюйме его лица фальсификатор. “Разве она не замечательная?’, спросить. “Это не просто ма-ра-ви-Iho-saT “чудесно”, - согласился я. И затем, с большой торжественностью, встряхивая палец на меня, он сказал: “Я встретил три великих интеллекта в моей жизни, три гении-лорд Нортклифф, мистер Джон Морли и эта маленькая девочка. Эти три”. Е снова откинулся на спинку стула, почти яростно кивнув мне, как если бы я осмелился это отрицать.

- И вы приняли вызов? - спросил я, смеясь.

Тилни покачал головой.

— Я просто налил себе еще одну порцию Вашего бренди 1820 года; это был единственный ответ, который мог дать разумный человек.

- А Фея согласилась с мнением Чодрона о его разуме?

- О, я так думаю, - сказал Тилни. - Я так думаю. У нее был отличный понятие о себе. Как и все эти духовные люди. Понятие неоправданный. Очень плохо и без какой-либо последовательности представляла роль верхний. Но все же она была убеждена в своем превосходстве. Быть неизбежно, так как он обладал огромной способностью к самопожертвованию. Что было сказано три иногда это становилось правдой. Например, сначала

я думал, что в этом ее аскетизме было какое-то волшебное слово, фокус-покус. Она я так нелепо мало ел на публике и во время еды, что подумал, что она в перерывах должно быть какое-то время прожорливости. Но потом я пришел к выводу, что совершил с ней несправедливость. По работе постоянно говорить себе и другим людям, что есть, было грубо и немного духовно, если не сказать невежливо и вульгарно, у нее действительно было

я считаю, что это привело к тому, что еда вызвала у него тошноту. Пришел в это означает, что вы не можете съесть больше минимума. Что было одним из причины их мазей. Она просто недоедала. Но недоедание было только одна из причин. Она была также дипломатически больна. Угрожать умереть как государственный деятель грозит мобилизацией, чтобы получить желаемое. На самом деле шантаж. Не за деньги; во многих отношениях она была интересно раздетый. То, что он хотел, было его интересом, это была власть над ним., это было самоутверждение. Были головные боли по той же причине, почему ребенок плакать. Если мы уступим ребенку и сделаем то, что он хочет, он снова будет плакать, будет сделать плач привычкой. Чодрон был одним из тех отцов слабого типа. Когда У феи была одна из его знаменитых головных болей, он ужасно нарушенный. То, как он бродил по комнате с пакетами со льдом и горячая вода и одеколон! Некролог Times, как сообщается, плакал, увидев его; такой трогательный показ золотого сердца! В результате Фея раньше у меня болела голова каждые два-три дня. Это было абсолютно невыносимый.

- Но были ли эти головные боли чисто воображаемыми?

Тилни пожал плечами.

- Да и нет. Конечно, была физиологическая основа. Женщина имела даже головная боль время от времени. Этого следовало ожидать; она была слаба из-за того, что не есть достаточно; он не делал достаточно упражнений, так что у него была тюрьма хронический запор; хронический запор, вероятно, вызвал легкую хроническое воспаление в яичниках; и она, конечно, страдала от каких-то проблем в глаза-вы могли заметить по этому красиво расплывчатому и духовному взгляду характерно для нескорректированной миопии. Было, как оказалось, много причин физиологические для головных болей. Тело дарило ему в подарок, так что сказать, боль. Затем его разум приступил к

работе с этим сырьем. И что формы не появились! Тронутые ее воображением, головные боли они стали мистическими, трансцендентными. Это была бесконечность в песчинке, и вечность в кишечном застое. Регулярно каждый вторник и пятницу она умирала-умирала с прекрасной христианской покорностью, мужеством мученика. Чодрон спускался из комнаты больной со слезами на глазах. Никогда получается столько терпения, столько мужества, столько хватки. Мало мужчин было, что она это не вытеснило. Это был замечательный пример. И так далее. И смею сказать что все было правдой. Она начала немного притворяться, притворяясь, что боли головы были хуже, чем были. Но ее воображение было слишком много для нее; он вырвался из-под его контроля. Ее притворства постепенно становились правдой, и она она действительно страдала от мученической смерти каждый раз; она действительно приходила к дорожкам смерть. И тогда появилась привычка мученичества, и кризисы стали обычными; воображение стимулировало нормальную деятельность воспаленных яичников и отравленный кишечник; боль возникала и сразу становилась сырьем

мистическое и духовное мученичество, происходящее на более высоком уровне. Любой путь, все было очень сложно и непонятно. И, очевидно, если сама Фея если бы он рассказал вам о своей жизни в то время, это было бы похоже на воспоминания о жизни Святого Лаврентия на гриле. Или, скорее, это было бы похоже на неискреннее производство этих воспоминаний. Ведь фея, как уже сказал Раньше, у меня не было таланта, а искренность и святость-это вопросы талант. Лицемерие и неискренность являются продуктом некомпетентности сливки. Те, кто виноваты в них, - это люди, не способные искусство поведения и самовыражения. Разговор феи прозвучал бы для вы полностью ложны. Но для нее это было все подлинно. Она действительно страдала, она действительно умерла, она действительно была хорошей, смиренной и смелой. Так же, как параноик на самом деле Наполеон Бонапарт и мальчик с деменцией прекокс на самом деле за ним шпионят и преследуют кучка врагов дьявольски умны. Если бы я рассказал историю с ее точки зрения, это звучало бы действительно красиво — не “красиво”, пожалуйста; но искренне и искренне и по той простой причине, что у меня есть дар выражения, что бедная Фея нет. Так что для всех, кроме эмоциональных кретинов, таких как Чодрон, она была явно лицемерной и лживой. А также случай патологический. Я мог заставить вещи стать очень правдивыми. Не только болезни,

мученичество и святость но и исторические факты, вернее, не факты исторический. Она подтверждала эти факты простым повторением того, что они это случилось. Например, она хотела, чтобы люди поверили — и она ей хотелось верить — что она была близка с Чодроном много лет, с тех пор детство, с самого рождения. Тот факт, что он знал ее с тех пор, как она была ” такого ” размера объясняет и оправдывает ваши нынешние отношения с ним. У сплетников не было бы повода говорить. Таким образом, она приступила к изготовлению кусочек за кусочком близость на всю жизнь, даже верно родство со своим дядей Бенни. Я сказал ей, что она так его назвала, разве я не сказал? Это прозвище имело свое значение; он сразу же поместил его в его таблица инбридинга, а затем, так сказать, дезинфицирует его отношения; это автоматически сделало их невинными.

- Или кровосмесительные, - добавил я.

- Или кровосмесительные. Это верно. Но она не думала об уточнениях. д’Аннунцианос. Когда она дала ему это имя, она повысила Чодрона до звания старый дорогой родственник или, по крайней мере, старый дорогой друг семьи. Иногда он даже называл его “маленький Бенни”, чтобы показать, что знает его с колыбели — и так артикулировал звуки, ибо так они материализовались. Но этого было недостаточно. Доказательства должны были быть больше, более косвенными. Так она придумывала: игры с титиозинью, посещения с ним цирка, все запас детских сувениров.

- Но как насчет Чодрона? — спросить. - Он участвовал в

выдуманные сувениры?

Тилни кивнул.

- Но для него, естественно, они действительно были выдуманы. Другие люди, однако, принимали их как факты. Ее воспоминания были такими если только я не знал, что я лжец, я просто имел- если вы их примете. С самим Чодроном она, конечно, не могла притворяться, что знал, буквально и исторически, все эти годы. Не сначала, из в любом случае. Близость всей жизни началась с того, что она была образной и духовный. “Я чувствую, что знаю своего дядю Бенни с детства”,-сказал он мне в его присутствие

вскоре после того, как он встретил его; и, как всегда, в таких случаях, его голос был более детским, чем когда-либо. Это был ужасный голос-такой хныканье, так ложно сладко… “С тех пор, как я был маленьким маленьким ребенком. Вы не чувствуешь это, дядя Бенни? И Чодрон тепло согласился; конечно, он я чувствовал это. С этого дня она начала рассказывать об инцидентах, которые это должно было произойти в том далеком детстве с милым маленьким титиозом. Были конечно, те же инциденты, о которых она вспоминала, когда разговаривала с другими людей и его не было. Он дал ему старые его фотографии. - изображения с высоким воротником и фраком, в странных норфолкских пиджаках, из цилиндр, сидящий на калеке. Они помогли сделать его изобретения реальными. С их помощь и помощь его воспоминаний, он построил всю жизнь в общий с ним. “Ты помнишь, дядя Бенни, когда мы пошли в Каус на твоей яхте, и я упал за борт?- спрашивала она. И Chawdron, который вошел из голова в игре, он отвечал: “Конечно, я помню. И когда мы ловим ее, нам пришлось завернуть ее в теплые одеяла и дать ей подогретый ром с молоко. И ты напилась”. “Я был забавным, когда был пьян, дядя Бенни? И Чодрон пошел на тяжелую работу, чтобы придумать несколько милашек капенгас, которые затем были включены в историю. Так что в другой раз Фея могла бы начать: “маленький Титиоз Бенни, ты помнишь нелепые вещи что я сказал, Когда ты заставил меня напиться ромом и горячим молоком что когда я упал в море в Коусе?’. И так далее. Чодрон любил это игра, она показалась мне просто милой, забавной и трогательной-на самом деле совсем вещь, взятая у Барри или А. А. Милна, и никогда не устала играть в нее. Что касается Фея — для нее это была не игра. Факты не повторялись до тех пор, пока превратить в факты. “Но давайте посмотрим правде в глаза, Мисс. Шпинделл”, - сказал я ему однажды, когда она рассказывала мне, она рассказывала мне! - о приключении, которое у вас было с дядя Бенни, когда она была маленькой, “давайте посмотрим правде в глаза, Мисс Бенни. Шпинделл ” (я я всегда так ее называл, хотя она очень хотела быть моей феей из Чодрона, и назвал бы меня дядей Тедом, если бы я дал ему наименьшее ободрение; но я стоял твердо; для меня она всегда была мисс Дж. Шпинделл), “давайте посмотрим правде в глаза, - сказала она, - мисс, кажется, забывает, что она мало что делает больше года вы впервые видели мистера Чодрона.“Она посмотрела на меня

без выражения и ничего не говоря. “Не могу серьезно ожидать, что я также Забудьте об этом”, - добавил я. Бедная Фея!

Отсутствие выражения уступило место печальное смущение, румянец. “О, Конечно”, - начала она и нервно засмеялась. “Быть как будто я знал его вечно. Мое воображение…“Предложение закончилось молча, и через минуту она нашла повод уйти. Я я понимал, что она расстроена, физически расстроена, как будто у нее проснулся слишком быстро от глубокого сна, выброшенный из мира, и падая на другого, который двигался в другом направлении. Но когда я нашел ее, на следующий день она снова выглядела как сама. Я предложил тебе даже назад в мир снов; с другого конца стола, за обедом, я услышал ее разговор с американцем, знакомым по бизнесу Chawdron, о веселые времена, которые они с дядей Бенни имели в его доме в вересковая пустошь в Шотландии. Но с тех пор, как я понял, она больше никогда не разговаривала со мной о твоем апокрифическом детстве. Любопытный случай: это заставило меня посмотрите на его лицемерие в другой призме. Именно тогда я начал понимать, что ложь в его душе была в основном бессознательной ложью, продуктом патология и отсутствие таланта. В основном; ибо иногда, наоборот, ложь это было осознанно и осознанно. Самой необычной была ложь на дне большой случай стигматов.

- Стигматы?— повторять. - Значит, это религиозная ложь.

- Религиозная, - кивнул он. - Так она себя оправдывала. тот же. Хотя, естественно, в его глазах вся его ложь была религиозный. Они служили ее целям, и она была святой; ее причина была священной. А потом, конечно, когда она лечила ложь процесс дезинфекции они перестали быть ложью и они развевались, как белоснежные религиозные истины. Случай из стигматов это ясно дало понять. Я поймал ее с поличным. Все началось с фурункулом, который возник на ноге Чодрона.

- Любопытное место для фурункула.

- Это не обычное дело, - согласился он. — У меня был один, когда я был мальчик. Это неприятно, уверяю вас. Что ж, случилось то же самое с Чодроном. Мы с ним были в его загородном доме, играли в гольф. перерывы в создании автобиографии. Мы сидели с сигарами и коньяк, и я легко его допрашивал. Оставленный на свое усмотрение, он был способен бродить и становиться бессвязным и без хронологии. Я должен был направить повествование, так сказать. Невероятно откровенным он был. Я узнал любопытные вещи что касается делового мира, я могу вас заверить. Нет необходимости говорить, что они их нет в автобиографии. Я оставляю их на всю жизнь. Что это значит что

никто никогда не узнает их. Ну, как я уже говорил, мы были в поле на длинные выходные, с пятницы по вторник. Фея осталась в Лондоне. Периодически она серьезно относилась к своей работе библиотекарем и протестовала, что

он просто должен был продолжить свой каталог. “У меня есть свои обязательства”, - сказал он когда Чодрон предложил ей пойти с нами. “Ты должен оставить меня выполнять свои обязательства. Я думаю, что нельзя просто быть легкомысленным; нет как думаешь, дядя Бенни? Кроме того, я действительно люблю свою работу.“Бог, как она это бесило меня этим мягким разговором! Но Чодрон, естественно, остался в восторге и в восторге. “Какой она необыкновенный маленький человек!”,- сказал он мне когда мы вместе выходим из дома. Еще более необычным, чем вы думаете, думать. Он продолжил с рапсодией до Уотфорда. Но в некотором смысле я понял когда мы приехали, он был в некотором смысле рад, что она не ушла. Для него было облегчением провести короткий мужской отпуск. У нее была ловкость видеть, что ему нужны эти перерывы время от времени. Ну, мы играем наши гольф, в результате чего в воскресенье утром фурункул бедного Чодрон, который в пятницу был всего лишь незначительным пятном, раздулся с упражнениями и трением, пока он не превратится в огромное полушарие, красный, из-за которого ходьба была страданием. Противно, без сомнения; но ничего, что для обычного человека было бы поводом для беспокойства серьезный. Чодрон, однако, не был обычным человеком в том, что он имел в виду фурункул. У него был комплекс фурункулов, фурункулофобия. Простительно, может быть; похоже, его брат умер от гангрены ужасно, что началось, казалось бы, безобидно, с прыща на лице. Chawdron не мог иметь родинку, не представляя, что он подхватил болезнь брат. Этот случай с ногой напугал его. Через зараженную кость, всю ногу гниение, ампутации, смерть. Я предложил все утешение и поддержку, которые я смог и отправил за местным врачом. Он пришел немедленно и случилось быть очень целеустремленным, эффективным и внушающим доверие мальчиком. Фурункул был анестезирован, проколот, очищен, покрыт повязкой. Он обещал Chawdron, что не было бы никаких осложнений. И не было. Вещь зажила нормально. Чодрон решил вернуться в город во вторник, как и был согласован. “Я бы не хотел разочаровывать фею”, - объяснил он. “Она будет выглядеть так грустно, если я не вернусь, когда обещал. Кроме того, она может нервничать. Вы не вы знаете, какая у этой маленькой девочки интуиция. Это почти

сверхъестественное, как гадание. Она будет догадываться, что что-то не так, и будет волноваться; и вы знаете, как беспокойство вредно для нее.“Я действительно знал; эти твои мистические головные боли были проклятием моей жизни. Нет, нет, я согласился. Она не могла волноваться. Таким образом, было решено, что Фея останется в счастливом незнание фурункула, пока не прибудет Чодрон. Но возник вопрос: как он должен ли он прибыть? Мы отправились в поле на Bugatti Chawdron. У него было слабак для скорости. Но это была не машина для больных. Было согласовано, что водитель отвезет Bugatti в город и вернется с Rolls. В случае вряд ли найдется Мисс. Спинделл, он не мог сказать вам, почему он его отправили в город. Это были его приказы. Парень пошел и вернулся с

Роллс. Чодрон был установлен, почти как в машине скорой помощи, и мы величественно отправились в Лондон. Какое Возвращение домой! Предварительный просмотр солидарность, которую он получит от феи, у Чодрона начался легкий рецидив когда мы приблизились к дому. “Я чувствую, как пульсирует нога”, - заверил он-меня; и когда мы вышли из машины, как она хромала! Как будто я потерял нога в Галлиполи. Действительно героический. Дворецкий должен был поддерживать его до тех пор, пока гостиная. Его положили на диван. “Мисс. Шпинделл в своей комнате?” О дворецкий так думал. “Тогда попросите ее спуститься сюда немедленно.“Дворецкий вышел; Чодрон закрыл глаза-влияя усталость, как у очень больного человека. Готовился к получению солидарность, которая могла бы и, логично, сладострастно смакуя ее заранее. “Все еще пульсирует?“я спросил, несколько легкомысленно. Он кивнул без открыть глаза. “Все еще пульсирует.“Его манеры были серьезными, могильными. Мне пришлось стараться не смеяться. Была тишина, мы ждали. А потом дверь он открылся. Фея появилась. Но сказочная фея. Одна нога в обуви высокие каблуки, другой в туфлях. И как он хромал! “Еще одна потерянная нога в Галлиполи”, - подумал я. Когда он услышал, как открылась дверь, Чодрон закрыл глаза сильнее и повернул лицом к стене, или хотя бы к спинке диван. Я понял, что это немного смутило фею. Его вход был драматично; она хотела, чтобы он сразу увидел ее немощь; не в счет найти его на смертном одре. Пришлось поспешно импровизировать еще один театральный трюк, новый сценарий; сцена, которую я подготовил, не подойдет. О это было еще более неловко для нее, потому что я был там, наблюдая — она знала, что она очень требовательный зритель; совсем не фанат Мэгги Спинделл. Он колебался секунду

возле двери, ожидая, пока Чодрон повернется лицом; но он держал глаза решительно закрытыми, а лицо скрытым. Очевидно, он решил сыграть роль умирающего со всеми своими силы. Таким образом, после нервного взгляда в мою сторону, она он хромал по комнате к дивану. “Дядя Бенни!“Он испугался, как если бы я не знал, что она там. “Это ты, Фея? Это пианиссимо, кон эспрессо. Затем Молто агитато со стороны феи: “что случилось, титиозиньо? Что случилось? О, расскажи мне!”. Она была достаточно близко разум теперь положить руку на его плечо. “Расскажи мне.“Он повернулся к ней лицом-вор нежно преображенный. Его сердце переполнялось — ” Фея!”- мытье свиней. “Что случилось, дядя Бенни?“Ничего, Фея.“Его тон намекал, что это была героическая преуменьшение, как сэр Филип Сидни. “Только мой нога.““Твоя нога! Афада продемонстрировала размер изумление, что мы оба чуть не прыгнули. “Что-то не так с твоей ногой?“Да, почему бы и нет?“Чодрон был наполовину раздраженный; он не получал той солидарности, на которую надеялся. Она он повернулся ко мне. “Но когда это произошло, мистер Тилни?‘Я был тихий. “Уродливый фурункул”, - объяснил я. “Ходить по полю для гольфа не было

очень хорошо. Он должен был быть проколот в воскресенье.““Примерно в одиннадцать и половина воскресного утра?“Да, я думаю, что это было примерно в одиннадцать и носок”, - ответил я, находя вопрос странным. “Это было ровно в половине одиннадцатого что это произошло”, - трагически сказала она, указывая на свою обувь для ног туфля. “Это” что?- раздраженно спросил Чоудрон. Это было глубоко зол на то, что его вычли из солидарности. Мне было жаль фею; вещи казалось, они плохо справились с ней. Я понял, что она приготовила удар что это не сработало. “Похоже, что мисс. Шпинделл также повредил ногу”, объяснить. “Разве ты не видел, как она хромала?“Как ты себя больно?- спросил Чоудрон. Я все еще был сварливым. “Я был спокойно сидеть в библиотеке, работать над каталогом”, - начал он; и я по тому, как вышли фразы, я догадался, что она наконец-то может использовать материал, который вы подготовили. “Внезапно ровно в половине одиннадцатого (я я помню, как консультировался с часами), у меня была ужасная боль в ноге. Точно кто-то воткнул в него очень острый нож. Это было так сильно, что почти упасть в обморок.“Она сделала паузу, ожидая комментария. Но Чодрон не я хотел это сделать. Так что я поставил ” Боже мой, как

необычно!“с на что ей пришлось довольствоваться. “Когда я встал, я едва мог стоять, настолько, что нога болела”, - продолжил он. “И с тех пор я хромаю. И самое главное удивительно, что на моей ноге есть красная отметина, как шрам.” Еще одна пауза, полная ожиданий. Но до сих пор нет слов от Чодрона. Он он стоял там с плотно закрытым ртом и морщинами, разделяющими его щеки из этой огромной обезьяноподобной верхней губы они выглядели высеченными в камне. фея посмотрел на него и увидел, что он пошел нежелательным путем. Было бы слишком поздно чтобы исправить ошибку? Запустил новый план кампании немедленный. “Но ты, бедняга!”,- начал он в тоне, который используется с больная собака. “Как эгоистично говорить о своих болях, с тобой лежу там с перевязанной ногой!“Собака сразу же начала вилять хвост. Блаженный взгляд вернулся к его лицу. Он взял ее за руку. Я не собирался чтобы выдержать это. “Думаю, мне лучше уйти”, - сказал я; и пошел.

- А как же нога? — спросить. - Колющая боль ровно в одиннадцать и носок?

- Хороший вопрос. Как прокомментировал сам Чодрон, когда я нашел его опять же “ “на небе и на Земле больше, Гораций, чем мечтает твоя философия”. - Тилни засмеялся. - Фея победила. После того, как он получил свою дозу любви материнское, христианское милосердие и кошачье сочувствие, Я думаю, я был готов услышать ее история. Колющая боль в половине одиннадцатого, красный шрам. Странный, таинственный, необъяснимый. Он обсуждал все это со мной, очень серьезно. Мы говорим о спиритизме и телепатии. Мы тщательно разделяем вещи чудесные и паранормальные. “Как вы знаете” - сказал он мне, - всю свою жизнь я был хороший пресвитерианин, и как таковой был склонен рассматривать как простые

изобретения все истории католических святых. Я никогда не верил в историю стигматы Сан-Франциско, например. Но теперь я верю!” Пауза торжественно и потрясающе. “Теперь я знаю, что это правда.“Я просто опустил голову на молчание. Но когда я вернулся, чтобы встретиться с водителем М’Крэй, я сделал ему несколько спросить. Да, он нашел Мисс. Шпинделл в тот день, когда он взял Bugatti в Лондон и вернулся с Rolls. Я пошел в офис секретари, чтобы узнать, есть ли какие-нибудь письма, которые нужно отнести мистеру Чоудрону, и Мисс Чоудрон. Шпинделл врезался в него, когда он уходил. Спросил его, что он делает в

Лондон и он не мог придумать, на что ответить, несмотря на приказы от мистера Чодрона, если не считать правды. С тех пор это было в его совесть; я надеялся, что не причинил никакого вреда. “Наоборот”, - заверил я, и кроме того, я, конечно, не собирался говорить мистеру Чоудрону. И я никогда не говорил. Считать… Но боже мой! - он прервался. - Что это? - Это Был Хоутри, который пришел, чтобы накрыть стол на обед. Она проигнорировала нас намеренно. Это было не только так, как будто нас не было, но и как если бы мы не имели права на существование. Тилни взял свои часы. - Раз двадцать. Бог небесный! Вы имеете в виду, что я провел все утро, разговаривая с кофе?

- Похоже, да, - ответил я.

Он застонал.

- Вы видите, что значит иметь дар болтливости. Драгоценное утро полностью впустую.

- Для меня нет, - заявил Я.

Он пожал плечами.

- Может и нет. Для вас история была новой и любопытной. Но для меня это известный, прошлый.

- Но для Шекспира это была также история Отелло еще до того, как начать писать.

- Да, но он писал, не говорил. Было что показать в обмен на время, которое он потратил. Твой Отелло не исчез в воздухе, как мой бедный Чоудрон.

Вздохнул и замолчал. С каменным и мрачным лицом Хоутри двигался накрахмаленный и слегка шумный вокруг стола; был звон стали и серебро, когда она убрала места. Я ждал, пока она выйдет из комнаты, прежде чем снова говорить. Когда чьи-то сотрудники более авторитетны, чем этот кому-то (а в наши дни они вообще есть) всякой заботы мало.

- И чем это закончилось? — спросить.

- Как это закончилось? - повторил он, голос внезапно пустой и невыразительный; я устал от истории, я хотел думать о чем-то другом. - Все кончено, поэтому это касалось меня, когда я

закончил автобиографию и устал от этой темы. Я постепенно исчез из существования Chawdron. Как кот Алисы в Страна Чудес.

- А Фея?

- Постепенно исчез из жизни через год после случая стигматов. Он слишком часто отступал к своему мистическому смертному одру. Его притворства в конце концов, они стали реальностью; всегда был такой риск. В конце концов она умерла. Апорта открылась; Хоутри вошел, неся блюдо.

- И Чодрон, я полагаю, был безутешен? - Безутешность-это, к счастью, респектабельный предмет.

Тилни кивнул.

- Обратился, конечно, к спиритизму. Немезида еще раз.

Хоутри поднял крышку с тарелки; запах жареных камбал улетучился в воздух.

- Обед подан, - объявила она, как мне показалось плохо замаскированная цензура и неодобрение.

- Обед подан,-повторил Тилни, приближаясь к своему месту. Сел и развернул салфетку.

- Один прием пищи за другим, пунктуальность, день за днем, день за днем. Какая жизнь! Было бы вполне терпимо, если бы что-то делали между приемами пищи. Но в моем случае ничего не делается. Еда после еды, и между приемами пищи один вакуум, своего рода… - Хоутри, который провел последние секунды предложив ему соус тартар, он очень осторожно толкнул его локтем. Тилни повернул голову. - О, спасибо, - сказал он, обслуживая себя.

Acura для отдыха

Это была крошечная женщина с темными волосами и серо-голубыми глазами, очень большие и широкие на маленьком бледном лице. Лицо маленькая девочка с маленькими и нежными

чертами лица, но изношенная — преждевременно т. к. Миссис Тарвин было всего двадцать восемь лет, и ее глаза были большими и открытыми. они были беспокойными и тревожно блестящими. “У Мойры есть нервы”, - объяснил муж, когда люди спрашивали, почему ее нет с ним. Нерв которые не могли справиться с напряжением Лондона или Нью-Йорка, должны были жить. тихо во Флоренции. Своего рода исцеление в покое. “Бедный милая!”,- добавил он голосом, который внезапно стал выровненным чувствами; и осветлил его умное лицо, обычно невыразительное, с одна из тех ее сияющих улыбок - такая меланхоличная, нежная и очаровательная. Почти слишком очаровательный, он чувствовал себя не без хлопот. Он включил очарование и меланхолия как электричество. Нажмите! Лицо ненадолго загорелось. Е затем нажмите! Свет снова исчезал, и он стал еще одним исследователем. умный и невыразительный. Его предметом был рак.

Бедная Мойра! Эти ваши нервы! Она была полна капризов и навязчивых идей. В например, когда он арендовал виллу на склоне холма Белло Сгуардо, он хотел, чтобы он разрешили срезать кипарисы в конце сада. “Похоже на кладбище”, я повторил это старому синьору Барджони. Старый Барджони был дружелюбным, но твердым. Не он намеревался принести в жертву свои кипарисы. Они дали последний штрих совершенства в самом прекрасном виде во всей Флоренции; из окна лучшей комнаты был виден купол и башня Джотто обрамлена между его темными колоннами. Со всей своей неиссякаемая болтливость, он пытался убедить ее, что кипарисы не были на самом деле совсем не похоронные. Напротив, для этрусков (он изобрел этот маленький археологический факт в вдохновении момента) Кипарис был символ радости; праздники весеннего равноденствия заканчивались танцами вокруг священного дерева. Беклин, правда, посадил кипарисы в ваш Остров мертвых. Но оказывается, что Беклин все-таки… И если она действительно находя кипарисы удручающими, я мог сажать настурции, чтобы лазить по ним. Или розы. Розы для греков…

- Ладно, ладно — - поспешила сказать Мойра Тарвин. — Пойти оставить кипарисы.

Этот голос, этот бесконечный поток культуры и иностранного английского. О старый Барджони был действительно ужасен. Она бы закричала, если бы ей пришлось слушать еще один момент. Он сдался из-за самообороны.

- И Ла Тарвинне, - спросила синьора Барджони, когда вернулся ее муж восвояси.

Он пожал плечами.

- Una donnina piuttosto sciocca-это был ваш вердикт.

Какая-то глупость. Старик Барджони был не единственным человеком, который так думал. Но он был одним из немногих, кто считал эту глупость недостатком. Большинство мужчины, которые знали ее, были очарованы ее глупостью; они любили ее, пока улыбаться. В сочетании с крошечным ростом, этими глазами и нежным лицом и по-детски, ее глупость вдохновляла авункулярные преданности и защитную любовь. Она у него была способность заставлять мужчин чувствовать, напротив, приятно большие, превосходные и умные. И по счастливой случайности, или, может быть, по вине к счастью, Мойра провела свою жизнь между действительно умными людьми и высшие призвания. Старый сэр Уотни Крокер, его дед, с которым он жил с пяти лет (его отец и мать умерли молодыми) он был одним из самые выдающиеся врачи своего времени. Его монография о язвах двенадцатиперстная кишка по сей день остается классической работой на эту тему. Между одним и другим язва двенадцатиперстной кишки, сэр Уотни находил время поклоняться, довольствоваться и портить его маленькая внучка, наряду с ловлей рыбы нахлыстом и метафизикой, была его времяпрепровождение. Время шло; Мойра выросла из уважения к хронологии; сэр Уотни, однако, продолжал относиться к ней как к избалованному ребенку, продолжил восхищение его птичьими пипилями, его умом и дерзостью из enfant terrible. Я подбадривал ее, почти принуждал сохранить ее детище. Сохранение ее ребенка, несмотря на ее возраст, развлекало его. я мог любить ее так. Все эти язвы двенадцатиперстной кишки — может быть, у них есть сделали что-то с ее чувствительностью, немного извращали ее, сохранилась несколько толхида и не взрослая, как сама Мойра. Давать в глубине своего неспециализированного и непрофессионального существа сэр Уотни был им даже ребенок. Слишком большая забота о двенадцатиперстной кишке помешала этому забытая часть полностью выросла. Подобные привлекают; старый малышка Уотни любила ребенка в Мойре и хотела сохранить молодость постоянно ребенок. Большинство друзей разделяли вкусы сэра Уотни. Врачи, судьи, учителя, государственные служащие - все члены из круга сэра Уотни были

выдающимися профессионалами, экспертами ветеран. Быть приглашенным на один из его обедов было привилегией. В этих августовские случаи, с семнадцати лет Мойра всегда присутствовала, единственная женщина за столом. Не совсем женщина, объяснил Мистер Уотни; а ребенок. Все опытные ветераны были его снисходительными дядями. Чем больше это было по-детски, тем больше она им нравилась. Мойра дала им прозвище. Учитель Стэгг, например, неогегельянец, был дядей Бонзо; судья Гидли был козлом Гидди. И так далее. Когда они шутили, она отвечала дерзость. Как они смеялись! Когда они начали обсуждать Абсолют или

промышленное будущее Англии, она вставила какой-нибудь комментарий восхитительно неактуально, что заставляло их смеяться еще больше. Замечательно! И в день далее история будет рассказана коллегам в судах или в больнице, друзья в Атенеуме. В научных и профессиональных кругах Мойра наслаждалась настоящая знаменитость. В конце концов она перестала быть не просто женщиной; он почти перестал быть ребенком. Это было немного больше, чем их талисман.

В половине девятого она выходила из столовой, и разговор возвращался к язвам, к реальности и зарождающейся революции.

- Хочется иметь ее в качестве домашнего питомца, - сказал Джон Тарвин, когда дверь закрылась за ней в тот первый раз, когда обедал в доме сэра Уотни.

Профессор Бродуотер согласился. Была небольшая тишина. Это Был Тарвин кто его сломал.

- Каково Ваше мнение — - спросил он, наклоняясь вперед с этим выражение невыразительного интеллекта на его тревожном лице и острых чертах лица - относительно достоверности экспериментов с искусственными опухолями привитые, в отличие от естественных опухолей?

Тарвину было всего тридцать три года, и он выглядел еще более молодым среди ветераны сэра Уотни. Сэр Уотни объяснил, что уже проделал хорошую работу его гости собрались до прибытия мальчика, и можно было ожидать, что он сделай намного больше. Интересный парень тоже. Был во всем часть: тропическая Африка, Индия, Северная и Южная Америка. В хорошей ситуации. Не он

был привязан к академической работе, чтобы зарабатывать на жизнь. Работал в Лондон, Германия, в Институте Рокфеллера в Нью-Йорке, Япония. Завидные возможности. Многое можно сказать в пользу конкретного дохода. “Ах, вот ты где, Тарвин. Спокойной ночи. Нет, ты не опаздываешь. Это juizGidley, профессор Бродуотер, профессор Стэгг и-ора! Я не видел тебя, Мойра; ты ультрамикроскопичен-моя внучка.“Тарвин улыбнулся ей. Она была действительно очаровательный.

Ну, теперь они были женаты пять лет, думала Мойра, пока он запылил лицо перед зеркалом. Тонино придет за чаем; она только что переодеться. Через окно за зеркалом смотрело, среди кипарисы, город Флоренция — нагромождение коричневых крыш, и выше из них в центре мраморная башня и огромный легкий купол. Пять лет. Это был фотография Джона в кожаной рамке, которая заставила ее задуматься о свадьбе их. Почему я держал ее там на туалетном столике? Сила привычки, предположил он. Не то чтобы фотография напомнила ему о днях, когда он был особенно счастлив. Наоборот. Было что-то, как она теперь чувствовала, слегка нечестно держать ее там. Притворяться любить его, когда не любил… Снова взглянул на фото. Профиль был хорошо определенный и живой. Молодой и способный исследователь внимательно сгорбился над опухоль. Она действительно любила его как исследователя больше, чем когда он

у него была душа, или он играл поэта, или влюбленного. Это казалось ужасной вещью но исследователь был более качественным, чем человек.

Она всегда это знала — вернее, не знала, чувствовала. Человек это всегда заставляло ее чувствовать себя неловко. Чем больше человек, тем больше неуютный. Естественно, ей никогда не следовало выходить за него замуж. Но он он просил с такой решимостью; и у него было так много жизненных сил; все говорили так хорошо его; ей даже нравилась его внешность; он, казалось, вел такую радостную жизнь, путешествуя по миру; и она устала быть талисманом ветеранов дед. Было много маленьких причин, подобных этим. Складывается, она я предполагал, что они будут равносильны большой и важной причине. Но нет были; она совершила ошибку.

Да, чем человечнее, тем неудобнее. Тревожный режим как он

включил красивое освещение своей улыбки! Я звонил ей внезапно, просто чтобы отключить его без предупреждения, когда что-то действительно серьезное, например, рак или философию нужно было обсудить. И голос, когда он говорил о Природа, или любовь, или Бог, или что — то в этом роде-выстлано чувством! Излишне тронутый и дрожащий способ, как он сказал “ ” Увидимся!”. “Как Ландсир”, - сказала она ему однажды, прежде чем они поженились, смеясь и делая нелепую имитацию ее “Увидимся позже, Мойра” преувеличенно растроганный. Издевательства причинили ему боль. Джон так гордился своей душой и его чувства и его интеллект; и его понимание природы и его поэтические стремления, как и его знания о опухолях. Гете был его любимый литературно-исторический персонаж. Поэт и ученый, глубокий мыслитель и пылкая любовь, художник в мыслях и в жизни — Джон видел себя таким. Заставил ее прочитать Фауст и Вильгельм Мейстер. Мойра сделала все возможное, чтобы симулировать энтузиазм, который не чувствовать. В глубине души он считал Гете мошенником.

“Мне не следовало выходить за него замуж”, - сказала она своему зеркальному отражению и покачал головой.

Джон иногда был любителем домашних животных, а также преданный педагог. Были времена, когда ребячество Мойры радовало его насколько это радовало сэра Уотни и его ветеранов, в котором он смеялся над любым наивность или дерзость, которые она произнесла, и не только смеялась, но и звала общественное внимание к ней, приводило ее к новым ребячествам и повторению рассказов от его подвигов до любого, кто был готов их услышать. Было меньше с энтузиазмом, однако, когда Мойра была ребенком за его счет, когда ее глупость каким-то образом ставила под угрозу ее достоинство или интересы. В этих раз он выходил из себя, называл ее глупой, говорил ей, что она должна устыдиться. После чего, контролируя себя, он стал серьезным, отеческим, педагогический. Это заставляло Мойру чувствовать, бедная, что она не достойна его. И наконец она включала улыбку и решала все ласками, которые оставляли ее как камень.

“И думать, что я потратил так много времени и энергии, пытаясь не отставать от него”, - размышлял он

она, охраняя губку от рисовой пыли.

Все те научные статьи, которые она прочитала, эти наброски медицина и физиология, эти учебники не знаю что (она даже не могла запоминание названия науки), не говоря уже о тех очень скучных вещах Гете! И нужно выходить на улицу, когда у меня болит голова или я устала! Знать люди, которые скучали по ней, но на самом деле, по словам Джона, были такими интересно и важно! Все путешествия, экскурсии ужасно утомительные, визиты к известным иностранцам и их женам обычно меньше знаменитые! Ей было трудно идти в ногу с ним, даже физически-ее ноги были такими короткими, и Джон всегда так торопился. Психически, несмотря на все ее усилия, она всегда отставала на сто километров.

- Ужасно! - громко сказал.

Весь его брак был ужасным. С того ужасного медового месяца в Капри, когда он заставил ее идти слишком далеко, слишком быстро, в гору, просто чтобы прочитать ей отрывки из Вордсворта, когда они прибыли в Aussichspunkt; когда он говорил с ней о любви и занимался любовью, слишком много часто, и сказал ему латинские названия растений и бабочек-с этот ужасный медовый месяц до того времени, когда четыре месяца назад ваши нервы они сдались, и доктор сказал, что она должна принимать вещи спокойно, далеко от Джона. Ужасно! Эта жизнь чуть не убила ее. И это не было (наконец-то она это была просто гальваническая деятельность, такая как хрустящая нога мертвой лягушки при прикосновении к нерву проволокой электрифицированный. Это была не жизнь, а просто оцинкованная смерть.

Он вспомнил последнюю из своих ссор, прямо перед тем, как Доктор а отправляйся в путешествие. Джон сидел у ее ног, положив голову на колени. И его голова начинала лысеть! Она едва могла смотреть на эти длинные пряди прилипли к коже головы. И, потому что он я устал от всей этой работы с микроскопом, устал и в то же время время (не занимался с ней любовью, слава Богу, было больше пятнадцати дней) любящий, как она могла заметить по его взгляду, он был очень сентиментальный и говорящий самым сладким голосом О Любви, Красоте и нужно быть похожим на Гете. Говорить, пока ей не захочется кричать. В конце концов он больше не мог этого терпеть.

- Ради бога, Джон, - воскликнул он пронзительным голосом на краю расслабься, заткнись!

- В чем дело? — Он вопросительно поднял на нее глаза, огорченный.

- Так говорить! - Она была возмущена. - Но ты никогда не любил никто, кроме вас самих. Он даже не чувствовал красоты чего-либо. Точно так же, как тот старый фарс Гете. Вы знаете, что вы должны чувствовать когда рядом есть женщина или пейзаж; вы знаете, что такое

лучшие люди чувствуют. И вы свободно намереваетесь чувствовать то же самое вещь, в твоей голове.

Джон был ранен в глубине своего тщеславия.

- Как ты можешь так говорить?

- Потому что это правда, это правда. Вы живете из своей головы. И голова лысый, в довершение всего, - добавил он и начал бесконтрольно смеяться.

Какая сцена! Она продолжала смеяться, когда он изливал на нее свою ярость; я не мог остановиться.

- Ты в истерике, - сказал он наконец, а потом успокоился. Нищий ребенок был болен. С усилием он связал выражение отцовской нежности и вышел за ароматной солью.

Последнее прикосновение к губам, и все готово! Я была готова. Спустился в комнату от бытия до обнаружения, что Тонино уже прибыл — он всегда опережал себя - и ждал. Встал, когда она вошла, наклонился над его рукой. протянул и поцеловал ее. Мойра всегда была в восторге от его южных манер, витиеватые и несколько чрезмерные. Джон всегда был слишком занят, будучи великий исследователь или поэт с бархатным голосом, чтобы иметь хорошие манеры. Не я думал, что вежливость особенно важна. То же самое с туалет. Это было хронически плохо одето. Тонино, с другой стороны, был моделью изящная элегантность. Этот светло-серый костюм, этот сиреневый галстук, эти туфли двухцветные лак и белый мех — чудесно!

Одним из удовольствий или опасностей путешествия за границу является то, что вы теряете классовое сознание. Дома ее нельзя забыть, даже с самой большой доброй воли мира. Привычка делает соотечественников так сразу понятны как их собственный

язык. Достаточно одного слова, одного жеста — и вот человек с надписью. Но за границей люди нечитаемы. Продукт менее очевидные из образования — более тонкие утонченности, более легкие оттенки пошлость-ускользают от внимания. Акцент, интонация голоса, словарный запас ничего не раскрывают. Между герцогом и страховым брокером, мошенником и сельским дворянином, неопытный глаз и ухо не замечают никакой разницы. Для Мойры, Тонино казался характерным цветком итальянской знати. Конечно, я знал, что он не был обеспечен жизнью; но многие из лучших людей бедны. Она видела в нем эквивалент одного из этих сыновей обедневших английских дворян-типа мальчик, который размещает объявление с просьбой о работе в колонке агонии Раз. “Высшее образование, спортивные вкусы; хорошо принимает любую позицию плати надежно.“Она была бы обижена, возмущена и удивлена, если бы услышала старый Bargioni описать его, после их первой встречи, как ” / / тип dei parmcchiere napolitano ” - типичный неаполитанский парикмахер. Миссис Барджони потрясла голова думает о надвигающемся скандале и тайно думает, что это здорово.

На самом деле Тонино не был парикмахером. Он был сыном капиталиста - маленький капиталист, без сомнения; но, тем не менее, настоящий капиталист. О

старый Вазари владел рестораном в посоли и стремился открыть отель. Они отправили Тонино изучать туристическую индустрию с другом семьи который был менеджером одного из лучших заведений Флоренции. Когда если бы он узнал все секреты, он должен был вернуться в Посемоли и отправиться в обновленная пенсия, которую отец скромно предложил переименовать в большую Отель Ritz-Carlton. Тем временем он был праздным жителем Флоренции. Он встречался с миссис Тарвин романтично, в дороге. Направить, как это было по ее обычаю, одна Мойра прошла через гвоздь. Спущенное колесо. Нет ничего проще, чем заменить шину — то есть ничего, если человек имеет достаточно мышечной силы, чтобы открутить винты, которые держат спущенная шина к оси. Мойры не было. Когда Тонино нашел ее, десять минут после несчастья она сидела на подножке машины, Красная, растрепанный усилием и в слезах.

“УНА синьора форестьера. В тот вечер в кафе Тонино рассказал о своем приключении с некоторым иллюзорным удовлетворением. В мелкой буржуазии, где он вырос, иностранная леди была почти

сказочным существом, существом удачи, легендарная эксцентричность и независимость. “Инглезе”, - уточнил он. “Джоване” и “Белла, Беллиссима”. Его слушатели были недоверчивы; Красота, по причине любой, не распространен среди найденных образцов английской женственности за границей. “Рикка” добавил он. Это казалось менее внутренне маловероятно; все иностранные дамы были богаты, почти по определению. В живой и уважительный способ Тонино описал машину, на которой она водила, роскошную вилла, где он жил.

Знание быстро превратилось в дружбу. Это была четвертый или пятый раз за две недели он приходил в дом.

- Какие-то скромные цветы, - сказал мальчик нежным извинением и и двинулась вперед левая рука, которая была спрятана за собой. Она он держал букет белых роз.

- Как мило! - воскликнула она по-итальянски. - Как красиво! — Джон никогда не брал ни одного человека с цветами; он считал это глупостью вещь. Она улыбнулась Тонино над кнопками. - Тысячу раз спасибо.

Сделав жест скромности, он вернул улыбку. Ваши зубы они блестели, перламутровые и обычные. Большие глаза были яркими, темными, жидкости и несколько невыразительные, как у Газели. Это было невероятно красивый.

- Белые розы для Белой розы, - заговорил он.

Мойра засмеялась. Похвала была нелепой; но все же это ему понравилось.

Комплимент был не единственным, что Тонино умел делать. Он умел быть полезным. Когда через несколько дней Мойра решила покрасить вестибюль и гостиную ужин, несколько темный, он был необходим. Он был тем, кто торговался с декоратор, кто снимал сцены, когда была какая-то задержка, кто играл

несколько особые идеи Мойры о цветах для рабочих, кто контролировал его деятельность.

- Если бы не ты, меня бы ограбили, а они бы ничего не сделали правильно — - с благодарностью сказала Мойра, когда работа закончилась.

Она размышляла, что было большим утешением иметь рядом мужчину, которого не было всегда что-то более важное, чтобы сделать и подумать; человек, который мог пройти ваше время полезно и помогает. Большое утешение! И какое изменение! Когда она была с Джоном, она была той, кто должен был делать все практические и изнурительные вещи. У Джона всегда была своя работа, и его работа имела приоритет над всем, в том числе и ее удобство. Тонино был просто обычным человеком, ни с чем сверхчеловеческий в себе или в своих функциях. Это было огромное облегчение.

Постепенно Мойра стала полагаться на него во всем. Он сделал себя универсально полезно. Предохранители перегорели; их заменил Тонино. Эй маримбондо гнездились в дымоходе; героический, Тонино отпугивал их сера. Но его специальностью была домашняя экономика. Создано в ресторан, он знал все о еде, напитках и ценах. Когда мясо не я согласился, он подошел к мяснику и бросил твердый стейк в лицо мясник, почти буквально. Это снизило вымогательские цены овощевода. С человек с рыбного рынка он сделал дружескую комбинацию, с помощью которой Мойра получала лучшие камбалы и кефали. Покупал ей вино и масло. — оптом, в огромных стеклянных бутылках; и Мойра, которая после смерти сэра Уотни мог позволить себе не пить более дешевую вещь, чем пол Роджер 1911 и приготовление пищи с импортным маслом яка, ликовал с ним в долгие бытовые разговоры об экономии копейки за литр или один или два шиллинга за килограмм. Для Тонино цена и качество продуктов питания и выпивка была предметом первостепенной важности. Получить бутылку кьянти для пяти лир и девяноста вместо шести лир это была, в его глазах, настоящая победа, и победа превратилась бы в триумф, если бы можно было доказать, что Кьянти было не менее трех лет, а содержание алкоголя - более четырнадцати процент. По натуре Мойра не была ни прожорливой, ни скупой. Ваше образование он подтвердил в ней свои естественные наклонности. У него была незаинтересованность тех, кто они никогда не знали недостатка денег; и их безразличие воздерживалось от удовольствий из-за стола домохозяйка никогда не беспокоилась о своем аппетите и пищеварение других людей. Никогда; ибо у сэра Уолтни была домработница, и с Джоном Тарвином, который все равно едва понимал, что он ел и думал что женщины должны тратить свое время на что-то более важное и интеллектуальное чем управлять кухней, она прожила большую часть своей семейной жизни в отели и апартаменты с кухней или в арендованных номерах в

хроническое состояние пикника. Тонино открыл ему мир рынков и кухня. Все еще привыкла думать с Джоном, что обычная домашняя жизнь этого было недостаточно хороший ум, сначала она смеялась над его сильными заботами

с мясом и с половиной копейки. Но через некоторое время она начала заразиться его почти религиозным энтузиазмом по поводу домашнего ухода; начал выяснять, что мясо и полцента все-таки интересны, реальные и важные — и гораздо более реальные и важные, например, чем чтение Гете, когда его считали занудой и обманщиком. Ласково заботясь о самых компетентных юристах и брокерах, состояние покойного сэра Уотни сдавал пять процентов без налогов. Но в компании Тонино, Мойра могла забыть о своем банковском балансе. Вниз по финансовому Синаю, к которому поднявшись так высоко над обычным миром, она обнаружила вместе с ним проблемы бедности. Они были интересно интересны и интересны.

- Цены, которые они просят за рыбу во Флоренции! - сказал Тонино, после молчания, когда я уже исчерпал тему белых роз. — Когда я думаю о том, как мало мы платим за осьминога в Неаполе! Это скандал!

- Скандал! - повторила Мойра с таким искренним возмущением что касается его. Они беседовали бесконечно.

На следующий день небо стало уже не голубым, а непрозрачно белым. Не было солнце, только рассеянное свечение, которое не отбрасывало теней. Пейзаж был совершенно безжизненный под взглядом мертвой рыбы с неба. Было слишком жарко, ветра не было, воздух едва дышал, как будто он был шерстяным. Мойра проснулась с головной болью, и ее нервы, казалось, имели надоедливую и неопределенную жизнь сама, отдельно от нее. Они были похожи на порхающих птиц в клетках,, подпрыгивая и хрипя при каждой тревоге; и его усталое, ноющее тело было его вольером. Против собственной воли и намерений она потеряла терпение по отношению к горничной и говорил жестокие вещи. Он должен был дать ему пару носков, чтобы компенсировать это. После чтобы одеться, он хотел написать несколько писем; но ручка испачкала его пальцы, и она так разозлилась, что выбросила в окно звериный предмет, который разбился о куски на брусчатке. Мне не о чем было писать; это раздражало. Смыл краску с рук и взял пяльцы. Но его пальцы были неуклюжий. А

потом она укололась иглой. Ах, так много боли! Слеза они подошли к ее глазам; она начала плакать. И, начав, не мог остановить. Ассунта вошел через пять минут и обнаружил, что она рыдает.

- Но это было, синьорал, - спросил он, еще более ласково заботясь о причина подарка носков. Мойра покачала головой.

- Уходи, - сказал он с перерывами. Девушка настояла. — Убирайся - повторила Мойра. Как я мог объяснить, в чем проблема, когда только произошло то, что она проколола палец? Не было никаких проблем. И все же все было проблемой, все.

Это все, что было проблемой, в конечном итоге сократилось до времени. То же самое в вершина здоровья, Мойра всегда мучительно осознавала приближение шторм. Его больные нервы были более чувствительными, чем обычно.

Слезы, гнев и отчаяние этого ужасного дня имели причину чисто метеорологическая. Но они не переставали быть жестокими и болезненный. Часы прошли меланхолично. Нагруженный огромными облаками, черные, сумерки пришли в мрачной, выжидательной тишине, и наступила ночь. преждевременно. Отражение далеких молний, в далеких вспышках, за горизонтом он освещал небо на востоке. Вершины и Сьерры Апеннин черные выделялись на фоне светлых пространств серебряный пар, и они снова исчезли в тишине; все еще внимательное спокойствие она не сломалась. С каким-то непреодолимым трепетом-потому что у него было страх штормов-Мойра сидела у окна, наблюдая за черными холмами они прыгают против серебра и умирают, прыгают и умирают. Вспышка они стали сильнее; и тогда она впервые услышала гром, далекий и легкий как шепот моря в раковине. Мойра вздрогнула. Часы в вестибюле он ударил девять часов, и, как будто звук был заранее согласованным сигналом, порыв ветра внезапно потряс магнолию, стоявшую на пересечении дорожки в саду. Длинные жесткие листья касались друг друга. Была еще одна молния. В мимолетной белой вспышке она увидела два кипариса. похороны извиваются и качаются, как будто в отчаянном спазме боль. И вдруг шторм разразился катастрофически, казалось, прямо над ней. К дикому насилию этого ледяного дождя Мойра он быстро отошел и закрыл окно. След белого огня зигзагообразно ужасно прямо за кипарисами. Последовавший за этим Гром был похож на твердая скала,

которая треснула и упала. Мойра выбежала из окна и бросилась в кровать. Прикрыл лицо руками. Сквозь непрерывный рев дождя, гром взрывался и отражался, снова взрывался и запускал звуковую шрапнель во всех направлениях через ночь. Весь дом вздрогнул. В рамах из окон трясущиеся стекла трясутся, как оконные стекла автобуса. старый катится по гравию.

- О, Боже мой, О, Боже мой — - бесконечно повторяла Мойра. В огромном смятение, его голос был слабым и, так сказать, голым, совершенно унизительным.

“Но глупо бояться.“Она вспомнила голос Джона, его манеры радостно ободряющие, превосходящие. “Шансы получить удар - это тысячи против одного. И в любом случае спрятать голову не получится предотвратить луч от…”

Как она ненавидела его за то, что он такой разумный и правильный!

- О, Боже! - Еще один гром. - Боже, Боже…

А потом вдруг случилось ужасное: погас свет. Через с закрытых век она больше не видела прозрачного кроваво-красного, но полная темнота. Открыв лицо, она открыла глаза и с тревогой оглянулась - снова в темноте. Нащупал в поисках выключателя у кровати., нашел его, несколько раз сжал; тьма продолжала оставаться непроницаемой.

- Ассунта! — называть.

И вдруг квадрат окна стал открытой картиной сада, видно на фоне фиолетового неба и дождя, падающего с насилием.

- Ассунта! - Его голос был заглушен громом, который, казалось, взорвался прямо на крыше. - Ассунта! Ассунта! - В панике она пересекла, споткнувшись о темная комната, как могила, до двери. Еще одна вспышка показала ручку. Она открылась. - Ассунта!

Его голос звучал полым над темной пропастью лестницы. Гром сделал взорваться над ней. С сильным шумом и звоном разбитого стекла один из окна в спальне открылись с насилием. Порыв холодного ветра поднял его волос. Полет бумаг поднялся с его стола и развернулся в вихрь потрескивающих крыльев в темноте. Одна из них коснулась его лица как живое существо. Она громко

кричала. Апорта ударила ее сзади. Бежал вниз к лестница, испуганная, как будто у нее на пятках враг. В вестибюле он обнаружил, что Ассунта и повар приближаются и зажигают спички.

- Ассунта, свет! - Он сжал руку молодой женщины.

Только гром ответил. Когда шум утих, Ассунта объяснил, что все предохранители перегорели, и в доме не было ни одной свечи. Ни одна свеча и еще одна коробка спичек.

— Но тогда мы останемся в неведении, - истерически сказала Мойра.

Через три окна вестибюля три отдельных изображения сада заболоченные оказались и исчезли. Старые венецианские зеркала в стены мелькали на мгновение, обретая жизнь, как мертвые глаза мимолетно открыты.

— В темноте, - повторила она, с почти безумной настойчивостью.

- Ой! - крикнул Ассунта и уронил спичку, которая начинала гореть ваши пальцы. Гром упал на них, исходящий из тьмы, которая становилась все более плотный и отчаянно нуждающийся в потере света.

Когда зазвонил телефон, Тонино сидел в управляющей комнате своего отель, играющий в карты с двумя детьми владельца и с другим другом.

- Кто-то хочет поговорить с вами, синьор Тонино — - сказал швейцар, вырисовывается у двери. — Господин. - Сильно моргнул.

Тонино принял серьезное выражение лица и вышел из комнаты. Когда он вернулся через несколько минут затем он держал шляпу в одной руке и застегивал дождевик другой.

- Прости, - заявил он. - Мне нужно уйти.

- Выйти? — недоверчиво воскликнули остальные. За окнами закрытая буря ревела, как водопад, и дико взрывалась. — Но куда? — спросить. - Почему? Вы сошли с ума?

Тонино пожал плечами, как будто выход во время урагана был не очень вещь, как будто я привык к этому. Синьора форестьера объяснила,

ненавидя их за их любопытство; Тарвину - она попросила его пойти к Белло Sguardo немедленно. Предохранитель… дома нет свечей… совершенно темный… очень взволнована… нерв…

- Но в такую ночь… Вы не электрик. - Два сына владелец выступал хором. Они были возмущены, что Тонино был позволяя исследовать.

Но третий мальчик откинулся на спинку стула и засмеялся.

- Иди, дорогой, иди, - сказал он, а потом, покачивая пальцем на Тонино с видом знающий, добавил он: - Ma fattipagare per il tuo lavoro. - “Сделай так, чтобы платите ему за его услуги.“Берто был известным завоевателем, экспертом опытный в любовной стратегии, признанный эксперт. - Наслаждайтесь шанс. - Остальные присоединились к его несколько неприятному смеху. Тонино тоже улыбнулся и кивнул.

Такси стреляло по пустынным мокрым улицам, поднимая воду, как ходячий фонтан. Тонино, сидя в темноте такси, размышлял над советом Берто. Она была красивой, конечно. Но как-то-зачем это было? — зло ему пришло в голову думать о ней как о возможной любовнице. Вежливо галантный с ней почти по принципу — и по привычке - но без по-настоящему стремиться к успеху; и когда она оказалась бесчувственной, ему было все равно. Но, может быть, я должен был заботиться, может быть, я должен был настаивать больше. В мире Берто был спортивным долгом сделать все возможное, чтобы соблазнить всех женщины, которые могли бы. Самым замечательным человеком был человек с величайшим количество женщин на их счету. Действительно восхитительно, продолжил Тонино с самим собой, пытаясь вырастить в себе энтузиазм по поводу спорта. Быть триумф, которым можно гордиться. Тем более, что она была иностранкой. И очень богатая. Он с удовлетворением подумал о большой машине, доме, прислуге, серебре. “Верно, - сказал он себе с самоуспокоенностью, - мивуолбене.“Он ей нравился; в этом не было никаких сомнений. Задумчиво он ласкал мягкое лицо; мышцы двигались под его пальцами. Улыбнись себе в темноте; наивно, улыбка наивной шлюхи.

- Мойра, - громко сказал он. Мойра. Strano, quel имя. Piuttosto ridicolo.

Это Мойра открыла ему дверь. Стояла у окна и смотрела, ожидание и ожидание.

- Тонино! - протянул к нему обе руки; я никогда не был так рад видеть кто-то.

Небо на мгновение стало пурпурно-белым позади него, стоя там на пороге. Закрылки его плаща тряслись на ветру; порыв мокрая дула, охлаждая ее лицо. Небо снова потемнело. Он ударил дверь за вами. Они были в полной темноте.

- Тонино, ты был великолепен, что пришел. Действительно…

Гром, прервавший ее, был как конец света. Мойра вздрогнула.

- О, Боже! - она застонала; а потом вдруг сжимала лицо у его жилета и плач, и Тонино обнимал и ласкал ее-его волосы. Следующая вспышка показала ему положение дивана. В темноте он провел ее по комнате, сел и начал целовать ее лицо мокрое от слез. Она стояла неподвижно в его объятиях, расслабленная, как испуганный ребенок, который наконец нашел утешение. Тонино обнимал ее, целовать ее легко бесчисленное количество раз. - Уамо, Мойра, - прошептала она. И это было правдой. Обнимая ее, прикасаясь к ней в темноте, он действительно любил ее. - Я люблю тебя. — Как глубоко! - Tivoglio un bene immenso, - продолжил он со страстью, с глубокой и теплой нежностью, рожденной почти внезапно из тьмы и мягкий и слепой контакт. Тяжелая и горячая жизнь, она была плотно прижата к нему. Его тело кланялось и было твердым под его руками, его лица были округлые и холодные, их веки изогнуты, дрожат и мокрые от слез, твой рот такой мягкий, такой мягкий под его губами. - Я люблю тебя, я люблю тебя. — Он он задыхался от любви, и это было похоже на пустоту в центре его существа, вакуум желательной нежности, который жаждал быть заполненным, который мог быть только заполненная ею, пустота, которая втягивала ее в него, в него, которая он пил, как пустой сосуд, жадно пьет воду. Неподвижно, с закрытыми глазами, неподвижно она была в его объятиях, позволяя себе пить за его нежность, быть привлеченная тревожной пустотой его сердца, счастливая быть пассивной, сдаться этой нежной, настойчивой страсти.

“Фатти пагаре, Фатти пагаре.“Воспоминание слов Берто они внезапно превратили его из влюбленного в любящего спортсмена

с репутация, которую нужно сохранить, и рекорды, которые нужно побить. “Фатти пагаре.“Рискнул более интимная ласка. Но Мойра съежилась, такая дрожащая и упрямая, что он сдался, смущенный.

- Эббене, вы меняли предохранители? - спросил Берто, когда через час позже он вернулся.

- Да, я поменял предохранители.

- И ему заплатили?

Тонино улыбнулся любящей спортивной улыбкой.

- Немного, как вход — - ответил он, и сразу почувствовал злость на себя за то, что он сказал эти слова, и других за то, что они смеялись над ними. Почему если не могли бы вы испортить то, что было так красиво? Предлог головной боли, поднялся в свою комнату. Шторм прошел, Луна теперь сияла в ясное небо. Он открыл окно и выглянул наружу. Река чернил и ртути, Арно бормотал поток. На улице внизу лужи сверкали, как живые глаза. О призрак Карузо пел на граммофоне, далеко за водой. стретти, стретти, нелтестасид’Амор…“Тонино был глубоко тронут.

На следующее утро небо было голубым, солнце мерцало в блестящих листьях Магнолия, воздух был скромно безветренным. Сидя за туалетным столиком, Мойра

он посмотрел на улицу и недоверчиво спросил себя, есть ли такие вещи, как штормы это было возможно. Но растения были расколоты и повалены ниц в своих ложах; дорожки были усеяны разбросанными листьями и лепестками. Несмотря на мягкий воздух и от солнца ужасы прошлой ночи были больше, чем кошмар. Мойра вздохнул и начал расчесывать волосы. В его кожаной раме профиль Джон Тарвин смотрел на нее лицом к лицу с ее блеском, сосредоточенным на опухолях мнимый. Глядя на него, Мойра продолжала механически чистить волос. Затем, внезапно прервав ритм своих движений, поднял-если он взял кожаную рамку и, пройдя через комнату, бросил ее на высокий шкаф, вне поля зрения. Готово! Вернулся на свое место и, полный своего рода от испуганного энтузиазма он продолжал расчесывать волосы.

После переодевания он поехал в город и провел час в Сеттепасси,

ювелир. Когда она вышла, ее с благоговением сопровождали в Лугано, как князь.

- Не кури эти, - сказал он Тонино в тот день, когда он растянул поднимите руку, чтобы достать сигарету из серебряной коробки, которая стояла над камином в гостиной. - У меня есть те египтяне, которые вам нравятся. Я устроил это специально для ты. - И, улыбаясь, протянул ему пакетик.

Тонино поблагодарил его обильно-слишком обильно, как и его обычай. Но когда он снял бумагу и увидел полированное золото большой портсигар, он мог смотреть на нее только с смущенным и любопытным изумлением.

- Ты не думаешь, что это мило?- спросила она.

- Чудесно! Но это так… - Он колебался. - Это для меня?

Мойра с удовольствием смеялась над его застенчивостью. Я никогда не видел его смущенным. прежде. Он всегда был космополитичным и уверенным в себе человеком, твердым и неприступным внутри его южной утонченной брони. Она восхищалась этой кирасой элегантный. Но мне было весело видеть его, хотя бы один раз, без нее, видеть его немного воля, румянец и заикание, как маленький мальчик. Это развлекало ее и он нравился ему еще больше, потому что он был маленьким мальчиком, кроме мальчика полированный и социально компетентный.

- Для меня? - обезьянка, смеясь. - Тебе нравится? - Ее тон изменился; она она стала серьезной. - Хотел бы я, чтобы у тебя было что вспомнить ночь вчера. - Тонино взял ее за руки и тихо поцеловал. У нее это было встреченный с такой естественной веселостью, такой непринужденной, как будто ничего не было и все же, что нежные ссылки на события Евы (подготовленные с такой тщательностью, когда он поднимался на холм) они остались невыполненными. Он боялся сказать не то и обидеть ее. Но теперь очарование было сломанный-и самой Мойрой. - Не следует забывать о собственных хороших действия, - продолжала она, бросая ему руки. - Каждый раз, когда вы берете один сигарета из этого портсигара, вы будете помнить, как это было хорошо и щедро с какая-то нелепая чушь?

У Тонино было время восстановить хорошие манеры.

- Я запомню самую прекрасную, самую красивую… - Все еще держусь ее руки, он смотрел на нее на мгновение молча, красноречиво. Мойра улыбнулся ему. - Мойра! — А она была у него на руках. Она закрыла глаза и она стала пассивной в сильном круге ее рук, мягкой и пассивной против ее тела твердый. - Я люблю тебя, Мойра. Дыхание его шепота было теплым против его лиц ее. - Я люблю тебя. - И вдруг его губы снова оказались на ее губах, целуя ее нетерпеливо, яростно. Между поцелуями, ее слова шептались они страстно доходили до ее ушей. - Я люблю тебя… пиччина… Тесоро… люби… КУОРе… - Заявлено по-итальянски, его любовь казалась определенной особенно сильная и глубокая форма. Вещи, описанные на другом языке они несут определенную странность. - Амами, Мойра, Амами. Mi ama un po? — Он настаивать. - Немного, Мойра, ты меня немного любишь?

Она открыла глаза и посмотрела на него. затем с быстрым движением взял-его лицо между руками, потянуло его вниз и поцеловал в губы.

- Да — - прошептала она. - Я люблю тебя. - А потом, мягко, она толкать. Тонино хотел поцеловать ее снова. - Нет, нет — - сказала она с своего рода безапелляционный призыв. - Не облажайся сейчас.

Прошли дни, теплые и золотые. Лето приближалось. Эй соловьи пели невидимо в прохладе ночи.

- Uusignuolo, - тихо пробормотала Мойра про себя, слушая угол. - Уусиньоло. — Даже соловьи стали немного лучше по-итальянски. Солнце зашло. Они сидели в маленьком летнем павильоне в конце сада, глядя сверху на затемненный пейзаж. Фермы и виллы с белыми стенами на склоне холма выделялись почти жутко ясные против луско-Фуско оливковых деревьев, как будто заряженные какого-то странного и нового значения. Мойра вздохнула. - Я так счастлив — - сказал он; Тонино держал ее за руку. - Смехотворно счастлив. - Да, в конце концов, она думала, было даже смешно быть таким счастливым без уважительной причины. Джон Тарвин он учил себя воображать, что можно быть счастливым только тогда, когда ты делаешь что-то “интересная” вещь (как он выразился) или общение с людьми, которые “стоили ручка”. Слава Богу, Тонино не был кем-то особенным! И пикники это было не совсем “интересно” в том смысле, в котором Джон дал это слово; ни говорить о достоинствах различных типов автомобилей; ни учить-не ходить по магазинам, не обсуждать проблему новых штор для комната; ни сидеть в летнем павильоне, ничего не говоря. Несмотря на это, или из-за этого она была счастлива, с небывалым счастьем. — Смехотворно счастлив, - повторил он.

Тонино поцеловал ее руку.

- Я тоже — - заявил он. И это было не просто мило. Его собственный путь он был искренне счастлив с ней. Люди завидовали ему,

сидя в великолепной желтой машине рядом с ней. Она была такой красивой и элегантной, такой иностранец тоже; он гордился тем, что его видели с ней. И портсигар, трость,

установленная из золота, с Агатовым кастоном, которую она подарила ему из день рождения… Кроме того, он действительно любил ее, действительно, в некотором смысле тенистый, любил ее. Не зря он обнимал и ласкал ее в темноте той Громовой ночи. Что-то из этой глубокой и страстной нежности, рожденной внезапно из ночи и от его теплого, слепого контакта он все еще оставался в нем-все еще это оставалось даже после того, как физические желания, которые она тогда вдохновляла, имели были косвенно удовлетворены. (И под экспертным руководством Берто они они действительно были удовлетворены, часто. Если бы не было сатирические комментарии Берто о все еще платонической природе его связи, он был бы полностью доволен.

- Эли спит, - сентиментально обобщил Берто, - piace Semper la виоленца. Они любят, когда их насилуют. Ты не умеешь заниматься любовью, бедный мой юноша. - И сообщал о своих достижениях в качестве примера для подражания. Для Берто, любовь была своего рода похотливой местью женщинам за преступление его чистота.

Движимый насмешками друга, Тонино предпринял еще одну попытку получить оплату за замену предохранителей в ночь шторма. Но его лицо было разбито с убеждением, и тон, в котором Мойра угрожала никогда больше видеть его снова, если он не вел себя, было так убедительно и сурово что он не возобновил свою атаку. Он был доволен тем, что выглядел грустным и жаловался на ее жестокость. Но, несмотря на ее случайное горе, он был счастлив с ней. Счастлив, как каминный кот. Автомобиль, дом, элегантная иностранная красота от нее чудесные дары, которые она ему дарила, заставляли его мурлыкать.

Прошли дни и недели. Мойре было бы приятно, если бы жизнь текла так навсегда, веселая и яркая река со случайными берегами спокойствия сентиментальность, но никогда не опасно глубокая или бурная, без водопады, водовороты или пороги. Она хотела, чтобы ее существование навсегда останется тем, что было в то время — своего рода игра с приятным и эмоционально возбуждающим компаньоном, играть в жизнь и любить. Если бы только этот счастливый перерыв мог длиться долго навсегда!

Это был Джон Тарвин, который постановил, что это не продлится долго. “УЧАСТВОВАТЬ РИМСКИЙ ЦИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС Я ПРОВЕДУ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ТАМ Я ПРИХОЖУ ПЯТАЯ ЛЮБОВЬ ДЖОН.“Это был текст телеграммы, которую нашла

Мойра жду ее по возвращении на виллу однажды ночью. Она прочитала его и внезапно почувствовала подавленный и опасающийся. Зачем ему приходить? Я собирался все испортить. Вечером сияющий умер на его глазах; счастье, которое переполняло его, когда вернулся с Тонино из той чудесной прогулки среди Апеннин. Потеть печаль ретроспективно омрачила сине-золотую красоту гор,

он потушил яркие цветы, затемнил смех и разговоры дня. “И что он хочет прийти?“С грустью и обидой она задавалась вопросом об этом. “И это что будет, что будет?“Было холодно, запыхалось и почти тошнит от опасений.

Лицо Джона, когда он увидел, что она стоит на вокзале, загорелось мгновенно с его нежностью и очарованием сотни свечей.

- Моя дорогая! - Голос был мягким и дрожащим. Наклонился к ней. Напрягаясь, Мойра терпела, когда ее целовали. Его ногти, она поняла с отвращением, они были грязными.

Перспектива трапезы наедине с Джоном пугала ее; у нее было гость Тонино на ужин. Кроме того, я хотел, чтобы Джон встретил его. Держать существование Тонино, скрытое от Джона, заключалось бы в том, чтобы признать, что неправильная вещь в ваших отношениях с ним. И не было. Она хотела, чтобы Джон О встречался так, естественно, случайно. Если бы мне понравился Тонино, когда знать его было другое дело. У Мойры были сомнения. Они были оправданы по событиям. Джон начал протестовать, когда услышал, что она пригласила кто-то. Апервый вечер их-как мог…? Голос дрожал. Она была обязана слышать излияния чувств. Но в конце концов, когда пришло время обедать, он он отключил жалкую Вену и снова стал исследователем. Блестяще любопытный, апатично умный, Джон допросил гостя о всех интересные и важные вещи, которые происходили в Италии. Что было реальная политическая ситуация? Как работала новая система образования? Что такое думали ли люди о реформе уголовного кодекса? По всем этим вопросам Тонино он был, конечно, гораздо менее информирован, чем его спрашивающий. Италия, которая он знал Италию от своих друзей и семьи, от магазинов, кафе, девушек и повседневная борьба за деньги. Вся историческая, безличная Италия, о которой Джон такой умный ум читал в научных статьях, он был ему

совершенно неизвестен. Потеть ответы на вопросы Джона были глупыми, как у ребенка. Мойра слушала, это меняет несчастье.

- Что вы видите в этом парне? - спросил муж, после чего Тонино ушел. - Он показался мне особенно неинтересным.

Мойра не ответила. Была тишина. Джон внезапно включил свою улыбку нежный, защитный и жадно женатый.

- Пора ложиться спать, дорогая, - сказала она. Мойра подняла на него глаза и увидел в его глазах то выражение, которое так хорошо знал и ненавидел. — Мой дорогая, - повторил он, и собака Ландсир представилась любящей. Обнял ее и он наклонился, чтобы поцеловать его в лицо. Мойра вздрогнула; но бессильный, пассивный, не зная, как убежать.

Когда Джон оставил ее, она не ложилась спать до поздней ночи, вспоминая ярость и сентиментальность его с ужасом, что с течением времени казалось, оно увеличилось. Сон наконец-то освободил ее.

Будучи археологом, старый синьор Барджони был определенно “интересный”.

— Но он заноза в заднице, - сказала Мойра, когда на следующий день ее муж он предложил им навестить его. - Этот голос! И он не перестает говорить! И это борода! И женщина!

Джон покраснел от гнева.

- Не будь ребенком, - выстрелил он, забыв, как ему понравилось ее ребенок, когда это не мешало ее развлечениям или ее бизнес. - В конце концов, вероятно, нет живого человека, который знает больше о Тоскана в темные века.

Тем не менее, несмотря на мрачную Тоскану, Джону пришлось посетить без она. Он провел очень поучительный час, рассказывая о римской архитектуре и лангобардские короли. Но как раз перед тем, как он как-то вышел из разговора он принял новый оборот; случайно, как будто случайно, имя Тонино было упомянутый. Именно синьора настояла на его упоминании. Невежество, протестовал муж, это счастье. Но синьора Барджони любила скандал и, будучи среднего возраста, уродливой, завистливой и злобной, она была полна добродетели возмущение против

молодой жены и полная лицемерной солидарности со своим мужем возможно, оскорблено. “Бедный Тарвин, - настаивала она, - его нужно предупредить.” Быть таким образом, тактично, не говоря ничего конкретного, старик сделал свои инсинуация.

Возвращаясь к Be 11o Sguardo, Джон был беспокойным и задумчивым. Не то чтобы он предполагал, что Мойра была или, вероятно, окажется неверный. Я не думал, что это возможно. Мойре явно нравилось неинтересное мальчик; но в конце концов, несмотря на свою ребячливость, Мойра была человеком цивилизованный. Я была слишком воспитана, чтобы делать что-то глупое. Сверх об этом он размышлял, вспоминая ночь накануне, вспоминая всех тех годы брака, у нее не было темперамента для этого; она не знала, что такое страсть, она была полностью лишена чувственности. Его врожденное ребячество это укрепило бы их моральные принципы. Дети чисты; но (и это то ,что обеспокоенный Джон Тарвин) не опытные. Мойра не позволит им это сделать любовь с ней; но она могла легко позволить ей быть обманутой. Старое Барджони был очень осторожен и не пошел на компромисс; но было очевидно, что он он считал этого парня авантюристом, ищущим то, что он может получить. Джон шел с хмурым лбом, кусая губу.

Он вернулся домой и обнаружил, что Мойра и Тонино руководят размещением новые вкладыши cretone для стульев в гостиной.

- Берегись, Берегись, - говорила Мойра обивочнику, когда тот входил. Под звуки со своих шагов она повернулась. Облако, казалось, затемнило сияние лица ее, когда она увидела его; но приложил усилия, чтобы сохранить радость. - Приходите и дайте смотри, Джон, — позвал. - Это как засунуть очень толстую старуху в платье.

слишком туго. Смешно!

Но Джон не улыбался ей, его лицо было маской серьезности каменный. Подошел к стулу, поприветствовал Тонино кратким жестом голова, то же самое с обойщиком, и разместился там, наблюдая за работой, как если бы это был неизвестный, враждебный неизвестный. Видение Мойры и Тонино смех и разговоры вызвали у него внезапную и яростную ярость. “Отвратительный маленький авантюрист”, - яростно сказал себе из-за своего маска.

- Это мило, не правда ли?- спросила Мойра. Он просто хрюкнул.

- Очень Moderna, тоже, - добавил Тонино. - Магазины здесь очень Moderna, - продолжил он, говоря с оборонительной настойчивостью уважение современности, которое характеризует жителей города с мало туалетов и много памятников.

- Правда? - саркастически сказал Джон.

Мойра нахмурилась.

— Ты понятия не имеешь, как Тонино мне помог, — сказал он с некоторой теплотой.

Тонино начал яростно отрицать, что у нее есть какие-либо обязательства останови его. Джон Тарвин прервал его.

- О, я не сомневаюсь, что он помог, - сказал он тем же тоном саркастично и с презрительной улыбкой.

Была неловкая тишина. Тогда Тонино попрощался. На данный момент в что он ушел Мойра обратилась к мужу. Его лицо было бледным, его губы дрожать.

- Как ты смеешь так разговаривать с одним из моих друзей?- спросил в голос не такой твердый, от такой ярости.

Джон взорвался.

- Потому что я хотел избавиться от этого парня, - ответил он; и маска упала, его лицо было в ярости. - Отвратительно видеть, как такой человек посещает комната. Авантюрист. Эксплуатируя свою глупость. Воспользовавшись вами.

- Тонино не пользуется мной. И, кстати, что вы знаете об этом?

Он пожал плечами:

- Люди говорят.

О, это те мерзкие старики, не так ли? - Она ненавидела Барджони, ненавидеть. — Вместо того, чтобы быть благодарным Тонино за помощь! Что больше, чем ты уже сделал, Джон. Ты, с твоими ужасными опухолями и твоим старым гнилым Фаустом! — Презрение в ее голосе было жестоким. - Позволь мне починить себя. И когда приходит кто-то, кто по-человечески порядочен со мной, вы оскорбляете его. Е он сходит с ума от ревности, потому

что я обычно ему благодарна.

У Джона было время перенастроить маску.

— Я ни за что не схожу с ума, - сказал он, контролируя гнев и говоря медленно и холодно. - Я просто не хочу видеть, как на тебя охотятся брюнетные жиголо и

красавчики из трущоб Неаполя.

- Джон!

- Даже если охота платоническая, - продолжил он. - Что я уверен быть. Но я не хочу, чтобы здесь был даже платонический жиголо. — Говорить холодно, медленно, с намеренным намерением причинить ей как можно больше вреда. - Сколько он уже взял у вас?

Мойра не ответила, Но повернулась и выбежала из комнаты.

Тонино добрался до подножия холма, когда громкий и настойчивый гудок издал чтобы он повернулся. Рядом с ним стояла большая желтая машина.

- Мойра! - удивленно воскликнул он. Машина остановилась рядом с ним.

- Заходи, - почти яростно приказала она, словно злилась на

он.

Он сделал то, что она велела.

- Но куда ты собираешься пойти? — спросить.

- Не знаю. В любом месте. Мы едем по дороге из Болоньи в гора.

- Но вы не принесли шляпу, - возразил он. - Ни пальто.

Она только засмеялась и, включив машину, уехала на полной скорости.

Джон провел ночь в одиночестве. Он начал подвергать себя цензуре. “Я не должен был говорить с такой жестокостью”, - подумал он, узнав о поспешном уходе Мойры. Какие нежные и

очаровательные вещи она скажет, когда вернется, чтобы восполнить свои резкие слова! А потом, после того, как я помирился, я поговорил с ней деликатно, отцовски, об опасностях плохой дружбы. Даже в ожидание того, что я скажу ей, заставило ее лицо осветиться красивым улыбка. Но когда через сорок пять минут после обеда он сел для одинокой еды, прошедшей с точки зрения, ее настроение было уже другим. “Если она он хочет сделать непослушание, пусть сделает это”, - сказал он себе. И как часы они проходили мимо, их сердце ожесточалось. Наступила полночь. Его гнев начал смешаться с определенным опасением. Что-то случилось с ним? Он был озабоченный. Но все-таки легла спать, в принципе, твердо. Двадцать минут спустя он услышал шаги Мойры на лестнице, а затем дверь ее комната закрывается. Она вернулась; ничего не случилось; наоборот, он еще больше разозлился, что она в безопасности. Придет ли она Спокойной ночи? Он ждал.

Тем временем Мойра отвлекается, механически раздевается. Думал обо всем то, что произошло в вечности с тех пор, как она ушла из дома. Этот чудесный закат в горах! Все склоны, обращенные на Запад, окрашены в розовый и золотой; под ними была пропасть синей тени. Они остались в тишина, созерцание. “Поцелуй меня, Тонино”, - внезапно прошептала она, и прикосновение из его уст это вызвало какой-то восхитительный трепет, озноб его кожа. Она прижалась к нему; его тело было твердым и твердым. Она могла чувствовать

его сердце бьется против его лица, как будто у него есть собственная жизнь. Тум, тум, Тум - и эта пульсирующая жизнь не была жизнью Тонино, которого я знал, Тонино который смеялся, делал комплименты и приносил цветы; это была жизнь таинственной силы и собственный. Сила, с которой был связан человек, известный как Тонино случайно, но почти неактуально. Она вздрогнула. Таинственный и устрашающий. Но страх был в некотором роде привлекательным, как пропасть темный, который привлекает. “Поцелуй меня, Тонино, Поцелуй меня.“Свет угас; горы они погасли в плоских формах на фоне неба. “Мне холодно”, - сказал он наконец, вздрогнуть. “Мы уходим.“Они ужинали в маленькой гостинице прямо в высокий, между двумя ущельями. Когда они вышли оттуда, была ночь. Он обнял ее и он поцеловал ее в шею, в затылок, где короткие волосы коснулись ее губ…

— Ты заставишь меня упасть в канаву, - засмеялась она. Но для

Тонино нет был смех.

- Мойра, Мойра, - повторял он; и в его голосе было что-то вроде страдания.

Мойра. — И наконец, прислушиваясь к его просьбам, она остановила машину. Он прыгать. Под каштанами какая тьма!

Мойра сняла последний предмет одежды и, обнаженная перед зеркалом, созерцала свою изображение. Он выглядел так же, как и всегда, его тело было ясным; но на самом деле это было другой, он был новым, он только что родился.

Джон все еще ждал, но жена не пришла. “Тогда это правильно”, - сказал он себе даже с недовольной бешенкой, которая замаскировалась под справедливость. божественное и безличное. “Пусть она будет в тупике, если захочет. Это просто наказывает вас тот же.“Выключил свет и приготовился ко сну. На следующий день он уехал в Рим и цитологический Конгресс не прощаясь; это послужило бы ему уроком. Тем не мение, ” слава Богу!“это была первая реакция Мойры, когда она узнала, что он она ушла. А потом вдруг ему стало жаль его. Бедный Джон! Как мертвая лягушка оцинкованный; извиваясь, но мертвый. Он был действительно жалким. Она была такой богата счастьем, которое могло позволить себе жалеть его. И в некотором смысле это было даже благодарна ему. Если бы он не пришел, если бы он не вел себя так непростительно, между Тонино и ней ничего бы не случилось. Бедный Джон! Но от в любом случае у него не было пути.

Дни проходили ярко и безмятежно. Но жизнь Мойры больше не она текла, как чистая, неглубокая регата, которая была до прихода Джона. Это было неспокойно. теперь были глубины и темноты. И любовь больше не была шуткой. с приятной компанией; это было жестоко, увлекательно и даже немного ужасно. Тонино стало для нее чем-то вроде навязчивой идеи. Она была одержима им

- твоим лицом, твоими белыми зубами и твоими темными волосами, твоими руками, конечности и тело. Я хотел быть с ним, чувствовать его близость, прикасаться к нему. Пройти часы ласкают ее волосы, растрепывают их, ухаживают за ними фантастически щетинистые, как чучело, или с бахромой, или с завитые локоны, как рога. И когда я получил эффект, особенно

комично, хлопал в ладоши и смеялся, смеялся, пока слезы не текли по его лицу. “Если вы если бы я увидел это сейчас!”, воскликнуть. Обиженный ее смехом, Тонино протестовал, с несколько комичное выражение гневного достоинства: “ты шутишь со мной, как если бы я была куклой”” Смех исчез с лица Мойры, и с серьезностью который был жестоким, почти жестоким, она наклонилась и поцеловала его, тихо, жестоко, снова и снова.

Отсутствующий, он все еще был с ней, как нечистая совесть. Ваши моменты одиночества были бесконечными размышлениями о нем. Иногда желание его осязаемое присутствие было слишком болезненным, чтобы он мог его вынести. Не подчиняясь всем его рекомендациям, нарушая все его обещания, она звонила ему, чтобы прийти, она выходила искать его. Один раз, вокруг в полночь Тонино был вызван в его гостиничный номер для сообщения о том, что одна дама хотела поговорить с ним. Он нашел ее сидящей в машине.

- Но я не мог этого вынести, я просто не мог этого вынести! — воскликнуть чтобы извиниться и смягчить его гнев. Тонино отказался простить ее. Вот так в середине ночи! Это было безумие, это было скандально! Она осталась сидя, слушая, бледная, с дрожащими губами и со слезами на глазах. Он наконец замолчал. - Но если бы ты знал, Тонино — - пробормотал он. - Если вы знать… - Взял его за руки и смиренно поцеловал.

Берто, когда он услышал хорошие новости (ибо Тонино, гордо, скоро ему contara), было любопытно, была ли синьора форестьера такой же холодной, как женщины с севера имели репутацию.

- Макче! - энергично протестовал Тонино. Наоборот. Для одного долгое время два спортсмена обсуждали вопрос о любовных температурах, они обсуждали это технически, профессионально.

Экстазы Тонино были не такими экстравагантными, как у Мойры. Узел что касается вас, такого рода вещи случались раньше. С Мойрой а страсть не уменьшалась с удовлетворением; напротив, поскольку удовлетворение это было для нее так ново, так по своей сути апокалиптично, оно усиливалось. Однако то, что в нем усиливалась страсть, вызывало в нем похолодание. Он он получил то, что хотел; его жажда к ней, зачатая ночью и рожденная одно касание (стерто и уменьшено, в перерыве, для всех любовных охот спорт, проводимый вместе с Берто), был

удовлетворен. Она больше не была желательно и недостижимо, но одержимо, известно. С ее доставкой она получает он опустился до уровня всех других женщин, с которыми когда-либо занимался любовью; это было просто еще один пункт в общем подсчете спортсмена.

Его позиция по отношению к ней претерпела изменения. Фамильярность он начал притуплять его вежливость; его манеры стали небрежно женатыми. Когда он увидел ее после отсутствия, он сказал:" Эббене, Тесоро " маленьким тоном романтик и Джей овиал, и похлопал его по спине или плечу, как это делается с лошадью. Это позволило ей коснуться самой жизни, и в нее вошли

некоторые из ваших собственных обязательств. Мойра была счастлива служить ему. Его любовь по крайней мере, в одном из его аспектов он был почти жалким. Она выглядела как собака в своей преданности. Тонино находил ее поклонение очень приятным, пока чтобы он выражался в том, чтобы брать и приносить, соглашаться с его предложениями и давать-подарки. “Но ты не должен, моя дорогая, ты не можешь”, - протестовал каждый однажды она дала ему что-то. Тем не менее, он принял гвоздезабивателя галстука жемчужина, пара запонок из золота и эмали, часы с цепочкой золото и платина. Любовь требует столько, сколько дает. Она очень этого хотела — его сердце, его физическое присутствие, его ласки, его уверенность, его время, его верность. Она была тиранической в своем страстном отвращении. Он приставал к нему своей преданностью, и Тонино было скучно и раздражено его чрезмерной любовью. Всеведущий Берто, тот, кому он доверял свои проблемы, посоветовал ему быть твердым. “As женщины, - заявил он, - должны твердо стоять на своих местах. Он они любят еще больше, если с ними плохо обращаются.”

Тонино последовал его совету и, предлогая работу и обязательства они сократили количество посещений. Какое облегчение, быть свободным от ворчания ее! Беспокойная Мойра подарила ему янтарный мундштук. Он протестовал, он принял ее, но не дал ей взамен больше времени от своей компании. Один набор алмазных кнопок не дал лучшего эффекта. Он говорил смутно, но наполненный риторикой, о его карьере и необходимости усердно работать; это было его оправданием, чтобы не приходить к ней чаще. Однажды днем она почти

сказала, что она будет его карьера и даст ему все, что хотел бы, если бы только… Но воспоминания о ненавистных словах Джона сделали с пусть ничего не скажет. Она была в ужасе, опасаясь, что он не будет противопоставлять трудности принять ваше предложение.

- Останься со мной сегодня вечером, — умоляла она, обнимая его за шею. Он позволил ей поцеловать его.

- Хотел бы я остаться, - лицемерно ответил он. - Но у меня есть важные дела сегодня вечером. - Важным делом было играть в бильярд с Берто.

Мойра на мгновение молча посмотрела на него; затем убирая руки с его плеч он отдал ему спину. Она видит в его глазах скуку почти ужасно.

Лето пошло своим чередом; но в душе Мойры не было блеска интерьер, чтобы соответствовать солнцу. Я проводил дни в страданиях, которые он колебался между беспокойством и апатией. Его нервы снова начали вести свою безответственную жизнь отдельно от ее собственной. Без достаточной причины и против своей воли она была безудержно разъяренной, или плакала, или смеяться. Когда Тонино приходил к ней в гости, она почти всегда была, несмотря на все их решения, горько яростно или истерически в слезах. “Но для что я так себя веду?“она с отчаянием удивлялась. “Почему я говорю эти

вещи? Я заставляю его ненавидеть меня.“Но когда он снова пришел она действовала так же. Как будто она была одержима демоном. Е болел не только его разум. Когда я быстро поднимался по лестнице, слишком много, его сердце, казалось, перестало биться на мгновение, и было тьма кружится перед вашими глазами. У меня были почти ежедневные головные боли, потерял аппетит, не мог переварить то, что ел. На его изможденном лице глаза стали огромными. Смотря в зеркало, она считала себя ужасной, старой, отталкивающий. “Неудивительно, что он меня ненавидит”, - думал он, и часами он размышлял о том, что стал для него физически отталкивающим, отталкивающим глаза на ощупь загрязняют воздух своим дыханием. Эта идея стала одержимость, неописуемо болезненная и унизительная.

“Questa dorma!”,- со вздохом жаловался Тонино, когда возвращался из навещать ее. Тогда почему бы мне не оставить ее? Берто был за решительные меры. Тонино возразил, что ему не хватает смелости; бедная женщина останется слишком несчастный. Но он также наслаждался хорошим ужином, прогулкой в машине роскошный и получить роскошный вклад в ваш гардероб. Довольствовался жаловаться и быть христианским мучеником. Однажды ночью его старый друг Карио Менарди познакомил его с сестрой. После этого он перенес мученичество еще меньше терпение, чем раньше. Луизе Менарди было всего семнадцать, она была свежей, здоровый, провокационно красивый, с живыми черными глазами, которые говорили все виды о вещах и непослушном языке. Деловые встречи Тонино их стало больше, чем когда-либо. Мойра осталась одна, размышляя о ужасная тема собственного отвращения.

Затем внезапно пути Тонино к ней пострадали еще один изменение. Он снова стал усидчивым и нежным, щедрым, заботливым. Вместо этого от ожесточения с равнодушным пожиманием плечами перед ее слезами, в вместо того, чтобы отвечать на гнев гневом, он терпел ее, был любящим, добрый и веселый. Постепенно, через своего рода духовное заражение, она она также стала любящей и доброй. Почти неохотно-ибо демон внутри нее был враг жизни и счастья — она вернулась к свету.

“Мой дорогой сын”, - написал г-н Вазари в своем красноречивом письме и тревожный. “Я не из тех, кто жалуется на судьбу; вся моя жизнь была долгий акт веры и неприступной воли. Но есть аферы, под которыми даже самый сильный человек должен уступить; удары, которые…“Письмо продолжалось в тот же стиль для нескольких страниц. Неприятный факт, который возник под этим красноречие заключалось в том, что отец Тонино ходил спекулировать на неаполитанской фондовой бирже, спекуляция безрезультатно. В первый день следующего месяца ему придется заплатить на пятьдесят тысяч франков больше, чем я мог получить. Гранд Отель Ritz-Карлтон был ликвидирован; возможно, ему даже пришлось продать ресторан. Были некоторые что мог сделать Тонино?

- Это возможно? - сказала Мойра со вздохом счастья. - Выглядит хорошо

слишком много, чтобы быть правдой. -Опирался на него; Тонино

поцеловал его в глаза и заговорил ласковые слова. Луны не было; темно-синее небо было полно звезд; и, как еще одна звездная вселенная, которая восхитительно сошла с ума, светлячки они поочередно потускнели и блестели среди оливковых деревьев.

- Дорогая, — произнес он вслух, и задумался, будет ли это момент способствует разговору. - Пиччина МИА. - Наконец-то решил подождать еще одного или два дня. Еще через день или два, подсчитал он, она не сможет отказать ему ничего.

Расчеты Тонино были правильными. Она отдала ему деньги, нет просто без колебаний, но с нетерпением, весело. Нежелание было на стороне от него, в получении. Он чуть не заплакал, когда взял чек, и слезы были слезы искренних эмоций.

- Ты Анж о — - сказал он, и его голос дрожал. - Вы спасли нас всех.

Мойра безоговорочно плакала, когда целовала его. Как мог бы сказать Джон эти вещи? Она плакала и была счастлива. Пара щеток для волос утопленные в серебре сопровождали чек - просто чтобы показать, что деньги это не имело никакого значения в их отношениях. Тонино признал деликатность ее намерение и было тронуто.

- Ты слишком хороша для меня, — настаивал он. - Слишком хорошо. -Чувствовал немного стыдно.

- Завтра мы пойдем на долгую прогулку, - предложила она.

Тонино договорился поехать в Прато с Луизой и ее братом. Но так сильно было его эмоции, которые собирались принять приглашение Мойры и принести в жертву Луизу.

- Хорошо, - начал он, и вдруг подумал получше. В конце концов, я мог бы прогуляться. с Мойрой в любой день. Было редко иметь шанс пообщаться с Луизой. Ударить на лбу и сделал лицо отчаяния. - Но о чем я думаю! — воскликнуть. - Завтра день, когда мы ждем менеджера гостиничной компании из Милана.

- Но ты должен быть там?

- К сожалению!

Это было слишком грустно. В какой степени Мойра полностью осознала это только в тот день следующий. Никогда не

чувствовал себя таким одиноким, никогда не жаждал так горячо его присутствие и его привязанность. Надеясь убежать от одиночества и скуки, с которыми она он заполнил дом, сад, пейзаж, взял машину и уехал без направляясь, не зная, куда. Через час он оказался в Пистойе, и Пистойя она была такой же ненавистной, как и все остальные места; она взяла курс из дома. В Прато была ярмарка. Дорога была полна; воздух был наполнен туманом пыль и шум пронзительной музыки. В поле возле въезда в город, карусели вращались, искрящиеся на солнце. Бегущая лошадь прервала движение. Мойра остановила машину и оглянулась на толпу, качели, карусели с холодной враждебностью и неудовольствием. Ненавистник! И вдруг там было

Тонино, сидя на лебеде на ближайшей карусели, с девушкой из розовое муслиновое платье, сидящее перед ним, между белыми крыльями и арочная шея. Поднимаясь и опускаясь, лебедь исчез из поля зрения. Музыка продолжать. Но бедный папа, бедный папа, у него больше ничего нет. Лебедь вновь появляться. Девушка в розовом оглядывалась через плечо и улыбалась. Быть молоденькая, вульгарно красивая, яркая и с полным здоровьем. Губы Тонино двигались; за стеной шумов, что он говорил? Все, что Мойра знала, это то, что девушка смеялась; ее смех был похож на взрыв молодость и веселость. Тонино поднял руку и держал обнаженную темноволосую руку. Как волнообразная планета, лебедь снова исчез из поля зрения. Тем временем лошадь успокоилась, движение начало двигаться вперед. Позади нее гудок звучал настойчивый ум. Но Мойра не сдвинулась с места. Некоторые вещь в его душе желала, чтобы агония повторилась и затянулась. Фон, фон, фон! Она не обратила внимания. Поднимаясь и опускаясь, лебедь снова поднялся. На этот раз Тонино увидел ее. Его глаза встретились; смех исчез с его лица.

- Гайка Мадонна! - крикнул разгневанный водитель позади нее. - Не будет ходить?

Мойра включила передачу и двинулась по пыльной дороге.

Чек все еще был на почте; еще было время, размышлял Тонино, от предотвратить оплату.

— Ты очень тихий — - провокационно сказала Луиза, когда они возвращались в Флоренция. Ее брат сидел впереди, за рулем; у

него не было глаз на спине. Но Тонино сидел рядом с ней, как марионетка. — Почему так тихо?

Он посмотрел на нее, и его лицо было серьезным и совершенно не обращало внимания на его провокация. Вздохнул, потом, прилагая усилия, улыбнулся с тоской. А ее рука была на колене, ладонью вверх, с жалкой манерой бесполезность. Делая механически то, что от него ожидали, Тонино взял его за руку ее.

В половине шестого он поддерживал заимствованный мотоцикл на стене вилла Мойра. Чувствуя себя человеком, который вот-вот пострадает опасная операция, позвонил в звонок.

Мойра лежала на кровати, лежала с тех пор, как приехала; все еще на нем было пальто, он даже не снимал обувь. Влияет на тихую веселость, как будто ничего другого не произошло, Тонино вошел почти беспечно.

- Лежать? - говорил, в тоне удивленной заботы. - Ты не с головная боль, не так ли? - Его слова упали, тривиальные и нелепые, в пропасти значительная тишина. С тяжелым сердцем сидел на краю кровати,, положил руку ей на колено. Мойра не двигалась, но продолжала лежать с скрытое лицо, удаленное и недостижимое. - Что случилось, моя дорогая? - Дал ему

несколько ласковых похлопываний. - Ты не злишься, потому что я пошел в Прато, не так ли? — это продолжалось недоверчивым тоном человека, который уверен в ответе отрицательный на ваш вопрос. Она продолжала молчать. Это молчание было хуже, чем скандал, которого он ждал. Отчаянно зная, что нет заранее он начал говорить о своем старом друге Карио Менарди, который пришел из автомобиль забрать его; и как директор гостиничной компании вскоре ушел после обеда-никто не ожидал! - и как он думал, что Мойра его, конечно, не было бы дома, он наконец уступил и ушел с Карио и его класс. Конечно, если бы я знал, что Мойра не ушла, я бы пригласил ее пойти с ними. Для него ее компания имела бы все значение.

Его голос был милым, заискивающим, извиняющимся. “Черноволосый жиголо из трущоб Неаполя.“Слова Джона отразились в его воспоминаниях. И поэтому Тонино никогда не заботился о ней, только о ее деньгах. Эта другая женщина… Она снова увидела розовое платье, более светлого оттенка, чем кожа.

мягкая и загорелая; рука Тонино на смуглой руке; блеск глаз и от смеющихся зубов. И тем временем он продолжал говорить, и даже его голос был ложь.

- Уходи, - сказала она наконец, не глядя на него.

- Но, моя дорогая… - Опираясь на нее, он попытался поцеловать ее лицо. Она повернулась и изо всех сил ударила его по лицу.

- Черт! - воскликнул он, разъяренный болью удара. Снял шарф и прижала его к истекающей кровью губе. - Хорошо, тогда. - Его голос дрожал от гнева. - Если ты хочешь, чтобы я ушел, я пойду. Смачно. -Ушел. тяжело ходить. Апорта постучал за ним.

Но, возможно, подумала Мойра, слушая звук его шагов вниз по лестнице, может быть, это было не так плохо, как казалось; может быть, она неправильно его оценила. Сел; на желтом одеяле было маленькое красное пятно; капля от его крови. И это она ударила его.

- Тонино! - крикнул; но в доме было тихо. - Тонино! — Еще позвонив, она побежала вниз по лестнице, прошла через вестибюль и вышла в портик. Успела только посмотреть, как он уезжает через ворота на своем мотоцикле. Он вел одной рукой; другая все еще прижимала платок ко рту.

- Тонино, Тонино! - Но он не слушал или не слушал. Мотоцикл он исчез из поля зрения. И потому что он ушел, потому что он был зол, из-за его кровоточащей губы Мойра внезапно убедилась, что обвинила его ложно, это была ее вина. В состоянии болезненного возбуждения и неуправляемая она побежала в гараж. Было важно, чтобы он догнал его, поговорил с ним просить прощения, умолять его вернуться. Завел машину и уехал.

“В один из тех дней ты упадешь в овраг, если не будешь осторожен”, Джон предупредил ее. “Это ужасный поворот.”

Выйдя из двери гаража, она, как всегда, развернула все колесо. Но,

слишком нетерпеливая, чтобы быть с Тонино, она одновременно нажала на газ время. Пророчество Джона сбылось. Автомобиль подошел слишком близко к краю овраг; сухая земля рассыпалась и стекала под колеса снаружи. Автомобиль он ужасно

наклонился, долго висел в точке равновесия и упасть. Если бы не боярышник, он бы упал вниз по склону. Случилось так, что машина упала менее чем на метр и остановилась, опираясь на бок с боком к стволу дерева. Испуганная, но невредимая, Мойра взобралась на сбоку от машины и прыгнул на землю.

- Ассунта! Джованни! - Прибежали горничная и садовник. Когда они увидели, что произошло, был Вавилон восклицаний, вопросы, комментарии.

- Но разве ты не можешь снова поставить его на дорогу? - Мойра он настаивал на садовнике, потому что было необходимо больше, чем нужно, чтобы она немедленно увидимся с Тонино.

Джованни покачал головой. Потребуется как минимум четыре человека с рычагами и парой лошадей…

- Тогда закажите такси по телефону, - приказала она Ассунте и побежала в внутри дома. Если бы я остался еще на мгновение с этими людьми, болтунья, я бы начал кричать. Его нервы снова обрели собственную жизнь; хрустя кулаками, он попытался отбиться от них.

Поднявшись в свою комнату, сел перед зеркалом и начал, методично и обдуманно (это была его воля, навязывающая себя нервы), накрашивая лицо. Потер немного красного на бледных лицах,, покрасила губы. Он запылился. “Я должен быть презентабельным”, - подумал он и поставил самая красивая шляпа. Такси никогда не приедет? Он боролся с нетерпением. “Моя сумка”, - сказала она себе. “Мне понадобятся деньги на такси.” Я была довольна собой за то, что была такой благоразумной, такой хладнокровной практикой. несмотря на нервы. “Да, конечно; моя сумка.”

Но где была сумка? Он так ясно помнил, что бросил ее на кровать, когда я вернулся с прогулки. Его там не было. Заглянул под подушку, поднял одеяло. Или, может быть, он упал бы на землю. Заглянул под кровать; сумка его там не было. Возможно ли, что я не уложил ее в постель? Но это не было на туалетном столике, ни на камине, ни на полках, ни на камине. в любом из ящиков шкафа. Где, где, где? И вдруг ужасная мысль пришла ему в голову. Тонино… возможно ли это? Секунды прошли. Возможность стала ужасной уверенностью. Вор, кроме… As слова Джона звучали в его голове. “Черноволосый жиголо из трущоб из Неаполя, черноволосый жиголо из трущоб…“А также Вор. Сумка

была из золотой сетки; в ней было более четырех тысяч лир. Вор, вор… Она она стала неподвижной, напряженной, жесткой, глаза остановились. Тогда что-то сломалось., что-то, казалось, сломалось внутри нее. Она кричала, как будто страдала от боли.

невыносимый.

Звук выстрела привел их на второй этаж. Они нашли ее. лежа лицом вниз, пересекая кровать, все еще дыша легко. Он умер до того, как врач смог приехать из города. На кровати, которая стояла, как и у нее, в нише было трудно привести в порядок тело. Когда они вытащили ее из в углублении раздался звук чего-то твердого и металлического, падающего на землю. Ассунта наклонился-если посмотреть, что упало.

- Это ее сумка, - сказал он. Должно быть, она застряла между кроватью и стена.

Клэкстон

В своем маленьком домике в лесу, какой красивой была, какой духовной была жизнь Клэкстон! Даже кот был вегетарианцем-по крайней мере, официально. Даже кот. Что делало поведение маленькой Сильвии действительно непростительным. Ведь маленькая Сильвия была человеком, и ей было шесть лет, тогда как у кота было всего четыре, и он был животным. Если бы кошка могла довольствоваться зелень, картофель, молоко и случайная порция арахисового масла, как приз — кот, у которого в крови был тигр — конечно, можно было ожидать, что Сильвия сможет избежать потихоньку съесть тосок. Особенно в чужих домах. Что сделало инцидент особенно болезненным для Клэкстона было то, что это произошло под крышей Джудит. Эра а впервые они были с Джудит с момента ее свадьбы. Марта Клэкстон он питал определенный страх перед сестрой, страх перед ее феринским языком, ее смехом и ее страшная непочтительность. И из-за собственного мужа у нее было немного ревность к мужу Джудит. Книги Джекбамборо были не просто они тоже зарабатывали деньги. Тогда как бедный Герберт… “Искусство Герберта слишком внутренний, слишком духовный для большинства людей”, я объяснял жене. Она злилась на успех Джекбамборо; это

было слишком полный. Было бы все равно, если бы он заработал реки денег с презрением критики; или если критики одобрили, а он нет я бы ничего не выиграл. Но зарабатывать похвалы и тысячу фунтов в год, это было слишком. Один человек не имел права иметь лучшее из обоих миров таким образом, когда Герберт никогда ничего не продавал и был полностью неизвестный. Несмотря на все это, она наконец приняла неоднократные приглашения Джудит. Ведь надо любить сестру и мужа сестры. Кроме того, все дымоходы в доме нуждались в чистке, а крышу пришлось бы ремонтировать там, где были капли. Приглашение Джудит пришло в удобное время. Марта приняла его. а потом Сильвия действительно сделала это неприемлемый. Спустившись на завтрак раньше других, она украла кусочек тарелки с тоской, с которой так варварски начинали тетя и дядя твой день. Приезд матери помешал ей съесть его на месте; пришлось его спрятать. Несколько недель спустя, когда Джудит что-то искала в итальянском комоде маркетри, маленькая лужица сухого жира дала красноречивое свидетельство преступления. День прошел; но Сильвия не нашла возможности завершить преступление, которое он инициировал. Это было только ночью, когда его младший брат Пол получил ванна, которую ей удалось восстановить, теперь жесткую и слизистую. С

спешка и чувство вины, она побежала наверх и спрятала его под подушкой. Когда свет был выключен, съел его. утром пятна жира и кусок пережеванная кора ее осудили. У Джудит были неиссякаемые приступы смеха.

- Это как Эдемский сад, - ахнул он между вспышками смеха. — В свинья знания добра и зла. Но если вы настаиваете на том, чтобы дать к тому же все эти категорические императивы и эта тайна, что может подожди, моя дорогая марта?

Марта продолжала улыбаться своей обычной улыбкой сладкой доброжелательности и прощение. Но внутри она чувствовала себя очень злой; ребенок сделал с пусть они все будут выглядеть глупо перед Джудит и Джеком она хотела бы дать ему хорошая порка. Вместо этого — потому что никогда не следует быть грубым с ребенком, вы никогда не должны позволить ей понять, что если вы раздражены — она говорила с Сильвия, объяснила, попросила и обратилась, скорее с грустью, чем с гневом, к своим лучшие чувства.

- Мы с твоим отцом не считаем правильным заставлять животных страдать, если мы можем ешьте овощи, которые не страдают.

- Откуда вы знаете, что они не страдают? - спросила Сильвия, делая спрашивает со злым умыслом. На его лице были следы плохого настроения.

- Мы не считаем это правильным, дорогая — - продолжала Миссис Клэкстон, игнорируя прерывание. - И я уверен, что вы бы тоже не подумали, если бы подумали. Подумай, любовь моя; чтобы сделать этот ТОСК, нужно было убить маленького поросенка. Мертв, Сильвия, подумай об этом. Бедный невинный поросенок, который не сделал ничего плохого. никому.

- Но я ненавижу свиней, - воскликнула Сильвия. Его гнев внезапно вспыхнул свирепость; глаза, которые были неподвижны и застеклены обидой, сияли непонятно. - Ненавижу, ненавижу, ненавижу.

— Очень хорошо, - сказала тетя Джудит, которая пришла в неподходящий разум посреди проповедь. — Очень хорошо. Свиньи отвратительны. Вот почему они называются свинья.

Марта была довольна возвращением в маленький домик в лесу и прекрасной жизнью, счастливой в спасении от непочтительного смеха Джудит и вечной цензуры успеха Джека В своем доме она командовала, была хозяйкой семейных судеб. Друзьям которые приходили к ним в гости она любила говорить с этой улыбкой: “Я чувствую, что наш путь и в минимальном масштабе мы построили Иерусалим на зеленой земле и приятная Англия”.

Это был прадед Марты, который основал пивоварню. Postagate’S Entire было обычным словом в Чешире и Дербишире. А доля Марты в семейном состоянии составляла около семисот фунтов в год. А духовность и отрешенность Клэкстона были цветами растения эконом, корни которого поливали пивом. Если бы не штаб-квартира британским рабочим Герберту пришлось бы тратить время и энергию на производство

прибыль, а не жизнь среди красоты. Пиво и тот факт, что он женился на Марта позволяла ему развивать искусство и религии, выделяться в мире грубый как апостол идеализма.

- Это то, что называется разделением труда, — со смехом

говорила Джудит. — Другой люди пьют. Мы с Мартой подумали. Или, по крайней мере, мы думаем, что думать.

Герберт был одним из тех людей, которые никогда не обходятся без рюкзака в спина. Даже на Бонд-стрит, в редких случаях, когда я ездил в Лондон, Герберт казалось, он собирался подняться на Монблан.J^J рюкзак является признаком духовность. К Moderna Тевтонский или англосаксонский мыслитель и чистый из сердце, скандал с рюкзаком - это то, чем был скандал с крестом для Францисканский. Когда Герберт проходил мимо, в длинноногих и коротких штанах, борода ясна, как взрыв, вокруг ее лица, рюкзак переполнен с чесноком и капустой в изобилии, необходимых для поддержания семьи чисто травоядные, уличные мальчики кричали, девочки сгибались, смеяться. Герберт либо игнорировал их, либо улыбался сквозь бороду с видом прощения и наполовину изученный юмор. У всех нас есть наши маленькие рюкзаки для загружать. Герберт нес свою не с простой отставкой, а храбрый ум, провокационно бросающий его в лицо людям; и вместе с рюкзак, другие символы различия, разделения общего человечества и вульгарно: борода, короткие брюки, рубашка byronic. Он гордился своей разница.

- О, я знаю, что вы, ребята, думаете, что мы смешны — - говорил он друзьям всего мира грубый и материалистический. - Я знаю, что они смеются над нами и считают нас сумасшедшими.

— Нет, нет, - отвечали друзья, вежливо солгав.

— Однако, если бы не уроды, где бы Вы были сейчас, что будут ли они делать?- Герберт настаивал. - Они будут избивать детей и пытать животных и повешение людей за кражу шиллинга и создание всех остальных ужасные вещи, которые совершались раньше.

У него была гордость, гордость; он знал себя выше. Как и Марта. Несмотря ее прекрасная христианская улыбка, она также была уверена в своем превосходстве. Тот его улыбка была отличительной чертой его духовности. Более версия доброжелательный от улыбки Моны Лизы, он держал ее губы несколько тонкими и бескровный почти хронически изогнутый к cüna на растущей Луне сладкая милость и прощение; он подавлял естественную казмурри ее лица с какой-то глупой сладостью. Это был продукт долгих лет самоотречение, упрямые стремления к возвышению, любовь сознательный и решительный человечеством и его врагами. (И для Марты ОС термины были действительно

идентичны; человечество, хотя, естественно, оно не признайся, она была его врагом. Она чувствовала ее враждебной и поэтому любила ее, сознательный и сознательный ум; любил ее, потому что на самом деле ненавидел ее.)

Наконец, привычка неизгладимо закрепила улыбку на его лице. Он он постоянно светился, как фары автомобиля, оставленные включенными., случайно и без всякой необходимости, в течение дня. Даже когда раздраженная или радикально злая, даже когда, упрямая, она изо всех сил пыталась навязать его воля, улыбка сохранялась. Обрамленные прерафаэлитскими локонами волос крысиный цвет, тяжелое лицо, надутые черты лица и болезненно бледный, он продолжал сиять несочетаемым и любящим прощением за все это. мир ненавистного и враждебного человечества; только в серых глазах был какой-то след эмоций, которые марта так тщательно подавляла.

Деньги заработали ее прадед и дедушка. Отец уже был, по колыбели и воспитанию джентльмен помещик. Пивоваренный завод это был лишь отдаленный, но прибыльный фон более активной деятельности как спортсмен, фермер, коневод и заводчик рододендронов, член парламента и член лучших клубов Лондона.

Четвертое поколение, очевидно, созрело для искусства и мысли верхний. И вот, в свое время, подросток марта обнаружила Уильяма Морриса и миссис Безант открыла для себя Толстого, Родена, Народный танец и Лао-Цзы. Упрямо, со всей силой своей тяжелой воли, она обратилась к завоевание духовности, осада и захват высшего. И не в последнюю очередь его время сестра подросток Джудит открыл для себя французскую литературу и остался слегка восторженный (потому что в его природе было легко и весело) с Мане и Домье, а затем даже с Матиссом и Сезанном. Долгосрочный, пивоварение почти неизбежно ведет к импрессионизму, теософии или коммунизм. Но есть и другие дороги к духовным высотам; это было для одного по этим другим дорогам путешествовал Герберт. Не было производителя пиво среди предков Герберта. Он пришел из более низкого слоя, или по крайней мере, беднее общества. Его отец владел галантереей в Нантвиче. Мистер Клэкстон был худым и хрупким человеком, склонным к спорам и для луковых солений. Расстройство желудка испортило ему настроение, а Хроника осознание неполноценности сделало его революционером и хулиганом

домашний. В перерывах на работе он читал литературу о социализме и неверие и причастность к жене, которая укрылась в благочестии не конформист. Герберт был умным мальчиком с талантом передавать экзамен. Он хорошо учился в школе. Дома им очень гордились, потому что он был единственный сын.

“Храни то, что я тебе говорю”, - говорил отец, пророчески освещая себя в том пятнадцатиминутном блаженстве, которое возникало между обедом и началом пищеварение. “Этот мальчик все еще собирается сделать что-то замечательное.”

Через несколько минут, с первыми храпами и первыми приступы расстройства желудка, он будет кричать на своего сына, в ярости, избивая его, выгоняю его из комнаты.

Не будучи хорошим в играх, Герберт отомстил своим более спортивным соперникам через чтение. Те дни, проведенные в публичной библиотеке, а не в футбольное поле, или дома с одной из революционных книг отца, были начало их отличия и превосходства. Это было, когда марта встретила его, политическая разница, антихристианская разница. Ее превосходство было в основном художественное и духовное. Личность Марты была самой сильной; вскоре интерес Герберта к социализму полностью перерос вторично по отношению к его интересу к искусству, и его антиклерикализм приобрел оттенки Восточная религиозность. Этого следовало ожидать.

Чего не следовало ожидать, так это того, что они поженились или даже поженились знать. Дети помещиков и владельцев Пивоваров не были обычным явлением в галантерее познакомились и поженились.

Средневековая танцевальная сессия сотворила чудо. Они встретились в право сад в пригороде Нантвича, где г-н Уинслоу, профессор, председательствовал несколько торжественных шагов и прыжков всего, что было лучшим из j uventude de Восточный Чешир. Марта отправилась из сельской местности в этот пригородный сад автомобиль. Герберт ехал на велосипеде с главной улицы. Они встретились: любовь сделала прочее.

Марте было двадцать четыре года, и в ее тяжелом, бледном стиле она не была уродливый. Герберт был на год старше, высокий мальчик, непропорционально худой, с лицом сильных и орлиных

черт, но уникально calmas (“баран в орлиных одеждах”, как правильно его описала Джудит и очень светлые волосы. Бороду в то время он не держал. Потребность экономика по-прежнему не позволяла ему объявить о своем отличии и превосходстве. Узел офис аукциониста, где работал Герберт, борода была бы такой же полной недопустимо, как короткие брюки, открытая рубашка, и этот внешний символ и видно из внутренней благодати, рюкзак. Для Герберта эти вещи только стали возможно, когда брак Марты и семьсот фунтов в год подняли-над неустанными влияниями экономического разума. В эти дни Нантвич самое большее, что он мог себе позволить, это красный галстук и некоторые частные мнения.

Именно марта поручила себе большую часть любви. Молчаливый ум, с почти темная страсть в своей упрямой интенсивности, она обожала его-тело хрупкие, нежные руки с длинными пальцами, это орлиное лицо с его видом различие и интеллект, которые другие глаза считали ложными, все это, все. “Он он читал Уильяма Морриса и Толстого”, - написал он в своем дневнике. “Это одна из немногих люди, которых я встречал, которые чувствуют ответственность за вещи. Все другие ужасно легкомысленны, эгоцентричны и равнодушны. Как Нерон играть на скрипке, пока Рома горел. Он не такой. Он сознательный, внимательный, он принимает заряд. Поэтому он мне нравится.“Так что, во всяком случае, она я думала, он мне нравится. Но на самом деле его страсть была к Герберту Клэкстону

физический. Лично, как темное облако, заряженное электричеством, оно нависла над ним, как какая-то угроза, вот-вот взорвется над ним. с лучами страсти и властной воли. Герберт загрузился с мало того электричества страсти, которое пробудилось в ней. Потому что она любила его, любила обратно. Его тщеславие тоже было польщено; это было только теоретически что он презирал социальные различия и удачу.

Владельцы Пивоваров были в ужасе, когда марта заявила он намеревался жениться на сыне купца. Возражения только они усилили упрямую решимость Марты делать то, что она хотела. Даже если бы я не любила его, я бы вышла за него замуж из принципа только потому, что его отец был торговец и потому, что весь этот классный бизнес был глупостью без важность. Кроме того, у Герберта был талант. Какой талант был трудным

специфицировать. Но каким бы ни был этот талант, он был уничтожен в офис аукциониста. Их семьсот фунтов в год дадут им свободу. Быть практически долг выйти за него замуж.

- Мужчина есть мужчина, несмотря ни на что, - заявил он отцу, цитируя, в надежда уговорить его, его любимого поэта; она сама думала, что Бернс был слишком грубо и не очень духовно.

- А баран-это баран, — возразил Мистер Постгейт. - И насекомое насекомое, несмотря ни на что.

Марта яростно покраснела и повернулась к нему спиной, ничего не сказав. Три недели спустя она и почти пассивный Герберт были женаты.

Ну, теперь Сильвии было шесть лет, и это было довольно много работы; маленький пол, который был хитрым и имел аденоиды, он только что сделал пять; и Герберт, под влияние жены неожиданно обнаружило, что ее таланты были в художественная реальность, будучи в то время художником с установленным репутация некомпетентности и безжизненности. После каждого подтверждения его отсутствия успех, он выставлял напоказ, более вызывающе, скандал с рюкзаком, скандалы с короткие брюки и борода. Марта, тем временем, говорила о внутренности искусство Герберта. Им удалось убедить себя, что именно их превосходство это мешало им получить признание, которого они заслуживали. Отсутствие успеха Герберт был даже доказательством (хотя, возможно, не самым видом удовлетворительное доказательство) этого превосходства.

- Но день Герберта настанет, - пророчески утверждала марта. — Он должен прибыть.

Тем временем маленький дом был переполнен непроданными картинами. Аллегорические, они были написаны без особой тщательности в индийском стиле древний, хотя и умеренный, всякий раз, когда восточные оригиналы распадались слишком похотливо для осиной груди и талии и бедер, как Луна, по меланхоличная респектабельность Пуви де Шаванна.

-И позвольте мне умолять вас, Герберт — - это были советы

прощание с Джудит, когда они ждали на платформе поезда, который доставит их из возвращайся в домик в лесу. - Позвольте

мне умолять вас: постарайтесь быть немного более неприлично в своих кадрах. Не так шокирующе чисто. Вы не знаете как бы я был счастлив, если бы мог быть по-настоящему непристойным хотя бы раз. Действительно непристойно.

Марта подумала, что было облегчением дистанцироваться от подобных вещей. Джудит было много… Его губы улыбались, его рука махала на прощание.

- Разве не замечательно вернуться в наш милый маленький дом! — она он воскликнул, когда такси въехало на неровности по дороге, пересекающей земля до садовых ворот. - Разве это не замечательно?

- Чудесно, - сказал Герберт, заставляя послушный ум эхом отозваться о своем экстазе несколько вынужденно.

- Замечательно! - с удивлением повторил Маленький пол из-за аденоид. Я был хорошим ребенком, когда не делал утро, и всегда он говорил и делал то, что от него ожидали.

Из окна такси Сильвия критически смотрела на длинный низкий дом среди деревьев.

- Я думаю, что дом тети Джудит красивее, - решительно заключил он.

Марта повернулась к ней со сладким озарением своей улыбки.

- Дом тети Джудит больше и намного роскошнее, - сказал он. - Но это дом, моя дорогая. Наш собственный дом.

— Тем не менее, мне больше нравится дом тети Джудит, — настаивала Сильвия.

Марта улыбнулась ему в прощении и покачала головой.

— Когда вырастешь, поймешь, о чем я, — заговорил он. “Один странный ребенок, - думал он, - трудный ребенок.“Не как Пол, который был таким легкий. Слишком легко. Пол принимал предложения, делал то, что ему говорили, колориа-если с цветами духовной среды. Сильвия-нет. У нее была собственная воля. Пол был похож на своего отца. В девочке марта видела что-то свое упрямство, страсть, решительность. Если бы эта воля могла быть направлена… Но проблема в том что она была слишком часто враждебной, неохотной, противоположной. Марта

он вспомнил тот плачевный случай, несколько месяцев назад, когда Сильвия приступ гнева из-за того, что ему не разрешили делать то, что он хотел сделать, плюнул на лицо отца. Герберт и Марта договорились, что она должна быть наказана. Но как? Не побои, естественно, побои не могло быть и речи. Вещь важно было заставить ребенка понять ужас того, что он сделал. Наконец они решили, что лучше всего Герберт будет много с ней разговаривать серьезно (но очень мягко, конечно), а затем позволить ей выбрать свой собственное наказание. Пусть ее совесть решит. Это казалось идеей превосходный.

- Я хочу рассказать тебе историю, Сильвия — - сказал Герберт той ночью, положив ребенка на колени. - О маленькой девочке, у которой был отец, который

очень, очень любил. - Сильвия посмотрела на него с подозрением, но ничего не сказала.

— И однажды эта маленькая девочка, которая иногда была немного переполненной девочкой, хотя я не верю, что это было действительно плохо, я делал одну вещь, которая это было неправильно или хорошо для нее. И отец сказал ему не делать этого. И что вы думаете эта маленькая девочка сделала? Она плюнула отцу в лицо. А отцу было очень грустно. Потому что то, что сделала ваша маленькая девочка, было неправильно, не так ли? - Сильвия кивнула вызывающе. - И когда кто-то делает что-то не так, это должно быть наказан, не так ли? - Ребенок снова кивнул. Герберт был доволен; его слова вступили в силу; ее совесть была затронута. О голова ребенка он обменялся взглядом с Мартой. - Если бы ты был этим отцом, и девушка, которую ты так любил, плюнула тебе в лицо, что бы ты получил готово, Сильвия?

- Плюнул в ответ, - яростно и без колебаний ответила Сильвия.

Вспоминая эту сцену, марта вздохнула. Сильвия была трудной, Сильвия была определенно проблема. Такси остановилось у ворот; Клэкстон разгрузился себя и багаж. Столкнувшись с недостаточным чаевым, водитель сделал сцену обычно. Неся рюкзак, Герберт отвернулся от него с достойным терпение. Я привык к таким вещам; это было хроническое мученичество. О неприятная обязанность платить всегда была его. Марта просто предоставила деньги

— а с какой крайней неохотой, нарастающей с каждым годом! Он всегда стоял между огонь от недостаточного чаевых и сковорода от жадности Марты.

- Четырехкилометровая поездка и чаевые в два пенселя — закричал водитель на рваную спину уходящего Герберта.

Марта жаловалась даже на два пенса. Но конвенция требовала, чтобы некоторые чаевые были даны. Условности-глупые вещи; но даже дети дух должен был пойти на уступки миру. В этом случае марта была готовы сделать грант до максимум двух пенсов. Не более. Герберт знал, что она будет очень зол, если он даст больше. Не открыто, конечно; это не ясно ум. Она никогда не выходила из себя или улыбка на видные глаза. Но его неодобрение Клементе было бы тяжело на него несколько дней. И в течение нескольких дней она нашла бы оправдания сэкономить, чтобы иметь возможность компенсировать огромную расточительность чаевых шесть пенсов вместо двух. Их сбережения были в основном на еду, и его оправдание всегда было духовным. Еда была грубой; жить хорошо было несовместимо с хорошим мышлением; было ужасно думать о голодных бедняках в то время как люди жили в роскошном обжорстве. Там будет разрез в масле и в каштанах, в самой вкусной зелени и в лучших фруктах. Трапеза они все больше и больше будут состоять исключительно из кашицы, картофеля, капусты, хлеба. Только когда первоначальная экстравагантность была компенсирована в сто раз, это Марта начала расслабляться в своем аскетизме. Герберт никогда не решался затребовать. После одного из этих приступов жизни под основными потребностями он

долгое время он старался избегать других излишеств, даже когда, как в этом случае, его сбережения привели его к болезненному конфликту и унизительно с теми, над кем они практиковались.

— В следующий раз за бороду буду брать дороже, — кричал водитель.

Герберт прошел через порог и закрыл за собой дверь. Спасено! Сняла рюкзак и аккуратно положил его на стул. Толстый, вульгарный, животный! Но в любом случае он ушел с двумя пенсами. У Марты не было бы причина сокращения поставок гороха. Кротким и духовным образом, Герберт очень любил

поесть. Марта тоже-угрюмо и насильственный. Поэтому она стала вегетарианкой, поэтому ее сбережения были всегда за счет желудка-именно потому, что я так любил есть. Она страдал, когда лишался вкусного лакомства. Но был смысл, в котором она любила свои страдания больше, чем угощение. Отрицая себя, она чувствовала все свое быть излучаемым сиянием силы; страдая, она становилась сильнее, ее воля становилась сильнее. он укреплялся, его энергия увеличивалась. Запруженные инстинкты поднимались, не останавливаясь позади. стены добровольного умерщвления, глубокие и тяжелые с потенциалом силы. В борьбе между инстинктами любовь Марты к власти была в целом достаточно сильного ума, чтобы победить его обжорство; среди иерархии удовольствий радость от превышения сознательной личной воли была более интенсивной, чем радость от употребления даже мятного шоколада или клубники со сливками. Ни всегда, однако; ибо были случаи, когда, побежденные внезапным желанием и неотразимая марта покупала и за один день тайно потребляла килограмм целые шоколадные конфеты, бросаясь на конфеты с тем же тяжелое насилие, которое характеризовало его страсть к Герберту. С прохождением время и уменьшение после рождения двух детей их физической страсти для мужа оргии Марты между конфетами стали более посещать. Как будто их жизненная энергия была вынуждена закрытие полового канала, поиск стока в сладостях. После одна из этих оргий Марты всегда становилась более серьезной, чем в его аскетическая духовность.

Через три недели после того, как Клэкстон вернулся в свой маленький домик в лесу, он вспыхнул война.

- Она изменила большинство людей — - прокомментировала Джудит на третьем курсе война. - Кое-что изменил до неузнаваемости. Не Герберт и Марта в тем временем. Это только сделало их больше… больше похожи на себя, чем были раньше. Любопытный — она покачала головой. - Очень любопытно.

Но это было не любопытно: это было неизбежно. Война не могла не усилить все, что было характерно гербертовским и мартейским в Герберт и Марта. Она усиливала свое чувство отдаленного превосходства, разделяя-тем более из общего стада. Ибо в то время как простые люди верили на войне Они сражались и работали, чтобы победить, Герберт и Марта

они категорически не одобряли ее, потому что были частично буддистами., частично социалисты и частично толстовцы, они отказались участвовать эта чертова штука. В разгар всеобщего безумия только они были в здравом уме. И его превосходство было доказано и божественно омрачено преследованием. А неофициальное неодобрение уступило место после закона Об обязательном призыве на военную службу официальные репрессии. Герберт заявил о сознательном возражении. Он был отправлен работа на земле в Дорсете, мученик, другой человек и духовно выше. Акт жестокого военного министерства имел его определенно продвигается за пределы рядов обычного человечества. Дессе продвижение марта участвовала в расширении. Но что более мощно это стимулировало ее духовность это было не преследование военного времени, но финансовая нестабильность военного времени, рост цен в время войны. В первые недели замешательства она запаниковала; он думал, что все его деньги потеряны, он видел себя с Гербертом и дети, голодные и бездомные, попрошайничающие от двери к двери. Немедленно уволил двух горничных, сократил запасы продовольствия в семье до одной тюремный рацион. Время шло, и его деньги приходили, как всегда. Но Марта была так в восторге от сбережений, которые она сделала, что не хотела возвращаться в старый образ жизни.

- В конце концов, не очень приятно иметь в доме незнакомцев, чтобы служить нам — - утверждал он. - Кроме того, почему они должны служить нам? Они так же хорошо, как и мы. - Это была лицемерная дань христианской доктрине; на самом деле, они они были неизмеримо неполноценны. - Просто потому, что оказывается, что мы способны платить им, поэтому они должны служить нам. Это всегда заставляло меня чувствовать неловко и стыдно. Не тебе, Герберт?

- Всегда, - сказал Герберт в вечном согласии с женщиной.

— Кроме того, я думаю, что каждый должен делать свою работу. Не будь он должен потерять связь с маленькими и скромными реалиями жизни. Я чувствую действительно счастливее с тех пор, как я начал делать домашнюю работу. Вы не?

Герберт кивнул.

- И это так хорошо для детей. Учит их смирению и долгу.

Переход без горничной экономил сто пятьдесят фунтов в год. Но

экономия, которую она сделала на еде, вскоре была уравновешена результаты дефицита и инфляции. С каждым повышением цены энтузиазм Марта по аскетической духовности становилась все более ожесточенной и глубокой. Так как его убеждение, что дети будут испорчены и превращены в мирские люди на случай, если они отправят их в дорогую школу-интернат. “Герберт и я очень верю в домашнее образование, не так ли, Герберт? И Герберт я согласилась, что они очень верили. Домашнее обучение без экономка, настаивала марта. Почему нужно позволить ребенку быть под влиянием неизвестных? Может быть, плохо под влиянием. В любом случае,

не зависит от того, как родители будут влиять на вас. Человек они нанимали гувернанток, потому что им не нравилась тяжелая работа по обучению их дети. И, естественно, работа была действительно тяжелой — тем сложнее, чем более высокими были идеалы. Но не стоило жертвовать ради дети? С этим утешительным вопросом улыбка Марты склонилась в полумесяц духовности больше, чем обычно. Конечно, это того стоило. О работа была непрекращающимся удовлетворением-не так ли, Герберт? Ибо что это может быть вкуснее, приятнее для души, чем помогать сами дети растут красиво, направляют их, формируют их характер в идеальными способами, вывести свои мысли и желания на самые благородные каналы?Не по любой обязательной системе, естественно; дети не должны быть никогда не принуждался; искусство образования заключалось в том, чтобы убедить детей формировать-если в самых идеальных формах это было показать им, как быть создателями их сами высшие я должны были привнести в них энтузиазм по поводу того, что описала марта, соответственно, как “самоскульптура”.

В Сильвии, мать должна была признать, что это искусство образования было трудно быть практиковать. Сильвия не хотела лепить себя, по крайней мере, не в формах, которые марта и Герберт считал их самыми красивыми. Она была, почти на одном уровне, обескураживает боль., лишенный того чувства моральной красоты, на которое Клэкстон полагался как средства образования. Было некрасиво, ему говорили, быть грубым, не подчиняться, говорить уродливые вещи и говорить ложь. Было прекрасно быть добрым и нежным, послушным и честным. “Но нет я не против быть уродливой”, - ретурвирует Сильвия. Не было никакого возможного ответа, кроме как избиение; и избиения противоречили принципам Клэкстона.

Для Сильвии эстетическая и интеллектуальная красота, казалось, так мало значила что касается моральной красоты. Какие трудности у них были, чтобы заставить ее интересуюсь фортепиано! Это было еще более необычно, считала мать, потому что Сильвия была явно музыкальной; когда ей было два с половиной года, она уже знала пойте трех мышей, не расстраиваясь. Но я не хотел изучать весы. Мать он рассказал вам о чудесном маленьком мальчике по имени Моцарт. Сильвия ненавидела Моцарта. “Нет, нет!”- кричала она всякий раз, когда мать упоминала ненавистное имя. “Не я хочу слушать.“И чтобы не слышать, она подносила пальцы к уши. Тем не менее, в девять лет она могла прикоснуться к веселой крестьянке с самого начала до конца без ошибок. Марта все еще надеялась превратить ее в музыканта семья. Пол, тем временем, был будущим Джотто; было решено, что он он унаследовал таланты отца. Он принял эту карьеру так же покорно, как и раньше согласился научиться читать. Сильвия, с другой стороны, просто отказывалась читать.

- Но подумайте, как это будет замечательно, когда вы сможете открыть книгу и читать все прекрасные вещи, которые люди написали! - говорила марта Томом. в ловушке. Его слова, однако, не имели никакого эффекта.

- Мне больше нравится шутить — - говорила Сильвия, упрямая, с таким выражением лица

в плохом настроении, которое грозило стать таким же хроническим, как улыбка матери. Верные своим принципам, Герберт и Марта позволяли ей играть; но это была боль для них.

— Ты так огорчаешь папу и маму, - говорили они, пытаясь апеллировать для ваших лучших чувств. - Так грустно. Почему бы не попробовать читать, чтобы сделать счастливы ваши папа и мама? - Ребенок смотрел на них с выражением лица от злого и упрямого несчастья, и качал головой. - Просто чтобы угодить нам — просить. - Ты нас так огорчаешь. - Сильвия грустно смотрела с лица Климент другому и расплакался.

- Злые, - рыдал инкоэ близко ум. — Злой. Уходите. — Она ненавидела их за то, что они грустят, за то, что они делают ее грустной. - Нет, уходите, уходите. хотя-кричал, когда ее пытались утешить. Она безутешно плакала; но читать не хотел.

Пол, с другой стороны, был удивительно обучаемым и формируемым. Медленно (потому что с его аденоидами он был не очень умным ребенком), но со всей покорностью, которую только можно пожелать, он научился читать о обувной кот в кустах и предметы жанра. “Послушай, как хорошо читает пол”, марта он говорил, надеясь пробудить в Сильвии дух подражания. Но Сильвия он просто делал вид презрения и выходил из комнаты. В конце концов она научилась читать тайно, через несколько недель. Гордость родителей этим подвигом это уменьшилось, когда они обнаружили ее мотивы для прилагать большие усилия.

- Что это за ужасная книжка? - спросила Марта, поднимая копия Ника Картера и убийц с бульвара Мичиган, которую она обнаружил тщательно спрятанный под зимней одеждой Сильвии. Na на обложке был рисунок человека, которого сбросили с потолка небоскреба за гориллу.

Ребенок вырвал книгу из ее руки.

- Это красивая книга, — резко покраснел он, с гнев, который усиливался его чувством вины.

- Дорогая, - сказала Марта, красиво улыбаясь на поверхности своего раздражение — вы не должны ухватиться за такие вещи. Некрасиво.

- Мне все равно.

- Позвольте мне взглянуть на него, пожалуйста. - Марта протянула руку. Улыбнулся, но его бледное лицо было тяжело решено, его глаза были упорядочены.

Сильвия столкнулась с ней, упрямо покачала головой.

- Нет, я не хочу, чтобы ты это видел.

- Пожалуйста — - попросила мать, более снисходительная и властная, чем когда-либо. — В услуга. - И, наконец, с внезапным всплеском слезливой ярости Сильвия вручил книгу и побежал в сад.

- Сильвия, Сильвия! - позвал маму. Но ребенок не вернулся. Смотреть мать, нарушающая секреты своего личного мира, была бы невыносимой.

Из-за аденоидов пол выглядел и был почти придурком. Хотя нет будучи саентологом, марта не верила врачам; в частности мне все еще не нравились хирурги, возможно, почему они были такими дорогими. Оставил аденоиды Павла на месте; они выросли и воспалили горло. В с ноября по май он никогда не был без простуды, тонзиллита, боли на слух. Зима 1921 года была особенно плохой для пола. Это началось с грипп, который превратился в пневмонию, заразился корью во время выздоровление и в Новый год развилась инфекция среднего уха, которая это грозило навсегда оставить его глухим. Врач категорически рекомендовал операция, лечение, период выздоровления в Швейцарии высота и на солнце. Марта не решалась последовать его совету. Это закончилось так она твердо убеждена в своей бедности, что не видит, как она может сделать то, что доктор велел. В своем недоумении он написал Джудит. Два дня спустя, Джудит лично прибыла.

- Но ты хочешь убить мальчика?- яростно спросила сестра. — В кто не вытащил его из этой грязной, влажной дыры несколько недель назад?

Через несколько часов она все починила. Герберт и Марта будут путешествовать сразу с мальчиком. Они без остановок направятся в Лозанну на поезде-спальня.

— Но уж точно спальный поезд не нужен, - возразил он Марта. - Ты забываешь (она красиво улыбалась), что мы простые люди.

- Я просто помню, что у вас с собой больной ребенок — - сказала Джудит, и поезд был забронирован.

В Лозанне его прооперировали. (Дорогая телеграмма в клинику с платный ответ; бедная марта страдала.), И когда он был достаточно хорош, он пошел бы в санаторий в Лейсине. (Еще одна телеграмма, по которой, однако, Джудит платить. Марта забыла отдать ему деньги.) Марта и Герберт, в то время как это, они будут искать хороший отель, где пол будет присоединиться к ним, как только его лечение закончилось. И они останутся как минимум на шесть месяцев, желательно год. Тем временем Сильвия останется со своей тетей в Англии; это сэкономит у Марты много денег. Джудит попытается найти арендатора для дома в лес.

- И они все еще говорят о дикарях! - прокомментировала Джудит мужу. — Я никогда не видел такого людоеда, как Сильвия.

Я думаю, это то, что дает родителям-вегетарианцам.

- Бедное маленькое существо! - продолжала Джудит с возмущенной жалостью. - В иногда мне хочется утопить марту, она мудак, преступник. Создать эти дети никогда не позволяют им приблизиться к детям их возраста! Это возмутительно! И говорить с ними о духовности, Иисусе, ахимсе и красота и Бог знает что еще! И не желая, чтобы у них были глупые шутки, но пусть они будут художественными! И всегда хорошая, даже когда она в ярости! Быть

ужасно, действительно ужасно! И так глупо. Разве она не видит, что лучше способ превратить ребенка в демона-попытаться воспитать его как ангел? Ах, хорошо… - Вздохнула и замолчала, задумчиво; у нее самой детей не было и, если бы врачи были правы, у меня их никогда бы не было.

Прошли недели, и постепенно маленький дикарь стал цивилизованным. Его первые занятия были посвящены искусству умеренности. Еда, которая в доме Bamborough была хорошей и обильной, сначала она представляла собой ужасную искушение для ребенка, привыкшего к аскезам духовной жизни.

- Завтра будет еще, - говорила Джудит, когда ребенок просил еще одну порция пудинга. - Ты не змея, понимаешь? Не могу хранить то, что съешь слишком много сегодня для обедов на следующей неделе. Единственное, что может делать с таким количеством еды-значит болеть из-за нее.

Сначала Сильвия настаивала, плакала и делала утро, желая большего. Но почему к счастью, как сказала Джудит мужу, К счастью, у нее была нежная печень. Пророчества тети исполнялись пунктуально. После трех или четырех атак Сильвия научилась контролировать обжорство. Его следующий урок был о послушание. Послушание, которое она привыкла давать своим родителям, было медленным и злым воля. Герберт и Марта никогда не приказывали, в принципе, только предлагали. Это была система, которая почти заставила ребенка привыкнуть говорить автомат не к любому предложению, которое было сделано ему. “Нет, нет, нет!”, она он начинал, а затем постепенно

позволял себе уговаривать, убеждать или трогать себя, по выражению родительской печали, к отсроченному и обычно повиновению обижаться. Наконец, кивнув, она почувствовала темную обиду на тех, что они не обязали ее повиноваться. Как и большинство детей, я бы хотел, чтобы меня принудительно освободили от ответственности за свои собственные поступки; она злилась на мать и отца за то, что они заставляли ее тратить столько энергия в сопротивлении им, так много болезненных эмоций в уходе наконец ваша воля будет освоена. Было бы намного проще, если бы они если бы они настаивали с самого начала, они бы заставили ее подчиниться. немедленно, и таким образом избавили его от всех усилий и духовной боли. Он горько возмущался непрекращающимся призывом к своим лучшим чувство. Это было несправедливо, это было несправедливо. Они не имели права улыбаться и простить и заставить ее почувствовать себя животным, наполнить ее печалью за себя разочароваться. Я чувствовал, что они каким-то образом воспользовались жестоко ее. И только потому, что ненавидел, когда им было грустно, она злая и сознательно старался изо всех сил говорить и делать то, что больше всего горько огорчит их. Одна из его любимых уловок заключалась в том, чтобы угрожать ” уйти и ходить по доске над плотиной”” Между спокойным озером и мелкой речкой воды тихие на мгновение становились ужасными. Плотина в канале пролив из неаккуратной кладки, два метра водопада падали с криком непрекращающийся в темном, извилистом озере. Это было ужасное место. С чем

частота родители умоляли его не играть возле плотины! Угроза она заставляла их повторять ее рекомендации; они умоляли, чтобы это было разумный. ” Нет, я не буду разумным”, - кричала Сильвия и бежала в сторону плотина. Если на самом деле она никогда не отваживалась на расстояние менее трех метров от Громовая пропасть, это было потому, что я боялся намного больше, чем родители. Но я был настолько близок, насколько осмелился ради удовольствия (удовольствия, которое она ненавидела), чтобы слушать мать выражает свою меланхоличную печаль, имея такую непослушную дочь, эгоистичный и дикий. Она попробовала тот же трюк с тетей Джудит.

- Я пойду в лес одна, - угрожала однажды, разъяренная. Для вашего удивляясь, вместо того, чтобы умолять его быть разумным и не огорчать взрослые, находящиеся в опасности из-за непослушания, Джудит только пожала плечами.

- Вы можете пойти, если действительно хотите сыграть дурака — - сказал он, не отрывая глаз от ваше письмо.

Возмущенная Сильвия ушла; но боялась остаться одна в огромном лесу. Только гордость помешала ей немедленно вернуться. Мокрый, грязный, слезливый и поцарапанная, она была возвращена через два часа сотрудником.

- Какая удача! - прокомментировала Джудит мужу. - Какая огромная удача, что а маленький идиот заблудился.

Схема вещей была организована против правонарушений ребенка. Но Джудит не полностью полагалась на схему вещей, чтобы придать ей силы код; она сама устраивала собственные санкции. Послушание должно было быть мгновенным, иначе последствия будут мгновенными. Раз Сильвии удалось вызвать у тети настоящий гнев. Сцена вызвала у него глубокое впечатление. Через час пробрался неуверенно и смиренно до того места, где сидела тетя.

- Простите, тетя Джудит, - сказала она. — Извинять. - И разразился слезами. Быть в первый раз она спонтанно попросила прощения.

Классы, которые больше всего помогли Сильвии, были те, где она училась у другие дети. После нескольких неудачных экспериментов и снова и снова болезненная, научилась играть, вести себя как равная среди равных. До так что она жила исключительно как хронологическая низшая среди взрослых, в состоянии непрекращающегося восстания и партизанской войны. Его жизнь была большой Рисорджименто против снисходительных и добрых австрийцев, Бурбонов, которые улыбаются красиво. С маленькими отстойниками дома в конце улицы, маленькие Холмс из дома напротив она внезапно оказалась вынужденной приспособиться к демократия и парламентское правительство. Сначала были трудности; но когда, наконец, маленькая преступница развила искусство вежливости, она стала необычайно счастлив. Взрослые исследовали общительность детей, чтобы их собственные образовательные цели. Джудит создала любительский театр; был молодежная презентация Сон в летнюю ночь. Миссис Холмс, которая была музыкант, он организовал в хоре энтузиазм детей по поводу создания

шум. Асра. Картер учил их народным танцам. Через несколько месяцев Сильвия она приобрела всю ту страсть к высшей жизни, которую пыталась ее мать влить его годами, всегда напрасно. Она любила поэзию, любила музыку, она любила танцы-несколько платонически, это было правдой; ибо Сильвия была этих врожденно неуклюжих и эстетически нечувствительных существ, чьи искренняя страсть к искусству всегда обречена не быть завершенной. Она он любил горячо, но напрасно; но он не был несчастен, потому что у него еще не было, возможно, осознание невозможности. Любил даже арифметику и география, английская история и французская грамматика, которую Джудит устроила для пусть она научится вместе с маленьким Картером и грозным их домработница.

- Ты помнишь, какой она была, когда приехала? - спросила Джудит муж однажды.

Он кивнул, мысленно сравнивая сварливого маленького дикаря девять месяцев назад с серьезным ребенком и горячим энтузиазмом, который закончился выйти из комнаты.

- Я чувствую себя укротителем львов — - продолжила Джудит с смех, который скрывал великую любовь и великую гордость. - Но что делать, Джек, когда Лев обращается к высокому англиканству? Долли Картер в настоящее время подготовлена к подтверждению, и Сильвия заразилась. - Вздохнула Джудит. — Я думаю, что она думает, что мы оба обречены.

- Она тоже была бы обречена, если бы не сделала этого, - ответил Джек философски. - Гораздо серьезнее осужден, потому что был бы осужден в этом мире. Это был бы ужасный недостаток в ее характере, если бы в этом возрасте она не верьте в какую-нибудь улитку.

- Но что, если она продолжит верить в это? - спросила Джудит.

Марта, тем временем, не наслаждалась Швейцарией, возможно, потому, что физически это сделало бы его слишком хорошим. Было ли что-то неприличное в таком здоровье идеально, как в Лейсине. Это было тяжело, когда человек чувствовал себя так полный духовного животного, думать с большой заботой о человечестве страдалец и Бог, о Будде и высшей жизни и т. д. Она возмущалась веселым свободный и беззаботный эгоизм

собственного здорового тела. Периодически разбуженная чувством вины, что она провела часы и даже дни без думать ни о чем, кроме удовольствия сидеть на солнце, дышать воздухом ароматный под соснами, от прогулок по высоким лугам, сбора цветов и созерцая пейзаж, она отправится в духовную кампанию интенсивно; но через короткое время солнце и яркий воздух были слишком большими для она, и она снова впадала в позорно безответственное состояние просто благополучие.

- Я буду рад, когда Пол поправится, и мы сможем вернуться в

Англия-говорила.

И Герберт согласился с ней, отчасти из принципа, потому что смирился с его экономическая и моральная неполноценность всегда с ней соглашалась, и отчасти потому что он тоже, хотя и был здоров, как никогда, нашел Швейцарию духовно неудовлетворительно. В стране, где все носили короткие штаны, открытая рубашка и рюкзак, не было превосходства, не было разницы в одеваться так. Скандал с цилиндром был бы в Лейзине эквивалентом крестный скандал; он чувствовал себя нечетко ортодоксальным.

Через пятнадцать месяцев после его отъезда Клэкстон вернулся в дом в лес. Марта простудилась и страдала от люмбаго; лишен упражнения на горе, Герберт уже поддавался атакам своей старухи хронический враг, запор. Они были переполнены духовностью.

Сильвия также вернулась в дом в лесу, и в течение первых нескольких недель она была тетя Джудит сюда и тетя Джудит туда, в доме тети Джудит мы так поступали, тетя Джудит никогда не заставляла меня делать это. С красивой улыбкой, но обида не в глубине души Марта говорила:"моя дорогая, я не тетя Джудит". Я действительно ненавидел свою сестру за успех там, где она потерпела неудачу. "Вы сделали чудеса с Сильвией, - писала она Джудит, - и мы с Гербертом никогда не будем достаточно ума благодарны."И говорил то же самое в разговоре с друзьями. "Мы никогда не будем достаточно благодарны, не так ли, Герберт? И Герберт готов он согласился, что никогда не будет достаточно благодарных умов. Но чем больше благодарности это было из-за и даже преувеличенно по отношению к сестре, чем больше Марта ненавидела ее, тем больше у нее было гнева об успехе и влиянии

Джудит на ребенка. Нельзя отрицать, что влияние было хорошим; но именно поэтому марта возмущалась ее. Для нее было невыносимо, чтобы легкомысленная и Недуховная Джудит могла это сделать влиять на ребенка легче, чем он когда-либо мог. Прощается с глупой, невоспитанной и непослушной Сильвией, полной ненависть и бунтарь за все, чем восхищались родители; он вернулся и нашел Сильвия хорошо себя ведет, добрая, страстно интересуется музыкой и поэзия, искренне озабоченная вновь обнаруженными проблемами религия. Это было невыносимо. С терпением марта приступила к работе, чтобы подорвать влияние сестры на ребенка. Присвоение работы Джудит сделало ее задачу более легкий. Ибо благодаря Джудит Сильвия теперь была податливой. Контакт с детьми его возраст согревал, смягчал и сенсибилизировал ребенка, смягчал его дикий эгоизм и заставил ее открыться внешним влияниям. О обращение к вашим лучшим чувствам теперь может быть сделано с уверенностью, чтобы вызвать положительный ответ, а не бунтарский отрицательный. Марта сделала каждый момент это обращение, и умело. Discorria (с красивой отставка, логично) о бедности семьи. Если тетя Джудит допустила много вещи, которые не были сделаны и разрешены в доме в лесу, это было потому, что тетя Джудит была намного богаче. Я мог бы позволить себе много роскоши, которую Клэкстон не мог

могли бы. “Не то чтобы мы с твоим отцом были против обойтись без таких льгот”, Марта настаивала. “Наоборот. Это действительно благословение не быть богатым. Вы сами помните, что Иисус сказал о богатых.“Сильвия вспомнила и осталась вдумчивый. Марта развивала предмет; тот факт, что человек может позволить себе некоторые предметы роскоши имели определенный эффект увечья и отчаивания. Это было слишком просто стать легкомысленным. Инсинуация, конечно же, заключалась в том, что тетя Джудит и дядя Джек если бы они были испорчены легкомыслием. Бедность сохранила Клэкстон об этой опасности-бедности а также, настаивала марта, ее собственная заслуга воля. Потому что они могли бы содержать хотя бы одну горничную, даже в трудные времена; но они предпочитали обходиться без нее, ” потому что, знаете, служить лучше которые будут обслуживаться”. Иисус сказал, что путь Марии был лучше, чем путь Марии. Куница. “Но я Марта, - говорила марта Клэкстон, - которая пытается быть Марией также. Марта и Мария — это лучший путь из всех. Практическое обслуживание и созерцание. Его отец не из тех художников,

которые эгоистично уходят от контакт со скромными фактами жизни. Это Создатель, но он не гордится слишком много, чтобы сделать самый скромный сервис.“Бедный Герберт! Он не мог отказаться от самой скромной службы, когда марта приказала. Некоторые художники, Марта продолжала, они думали только о немедленном успехе, они работали только с прицелом на прибыль и аплодисменты. Но отец Сильвии, напротив, был тем, кто воспитывал без думая о публике, я делал это только во имя правды и красоты.

В сознании Сильвии эти речи и тому подобное постоянно Повторяемые с вариациями во всех эмоциональных тонах, они имели эффект глубокий. Со всем энтузиазмом полового созревания она желала быть хорошей, духовной и бескорыстная, она жаждала пожертвовать собой, несмотря ни на что, до тех пор, пока по благородному делу. Теперь мать предоставила ему причину. Сдался она со всей упрямой энергией своей натуры. С какой свирепостью она учился игре на фортепиано! С какой решимостью я читал целые самые скучные книги! У него была записная книжка, в которой он копировал самые вдохновляющие отрывки из своего чтения и другой, в котором он записывал свои добрые решения, а вместе с ними и в дневнике замученные и хронически полные раскаяния, неудачи в выполнении определенных резолюции, ваши падения от благодати. “Обжорство. Я обещал, что съем только одну сливу. Я съел четыре на обед. Нет завтра. O. D. M. A. A. S. B.”

Что означает O. D. M. A. A. S. B.? - спросил пол со злым умыслом, однажды.

Сильвия сильно покраснела.

- Вы читали мой дневник! — воскликнуть. - Ах, ваше животное, ваше зверек. - И вдруг бросилась на брата, как ярость. Нос он истекал кровью, когда ему удавалось уйти от нее. - Если я сделаю это снова, я убью ты. - И, стоя там, с хихикающими зубами и дрожащими ноздрями, волосами растрепанная, она, казалось, была серьезна. - Я убью! — повторять. Ваш гнев это было оправдано; O. D. M. A. A. S. B. означало “О, Боже, помоги мне быть хорошей”.

Той ночью она разыскала Павла и попросила прощения.

Тетя Джудит и дядя Джек пробыли в Америке почти год.

- Иди, конечно — - сказала Марта, когда пришло письмо Джудит с приглашением Сильвия, чтобы провести с ними несколько дней в Лондоне. - Вы не должны пропустить возможность побывать в опере и на этих замечательных концертах.

- Но справедливо ли это, мамочка? - нерешительно спросила Сильвия. - Я имею в виду, нет я хочу повеселиться в одиночестве. Кажется, в некотором смысле…

- Но ты должен уйти, - прервала ее марта. была так уверена в Сильвии теперь, когда я не боялся Джудит. - Для такого музыканта, как ты, это нужно слушать Парсифаль и Волшебную флейту. Я хотел взять ее сам в этом году что происходит; но теперь, когда появилась возможность в этом году, вы должны принять ее. С благодарностью, - добавил он, подслащивая улыбку.

Сильвия ушла. Парсифаль был как ходить в церковь, только гораздо торжественнее. Сильвия он слушал с почтительным волнением, которое, однако, было прервано навсегда когда по совести неактуально, даже неблагородно — но так больно! - , что ее платье, ее носки и ее туфли были ужасно разными из тех, кто носил эту девочку своего возраста, которую она заметила в очереди за его, когда он вошел. И девушка, казалось ему, ответила на его взгляд презрение. Вокруг Святого Грааля раздался взрыв колоколов и рева гармоничный. Ей было стыдно за то, что она думала о недостойных вещах в наличие тайны. И когда в перерыве тетя Джудит предложила ему мороженое, она почти с негодованием отказалась.

Тетя Джудит была удивлена.

- Но ты любил мороженое.

- Но не сейчас, тетя Джудит. Не сейчас. - Мороженое в церкви-что кощунство! Она пыталась думать о Граале. Взгляд на зеленые атласные туфли и красивый искусственный цветок сирени плыл перед вашим внутренним зрением.

На следующий день они пошли за покупками. Это было яркое утро без облака, начало лета. Витрины галантерейных магазинов на Оксфорд-стрит они распустились в светлых и ярких тонах. Восковые манекены все были готовы отправиться в Аскот, в

Хенли, они уже думали в игре между Итоном и Харроу. Тротуары были заполнены людьми, огромный приглушенный шум наполнял воздух, как туман. Алые и золотые автобусы они выглядели величественно, и солнечный свет мерцал богатым маслянистым сиянием на вощеные бока проезжающих лимузинов. Небольшая процессия безработные прошли спокойно, с чаранг впереди, играя веселые песни, как будто они счастливы быть безработными, как будто быть голодным-настоящее удовольствие.

Сильвия не приезжала в Лондон почти два года, и эти толпы, этот шум, это бесконечное количество любопытных и красивых вещей в каждой яркой витрине

они забрались ему в голову. Она чувствовала себя еще более возбужденной, чем она чувствовала себя в Парсифаль.

В течение часа они гуляли внутри Селфриджа.

- А теперь, Сильвия, теперь ты можешь выбрать платье, которое тебе нравится — сказала тетя Джудит, когда она наконец закончила со всеми пунктами в своем списке. Она сделала жест рукой. Летняя выставка моды для Мисс он окружал их со всех сторон. Сирень и алый, розоватый и зеленый, синий и пурпурные, белые, цветущие, с пятнами, своего рода клумба из платьев J ovens. - Что хочешь, - повторила тетя Джудит. - Или, если вы предпочитаете платье на ночь…

Зеленые атласные туфли и большой сиреневый цветок. Девушка смотрела с презрение. Это было недостойно, недостойно.

- Нет, нет, тетя Джудит. - Она покраснела, заикалась. - Правда, нет мне нужно платье. Действительно.

- Еще одна причина, чтобы выиграть, если вам не нужно. Какой из них?

- Нет, правда. Не хочу, не могу… - И вдруг, к удивлению и непонимание тети Джудит, она заплакала.

Это был 1924 год. Домик в лесу грелся на нежном солнце конца апреля. Из открытых окон комнаты раздался звук кабинета Сильвии. Упрямо, с какой-то фиксированной, решительной

яростью она пыталась овладеть вальсом ре-бемоль Шопена. Под его трудолюбивыми и бесчувственными пальцами, каденция и вялость танцевального ритма была афанасо-сентиментальной, как исполнение в рояль Соло горна за пределами бара и быстрое мерцание шестнадцатые ноты в контрастных пассажах были трепетом, когда Сильвия звенел, от механических бабочек, взмахом жестяных крыльев. И она снова играла, снова и снова. В небольшом лесу на другой стороне регаты в задней части сада птички продолжали свою деятельность, невозмутимые. На деревьях новые листья были похожи на духов листьев, почти нематериальные, но яркие, как небольшое пламя, на конце каждой ветви. Герберт сидел на пне дерево посреди леса выполнение этих дыхательных упражнений йога, сопровождаемые самонадеянностью, которые, по его мнению, так хороши для его ареста чрево. Закрыв правую ноздрю длинным указателем, он вдыхал глубоко слева, считая четыре удара сердца. Затем, в течение шестнадцати ударов, он задерживал дыхание и между каждым ударом говорил: сам очень быстро: “у меня нет запоров, у меня нет тюрьмы чрево”. Сделав это заявление шестнадцать раз, он закрывал ноздрю слева и выдохнул, считая до восьми, через правую ноздрю. После от этого все начиналось заново. Левая ноздря была наиболее предпочтительной, поскольку она вдохновляла, вместе с воздухом расплывчатая и сладкая сладость первоцветов, листьев и земли влажный. Рядом с ним, на табурете, пол делал рисунок дуба. Искусство а

любая цена; прекрасное искусство, которое возвышает, бескорыстное искусство. Полу было скучно. Один старое бедное дерево - какой смысл было его рисовать? Вокруг его копья зеленые и острые дикорастущие гиацинты вырисовывались из темных зарослей. Один он проткнул мертвый лист и поднял его в воздух. Еще несколько дней солнце и все копья распустились бы голубыми цветами. Когда твоя мать пол думал, что снова отправит его за покупками на своем велосипеде, он собирался посмотреть, не смогу ли я взимать на два шиллинга больше за покупки вместо одного, как и в прошлый раз. Тогда я мог бы купить шоколад, а также пойти в кино; и, возможно, даже несколько сигарет, хотя это может быть опасно.

- Ну, пол, Как дела? - спросил отец, который взял достаточная доза своего мистического эквивалента слабительного. Встал с пня и он прошел через поляну, направляясь туда, где сидел мальчик. Прохождение время очень мало изменил Герберта; его взрывная

борода все еще была блондинкой как всегда снаружи, он был худым, как всегда, голова не показывала никаких признаков облысение. Только зубы заметно постарели; его улыбка была выцветший и сломанный.

- Но ему действительно стоит пойти к дантисту, - настояла Джудит на сестре, в последний раз, когда они встречались.

- Он не хочет — - ответила марта. - Действительно не верит в них. - Но, возможно, его собственное нежелание расстаться с количеством гиней необходимо иметь какое-то отношение к неверию Герберта в стоматологов. — Сверх из этого Герберт едва воспринимает эти чисто материальные и физические вещи. Живи так погруженный в нуменический мир, едва воспринимающий феноменальный мир. Это действительно не понимает.

- Ну, он должен понять — - ответила Джудит. - Это все, что я могу. сказать. - Она была возмущена.

- Как дела? - повторил Герберт, положив руку на плечо мальчика.

- Пилинг-самое сложное, - ответил пол голосом жалуется и злится.

— Это делает его еще более достойным, - сказал Герберт. — Терпение и работа-это все в жизни. Знает, как великий человек однажды вы определили гения? - Когда-то пол очень хорошо знал, как великий человек он определил гений; но определение показалось ему таким глупым и таким оскорблением личный сам, что он не ответил, просто хрюкнул. — Гений — продолжил Герберт, отвечая на свой вопрос — это способность бесконечное стремление. - В тот момент Пол ненавидел своего отца.

- Один-и-два-и-три-и-один-и-два-и-три-И… - Под пальцами Сильвии ас механические бабочки продолжали махать своими металлическими крыльями. Ее лицо он был напряженным, решительным, раздраженным; великий человек Герберта нашел бы гений в ней. За ее жесткой и решительной спиной мама приходила и уходила с

швабра в руке, пыль. Время сгущало и делало ее вульгарной; она тяжело ходил. Волосы начинали седеть. Когда закончил пыль, вернее, когда ему это надоело, сел. Сильвия, кропотливая, она исполняла свое соло в горне в танцевальном ритме. Марта закрыл

глаза.

- Красиво, красиво! - сказал он и улыбнулся своей самой красивой улыбкой. - Вы играете чудесно, моя дорогая. - Я гордился своей дочерью. Не только как музыкант; как человек, когда я думал о работе, которую имел с Сильвией много лет назад… — Чудесно. - Наконец встал и поднялся в свою комнату. Открыв шкаф, достал коробку с фруктами засахаренный и съел несколько вишен, персик и три абрикоса. Герберт имел обращенный к своей студии и к незаконченной картине ” Европа и Америка ноги матери Индии”. Пол достал из кармана рогатку, положил камень и он указал на дятла, который бежал, как мышь, по стволу дуба другая сторона поляны. “Черт!“воскликнул он, увидев, как птица улетает, невредимый. Но следующий выстрел был счастливее. Был взрыв перьев порхая, два или три писка. Бросившись туда, пол нашел зяблика женщина упала на траву. На перьях была кровь. С своего рода волнением полный отвращения, пол взял маленькое тело. Как было жарко! Была первой однажды он что-то убил. Какой идеальный выстрел! Но не было человека кто-то, с кем он мог бы поговорить об этом. Сильвия не служила: это было почти хуже, чем мать в отношении некоторых вещей. С упавшей веткой он открыл яму и похоронил маленький труп, боясь, что кто-то может найти его и узнать, как он был убит. Они были бы в ярости, если бы знаете! Он пошел на обед чрезвычайно доволен собой. Но его лицо сморщилось, когда он посмотрел на стол.

- Только эта холодная, плохая еда?

- Пол, Пол, — сказал отец в порицательном тоне.

- Где мама?

- Она сегодня не будет есть, - ответил Герберт.

- Даже тогда она могла бы потрудиться что-то сделать. горячо для нас, - тихо проворчал пол.

Тем временем Сильвия сидела, не отрывая глаз от своей тарелки картофельный салат, ест в тишине.

Работы Олдоса Хаксли по голубой библиотеке

Дивный новый мир Избранные сказки Контрапункт Демоны Лаудуна Бесполезные листья Гений и богиня Остров

Обезьяна и сущность Мокша

Двери восприятия Рай и ад Нет глаз в Газе Человеческая ситуация Время должно остановиться Также лебедь умирает

Лу. Шекспир, Как Вам Это Понравится. (Н. Т.)

Лу.Cob: невысокая, крепкая порода лошадей. (Н. Т.)

Лу. По-английски: “Hoary Tory, oh! Иуда! Убей пчелиный дом”. (Н. Т.)

Лу. Буря, Шекспир, акт 1, сцена 2. (Н. Т.)

Лу. О правлении четырех поколений королей по имени Джордж, которые они правили Англией с конца восемнадцатого века до конца девятнадцатого века. (Н. Т.)

[6] . Он знает себя. (Н. Т.)

Лу. Низкая Церковь: внутреннее обозначение англиканской церкви, относящееся к приверженцам англиканство, которое в восемнадцатом веке выступало в целом за позицию евангелический в пуританской манере в отличие от понятия авторитета институциональная церковь, которую поддерживает высокая церковь. Широкая Церковь: позиция посредник между защитой Англиканской высокой церкви и евангелизацией низкой Церковь, широкая Церковь выступает за терпимость между несколькими формами соблюдение церковной власти. (Н. Т.)

Лу. Относится к Джорджу Мередиту, английскому поэту и писателю, автору прозы афористические элементы и тонкая точность. (Н. Т.)

Лу. Баночка: маленькая баночка для мазей. (Н. Т.)

ЛЛУ. Нард: тип бальзама. (Н. Т.)

ЛЛУ. Abistradas: окрашены Бистром, смесью клея и сажи, используемой в живопись. (Н. Т.)

ЛЛУ. Микенский: относительно цивилизации, существовавшей в

Греции, на Крите, в Азии Меньше и т. д., 1500-1100 гг. до н. э. (N. T.)

ЛЛУ. Квинконций(или Квинконс): посадка деревьев в форме пледа, по одному в каждом углу и по одному в центре. (H. T.)

ЛЛУ. “Источник божества”, или Бог, согласно ученым-тринитаристам (которые они понимают по фигуре отца). (H. T.)

ЛЛУ. Колокол Tom Tower в Оксфорде. (H. T.)

ЛЛУ. “В похвале Томаса / я делаю звук Бим-добросовестно.”(H. T.)

ЛЛУ. Приапу, греческому богу плодородия, поклонялись в основном в сельской местности, будучи защитником скота, сельскохозяйственных культур и мужских гениталий. Иногда это было фигурировал с козлиными лапами, ассимилировался с фигурой сатиров. Его образ был размещается в садах и садах. (H. T.)

ЛЛУ. Пастух, которого любила Селена (богиня Диана в Латинской мифологии), которая появляется как Синтия (Луна) в более чем одной литературной версии мифа. О Эндимион существует знаменитая повествовательная поэма Джона Китса, романтического автора

английский. (H. T.)

1-22], ссылка на Приапа (ср. 1-22). Примечание 3, стр. 78) (N. T.)

I22J. Фрэнсис Куорлз (1592-1644), английский поэт и автор книги эмблем перефразируя отрывки из Священных Писаний на метафорическом языке, эмблемы (1635), довольно популярный в свое время. (H. T.)

I2u. Роберт дьябл, опера в пяти действиях Джакомо Мейербера. (H. T.)

I22j. стихи Мустафы, трагедия елизаветинской эпохи Фулька Гревилля (1554-1668). (H. T.)

I22j. епископ Вильгельм Оккамский, великий английский мыслитель Средневековья. (H. T.) I2Ü. “Прихоть природы”,

выражение, обозначающее бельмо на глазу. (Н. Т.) I22J. в оригинале выделяется эффект парных рифм. (Н. Т.)

122], кокни: собственно из хорошо известного диалекта района на крайнем востоке Лондон. (Н. Т.)

122], Бюхерс эттомбо, Теофиль Готье (1811-1872). (Н. Т.)

122], английский комик (1869-1954). (Н. Т.)

122], “отвлечение на аренду”, холст сэра Дэвида Уилки, шотландского художника века XIX (1815); Фанни Кембл, признанная актриса английского театра, сыграла роль Белвидера в трагедии Томаса Отуэя “Венеция сохранена”. Хотя века XVII, пьеса имела успех на английской сцене в 1830-х годах. (N. T)

222]. Козел, на чьей голове древние евреи исповедовали грехи народа в День искупления. (Н. Т.)

I2U ” There lives more faith in honest doubt, believe me, than in half the кридс. Упомянутый отрывок принадлежит лорду Альфреду Теннисону, поэту-лауреату (1850-1892) в вопросе. Поэт-лауреат королевского дома отвечает за написание стихов для общественных мероприятий. (Н. Т.)

122]. Лондонский универмаг. (Н. Т.)

I22J . То есть “мое сердце отрыгнуло”” (Н. Т.)

I2Ü. Эндрю Марвелл, “Его Хозяйке Кой”.

[35],

Рассказ французского поэта Фрэнсиса Жаммеса, опубликованный в 1899 году. Перевод бразильский Марио Кинтана, in o albergue das dores (Biblioteca Azul, 2014, 2-издание). (Н. Т.)

122]. Строго запрещено. (Н. Т.)

22Z]. Славный геолог. (Н. Т.)

122]. Сексуальная жизнь. (Н. Т.)

122], длинное романтическое стихотворение Альфреда де Виньи, начальные строки которого

цитируется ниже. (Н. Т.)

142]. Относится к стилю архитектора эпохи Возрождения Андреа Палладио. (Н. Т.)

I4U. ссылка на Вандервогель, народное движение немецкой молодежи, чье идея заключалась в том, чтобы избежать условностей общественной жизни и жить в природе и свободе. (Н. Т.)

142], “экстаз”. (Н. Т.)

I44J. ” они принадлежат владельцу. Не нравится, украл мою книгу, больше не хочу трогать, я хочу вернуться домой, приходите быстро, Гвидо.”(Н. Т.)

144], сокращение от verbum sapienti, sat est - для мудрого слово достаточный. (Н. Т.)

I42J. Мари Стоупс, английский боец за права женщин и Пионер этой идеи контроль над рождаемостью. (Н. Т.)

Iá2. “And all our yesterdays have lighted fools the way to dusty death “…]”, Макбет (Акт 5, Сцена 5, 22-23). (Н. Т.)

IÍ3. Mallarmé, L ‘ après-midi d’un faune. (Н. Т.)

142]. Вид дерева. (Н. Т.)

1^2]. Растиньяк: персонаж, созданный Бальзаком, присутствует в нескольких романах из Человеческая комедия. Кивает относится к концу Отец Горио (Н. Т.)

J^2]. Ссылка на басню Эзопа, согласно которой из гор рождаются (Parturiunt montes) крысы, обозначающие меньший результат действий, завернутых в преувеличение. (Н. Т.)

J-2U. ссылка на оду Горация III-30 (Exegi monumentum aere perennius), в котором рекламируется строительство “памятника” - работы - ” самой вечнозеленой чем бронза”. (Н. Т.)

122], Posthoc ergopropter hoc: “после этого, вскоре из-за этого”. Обман логика, относящаяся к ложной идентичности между отношениями достижения и причинности. (Н. Т.)

144], Луки, 18: 16. “Но Иисус призвал к себе детей и сказал:” Позвольте мне прийти и не останавливайте их, ибо Царство

Божие есть у тех, кто они похожи на них."(Н. Т.)

144], относящийся к семье актеров из романа Чарльза Николаса Никльби Диккенс. (Н. Т.)

Джон Филип Кембл (1757-1823), знаменитый английский актер.

142], Сара Сиддонс (1755-1831), также известная актриса и сестра Дж. за ее выступление в роли Леди Макбет.

I2Z]. Канадская порода собак, напоминающая Ньюфаундленд и обладающая большой силой,

используется как вьючное животное. (Н. Т.)

1 - ^J. Гора в Швейцарских Альпах. Здесь упоминается Франкенштейн, действие которого происходит в Швейцарии, иногда с такой горой в качестве декорации. (Н. Т.)